

Вадим Фадин
Снег для продажи на юге

Вадим Фадин

Снег для
продажи
на юге

Р
О
М
А
Н

Вадим Фадин

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Вадим Фадин

Снег для продажи на юге

Р
О
М
А
Н

Геннадий Колосович — друг семьи.
Та самая книга, которую мы с Вами презентовали
на non-fiction в прошлом году.

Ваз Зорун

15/XI 2011

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф15

Фадин В.

Ф15 Снег для продажи на юге / Вадим Фадин. — СПб. : Алетейя, 2010. — 336 с. — (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).
ISBN 978-5-91419-289-8

Действие романа «Снег для продажи на юге» происходит на ракетном полигоне в 60-е годы. Его герои — первые испытатели-ракетчики — молодые, только что окончившие вузы, инженеры, фанатики своей романтической мужской работы. Попав из тёплых московских домов в жёсткие условия полигона, они не замечали трудностей быта, но стихийно уже начинали противиться косным правилам существующей системы. И всё-таки главным в жизни этих одержимых юношей оказалась любовь...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91419-289-8

© Вадим Фадин, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

От автора

Книгу, нуждающуюся в пояснениях, нужно переписывать заново. Предисловия годятся для другого: например, к «Снегу для продажи на юге» – для оправдания не сюжета, а медлительности автора, из-за которой рукопись пролежала в столе едва не четверть века.

Ещё молодой стихотворец, я в начале 60-х не оставлял службы, связанной с долгими командировками; дома я проводил времени меньше, нежели на ракетном полигоне. Рассказывать об этой стороне своей деятельности было строго запрещено, и мне приходилось выдумывать легенды – бесполезные, оттого что каждый непосвящённый всё-таки мог приблизительно представить себе, чем может заниматься выпускник авиационного института, то вдруг исчезавший без следа, то не вовремя щеголявший в Москве азиатским загаром. Кое о чём догадывался даже такой несведущий в железе человек, как поэт Павел Антокольский. Догадывался – и удивлялся: «Ты знаешь то, чего не знает никакой другой писатель на свете – почему же не пишешь об этом?» Я только разводил руками, потому что хотя и пробовал – *об этом*, но такие стихи не хотели слагаться; я и по сей день убеждён, что техника и поэзия – несовместны. Мэтр, однако, всё повторял свой вопрос, так что мне и самому становилось неловко перед собою: в самом деле, отчего же – знаю, а не пишу? И если не я, то кто? Уступая, я решил обратиться к прозе и, начав писать всего лишь рассказ, через пару лет поставил точку – в романе.

На беду, опубликовать его я долго не решался: действие книги происходило на секретном полигоне, и неясно было, не запрещено ли для оглашения даже и сама тема. Роман всё лежал в столе, и я только время от времени возвращался к нему, постепенно изымая опасные подробности, а заодно и отделывая слог. Только спустя годы мне показалось, что настало время пойти с ним по редакциям.

Одно почтенное московское издательство отнеслось было к «Снегу для продажи...» благосклонно, однако радоваться было рано: мне поставили условие, я знал – невыполнимое: опубликовать в толстом журнале хотя бы одну главу из романа, то есть,

пройдя там цензуру, создать прецедент. Ради неизвестного автора редакторы не собирались ложиться на амбразуру; теперь, оглядываясь в недобрые времена, я понимаю, что такая жертва была бы напрасной: секреты секретами, но у меня, говоря словами Андрея Синявского, с советской властью были, кроме прочих, ещё и стилистические разногласия. Я всё же пытался что-то возразить, зря доказывая, что если в тексте и мелькает военная техника, то безнадежно устаревшая: шёл восемьдесят четвёртый год, а мои герои жили на деньги, существовавшие до денежной реформы – шестьдесят первого; военные тайны за двадцать с лишком лет должны были б обесцениться так же, как и старые рубли. В ответ на такие доводы редактор ткнул пальцем в случайно подвернувшееся слово «бетонка».

– Ну и что? – не понял я. – Заверните в любую деревню, и бетонкой окажется дорога от правления колхоза до коровника.

– Э, нет! Для любого цензора это – бетонная дорога стратегического назначения, и вы его не переубедите.

– Если уж ракету можно назвать в книге ракетой, то кусок шоссе?..

– Не ищите тут логики, а представьте, что всё это доказываете не вы мне, в дружеской беседе, а я – цензору.

В толстые журналы я тогда вхож не был, и рукопись осталась ждать лучшей поры.

Когда ещё через двадцать лет я встретился с этим редактором – он пригласил меня на презентацию своего романа, тоже, кстати, невозможного при былой власти, – вдруг оказалось, что он помнит ту сцену в издательстве всю до последнего слова – до «бетонки».

Я подумал, что мне нужно вернуться к старой рукописи. И когда наконец это сделал, то увидел, что копыя стоило тогда ломать совсем не из-за недолговечных тайн. Ведь сохраняется только, как писал Владимир Даль, сознание о былом.

*Берлин
Июнь 2009 г.*

Глава I

Глава угла

В месте, где шоссе изгибалось, чтобы по мосту перевалить через идущую рядом железную дорогу, от него, продолжая прежнее направление и затем подымаясь на холм, отходил просёлок, за близким переломом которого виднелись крыши деревни, а дальше, по разрыву в планах, отдалявшему лес, и по особой прозрачности воздуха угадывалась большая вода. Перестав на вершине холма вертеть педали и распрямившись, Аратов оглядел местность – огромный старый сад на склоне, огороды под насыпью и у первых домов – пожарный колокол, о котором он не преминул подумать: вечевой. Деревня, лежавшая в пыльной зелени, была безлюдна, только далеко впереди спускалась к реке девушка с собакой. Из-за неприметной одежды – ковбойки с закатанными рукавами и серой юбки – и сама она выглядела серенькой, неприметной, и если Аратов, проезжая мимо, оглянулся, то не на неё, но на собаку, а когда, притормозив, чтобы разглядеть получше, всё же скользнул взглядом по лицу хозяйки, оно тоже показалось заурядным. Невзначай он отметил, что девушка, должно быть, не из местных, дачница, но подумал так опять же из-за пса, в котором чувствовалась порода – не чистая, скорее всего, потому что при всех чертах доберман-пинчера он был жёлтой, присущей разве что боксёру, масти. Тут уже было не обойтись без вопроса, и хозяйка твёрдо и с некоторой обидою ответила: «Доберман – и с хорошей родословной». Игорь горячо возразил, словно ему лучше было знать, и, спохватившись, ждал в ответ на свою неучтивость презрительной мины и пожатия плечами, но девушка заговорила неожиданно приветливо, и он смог расспрашивать о собаке и дальше, выясняя её необыкновенные качества.

Игорь в собаках понимал, и беседа мало-помалу стала доставлять ему удовольствие.

Разговаривая, они подошли к воде, и Аратов прислонил велосипед к дереву. Отстегнув поводок, девушка попыталась загнать пса в реку, но тот не слушался, и ей пришлось, оглянувшись и поискав

на земле, бросить в воду палку. Аратов поразился, как она это сделала: мальчишеским точным движением.

– Апорт! – скомандовала она низким чистым голосом.

Собака шумно, неуклюже запрыгала по мелководью – с берега казалось, что спина её при этом изгибается дугой, – и вдруг, потеряв дно, поплыла беззвучно и легко, подняв голову и будто не видя палки, но направляясь точно на неё.

– Что же, вы сами – не собираетесь купаться? – поинтересовался Аратов.

– С ним вместе нельзя: утонит. Подплывает и хватается руками.

Он улыбнулся, но девушка, кажется, говорила серьезно.

Пёс тем временем захватил поноску, хлебнув при этом воды, и теперь, в движении к берегу, кашлял, не разжимая челюстей.

– Дай, Азор! – потребовала девушка, когда тот, отряхнувшись на берегу, остановился в отдалении, не желая расставаться с игрушкой. – Дай сейчас же! Дай! Дай!

Азор повиновался с неохотой, обиженно глядя на хозяйку, но стоило ей размахнуться снова, как его глаза загорелись. Для броска девушка подошла в самой кромке, и Аратов, оставшись сзади, увидел, какие у неё детские, не оформившиеся ноги; до сих пор она так мало интересовала его, что он даже не сказал бы сколько ей лет, пятнадцать или все двадцать пять – так и не всмотрелся в лицо, да и неловко было бы разглядывать её, стоя рядом, и только теперь, когда она сама повернулась к нему, впервые встретился с нею взглядом. Глаза у неё были цвета свежего мёда – таких он не видывал до сих пор.

«Интересно, – подумал он, – где ещё сегодня проявится эта желтизна?»

Когда, предоставив наконец Азору самому заниматься вытащенной из воды палкой, девушка предложила Аратову искупаться вместе, он только развел руками:

– Не рассчитывал попасть на пляж. Костюм, видите, не к случаю.

– Вот беда. Тогда подождите меня, хорошо? Азор развлечёт вас, поговорите с ним.

Похоже было, что она и сейчас не шутит, и Аратов понимал её.

– А роза упала на лапу Азора, – вспомнилось ему.

– Он и вправду тот самый Азор, – обрадовалась девушка. – С месяц, наверно, рос безымянным, откликался на «собачку» или

«песика». Не хотелось называть как попало – не Джеком же! А потом вспомнился «Золотой ключик».

«Фет, вообще-то», – подумал Аратов.

Она сбросила туфли, расстегнула ковбойку и уже потянула «молнию» на юбке, как вдруг замешкалась, подумав, наверно, что не может раздеться при незнакомом ей человеке: теперь, когда никого не было на берегу, они словно находились в одной комнате. Улыбнувшись, Игорь отошёл к воде.

Девушка пробежала мимо, обрызгав и победно оглянувшись – лишь на миг повернула к нему лицо – и тут он внезапно содрогнулся, поразившись своей недавней слепоте. «До чего же хороша!» – изумился он, тотчас едва не застонав от внезапного укола ревности – подумав, что совсем скоро, завтра, она, повзрослев, поймёт себе цену и тогда к ней уже нельзя станет вот так, запросто, подойти на улице и разговориться, она попросту не заметит его – одного из свиты поклонников.

– Завтра – Иван Купала, – объявила она, выходя на берег. – Ночью папоротник расцветёт. Мне бабушка говорила.

– У вас, выходит, впереди бессонная ночь?

– Да он тут не растёт, – рассмеялась девушка, отбиваясь от ласкающей собаки.

– А в Латвии этот день – особенный праздник: Янов день, Лиго. В деревнях выкатывают бочки с пивом, жгут костры, и парни с девушками прыгают через огонь.

– Вы это видели?

– Хотел бы. В этом году, как видите, опоздал. Потом, когда-нибудь, но – непременно, ведь Рига – это единственное место, куда я когда-либо выезжал – если не считать эвакуации, которой я не помню. Меня, конечно, тянет туда снова – проверить детские впечатления. Тогда мне только исполнилось десять лет – что я понимал? Лиго тут ни при чём, я о нём лишь недавно прочёл в книжках – при мне его, быть может, вообще не отмечали: ну какие праздники в сорок шестом году? Нет, для меня главным было – увидеть море. Представляете, что это значило для московского мальчишки?

Отца Игоря в первый послевоенный год назначили в небольшой городок под Ригой. Жить там было в то время небезопасно, и семью он не взял, разрешив приехать лишь на летние каникулы. Мальчик надолго запомнил эту поездку – долгий ход поезда,

воронки вдоль полотна, чёрные остовы вагонов, обгоревшие деревья и где-то на полпути – целый посёлок из землянок рядом с уничтоженным настоящим городом. Это было интересно и страшно, и казалось, что и впереди земля также выжжена, опустошена – настроенный так, мальчик почти не нашёл разрушений в Риге. Дома, которые он видел, стояли как ни в чём не бывало, народ на улицах будто бы ничем не отличался от московского, и всё же Игорь чувствовал что-то необычное в пейзаже: он словно смотрел иностранную кинохронику. Первым кадром показали привокзальную площадь, вдоль тротуаров которой выстроились пролётки извозчиков; единственный автомобиль – «виллис» отца – выглядел тут странно. Машин вообще мало было в городе, он сразу обратил на это внимание, а на шоссе и подавно не попала ни одна, лишь голубой милицейский мотоцикл сиротливо стоял на выезде. Дом, где предстояло провести лето, располагался напротив комендатуры, и часовые, автоматчики в касках, казалось, постоянно смотрели в его окна. Отсюда было два шага до моря, и, мальчик, конечно, упросил отца первым делом выйти на берег. День выдался солнечным, и море встретило контрастами красок: ослепительно белый песок, тёмно-синяя вода, украшенная белыми барашками.

– А я ещё нигде не была, – пожаловалась девушка, – только в деревне у бабушки, да и то с родителями, это не в счёт. Так хочется увидеть море! Или горы, пустыню – всё равно. А папа считает, что лучший отдых – на даче. Никак не дождусь, когда можно станет поступать по-своему.

– Этого нельзя дожидаться.

– Вот, вырасту большая.

– Куда уж больше, – не поддержав шутки, проговорил Аратов; рост её был не маленький. – Кстати, где вы растёте... простите... учиться?

– Поступаю на филфак: проучилась год в «цветмете» и поняла, что быть инженеркой – не по мне.

– Однако диапазон! – воскликнул Аратов, в том одном согласный с нею, что красивым женщинам не пристало заниматься техникой. – Но вы сами себя наказали: будь у вас свободное лето, спокойно отправились бы в свою пустыню.

– Не так это просто.

– Собрали бы ребят со своего курса – и в путь.

Его однокурсники так и делали не раз, но собственного опыта у Аратова не было: до сих пор даже и такие путешествия были ему не по карману, и в свои каникулы он обычно устраивался вожатым в подмосковный пионерский лагерь.

– У нас ребята неинтересные, – махнула рукой девушка. – Да меня и не отпустили бы. Родители считают, мне нянька нужна.

– Бедный ребёнок.

– А сейчас мама следит, чтобы я занималась, не разгибаясь. Сюда вот отпустила на четверть часа... Можно время посмотреть?

Девушка взяла его за руку, чтобы взглянуть на часы, и он замер.

– Сколько же мы с вами болтаем!

Он считал, что – мало, потому что ничего не узнал о ней. Пустой разговор, не сблизивший их, не мог иметь продолжения.

– Мне пора, – сказала она полувопросительно, как будто он волен был задержать.

– Я провожу, – тоже полувопросительно сказал Аратов.

– В другой раз. Вы ведь тоже здесь на даче? Я вас не встречала.

– Нет, заехал случайно. Из Москвы. Катался.

– На этой штуке? В такую даль?

– У меня выходной, отгул, вот и решил поразмяться. А даль... Не так давно я довольно серьёзно занимался спортом, был гонщиком, и на каждой тренировке наезжал километров по сто пятьдесят, по двести.

– Ну, если это для вас разминка, приезжайте ещё, найдёте меня у речки. Только не раньше, чем через неделю. У нас лодка, лыжи – покатаемся.

– Ловлю на слове.

В том, что он больше не приедет, Аратов не сомневался: бессмысленно тащиться за полсотни километров в расчёте на случайную встречу – и так твёрдо решил не приезжать, что само собою получалось, будто они больше не встретятся нигде и никогда, и оттого не спросил ни имени девушки, ни московского адреса. Только уже распрощавшись, он мимолётно пожалел об этом, но, выехав на шоссе, стал думать совсем о другом.

* * *

Первое рабочее лето пролетело незаметно. Он словно всё ждал, что вот-вот кончится весна и наконец можно будет поплавать и позагорать, но, оглядевшись однажды окрест, увидел, что

день убавился и листья пожелтели. Не слишком огорчившись этим, потому что всё равно ещё не заработал отпуска, Аратов лишь удивился быстрому ходу времени.

Смена сезонов принесла ему серьёзные изменения: в первый день сентября он должен был, окончив стажировку на опытном заводе, выйти на новую работу. Теперь больше не нужно было вставать в половине шестого, что за несколько месяцев изнурило его, ложившегося по-студенчески поздно, но в долгожданное утро, начиная с которого можно было позволять себе лишний час сна, он проснулся ровно в то же время, что и накануне. Поняв, что не заснёт больше, Аратов решил не задерживаться зря дома, а, выйдя тотчас, не спеша прогуляться, пойдя со станции кружным путём, через лес и вдоль речки, благо погода стояла солнечная, может быть – бабье лето (не понимая в народном календаре, он считал, что так называют всякие осенние дни, когда тепло и летает паутина).

Электричка шла по живописным пригородам, но и щедрые в этом году яблоневые сады, и чистое свечение воды в прудах, и пёстрая раскраска роц – всё это были ежедневные картины, на которых сегодня было трудно сосредоточиться. Он скучно думал о том, что потерял время, прозябая на работе, где от него не было да и, казалось ему, не могло быть толку, и что при таком начале неизвестно, чего теперь ждать дальше. Ступив же наконец на платформу и уже собираясь свернуть к лесу, он, поприветствовав издали бывших попутчиков, торопившихся к заводскому автобусу, внезапно решил, что лучше не отставать от них и в последний раз зайти в свой цех.

Он посмеялся над словом «свой» и, нарочно настраиваясь на ностальгический лад, судовольствием припомнил, как волновался, идя в цех впервые и не зная, что ждёт его там. Тогда, миновав ворота, Аратов оказался перед ловушкой из ширм, охраняющих помещение от взгляда снаружи, и замешкался было перед этим лабиринтом, стараясь не выдать незнания пути, но, оглянувшись и увидев за спиной крутую, как корабельный трап, чугунную лестницу, спасся бегством на антресоли – теперь-то он знал, что не мог бы придумать лучшей позиции, чтобы сразу оглядеть всё. Вместо ожидаемой перспективы конвейера взгляду открылся зал, в пространстве которого терялись лежащие на тележках три алюминиевых цилиндра – ракеты, – соединённые провода-

ми с пультами у стен, где работали несколько человек в белых халатах. В дальнем углу стояли ещё десятка полтора пустых тележек. Игору и прежде – в институтском ангаре и во время практики – приходилось видеть зенитные ракеты, и он всё удивлялся расточительности своего времени, позволившего сбивать чужие самолёты не девятиграммовым кусочком свинца, как удавалось раньше, а чуть ли не вторым таким же самолётом, только начинённым взрывчаткой; для населения эта техника была не то что в диковинку, но и вообще неизвестна: полагалось думать, будто всю противовоздушную оборону держит артиллерия, и причастность к тайне нового оружия тогда приятно щекотала самолюбие Аратова. Тем же снарядам, что лежали в цехе, даже и он, теперь – специалист, отвёл бы место лишь в фантастических романах: им назначено было перехватывать не самолёты, а боеголовки.

Сегодня ему хотелось прийти в цех в новом своём качестве, словно выпускнику – в расквитавшуюся с ним школу. Какая-то ступенька осталась позади, и было приятно сознавать, что ступаешь на неё в последний раз – без необходимости, а по прихоти.

В электричках, читая либо предаваясь ясным утренним мыслям, он всегда словно ещё оставался в Москве и дома, но, едва сев на станционной площади в служебный автобус, тотчас начинал чувствовать себя так, как если бы турникет проходной уже щёлкнул за спиной и возврат во внешний мир стал невозможен до вечера. Аратов был счастливо несведущ в том, что волновало попутчиков, и они давно оставили попытки вовлечь его в общие беседы. Они и сегодня лишь ответили на его приветствие, зато появление следующего пассажира вызвало оживление.

– А вот и «Спартак» идет!

– Привет побеждённым! – сияя, ответил тот, поднимаясь в салон. – Тоже мне игроки – дворовая команда. Не забить пенальти!

– Раз в жизни простительно, – ответили с заднего сиденья. – Зато ваши-то, ваши – мазилы известные.

– Главное, играть надо уметь.

– Нет, это ведь только Петрович помог вчера своим, – не унимались в заднем ряду. – Личное участие играет большое значение. Где сидел-то – на западной?

– На востоке, – нехотя ответил Петрович.

– Значит, солнышко хорошо тебя освещало. «Спартак» радовался: вон Петрович сидит, свой человек.

– Спорт без зрителя – ноль, – солидно поддержал водитель, складывая свою газету. – Не пора ли, ребята, трогаться?

– Погоди, ещё одного «динамовца» нету, – сказали ему.

Огорчаясь привычным собственным молчанием, Аратов, конечно, нашёл бы, о чём поговорить с попутчиками – но не о футболе же. «Сколько толковых мыслей загублено этой болтовней!» – не раз говорил он своему другу, даже и не один футбол имея в виду, но и всякий спорт: в нём Игорь считал достойным быть лишь участником или беспристрастным зрителем, но только не вести о состязаниях не кончающихся ничем разговоров, – и одно время, недолго, и в самом деле – участвовал: ещё в школе записавшись в велосипедную секцию, делал такие успехи, что тренер только и ждал следующего лета, когда возраст позволил бы Аратову выступить в дальней гонке: значок мастера был бы обеспечен. Для него, самого, однако, важнее было другое и, готовясь к поступлению в институт, он бросил тренировки. Теперь ему оставалось лишь кататься в одиночку по загородным дорогам, скучая по азарту гонок и нуждаясь если не в соперниках, то в очевидцах побед. Ни тех, ни других не сыскать было на шоссе, и Аратов пробавлялся малым, изредка позволяя себе пустое озорство: дожидался перед крутым подъёмом случайного велосипедиста и, делая вид, что изрядно старается, позволял тому обогнать себя; его обычно награждали ликующим восклицанием типа: «А ещё на «гончем!» Поотстав метров на сто, Игорь, поднимаясь с седла, начинал рывок. Велосипед раскачивался под ним в такт движениям ног, и он упивался этим ритмическим движением, сожалея только об отсутствии музыки: думал, что хорошо бы идти так под джаз. Аратов мог даже позабыть, зачем вдруг понёсся, очертя голову – ощущение свободного владения системой мускулов и колёс было прекрасно само по себе. Но одного момента он не упускал никогда: пусть и без необходимости, коротким «Эй!» потребовать дорогу, когда обессилевшая жертва спешивалась на подъёме, не подозревая преследования. Это могло бы заинтересовать соседей по автобусу, но в своё время Аратов выбрал себе здесь роль не рассказчика, а слушателя.

Теперь и подавно поздно было напоминать о своём спортивном прошлом, потому что с завтрашнего утра нужно было ездить уже другим рейсом, с другими людьми, с инженерами из КБ, и до-

рожных бесед естественно было ждать – других. Размышляя об этом, он так ушел в себя, что не отозвался на оклик и обернулся лишь когда его тронули за плечо.

– Витя! – пробормотал он. – Что это ты – не своей дорогою? Да ночевал ли ты дома?

– Всё в порядке, старый, – засмеялся тот.

– Но если – дома, то как раз и не в порядке.

– Всего лишь бегал на рынок. Но ты-то герой: спит на ходу, а на работу ползёт на час раньше. Постой, да ты – забыл? Забыл, где теперь работаешь!

– Представь, не перевёл будильник. Больше того, и сам по привычке проснулся за минуту до звонка. А раз так, придумал зайти напоследок к вам в гости.

– К «вам»! – возмутился Виктор.

Приятелями они были недавними. Студенты разных вузов, они на преддипломной практике оставались каждый среди своих сокурсников, и только попав вдвоём на стажировку в сборочный цех, там, среди чужих, встретились словно старые друзья. Держась вместе, они всё ж не сошлись близко, как могли бы: Аратова совсем не тянуло к Вите Ярошу, видимо, далёкому от него во всём, – больше того, он едва ли не стеснялся того на людях, думая, что по товарищу станут судить и о нём самом. При первой встрече он, глядя на круглое румяное, словно нарочно подрумяненное Витино лицо, подумал: клоун, Петрушка. Тот был, кажется, весельчаком, балагуром, и Аратов определил: шут.

Обязанности в цехе у них были совсем разные. Ярош работал помощником мастера и, оказавшись вполне при деле, чувствовал себя как рыба в воде, зато Аратов, назначенный технологом, никому не был нужен. Выдержать срок бессмысленной для него стажировки казалось ему невозможным, и он хлопотал о скором переводе на постоянное место в конструкторское бюро: склонял на свою сторону невысоких начальников (а к высоким не мог попасть) и наконец написал заявление, под которым, просто за компанию, не веря в успех и понимая, что рано или поздно всё кончится и без их усилий, подписался и Ярош. Ко всеобщему удивлению, переход был разрешён: Аратову – немедленно, Ярошу – после того, как найдётся замена.

Они переходили вместе, в один отдел, что было простой случайностью. Другие студенты стремились после защиты

дипломного проекта попасть на работу к расчётчикам – например, аэродинамикам или баллистикам, – и Аратов был заодно с ними, пока не узнал о существовании службы лётных испытаний, а узнав, тотчас загорелся желанием работать именно там: в самом деле, будь он инженером в обычной авиации, ему, конечно, захотелось бы летать самому, но и тут участие в пусках казалось ему как раз сродни полётам. Его только смущала необходимость снова, как и на заводе, иметь дело с металлом, работая по чужим чертежам и выкладкам. Всё решилось, однако, просто. Сестра Яроша была техником в этой самой службе, и Виктор, уже сведущий, популярно изложил приятелю структуру, основой которой было деление испытателей на «гайку» и «линейку», то есть на тех, кто готовит ракеты к полётам, и тех, кто анализирует результаты пусков – «теоретиков». Последнее, пожалуй, было тем, чего искал Аратов, и он не стал слушать предостережений коллег, пугавших его убожеством командировочного быта и долгими отлучками из дома; ни то, ни другое пока не трогало его, несведущего, оттого что «испытатель ракет» – это звучало заманчиво.

Советоваться дома он из предосторожности не стал.

Ярошу, кажется, безразлично было, где работать, но он хотел быть поближе к сестре.

– Не в одной столице живут люди, – бодро отговаривался Аратов, для которого дикость незнакомых мест, которую он, наверно, преувеличивал, и причастность к испытаниям редкостного оружия предвещали романтические приключения. Слыша, как ополитгоне говорили: «точка», он, понимая почти буквально, представлял так: «Значит, живут там десятка два солдат, а кругом – голая степь. Вот где, видимо, вдоволь будет свободного времени – читай, сколько влезет. Не то, что в нашей суете. Нет, мне легко будет уехать».

Тем легче казалось оставить дом, что он одинок был.

Не только из-за недостатка денег, но ещё из-за привычного незнания того, кто бы мог в этот раз составить ему пару (впрочем, то и другое было связано), Аратов позволял себе городские удовольствия куда реже, чем мог или хотел бы, то есть почти и не позволял. В этом году, например, он лишь однажды попал в концертный зал – как раз накануне знаменательного дня перемены работы – и даже спутница нашлась, но это вышло случайно.

Прежде, школьником, он и один ходил в концерты – не джазовые, как на сей раз, а классической музыки, к какой тогда страстен не был; любовь к ней пыталась привить Игорю тётка, воспитывавшая его после смерти родителей. Лилия Владимировна преподавала в музыкальной школе и когда подошёл срок, взялась, конечно, за обучение племянника, нужными способностями, правда, не блиставшего, но встретилась с таким сопротивлением, что через пару лет уступила, упростив задачу до минимума: научиться если не играть, то хотя бы слушать. Она упорно отправляла Игоря в консерваторию, а то и водила вместе со своим классом; много позже (но не теперь ещё) Аратов понял, что тётка заботилась не только о его просвещении, а приучала к приличной, как она говорила, среде. Позже Аратов до всего дошел сам, уже рвался и слушать, и смотреть, но ходить в концерты теперь ему часто бывало либо некогда, либо не с кем (а последнее обстоятельство стало очень важным), и он ждал: «Вот, окончу вуз – наверстаю». Перед глазами был пример друга, художника Прохорова, которому как раз не нужно было навёрстывать, и, подражая и нагоняя, он всё строил недалёкие планы, какие нельзя было осуществить без постоянной спутницы – потому, хотя бы, что всегда хотелось с кем-нибудь немедленно делиться впечатлениями.

Олечка Вербицкая, с которой он вчера был на джазе, вовсе не считала Игоря единственным своим кавалером, о чём в своё время честно поставила его в известность; отношения их, выросших в одном дворе, скрепляла давность знакомства. Он тоже не питал к Олечке особо нежных чувств (хотя они частенько обострялись от благодарности или тоски), и встречи их случались нерегулярно: ему звонки были запрещены, и обычно Оля сама вдруг вспоминала о соседке и вызывала к себе, причём ею заведено было так, что после всего им следовало чувствовать себя свободными. У такого положения имелись понятные преимущества, и Аратов иногда не прочь был похвастаться перед собой этой свободой, однако чаще признавался себе, что как раз ею и тяготится, желая связанности если не любовью, то хотя бы ревностью женщины..

На Олечке свет клином не сошёлся, и Аратов, понимая это даже в периоды наибольшего к ней расположения, всё ждал какой-то новой встречи. Где-то близко наверняка жила единственная, ему предназначенная, девушка, и он иной раз и в толпе будто бы угадывал тех, кто непременно стал бы ему милым другом,

сойдись они ближе; в том, что это не имело последствий, он и сам бывал виноват, когда для дальнейшего развития событий ему следовало поступиться гордостью, пойдя на разговор с Лилией Владимировной, какого та не предвидела, и какой ему самому казался невозможным. В итоге Игорю уже не раз приходилось отказываться от весьма желанных знакомств – по банальной и горестной причине, из-за отсутствия денег, которых он не мог попросить у тётки хотя бы потому, что та потребовала бы полного отчёта – нет, не в тратах, а в поступках и намерениях, – и могла вмешаться при необходимости.

Ему же иной раз хотелось просто сходить с девушкой в кино – не с невестой, как тотчас решила бы тётка, а с любой знакомой, на которую вовсе не имел видов, – но и это было непросто сделать: даже имея билеты, он не был бы готов к иным сюрпризам вроде конфет в буфете. Он был едва ли не самым безденежным студентом в группе, оттого что Лилия Владимировна не понимала его скромной нужды в некоторой независимости – считала, что как только Игорю понадобятся деньги, он попросит – и получит, конечно; ему же, как он убеждал себя, легче было подождать, пока не начнёт зарабатывать сам. Он заставлял себя не забывать, как попросил однажды. Случай был исключительный: тётка достала ему два билета в филиал Большого на «Фауста». Пригласив девушку, с которой давно мечтал познакомиться поближе, Аратов попросил у Лилии Владимировны немного денег. С некоторым недоумением, которое она, впрочем, попыталась скрыть, тётка протянула десятку – в обрез на программку и мороженое. Игорь, не видя в том дурного, сказал, что этого может не хватить – и получил четвертной билет, но прочёл при этом на лице Лилии Владимировны такое возмущение своей распущенностью и жадностью, что поклялся более не брать у неё – и впредь отказывался даже от трёшки на завтрак.

Девушку, с которой он слушал «Фауста», Игорь больше никуда не приглашал.

Аратов понимал, что на самом деле тётка не скупа, и он страдает лишь от своеобразия её взглядов на воспитание, но от этого было не легче. Подрабатывать, как другие студенты, Игорь не мог, зная, что и тут не обойдётся без серьёзных осложнений, «Игожевы не поймут», – говорил он себе, называя, как обычно, если речь шла о них вместе, Лилию Владимировну и бабушку по

фамилии. Несколько раз он всё же выходил на работу вместе с товарищами – разгружал арбузы и снимался в массовке, – но ему стоило чрезмерных трудов сохранить это в тайне.

Теперь, когда безденежье кончилось, образ его жизни должен был измениться. Аратов строил и строил планы, которые все в конце концов сводились к странствиям: он, ещё не определив для себя понятия свободы, не мог представить, чего же ещё был лишен до сих пор. С уходом из цеха оказалось, что путешествия стали не просто возможны, но и неизбежны, и первое предстояло – на полигон.

* * *

– К вам в гости, – с наслаждением повторил он. – В ваш цех.

– В мой, – подтвердил Ярош. – Быстро ты перестроился.

– Хочу посмотреть, как ты повезёшь изделие на опрессовку.

– Издевайся, издевайся, только я неплохо чувствую себя на старом месте. Если б не ты, я ещё посидел бы. Но твои детские фантазии не понимаю – с утра идти кланяться родному заводу! С Зоей ты уже договорился – что же ещё нужно человеку?

– Чёрт тебя тянул за язык – сосватать такую дурацкую прогулку. Это же бред – с Зоей!

– Тебя, старый, не убудет, а кадр – в порядке.

Замечание Виктора значило, что девушка из их цеха, с которой они накануне болтали в заводской столовой, на его вкус хороша собою. Аратов не возразил, оттого что иной раз и сам поглядывал на неё с интересом, но всё больше – издали, любуясь лишь её богатой фигурой, но уже не замечая странной несимметрии глаз, из-за которой смотреть ей в лицо бывало неловко. Заводить с нею близкое знакомство ему не хотелось, но тут, оказавшись рядом в очереди, он невольно втянулся в затеянную Виктором болтовню – невинную, но закончившуюся тем, что Ярош, непонятно к чему, но только не к слову, вдруг ляпнул, что Игорю не худо было бы пригласить эту их общую знакомую прогуляться где-нибудь на прощание. Аратову пришлось срочно объяснять, почему – на прощание, пытаясь обратить всё в шутку, чтобы и в самом деле не назначать встречи. Слово, однако, было сказано, и Зоя продолжила:

– Разве что в лес за речкой, по грибы? Не в парк же.

– Отчего ж не по ягоды? – ухмыльнулся Аратов, но никто больше не улыбнулся, и он, уже смутившись, пообещал: – Созвонимся как-нибудь.

Девушка недовольно надула губки.

– Не понимаю, что ты теряешься, – сказал сегодня Ярош, но Аратов промолчал: не объяснять же было, что он ищет нечто особенное – идеал, до которого далеко Зое, – не описывать же сам идеал, да и мысли его в первое утро новой жизни были о другом, и себя он представлял лишь в единственной ипостаси, робея перед словом «испытатель».

Сейчас разговор с Виктором отбил охоту заходить в цех, но и к долгому пути вдоль речки было уже не вернуться, раз уж автобус довёз его до проходной. Не зная, как убить освободившееся время, он побрёл на своё новое место, понимая вместе с тем, что его столь раннее появление коллеги непременно объяснят мальчишеским волнением – и не преминут подковырнуть.

Комната испытателей была – зал в два света, однообразие стен которого нарушалось только портретом Хрущёва и картой Союза с красным флажком на месте полигона. У одного из окон гляделась в зеркальце девушка. Он прежде встречал её на территории и приметил, и теперь порадовался, что им придётся работать вместе. Девушка смотрела на него изучающе, и Аратов смешался, вдруг поняв, каким она его видит: длинный, худой мальчик, зыбко переминающийся на пороге.

– Так это вы и есть новенький? Векшин говорил о вас.

– Хорошо, что вы назвали, а то фамилия выскочила из головы. Значит, Векшин? Как на экзамене: забыл, что учил вчера.

– Волнуетесь? – улыбнулась девушка.

Улыбка у неё вышла тихая, мягкая; некрасивое лицо её вообще хорошо было мягкостью и черт, и тонов: волосы были светло-русые, а глаза – серые.

– Он у вас кто – начальник бригады?

– Временный – до тех пор, пока настоящий (того зовут Вилен, Вилен Ерышев), пока тот не вернется из экспедиции или пока Векшин и сам не улетит. У нас вечно все замещают друг друга. Сейчас в Москве вообще только он да я.

Она сказала: «В Москве», – словно при взгляде из того далека, где все они так подолгу жили, пригороды сливались со столицей в одно естественное целое.

– С Виленом, – продолжала она, – вы познакомитесь, может быть, только в командировке или даже не познакомитесь никогда: один будет там, другой – здесь, потом наоборот, другой – там,

этак и жизнь пройдёт. А вот уж с кем не миновать свести знакомство – это со своим начальником группы: с Петей Еленским.

– Тут еще и группы...

– Каждая, – продолжила она свою не слишком занимательную лекцию, которой Аратов между тем внимал с интересом, – каждая ведёт своё изделие: одна – «двадцатку», вторая – «Е-7», по нашему – «семёрку». И в каждой – по полтора человека.

– Я просился... договорился – на «седьмую», – сообщил Аратов; именно из-за неё, первой в мире антиракеты, он поступил на работу в конструкторское бюро Саверина, расположенное за городом, хотя выпуск этого года целиком распределили в Москве, и он легко мог бы найти себе место поближе к дому.

– Тогда, значит, вместе будем, у Пети. А вот и нынешний грозный начальник.

Не сторонник определять характеры по фамилиям, Аратов между тем был уверен, что тот, кого называли Векшиным, непременно должен быть крупным, шумным мужчиной с мясистым носом, короткими пальцами, красной кожей и обширной лысиной, но угадал только в отношении лысины: молодой человек, вошедший в комнату, был среднего роста, остронос и худощав, и голос его звучал тихо. Отнеся на свой стол металлический чемоданчик и тонкие, большого формата, альбомы, он вернулся пожать руку новичку.

– Честно говоря, вы явились не вовремя, – сказал он к смятению Аратова. – Я слышал, вы идёте к «семёрочникам», а я постоянно занимаюсь другим изделием и не в состоянии как следует ввести вас в курс.

– Можно ведь пока и по вашей теме поработать, – пробормотал Аратов.

– Пока? Нет уж, если начнёте – не отпущу, – засмеялся Векшин, моргая так часто, будто белёдые ресницы мешали ему смотреть. – Люди у нас на вес золота. Нету людей.

– На другую ракету я не соглашусь. Как быть, решайте сами, я не знаю, как тут у вас организовано. Вот полигон как-то представляю...

– Там нажимают кнопки и делают ба-бах? Ну, пусть. Давайте-ка, чтобы вы освоились побыстрее, я свалю на вас переписку по вашей любимой теме. А пока заканчивайте с формальностями: представьтесь в первом отделе, заведите рабочую тетрадь, чемодан.

– Фаина проводит вас и вообще покажет, где что лежит, – продолжал Векшин. – Я сам до обеда времени не выкрою: надо письма подписывать, выйти на связь с полигоном...

– И в командировке так? – спросил Аратов, поскуцневший от слова «переписка».

– Там свои прелести: пыль, жарница. Недаром же «пыльные» платят: вам – денежку, от вас – здоровье.

– Не пугай его, Федот, – сказала Фаина.

– Вы, конечно, рвётесь туда неудержимо.

– Для того и пришёл, – обиженно сказал Аратов. – Кто бы на моём месте не рвался?

– Ну, вкусы у людей разные. В общем, сами увидите. Я-то езжу охотно: там работа живее, вплотную занимаешься анализом. А обязанности?.. Подумай и скажи – все дела.

– Так-таки сидеть и думать? – засмеялся Аратов, представив, как за всеми пустующими сейчас столами сидят, каждый – в позе роденовского мыслителя, лысые мужчины в пиджаках и галстуках.

– Ничего другого не нужно. Что бы ни стряслось на борту, ваше дело это объяснить: выявить причину и сказать, что нужно сделать, чтобы отказ не повторился. Видите, я принес книжки с графиками? Это всё, что остаётся от наших изделий. Вот вы и будете глядеть на такие картинки и гадать, что они означают.

Его прервал телефонный звонок.

– Федот – к Караулову, – позвала Фаина.

– Кто это – Караулов?

– Разве вы не знаете? – удивился Векшин. – Я думал, это он принимал вас. Начальник отдела и зам Б.Д. по испытаниям.

Здесь, как и во многих КБ, сотрудники между собой называли главного конструктора по инициалам.

– Я говорил с таким высоким, с лауреатской медалью.

– Это Астапов, – пояснил Векшин. – Коротко, чтобы ясна была субординация: Астапов, через «а» (а-эс-тапов), он же Фомич, – зам Караулова и начальник бригады, готовящей нашу «двадцатую». А вашими гаечниками командует Лобода. Такое звучное имя – Руслан Васильевич Лобода. Об остальных вам подробнее и в лицах расскажет Фаина...

– Но я и этих не запомню сразу!

– ...расскажет Фаина, а я, видите, бегу. Ему, Фая, понадобится служебная записка в первый отдел – будь умницей, отпечатай слова и подпиши у начальства.

Заперев альбомы в сейф и захватив чемоданчик, он скрылся.

– Что ж, – сказала Фаина, – коли уж велено, расскажу последние наши сплетни.

– Можно и не самые свежие. Я весь внимание.

* * *

Кто-то приезжал, кто-то уезжал, и Аратову временами казалось, что только Фаина, Векшин да он сам и есть постоянный состав, а те, что появлялись на несколько дней – гости либо новички. В действительности же прибавился лишь один новичок, Ярош, на добрый месяц отставший с переходом от Аратова, но его-то как раз знали многие – из-за сестры и потому, что он жил неподалёку, в заводском доме. Вообще, в этом маленьком городке половина жителей знали друг друга лучше, чем Аратов – своих соседей но подъезду. Он поначалу посмеивался: «Тут пройдёшься под руку – и женись», – и когда вдруг ему самому пришлось показаться на улице со здешней девушкой, только о том ему и пришлось думать, как бы их не увидели; это тем более обидно было бы, что он не ждал ничего хорошего от свидания, которым был обязан неуместной шутке Виктора. Он и не думал звонить Зое или заходить к ней в цех, но она сама при новой случайной встрече на заводском дворе напомнила об уговоре, и тогда уже пришлось назначать и время, и место. Они и впрямь, хотя и к вечеру, собрались по грибы. Совершенно ясно было, чем закончится эта прогулка, и ему только оставалось надеяться, что её повторения не последует; Аратов не был избалован приключениями, но это – обещало быть скучным.

Он повёл девушку к станции тихой окольной улочкою, подальше от посторонних глаз, и всё же встретил знакомого: единственный попавшийся на пути прохожий оказался слесарем-сборщиком из их цеха. Зато Зою эта встреча, по-видимому, не обеспокоила – Аратову, значит, и подавно можно было бы не волноваться, но ему ещё и потому, помимо естественной осторожности или деликатности, важно было, чтобы их не видели, что он стеснялся своего нынешнего выбора.

Совсем не такую он представлял половину своей пары.

Его школьные годы прошли во времена раздельного обучения, когда общение с девочками было нарочно затруднено до абсурда, отчего занимало умы старшеклассников сверх меры; много позже, спустя десятилетия, он наконец понял, что именно раздельное обучение приучило его сверстников боготворить женщин – недоступных существ из другого мира, чуть ли не из небесных сфер. Аратов, росший среди учениц Лилии Владимировны, которая часто переносила уроки на дом, привык вдобавок и к тому, что все девочки, о кем он общался, оказывались, в его восприятии, выше него ещё и на ступень своих музыкальных способностей. Книжки, с какими он дружил, тоже подтверждали естественность взгляда на женщин снизу вверх, и когда другие смотрели при нём не так, а сверху или свысока, это казалось диким, словно или мужчина преступал закон, или объект был – не женщина; такое стало встречаться чаще, когда после мужской школы он попал в мир, где женщин было – половина.

По окончании школы знакомства с девушками будто бы перестали казаться невозможными, но сложившийся за годы мечтаний идеал подруги оставался недосыгаемым даже если в дни особенного одиночества придуманная планка сама собою опускалась всё ниже.

Зою, хотя она (если простить ей отчаянное косоглазие) была совсем не уродкою, он не выбрал бы и в минуты обострения тоски, представляя, какое уныние могут они нагнать друг на друга, но дело решилось без него. Предлог годился любой, так что Игорь согласился и на грибную охоту, хотя даже и для виду не захватил корзинку: наивно было бы рассчитывать на трофеи сухой осенью да ещё и под вечер. Зоя тоже пришла с пустыми руками, и оба даже не обменялись по этому поводу шутками – не по грибы же они в самом деле собрались, – а просто пошли куда глаза глядят, тем более, что ближайший лес был виден в конце улицы; Аратов не выбирал направления, а просто следовал за Зоей, местной жительницей. Лес, однако, словно горизонт в поговорке, отодвигался по мере приближения к нему, и Аратов посетовал на свой глазомер: по пустому пространству они прошли уже изрядно, так что, оглянувшись, не увидели последних городских зданий, а до опушки оставалось ещё порядочно. Девушка неожиданно свернула на какую-то косую тропинку, уводя в сторону, так что путь ещё удлинился, но всё же не стал бесконечным, и в конце концов

они оказались перед неожиданным на краю леса рубленным домиком с заколоченными окнами и с открытой террасой на дальней, невидимой с тропы стороне; там за сплошными перилами стояла садовая скамейка, и Зоя сказала: «Здесь и отдохнём», – таким тоном, словно эта жёсткая лавка и была целью их прогулки. Впрочем, видимо, как раз и была, судя по решительности, с какой девушка расположилась на ней, потянув за собой Игоря. Ему не пришлось выдумывать предисловий: они сели так тесно, что он чуть ли не вынужден был поскорее обнять её, чтобы сохранить равновесие, а там и кофточка расстегнулась ещё прежде пробного поцелуя. Затем, правда, всё застопорилось: он обнаружил, что девушка запакована будто бы сверх нормы.

– Сегодня нельзя, – запретила она, и Аратов искренне удивился:

– Зачем же ты выбрала такой день?

– Как будто с тобой легко сговориться, – справедливо заметила она, одновременно расстёгнув ему брюки и сообщив: – Я так возьму.

В определённом смысле так было даже удобнее: всё, о чём ему потом осталось беспокоиться, это как сохранить свидание в тайне – задача, быть может, и невыполнимая, оттого что наверняка их видел не один тот слесарь, – и Аратов ждал, что в понедельник ему станут понимающе улыбаться при встрече.

Он думал, что в первую очередь в курсе здешних событий должна быть Фаина – и ошибался, не зная, что она живёт в деревне, далеко от работы и от местных сплетен.

Расписание электричек было таково, что Фаина приходила утром или минута в минуту, рискуя опоздать, или чуть ли не за полчаса до звонка. В понедельник, хотя Аратов пришел рано, она уже сидела на месте, выдвинув ящик стола со всевозможными флаконами, пузырьками и баночками, и полировала ногти.

– Ну и как? – спросила она, внимательно глядя на Аратова. Он восхищенно подумал: «Уже знает?» – и, ненужно выигрывая время, переспросил:

– Что – как?

– Ты собирался в кино.

– Ах, это! Позабыл уже. Нет, я не пошёл, я по грибы ходил, тогда же.

– Грибы давно прошли. Да ещё – на ночь глядя?.. Жаль, я вовремя не расспросила. А нынче ты что-то рано, я маникюр не успела сделать.

- Ты для меня делаешь? Польщён и счастлив.
- Красивый лак? – она протянула руку.
- Пальцы красивые, – вырвалось у Аратова, и он покраснел.
- Всё моё достояние.

Скрипнула дверь, и Ярош, не войдя ещё, а только заглядывая в комнату, уточнил:

- Достояние народа, – и, переждав смех, добавил с некоторой грустью: – Хохот без причины... Нет, я ничего не сказал. Впрочем, привет, орлы.

- Ты и со мной здороваешься? – уточнила девушка. – Тогда здравствуй, голубь.

- Он и есть. Почтовый. Я весточку принес.

Весточкой был вызов Аратова в очередной кабинет – сразу после работы. Фаина открыла было рот, чтобы немедленно объяснить, с кем и зачем придётся ему беседовать, как с порога раздались: «Фаинушка!» – и к ней грузно двинулся кто-то сияющий.

- Сан Димыч, дорогой, – замахала она руками, – у меня лак сохнет.

- Ну уж в щёчку-то можно? Не удержусь.

- Игорь, это Шурик Гапонов, – представила Фаина, но Аратов и сам понял, кто стоит перед ним. Он уже знал от Фаины, что Гапонов старше его на три года, толков, холост, лыс («Тоже!» – подумал тогда Аратов, бросая взгляд на Векшина), имеет должность старшего инженера и оклад – тысяча шестьсот; сведения, однако, оказались неточными: прежде всего тот вовсе не был лыс, как колесо, а носил изрядный венчик русских волос, главным же несоответствием было то, что Аратов ожидал увидеть невысокого толстяка в очках, а не здоровенного детину в модном, дорогой ткани, костюме, на который немедленно обратила внимание Фаина:

- Скажешь, свободно купил?

- Сшил.

- Когда ты успеваешь? Можно подумать, что занимаешься этим в экспедиции. Ну, как вы там жили?

- Отлично, Фая. Как ещё можно жить на полигоне?

Он говорил ровным басом, какой, возможно, один только и соответствовал той степени удовлетворённости жизнью или собою, какая угадывалась в нём.

Пожимая руки, Гапонов обошёл всех – и всё же у Аратова осталось впечатление, что тот не заметил его присутствия в комнате.

Векшину пришлось повторить вслед за Фаиной, с нажимом: вот, у вас новичок.

– Кандидат в новички, – поправил Гапонов. – Его ещё надо отвезти на площадку и учинить пропуск – тогда и станет новеньким. Здесь-то не прописался ещё?

– Любителей ждал, – сухо ответил Аратов.

Гапонов хмыкнул:

– Ну, ладно, ладно. Я рад: для нас каждый человек – подарок. У наших, кого ни возьми, голубая мечта – завести себе сменщика. Сейчас вот Петя Еленский остался в экспедиции один за всех, так и ноябрьские проведёт в одиночку. Ты ведь знаешь, Фая, теперь новая мода: вывозить на праздники всех до единого. У нас свой самолёт будет раз в неделю.

– Посмотрим ещё, что будет, – пожалала плечами Фаина.

Другие сотрудники, с которыми успел познакомиться Аратов, казалось, были довольны кочевой жизнью, во всяком случае, не хулили её вслух, и лишь одна Фаина всё повторяла, что с удовольствием сидела бы дома. Аратов пропускал её слова мимо ушей, не понимая, почему бы в таком случае и в самом деле не отказываться от командировок; к тому же, вероятно, не всё плохое для девушки было плохим и для него; из своего небольшого опыта он успел вывести, что мнений на свете существует больше, чем людей, и чужие оценки часто лишь обостряли у него желание взглянуть своими глазами; здесь же он пока одни лишь готовые мнения и выслушивал: рассказчики словно сговорились не описывать реалий. Задай он конкретные вопросы, ему бы ответили – и подробно, – но таковых ещё не возникало у Аратова, потому что знать, о чём спросить, значит наполовину уже представлять; представления же его были скудны и оригинальны. Думая о близких теперь поездках, он пытался вообразить доступное там зрению и, как он считал, знакомое уже сейчас – степной пейзаж и вид стартовой позиции. Степь виделась ему покрытой густой и высокой, по пояс, травой, а стартовая площадка – огороженным проволокой участком размером шагов этак сто на сто, на котором размещаются пусковая установка и, буграми, несколько блиндажей. Коллеги, однако, в разговорах между собою то и дело произносили «гостиница», а «блиндаж» – никогда, и Аратов дорисовал свою картинку, разместив в углу квадрата четырёхэтажный дом из красного кирпича.

Условия там, видимо, были сносные, если кто-то по своей воле оставался в экспедиции на праздники.

– Петя один как перст, – объяснил Гапонов. – Зато у него видимо-невидимо приятелей среди офицеров. А вообще, это редкий случае, что мы сейчас сидели с ним вместе. Обычно мы меняемся, один тут, другой – в Москве, но сегодня, как-никак – первый пуск.

– Я так на него рвался, – подсадовал Аратов.

– Э, сколько их ещё впереди... Да первого, в сущности, и не было, мы провели – бросковый: пустили болванку, макет второй ступени, только чтобы проверить сход с пусковой. Тут и анализа-то практически не потребовалось. После праздника стрельнём по-настоящему, вот тогда и навалимся на расчёты всем миром.

Стрельнуть по-настоящему – тоже было не то, чего ожидал Аратов, считавший, что всякий пуск есть стрельба по какой-нибудь мишени, теперь же выходило, что такими бывают лишь самые последние, в присутствии высоких комиссий, испытания, до которых надо ещё дожить.

– Вас что же, двое пришло? – вопросительно посмотрел на Яроша Гапонов.

Фаина запоздало объяснила:

– Это Витя Ярош. Его взял к себе Федот.

– Федот, Федот, под себя гребёт. Ракеты ещё нет, а он людей набирает. Так вы, что, из одного вуза? Друзья детства?

– Из одного цеха всего лишь, – сказал Аратов. – А институты кончали разные.

– Рабочий класс, гегемон! Только погодите, погодите: на дворе ноябрь, а стажировка до сих пор кончалась в марте. Вы, должно быть, кашу какую заварили на производстве?

Ярош с восторгом воскликнул:

– Слово в слово! Точно то же спросил Караулов: «Что-то вы, хлопцы, вдруг все побежали с завода? Вы, часом, кашу какую-нибудь не заварили?»

– И что же оказалось?

– Слушайте дальше. Он ещё спросил, не склочник ли я, и оказалось, – Виктор обернулся к Гапонову, – что нет, не склочник. Спрашивает дальше: «Пьете?» Ничего себе, думаю, анкета, я ж и сам не знаю, пью или нет, это уж у кого какие мерки.

– Ты, разумеется, сказал, что мама не разрешает.

– Я сказал, что не понял вопроса. Он уточняет: «Умеете?» – причем опять таким тоном, что не определить, шутит человек или серьезно. Мне первый вариант выгоднее, я и пошутил в ответ: мол, если в интересах дела, то не подведу, наливайте. Ну, на это он велел не рассчитывать.

– Молодец Караулов, – похвалила Фаина. – Не экзамен же устраивать, в самом деле.

– Ты, значит, хотел, – не унимался Гапонов, – чтобы тебе официально пообещали дармовой спиртик?

– Знаешь, если мне захочется выпить, то уж двадцать восемь семьдесят я как-нибудь заработаю.

– И что ты на них купишь на полигоне?

– Нет, всё-таки молодец Караулов, – повторила Фаина.

– Да чем же он теперь молодец? Ну, сочинил анекдот... Впрочем, ребята, если шутки в сторону, то это единственный толковый зам у нашего главного. Тот сильных заместителей не терпит, да только вот испытания – другое дело. Сам он на полигоне почти не бывает, и ему нужен там хозяин. А Караулов технику знает, с военными ладит, людей бережёт.

– Кстати, о военных, – вспомнил Аратов. – Мне померещилось или я в самом деле видел Астапова в форме?

– Не померещилось, он у нас полковник. И Караулов полковник.

– Но мы-то – штатские, надеюсь?

– К счастью, да. Ну а раз ты уже готов задать следующий вопрос, то я сразу отвечу, откуда что взялось. Ты слышал, конечно, что раньше на фирме работали одни заключённые?

Об этом он наслышался во время преддипломной практики в конструкторском отделе; ему показывали: вот этот ходил на работу под конвоем, и этот, и этот – начальники бригад, отделов, ведущие инженеры. «Вот этот, – и Аратову, поражённому, казалось, уже сверх меры, назвали фамилию заместителя директора завода, – ими командовал, то есть, может быть, так же, как и теперь, заведовал производством, но и это ещё не всё, потому что Хайретдинов, нынешний главный контролёр, служил в конвое и, говорят, сам морды бил, а уж как потом выкрутился – Бог знает».

– Не одни только, – слабо возразил он теперь.

– Оставь же своё занудство, – с досадой отмахнулся Гапонов. – Надеюсь, мне не придётся объяснять разницу между арестантом

и конвоиром? Так вот, тогдашнее начальство сплошь состояло из военных, так что даже часовому на вышке, издали, было видно, кто есть кто. После пятьдесят третьего «шарашку», сам видишь, закрыли, конвой разогнали, погоны снимали, чтобы как раз издали не отличить было – оставив их, в виде исключения, для руководства нашей службы, чтобы оно лучше чувствовало себя на полигоне: со штатским начальником отдела любой майор может держать себя запанибрата, зато перед полковником обязан стать во фрунт.

– Так что же, все наши...

– Только Фомич и Караулов, «старички». На новорождённое начальство правило не распространяется.

* * *

До конца дня Фаина всё ж улучила минуту, чтоб наставить Аратова – своеобразно, совсем не коснувшись сути, зато описав внешность назначившего встречу – в таких словах:

– Солидный, в кожаной куртке, со звездой Героя.

– Откуда здесь Герой?

– Он лётчик, отставной подполковник, а теперь работает у нас диспетчером. У нас почти все диспетчеры – из военных лётчиков. Они рано выходят на пенсию – вот и устраиваются у нас: тут авиация, не авиация, но всё же не чужое дело.

У человека со звездю Героя Игорь получил крохотный бланк, на котором прочёл с неприятным недоумением: «Начальнику п/я № 110 от... В случае моей смерти прошу сумму... выплатить», – дальше шла табличка, в клеточках которой следовало проставить имена и цифры.

– Кажется, я пока не собираюсь... – пробормотал Аратов, пытается вернуть бумажку.

– А кто собирается? Никто не собирается, а страховка, однако, обязательна: мало ли что... Впрочем, для вас, теоретиков, это пустая формальность.

– Пустая, а приятного мало. И, кстати, много ль в случае чего заплатят? Может быть, есть смысл постараться? Обеспечить детишек?

– А у вас что – семеро по лавкам? Двадцать пять тысяч.

– Как раз на «Москвича», – перевел на понятный язык Аратов; сам себя он ценил выше.

- Посмотрим, на сколько вы застрахуетесь обычным способом.

- Я, правда, и никаким не хотел. Впрочем, что ж, спасибо за внимание.

Поначалу он заполнил табличку, не задумываясь, нужно ли делить сумму: всё, целиком – Лилии Владимировне. «Не хватало еще, чтобы бабушка получала за меня деньги, – подумал он. – В сберкассе стояла бы в очереди!» И тут же попросил второй бланк, переиначив свою мысль: «Не хватало ещё, чтобы они спорили из-за доли». Тем не менее происходящее оставалось для него игрой, в которой всегда можно вернуться к началу: как и все в юности, он не думал, что может умереть, и нынешняя страховка лишь обозначила некоторую исключительность его положения; ему не хотелось бы обсуждать это с сотрудниками, но те, к его удивлению, не прокомментировали событие, и только Гапонов, узнав, куда ходил Аратов, сказал с непонятным удовольствием:

- Не зря, не зря нам денежки платят. Я, например, как тридцать полётов наберу – баста, посылайте в командировку поездом.

- Отчего ж и теперь нельзя поездом? – спросил Аратов,

- Бухгалтерия не оплатит. Фирма арендует самолёт – не летать же ему пустым. Да так, честно говоря, и удобнее: со станции придётся разве что пешком добираться, да не дойдёшь, а попутка то ли будет, то ли нет. А на аэродроме, как-никак, встречают. Под белы ручки да в гостиницу. Никаких хлопот, отлично! Ты, кстати, о прописке не забудь, не то тебе это долго потом не простят.

- О чём? – переспросил Аратов; уже предупреждённый Фаиной, он хотел уточнить подробности у человека более заинтересованного и от природы сведущего – у мужчины.

- Ну, ну, не прикидывайся младенцем. Вообще-то, надо бы выпустить «Свод традиций испытателей» – и пусть новички держат экзамен по заповедям и обрядам. Итак, «Свод традиций», параграф первый: приезжающий на полигон, независимо от пола, звания и социального происхождения, обязан прописаться на жительство не позднее вечера первого по прибытии дня. Это, правда, и без слов должно быть понятно даже стажёру: без флакона в приличный дом не являются. Примечание к параграфу: привозить водку – это не очень красиво, потому что достать спиртику для нас не проблема, зато все, кто живёт здесь, скучают по вкусенькому – и принято привозить, конечно, коньячок.

Параграф второй – о форме одежды. Ты прилетишь – там лютая зима будет, градусов тридцать, без снега, но с ветром, с пылью, так что одевайся потеплее да попроще, новых вещей не бери. У нас, можно сказать, особый шик – ходить в рваных штанах.

– Что за удовольствие?

– Подрастёшь – поймёшь. Расслабиться – это отлично.

– Или опуститься.

– Ну, это как смотреть. Однако советом не брезгуй.

Увидевшись вечером с Прохоровым, Игорь поторопился сообщить новость:

– Сегодня написал завещание.

Они сидели в брезентовом балагане шведского цирка на набережной. Прохоров пришёл с подругой, и Аратову пришлось выбирать время, когда та не могла б его услышать.

– Обыкновенное, – отвечая на вопрос Прохорова, продолжил он. – «В случае моей смерти прошу сумму в двадцать пять тысяч выплатить тому-то».

– Другьям? – хохотнул Прохоров. – Но откуда такие деньги?

– Фирма платит страховку. Видно, не доверяют Аэрофлоту.

– Срочно найди себе вдову, – посоветовал друг.

– Думаешь, что теперь, с наследством, это станет легче?

– Тебе не кажется, что сумма великовата? Мы тут ёрничаем, а дело, видимо, серьёзное.

– Но я и не собираюсь летать взад-вперёд всю жизнь. Наберусь опыта и уйду в науку. Ты же знаешь мои планы. Но сейчас я должен видеть сам, как всё это происходит.

– Сейчас тебя не остановишь, юный романтик.

– Да как же не использовать возможность? – воскликнул Аратов, и на него зашикали. – Ведь всегда хочется видеть всё и своими глазами. Кому, как не тебе, понять это?

«Другие бы всё отдали, – подумал он, – только бы одним глазом взглянуть, как летают ракеты. В кино этого не показывают. Потом век себе не простишь, если упустишь случай».

– Я и понимаю, но только для себя, – прошептал Прохоров.

– Смотреть и видеть – условие профессии, и я не взвешиваю, для чего да какой ценой. Но ты в том прав, что в жизни должно быть всё, нужно только выбрать разумную степень риска.

– Риск и разум несовместимы, – живо и снова громко заявил Аратов..

- Мальчики, на вас оглядываются. Мы пришли сюда не для споров.

- Для чего же? – засмеялся Прохоров. – Для нас, Нина, это..,

- Смотри, Андрей: хула-хуп! – обрадованно вскричала она.

На арену выбежали три девушки в ярких бикини и, покачиваясь под музыку, принялись вращать на бёдрах обручи.

- Мило у них получается, – заметил Аратов, покрутив пальцем в воздухе.

- Это тебя тянет на импортное, – сказала Нина.

- Между прочим, – обращаясь к Прохорову, заметил Игорь, – в «Литературке» писали, и я поверил было, что хула-хуп – это непристойно.

- Отчего я заподозрил, что неприлично было бы пренебречь таким зрелищем, – улыбнулся Прохоров. – И не ошибся.

- Обычная гимнастика, – удивилась Нина. – Что они имели в виду?

- Что это за музыка, Андрей? Что-то знакомое.

- Одна из тех двух вещей Джорджии Гиббс, что записаны у меня, – ответил Прохоров.

- Ну конечно же! Но ты давно не проигрывал эту плёнку.

- Поехали ко мне, послушаем.

- Не поздно ли? – усомнился Аратов, указывая глазами на Нину.

- Я не стану работать сегодня. Работа после цирка – это цирк, а не работа.

- Тебе не захотелось написать этих девочек с обручами? Или это для тебя не сюжет? – спросил Аратов. – Три грации.

- Нельзя мыслить так одинаково. Это значит, что образ банален. Представь, я только что подумал: какая благодатная тема – три грации! Придать им угловатость, они же – дети ещё... Это, правда, всё тот же ребёнок на шаре, но ведь можно, можно!

- Дайте же посмотреть спокойно! – возмутилась Нина.

«Как нам вдвоём с Андреем было бы хорошо», – подумал Аратов, словно позабыв о том, что сам же и покупал билеты, привычно рассчитывая на троих – хотя и мелькнула озорная мысль покривить душой, купив два и сказав потом, что взял последние; он, конечно, проиграл бы, оттого что тогда не пошёл бы и Прохоров, которому важно было не посмотреть представление, а развлечь свою подружку. Игорь не одобрял его нынешний выбор: для него

самого Нина была девушкой словно бы из какой-то чужой, с иным языком и нравами, компании, и он только ждал, когда это увлечение пойдёт на убыль. Иногда ему становилось смешно: он словно искал корысти от распада этой пары, как если бы сам имел виды на Нину и ревновал; в действительности же ему, одинокому, просто лучше было бы, когда б и друг оказался в таком же, что он сам, положении.

Своего внезапного желания пойти в цирк Аратов не мог бы объяснить; он был в цирке, кажется, лишь однажды, в раннем детстве, до войны; от того посещения сохранилось смутное впечатление пестроты. Недавно воспоминание вдруг ожило, когда на улице ему случайно попались ярко раскрашенные грузовики с прицепами фургонами; следом вспомнилось уже другое, из других лет – строки:

*«В пятнадцать лет томленья по утрам,
До хруста выгнуть кости непременно;
Заезжий цирк, пристрастие к лошадям,
К солёным, потным запахам арены», –*

из поэмы, которую школьником, в те самые пятнадцать лет, всю знал наизусть, видя, конечно, в герое себя. Он тотчас затосковал по детству: слово «шапито» на борту машины подействовало, как та самая пылинка на карманном ноже.

Теперь, в зрелости, глаз стал ненужно острым и замечал грим, ненатуральность комплиментов и пот. Скучая, Аратов звал уйти, не дожидаясь даже антракта, и, кажется, уговорил спутников – и тогда вдруг заявил, что останется до конца:

– Уйдём – и вечер будет, как тысяча других. А в цирк мы больше никогда не попадём.

– Надоело, – отрезала Нина. – То так, то этак. Решили уходить, так пошли. Нечего было портить настроение,

– Вот так, брат, – развёл руками Андрей.

Он жил не слишком далеко, на бульваре, занимая комнату в общей квартире на верхнем, втором этаже старого дома, над сапожной мастерской. Входить нужно было не прямо с улицы, а в калитку, через крохотный дворик, на который, к счастью, пожалели асфальта.

– Позовём Наташу, – сказал Прохоров, постучав мимоходом в угловое окно.

В дверях моментально, словно она только и ждала этого стука, показалась девушка, высокая и худая – нескладная рядом с Ни-

ной, гордившейся своими формами. Все вместе они поднялись по тёмной, пахнувшей старым деревом лестнице.

За дни, что Аратов не заходил, тут прибавился портрет Наташи. Натянутый на подрамник холст был прислонён к стене в плохо освещённом углу, но Аратов, случайно проследив за Наташиным взглядом, подошёл и перевернул. Своё мнение нужно было высказать в первую очередь не автору, а модели, и он похвалил. Девушка вздохнула:

– Значит, и вправду – уродина.

– Чудачка, я же говорю: хорошо – не о том, как, я ведь не смыслю, ты знаешь, а о лице.

– Правильно. Если хвалишь, значит – похоже.

Подчеркнув Наташину некрасивость вкупе с остротой мальчишеских плеч, художник – неизвестно, нечаянно ли – обнажил одну её черту, которой прежде не замечал Аратов: нарисовал очень тонкую, трепетную женщину.

– Не включить ли музыку? – спросил Прохоров.

– То, – напомнил Игорь, – что слышали в цирке.

– В цирке? – переспросила Наташа. – Вы ходили?

– Тряхнули стариной, – посмеиваясь, ответил Прохоров. – Нас вдруг занесло в шведский цирк в парке культуры. Думали вспомнить детство, но лучшее, что нам показали, был хула-хуп под джаз.

– А я? – обиженно протянула Наташа.

– Честно говоря, – замылся Аратов, – я не думал, что это кому-нибудь интересно.

– Что говорить, если мы взяли последние билеты, – выручила Нина. – Можно было б, правда, оставить Андрея дома – пусть бы себе работал. Он и так выбрался с неохотой.

– С охотой туда ходят одни дети, – всё ещё чувствуя себя неловко, пробурчал Аратов.

– А я и есть ребёнок, – не унималась Наташа. – И ещё нахожу вкус в прекрасных зрелищах. Вы, взрослые, это утратили.

– Переросли, – поправил Аратов.

– Переросли и огрубели, – согласилась она. – В детстве я зачитывалась какой-то книжкой о цирке. Без конца перечитывала, а теперь не помню даже названия. Там мальчик был, Артёмка. А в самом цирке – какой-то деятель, Самарин, я даже запомнила его роль: то ли добрый человек, то ли эдакий карабас-барабас.

– Да, да, я помню, были две книги, – подхватил Прохоров. – «Артёмка в цирке» и «Волшебная шкатулка». У меня сохранились, кажется. Я поищу тебе.

– Не стоит: а вдруг разочаруюсь?

Взяв с полки, она медленно вращала в пальцах, разглядывая, деревянную фигурку – лениво потягивающуюся девушку.

– Правда у Наташки руки – прелесть? – спросила Нина, проследив за взглядом Игоря.

Вспомнив утренний разговор с Фаиной, он промолчал.

– С такими-то ногтями, – грустно проговорила Наташа, ставя фигурку на место. – Всё мечтаю переменить профессию, чтобы отрастить ногти. Нельзя же печатать – с длинными.

– Игорь дурачок: я бы влюбилась в тебя из-за одних только пальчиков.

– Андрей, Андрей, что ж ты не написал мои руки? Тогда не пришлось бы ставить холст в тёмный угол.

– Он говорил, что почти не пишет портреты... – начал Аратов, но Наташа перебила:

– Оставь, пожалуйста. Лучше расскажи про клоунов, каких вы сегодня видели.

– Лучшими клоунами были мы сами. С грустными и умными лицами, как положено.

– Слушай, Наталья, ты и в самом деле хочешь сменить работу? – спросила Нина. – Молодец, на одном месте много не высидишь. Какое, конечно, место... А то у нас в доме одна девочка выкинула номер: устроилась в «почтовый ящик», в военную приёмку. С одной стороны, понятно: кругом молодые офицеры, женихи – да что толку, если ради этого надо за гроши сидеть за колючей проволокой? Она оттуда и шагу ступить не может: ни в парикмахерскую выбежать, ни в магазин. А ведь до того работала в обувном отделе – и в почёте была, и деньги имела.

– Я вот тоже сажу, чудак, – пробормотал Аратов.

– Сравнил. Так бы всякий сидел.

– За «Москвича» – вдове, – проронил Прохоров.

Аратов предостерегающе посмотрел на него, но Наташа уже насторожилась:

– О чём вы?

– Старый пустой разговор, – махнул рукой Игорь.

– А я бы не могла так сидеть, – сказала Наташа. – Не потому, что – за гроши (гроши – это у меня сейчас), или что в галантерею не сбегать, а из-за дурацких этих расчётов, просчётов, железок, а теперь ещё и командировок в глушь, о которой и вслух сказать не смеешь, и в которой уж точно шагу в сторону не ступить.

– Что напрасно говорить? Дело сделано. Я жду этих поездов.

– Не слушай, я, наверно, от зависти так говорю. Просто у меня настроение дурное. А тут ещё и в цирк не взяли.

– Ты и в самом деле так обиделась? Вот не думал.

– Шучу, конечно, шучу. Я же не младенец. Человек имеет право похандрить, это бывает даже полезно, только жаль, что тогда приходится задевать других. Но вам-то я вечер не испорчу, скоро уйду: мне ещё заниматься.

Девушку удержали, и она ушла нескоро, а вместе с нею, хотя её и не нужно было провожать – Игорь («Если только вы не станете целоваться на лестнице», – шепнул Прохоров, но эта пара целоваться не собиралась: их отношения давно сложились иным образом).

* * *

Своих спутников он узнал в аэропорте издалека, так эта группа бросалась в глаза своей одеждой – унтами, сапогами, лётными тёплыми куртками и даже ватными солдатскими бушлатами, но только не туфлями и пальто, какие как раз и были на Аратове; даже Ярош, такой же новичок, как и он сам, явился в яловичных сапогах. Посторонние поглядывали в их сторону с интересом, гадая, что это за народ – не охотники, не военные...

– Всех задерживаешь, старый, – сказал Аратову Виктор. – Одного тебя ждём.

– Что, уже? – непонимающе уставился на часы Аратов. – Я думал, загодя приеду, вот – полчаса в запасе.

– В другой раз приезжай, всё-таки, за час-другой, – посоветовал Ярош. – Усердие незамеченным не останется: вспотел – покажись начальству.

– Сам-то когда приехал? – огрызнулся Аратов, раздражаясь шуткой товарища.

«Бездна остроумия, – подумал он. – Тяжко мне там будет без Андрея».

– Я! Мы все – на своём автобусе, от проходной. Шофёр спешил, ему ведь ещё назад пилить, а времени – полночь.

– Так мы летим или нет?

– Нет, конечно, – захохотал Ярош. – Рейс задерживается, так что брось чемодан в общую кучу, да пошли побродим, а ещё лучше – присмотрим пару кресел да соснём.

– Самолёт не прозеваем?

– Парни позовут.

Кресла, собранные в центре зала, все были заняты; та же картина открылась и на втором этаже, но Ярош брёл дальше и дальше, пока не остановился у дверей ресторана, на которые швейцар как раз вешал табличку «Перерыв».

– Вот уж как начнёт везти, так не остановится, – вздохнул Виктор. – Что делать, спустимся в буфет. Мы люди не гордые: нет хлеба – давай пироги.

И они встали в очередь к кофеварке.

– Для начала – по шампанскому? – предложил Ярош, оглядывая небогатый прилавок.

– Зачем?

Такой вопрос мог озадачить кого угодно: в подобной обстановке его не задавали.

– Ты даёшь! Как это зачем? Последняя возможность.

– Шампанское – на ходу? Не грех ли? А впрочем – возьмём.

– Вот это – по-нашему. А то я решил было, что с тобой каши не сварить.

– Из тебя тоже кашевар... А кстати, я на тебя в обиде: что ж ты не поддержал мой самоотвод на собрании? – вдруг вспомнил Игорь.

– Честно говоря, думал, что ты сопротивляешься для приличия.

– Серьёзное дело, а они устроили балаган. Лишь бы кого-нибудь выбрать.

– Благодарю своего Сан Димыча.

Речь шла о перевыборах комсомольского бюро, проходивших накануне отъезда. Аратов тогда удивился многочисленности собрания, представив, сколько же всего народу занято в отделе, если одна лишь молодёжь – и та с трудом уместилась в просторном зале; ему невдомёк было, что это и есть почти весь состав службы испытаний. Слушая выступления вполуха, Игорь оживился лишь при появлении на трибуне Гапонова. Тот, выходящий из организации по возрасту, произнёс нечто вроде прощальной речи и вдруг, посетовав, что на его памяти никто, кроме него

самого, не представлял в бюро бригаду анализа, предложил выбрать Аратова. Считая, что знает Димыча, Игорь заподозрил здесь дурную шутку – и, возможно, был прав. Но если тот и вздумал просто лишний раз порезвиться, то всё же не достиг желаемого: Игорю стало и не обидно, и не весело, а – скучно, хотя чего-то в этом роде – не шутки, а выделения из массы – он, оказалось, ждал с самого начала. И в школе, и в институте его тоже избирали в такие же бюро – и он не считал, что, согласившись, марает своё имя, оттого что не воспринимал комсомол как политическую организацию: в доступном взгляду пространстве тот себя с этой стороны будто бы не проявлял, а коли так, то и Аратов не горевал по поводу своих избраний. Неизменно получая на откуп сектор культуры, он принимался в своё удовольствие устраивать танцевальные вечера вместе с какими-нибудь сугубо женскими заведениями – и ничего больше; от него и не требовалось другого. Но и такая деятельность поднадоела ему за несколько лет, и теперь, ещё незнакомый почти никому, он надеялся остаться в стороне от юношеской суеты. Безвестность, однако, оказалась слабым доводом. Самоотвод Аратова оставили без внимания, но худшее было ещё впереди. Он думал, если уж на то пошло, и тут взяться за безобидную культмассовую работу, однако при распределении обязанностей его неожиданно выбрали секретарём – и напрасно было доказывать, что такой пост никак не должен занимать новичок.

После собрания Аратов ещё не видел Яроша.

– Тут не Димыча надо благодарить, – сказал он, – а Лободу.

– Как? Он-то как раз будто бы понял тебя.

– И оказал медвежью услугу: едва он заикнулся, что кандидатуру надо отвести как не согласованную с партбюро, так всё немедленно и решилось. Ребята не стерпели нажима и стали намертво. А кто-то просто погорлопанил в своё удовольствие.

– Руслан, наверно, забыл, как всё это делалось в его время.

– Так же и делалось. Не настолько он старше.

– Ладно, не горюй. Идёшь в гору, так радуйся. Тебе здесь жить да жить.

– Жить как раз лучше на равнине. А вот и виновник, – кивком указал Аратов на лениво бредущего к ним Гапонова, не сразу, впрочем, издали узнав того, одетого в нелепый солдатский бушлат с латунными пуговицами.

– В ателье шили-с? – поинтересовался Ярош, щупая рукав. – И почём, интересно, матерьяльчик брали? Вставайте к нам – обмоем.

– Квас да воды? – покачал головой Гапонов. – Отлично, отлично, только это не для меня. А вы побалуйте, побалуйте напоследок. Пирожных теперь долго не увидите.

– А знаете, где продают лучшие в Москве эклеры? – поделился Аратов. – В метро «Комсомольская».

– Этого не проверишь до весны.

– Что там с вылетом?

– Глухо. Жуйте шоколадки, не торопитесь.

«Ну зачем он подходил?» – подумал Игорь, огорчившись пренебрежительным тоном Гапонова; так, пожалуй, лишь иные взрослые во время своего разгульного пира обращались к малышам, балующимся петушками на палочках.

В буфете удалось убить не так уж много времени, и когда это развлечение исчерпало себя, Аратов, чтобы взбодриться, вышел на перрон. Всего несколько человек прохаживались там вдоль барьера, зябко кутаясь от сырого ветра. Какие-то машины молча ползали вдалеке по полю, но самолёты не садились и не взлетали. «Не приближается ли непогода? Опасный ветер? – встревожился Аратов, ещё не летавший раньше. – Для кого-то это привычно – и командировка, и полёты, а я вот не представляю, чего мне хотеть и чего опасаться. Может быть, меня просто-напросто укачает, как барышню, так что станет стыдно перед соседями, а может быть, впереди – приключения или авария, И всё же совсем не в этом дело, а в том, что я впервые – один и свободен в поступках».

За этими рассуждениями время пошло побыстрее, и Аратов, увлекшись, потом счёл едва ли не преждевременной объявленную наконец посадку. Вслед за попутчиками он совершенно уже механически, как на зов рожка, побрёл куда-то далеко, через холодное пространство, мимо безжизненных алюминиевых громад, пока не достиг места, где подле ещё одной такой же громады стоял грузовик со знакомым загородным номером и, перетаскивая ящики, суетились люди в лётных куртках.

Устроившись в салоне, Аратов занервничал, недовольный тем, что вот и пассажиры все на месте, а самолёт будто бы и не собирается покидать стоянку. То неведомое, к чему он так стремился, было уже где-то рядом, и у Игоря уже не хватало терпения, ему требовалось что-то делать, кому-то помогать: лететь. Потом он

разочаровался, так и не узнав ощущения полёта: ещё понимал, что движется, пока видел под собою город (обрадовался, узнав трассу Ленинского проспекта – единственную зеленоватую линию новомодных ртутных фонарей среди россыпи обычных тёплых лампочек), но когда внизу стало черно, самолёт, бестолково гудя винтами, словно остановился в воздухе. Сон сморил Аратова.

Проснувшись, он увидел солнце и густо-синее небо. Внизу лежала коричневая ровная земля, уже близкая и поначалу вовсе пустынная, без единого предмета или линии, на которых можно было бы остановить взгляд, а позже запестревшая светлыми следами колёс; следы эти постепенно умножались, пересекались и сливались, образуя подобие дорог, а потом и настоящая дорога протянулась по направлению полёта, и видны стали столбы вдоль неё, крохотные, как иголки. Всё это вдруг придвинулось, замелькало, и шасси жестко ударилось о бетон полосы.

Когда самолёт остановился, Аратов увидел за окном только пустое бесснежное пространство – ни построек, ни людей. Мимо проехал аэродромный тягач, и Аратов услышал, как прогудел его дизель – это было неожиданно, он не думал, что обшивку пропускает столь слабые звуки. Минутой позже лайнер, прицепленный к тягачу, пополз назад, повернулся, и взгляду открылись ангар в отдалении и ряд боевых самолётов, сверкавших под неестественно, не по-зимнему ярким солнцем.

Никто не вставал с места, будто люди для того и летели, чтобы спокойно созерцать пустоту за окном. Внизу, под крылом, балагурили четверо солдат, все – в завязанных под подбородками ушанках; голоса их не долетали в кабину. Вскоре их куда-то отослал сержант с красной нарукавной повязкой и с автоматом за спиной. Они вернулись, толкая перед собою трап, но пассажиры и это словно бы оставили без внимания. Причина промедления выяснилась, когда по трапу поднялся патруль и началась проверка документов. Проверяли, начиная с дальнего от Аратова конца салона, и когда он наконец спустился на землю, почти все его спутники уже толпились возле открытого грузового люка, разбирая вещи. Прямо к трапу то и дело подкатывали «газики», и толпа редела. Ярош уехал с Векшиным одним из первых, затем какой-то офицер позвал в свою машину Гапонова; тот было сделал знак садиться и Аратову, но сесть оказалось некуда, и Аратов, смущаясь, неосторожно заверил, что доберётся сам – он помнил,

как тот же Гапонов говорил ему в Москве об автобусе, будто бы непременно подающемся к рейсу. На самом деле он не знал, ни в какую сторону, ни до какого места нужно ехать – до сих пор для него естественно было считать, что все направляются точно туда же, куда и он, и, надеясь пристроиться к кому-нибудь, он не позаботился спросить о маршруте.

Автобус, однако, не появлялся. Его, возможно, следовало искать за пределами лётного поля, и Аратов собрался было прочь, как спохватился, что не отправил письмо. Понаслышке, как и об автобусе, он знал, что письма отсюда посылают не почтой, а с оказией, и теперь хотел с тем же самолётом передать открытку для Лилии Владимировны, заготовленную ещё дома: мол, долетел, устроился, не беспокойся. Поколебавшись, он обратился с просьбой к кому-то из экипажа; тот, с удивлением выслушав, отказал наотрез.

Между тем вдруг обнаружилось, что машины, скопившиеся было вблизи, разъехались и, кроме самого Игоря, возле самолета остались только двое – он встречал их в научных отделах и знал в лицо: Пелихов и Платонов.

– Пойдём на бетонку, проголосуем, – сказал Пелихов, старший из них.

По пыльной каменистой земле они, сопротивляясь встречному морозному ветру, зашагали к проволочному ограждению. За шлагбаумом начиналась бетонная дорога, и Аратов решил, что здесь, на обочине, они и останутся, но его повели дальше, мимо складов, гаражей, цистерн, каких-то мастерских или ангаров, мимо строящихся зданий, и так как автомобили не обгоняли, можно было подумать, что теперь придётся пройти пешком весь путь – длинный ли, лучше было не спрашивать. Тяжёлый чемодан оттягивал руку, и Аратов, стесняясь сказать об усталости, с завистью поглядывал на рюкзаки спутников.

Пейзаж походил на обычный для городских промышленных окраин, но Игорь, не забывавший, что идёт не по столичным задворкам, а по ракетному полигону с присущими тому романтическими тайнами, был весь внимание. Разговор о постороннем, заведённый коллегами, казался ему кощунственным.

– Начинаешь вспоминать: то не сделал, этого не сказал... – проговорил Пелихов.

– Что за беда? – отозвался с сухим смешком Платонов. – Вернёшься и доскажешь, всего-то месяца через полтора. А я, знаешь,

сумел расставить все точки: как ни торопили с вылетом, а успел-таки проверить устный журнал.

«Так я и не увидел, что это за чудо природы», – подумал Аратов о журнале, афиши которого попадались ему ещё в прошлом году, не возбуждая, однако, интереса; то, что называлось журналом, в действительности не печаталось на бумаге, а происходило на эстраде, отличаясь от обыкновенного концерта лишь строгим разбиением на рубрики: новости науки, поэзия, музыкальная страница... Игорь вообще чурался любительских затей, к каким относил и эту – видимо, несправедливо, оттого что, судя по словам его нынешних попутчиков, там и о политике рассуждали специалисты, и стихи читали сами поэты, и для бесед приглашались настоящие знаменитости; например, в последнем выпуске, о котором зашла речь, участвовал старый мхатовец Яншин. Ко всему этому Игорь, предпочитавший книги читать своими глазами, а на актёров смотреть – в спектаклях, оставался равнодушным; он и сейчас не стал, используя случай, выведывать у Платонова подробности.

– Публика так и думала, – сказал Пелихов, – что придётся ждать до Нового года. Володя Смирнов, бедняга, боялся, что ты улетишь, всё бросив, и везти воз придётся ему.

– Ему – не увезти, да он и не взялся бы. Поди-ка, пригласи того же Яншина, если ты не знаком с ним лично. Нет, всё хорошо, что хорошо кончается, но мне урок: не откладывай до последнего.

– Что ты так убиваешься? В этот раз обошлось – и прекрасно, и вряд ли дело стоит подобных волнений. Честно говоря, я давно сомневаюсь, есть ли в нём вообще смысл: знаешь, родила царица в ночь не концерт, не лекцию, а...

– Народ-то идёт, зал всегда полон.

– У твоего народа просто нет выбора. Куда деться вечером в нашем городишке? И согласишься, что без доброй половины номеров...

– Страниц, – сухо поправил Платонов.

–...без половины страниц можно было б обойтись. Один твой композитор чего стоит.

– Кто ж знал... В быту, между прочим, интереснейший человек. Сейчас набрал заказов выше головы – для театра, для кино – жить некогда. И каков же выход? Нанял двух талантливых ребят – и они делают за него всю черновую работу. Он задаст им тему, а сам идёт спать. Платит по тысяче двести... и они счастливы.

– Не густо.

– Для тебя. Столько ты получал молодым специалистом. А они-то счастливы. Да и не в том дело, сколько получают они, а в том, сколько может легко вынуть из кармана он.

– Да, я всё забываю предложить... Хорошо бы пригласить на журнал Агреста.

– А вот это уже не моя епархия. Это как раз Смирнов может.

Под такую беседу, в которой Аратов, чувствуя себя посторонним, не принимал участия и даже нарочно старался не слушать (хотя упоминания о древних космонавтах – модной теме, которой занимался Агрест, – не упустил и насторожился), под эти разговоры они прошли с километр, до пересекавшего их пустую дорогу шоссе.

– Настоимся мы здесь, – вздохнул Пелихов.

Движение было небольшим, но и те редкие машины, что шли мимо, даже не притормаживали подле них. Лишь через полчаса, густо запылив по обочине, остановился тяжёлый грузовик с закрытым кузовом, в каких обычно устраиваются мастерские-«летучки».

– Коломбина, – с облегчением сказал Пелихов. – Нам повезло.

Аратов и тут не попросил объяснения, не поинтересовался, в чём же заключалось их везение – ещё не понимал здешнего пристрастия к этим вездеходным сарайчикам.

– В аул, – крикнул Платонов шофёру, и тот, не спрашивая, в который из аулов, кивнул.

Аратов занял место у крохотного, размером с тетрадную страничку, окошка. Стекло было запылено до желтизны – найдись за ним люди, машины или постройки, он увидел бы вместо них лишь неясные пятна, но настолько-то хватало прозрачности, чтобы обнаружить именно отсутствие каких бы то ни было предметов: пустынная поверхность, такая же, как и на аэродроме, простиралась на многие километры или, возможно, сотни километров, до конца земли; глядя окрест, можно было потерять всякое представление о пространстве. Вслушиваясь в жёсткое качение коломбины, он, не находя ориентиров, не мог даже оценить скорости; изо всех движений доступным наблюдению осталось одно лишь перемещение во времени, отчего езда напомнила давешний скучный перелёт.

Машина, постепенно разогнавшись, наполнилась звуками: гудели огромные, с глубоким рисунком, шины, свистел в щелях

ветер, двигатель и передача тоже давали знать о своём участии в движении, а всё, что могло дребезжать, дребезжало: стёкла, замки, задвижки, плафоны, обшивка, ржавое ведро в углу. Это было уже слишком после гудения и дребезжания в самолёте, и он не мог дожидаться остановки.

Когда коломбина наконец затормозила, Игорь угадал за окном белёную будку и красно-белый шламбаум.

– Приехали? – спросил он – недоверчиво, потому что за будкой была всё та же пустота.

– Приготовь документы, – ответили ему.

Он приготовил и предъявил, и машина тронулась, и нельзя было понять, для чего же посреди голой степи устроили этот пропускной пункт, если он не отделял ничто ни от чего, и пространство за ним не отличалось от пространства – перед. Только, наверно, спустя ещё десяток минут Аратов, приоткрыв дверь, разглядел на очередном холме ряды бараков, обнесённых низенькими, по колено, заборчиками из штакетника. Бетон к этому времени незаметно сошёл на нет, и дорога теперь представляла собою всё ту же землю, что вокруг, но утрамбованную сапогами и колёсами; машину, катившуюся здесь медленно и нешумно, раскачивало плавно, как лодку.

– Ну, по нашей улице поехали, – сообщил Платонов. – Да только где он остановится? Не проскочить бы гостиницу.

Видя всё те же бараки, Аратов подумал, что посёлок что-то не похож на аул и что до гостиницы, наверно, ещё ехать и ехать; то же, что этот пейзаж назывался «Наша улица», его озадачило.

Словно услышав Платонова, шофёр затормозил, и пассажиры засуетились, вскакивая и хватая вещи.

– Прыгай, прыгай скорее, пока не тронулась. Увезёт незнамо куда.

Они едва успели вылезти.

Оставшийся последним, Аратов уже на ходу передал свой тяжёлый чемодан кому-то, побежавшему вслед, и неловко спрыгнул на твёрдую землю.

– Славно: доехали почти до дверей, – услышал он, но, оглядываясь, и теперь не увидел подходящего, то есть хотя бы на этаж возвышающегося над бараками, здания; не узнавал он и ничего, похожего на аул, экзотический вид которого – юрты, сакли, верблюды – рисовал себе во время пути.

Его спутники двинулись вперёд, к перекрёстку с другой, асфальтированной улицей, где стоял солдат-регулировщик с флажками – и вошли в угловой барак.

Остановившись в начале коридора, чтобы привыкнуть к темноте, Игорь услышал, как Платонов позвал:

– Сархан!

Из ближайшей двери выглянул маленький чернявый солдатик в валенках. Узнав пришедших и ослабившись, он, гремя ключами, поспешил в глубину коридора, на перегородке в глухом торце которого теперь можно было различить тускло поблёскивавший жестяной дачный умывальник.

– Вот мы и дома, – потирая руки, вздохнул Пелихов.

Мебель тесной, с наклонным фанерным потолком, каморки составляли стол, стул и две узкие железные койки под тонкими чернильного цвета одеялами. Аратов, ожидавший увидеть в гостинице освещённый вестибюль, конторку администратора, портьеры и приличную обстановку, стоял, не произнеся ни слова.

– А чемодан не привезли? – оглядев вещи гостей, разочарованно пробормотал Сархан.

– Векшин привёз, – успокоил Платонов. – Завтра получишь.

– Что за чемодан? – поинтересовался Пелихов, когда солдат вышел.

– Скоро демобилизация, а Сархан оброс тут добром. Надо вещички укладывать, ан не во что: местный военторг богат разве что полевыми сумками. Чемодан для дембеля – это, знаешь, вещь!

– Мне казалось, что Сархан тут навечно.

– Это мы – навечно.

Аратова беспокоила тишина в гостинице; теперь он понял, что надеялся встретить здесь всех своих сотрудников. Не было слышно и шагов дневального.

– Куда же он пропал? – спросил наконец Игорь, чувствуя, что о нём забыли; никто тут, впрочем, и не обещал ему помощи, он сам увязался за этими людьми, знавшими дорогу. – Или мне надо обратиться к кому-то другому?

– Ты разве приехал впервые? – удивился Платонов. – К Сархану обращаться без толку: солдату нужен приказ. Это же армия, порядок чёткий. Да в гостинице, наверно, и мест нет. Эта комната

закреплена за научными отделами, а у вас, испытателей, своё хозяйство. Найди Петю: он должен позаботиться о тебе.

– Легко сказать.

– Они все, наверно, в домиках. Спроси Саверинские домики – всякий скажет. Пойдёшь отсюда по параллельной улице – я покажу, – и по левой руке, метров через триста, увидишь две жёлтые финские дачки. Если ваши там, пойдёшь с ними в бюро пропусков.

«А если их нет? – подумал Аратов. – Хорошие шутки: бросить человека в пустыне!»

Домики, резко выделявшиеся пронзительным цветом среди белых либо подкрашенных синькой барачков, он нашел сразу.

– Разве приехал кто-нибудь? – икнув, спросил дневальный, открывший ему дверь.

* * *

Живя в Москве, Аратов мог представить себе на полигоне что угодно, от землянок до небоскрёбов, только не то, что увидел, не эти бараки, сараи, дощатые будки уборных и среди и вокруг всего этого – бесчисленные столбы, вешки, шесты: нигде прежде и никогда потом не встречал Аратов такого преобладания вертикальных линий, как здесь, в степи, где, казалось бы, лишь одна-единственная черта должна была останавливать взгляд – горизонт. Он ещё не мог поверить в возможность своего существования здесь, и на душе было неуютно. Ко всему прочему он оказался один посреди чужого посёлка, не зная, куда идти и что предпринять; ясно было, что всё разрешится благополучно в самое ближайшее время, но ему не хотелось бы, отстав от своих, что-то упустить или опоздать куда-то; он допускал даже, что и пуск мог состояться сегодня.

Бредя наугад, он вышел к обшитому тёсом, аккуратному, подмосковного вида домику с вывеской «Книги». Пожалуй, это было то, что нужно: место, где он мог бы скоротать полчаса-час. Обрадовано направившись туда, Аратов столкнулся на высоком крыльце с группой людей, которых видел в самолёте, и уже хотел обратиться к ним с вопросом, как следом за ними в дверях оказался Ярош.

– Наконец-то! – вырвалось у Аратова.

– Приятно, когда тебе так радуются, – заметил Виктор. – Кажется, и разлука была недолга. Ну как, получил пропуск?

– Пропуск? Чёрта лысого. Да я не только не знаю ни о каких пропусках, но и с аэродрома чуть ли не пешком шёл: не успел и глазом моргнуть, как все разъехались. Друзья!

– Вы, парни, идите, – обернулся Виктор к своим спутникам, – а я помогу Игорю с пропуском. Увидимся в столовой. Кто-нибудь в курсе, где она?

Ему показали на барак, стоявший через дорогу.

– Потопали, старый. Ну, как тебе новые места? Лето, если бы не мороз, не правда ли?

– Страшная земля, – серьёзно ответил Аратов, щурясь от встречного солнца.

– Азия!

В помещении бюро пропусков было шумно и накурено, к окошкам стояли непомерные очереди, и Аратов хотел было предложить зайти попозже, хотя бы сначала пообедав, но Ярош требовательно протянул руку:

– Давай документы. Пойду в обход, уже научился.

– Способный ты, Витя, – усмехнулся Аратов, но бумаги отдал.

Приоткрыв дверь с запрещающей надписью, Ярош протянул бумаги дежурному офицеру, коротко бросив:

– Из списка Столярова.

– Кто такой Столяров? – любопытно спросил Аратов.

– Какой-то наш хозяйственник. Тут, похоже, его одного и признают. Пойми, старый, мы и, конечно, КБ Беляева – две головные фирмы, ну а все остальные – смежники, вспомогательные и второстепенные, и военные это очень хорошо понимают.

Процедура оформления заняла считанные минуты.

На улице резкость солнечного света снова изумила Аратова.

– Помнишь, – сказал он, – было такое школьное понятие – живая природа? Так вот, это, кажется, не здесь.

– Зато есть неживая, так что перезимует, не бойся.

– Ты ещё не был в гостинице!

– Разве мы живём не в домиках?

Виктор широко раскрыл глаза, отчего более прежнего стал похож на Петрушку.

«На Петрушку! – посмеялся про себя Аратов. – Откуда бы здесь тому взяться, кому бы знать про него? Аборигенам такое сравнение в голову не придёт: петрушки в этих местах не жили. Никакой цирк был невозможен. А какой был бы шаг вперёд! Клоу-

ны – это уже дети цивилизации». Он вспомнил недавний вечер в шапито – тогда у него была свобода выбора, идти или не идти, или посмеяться над неожиданным детским желанием: захотел – взял билеты, расхотел – и не досидел до конца; там, дома, он второй раз уже не клюнул бы на эту удочку – на полигоне же вопрос решился без него.

– Пришли, – прервал его размышления Виктор.

На двери столовой висел замок.

Неподалёку двое солдат копали канаву. Ярош окликнул их, спрашивая, где можно поесть, и те, отвечая, замялись:

– Есть ещё одна офицерская столовая, только далеко.

– Поесть-то всё равно надо. И как далеко?

– С полкилометра.

Ярош расхохотался. Смех у него был высокий, почти женский.

– Идите по следующей улице, сами увидите, – обидевшись, сказал солдат.

Рядом шли дорожные работы. На проезжей части разгрузился самосвал, и ветер больно ударил в лицо песчинками.

– Ветер, и тот ненормальный, – проворчал Аратов. – Дул бы, как все люди, с перерывами, а то заладил с каким-то идиотским постоянством. Это как средневековая пытка, от каких сходили с ума. Знаешь, вечная капель на темечко?

– Зато к постоянной напасти легче приспособиться.

– Представь себе: и эту землю кто-то любит, – неуверенно проговорил Аратов

Только большим напряжением ума он мог бы внушить себе, что первые впечатления рано или поздно забудутся, и он приживётся в этих местах; как скоро – зависело бы от работы и от тех, с кем ещё только предстояло встретиться. О последнем он не думал ещё, оттого что никогда прежде не задумывался о роли встречных.

Как и многие в юности, Аратов не понимал, что бытие и судьба его с годами всё более будут зависеть от окружения – настолько, быть может, что даже вся биография окажется замечательной событиями не его собственной, а чужих жизней. Пока же он считал, что поступки и слова посторонних отзываются лишь на минутных настроениях да навязывают предвзятые мнения; так, например, он безо всякого энтузиазма ждал встречи со своим непосредственным начальником, оттого что помнил неосторожное

замечание Гапонова. Встреча эта, однако, всё откладывалась: в первый день Аратов так и не попал на работу, оттого что старшим его товарищамё срочно вызванным на совещание в штаб части, некогда было представлять военным новичка, но и теперь встреча с Еленским должна была случиться лишь за ужином. Так, возможно, и к лучшему было, Игорь понимал, что за столом можно познакомиться и проще, и короче – знал это пока с чужих слов да из книг; его же опыт общения с людьми был ничтожен. В семье так было поставлено Игожевymi – тёткой и бабушкой – что внешние сношения сводились к минимуму: не осуждались, упаси Бог, но и не поощрялись, а однажды заведённые – не поддерживались. Послушать их – и получалось, будто все посторонние, даже и хорошо знакомые, обладают массой недостатков и, значит, связи с ними нежелательны.

Игожевы плохо знали даже соседей по квартире. Тех было трое: престарелая чета Тихоновых и энергичная пожилая дама не без странностей, Софья Николаевна Мурина. Старики, словно оправдывая свою фамилию, жили как-то нарочито, старательно тихо, в чём Лилия Владимировна усматривала дурное, называя их соглашателями. Пенсию они получали небольшую, но тайно подрабатывали каким-то рукоделием, отчего выходила сумма, какую вполне можно было б откладывать на чёрный день, но которая вкпе даже и с частью пенсии тратилась исключительно на подарки внучке; оставшегося хватало даже не на скромную жизнь, а на подлинное прозябание – это, при коммунальной кухне, скрыть они не могли. Нужды в такой жертве не было, родители девочки зарабатывали достаточно, и поведение стариков вызывало осуждение у Игожевых. Образ жизни третьей соседки, Муриной, тоже не считался примером для подражания. Никто не знал, где она работает – то ли в газете, то ли на киностудии, – бесспорным было лишь то, что вращается Софья Николаевна среди неимущей богемы и сама не имеет постоянного заработка; последнее прискорбное обстоятельство было, пожалуй, главной причиной неприязни к ней Игожевых, особенно старшей, Варвары Андреевны, которой слишком ясно было, что каждый, кто работает, тот и ест, а безденежье, в нашей стране только от лени и происходящее, говорит о таком легкомыслии, от какого шаг до лёгкости поведения. Ещё подросток, но уже довольно просвещённый насчёт упомянутой лёгкости, Игорь всё ж усмотрел тут некоторую натяжку и даже

пытался возражать – но впустую, оттого что его выступлений никто не замечал или не хотел замечать: в семье не принято было спорить. Для Варвары Андреевны, хотя и наверняка наслышанной о том, где и как может родиться истина, любой спор всегда означал лишь одно – скандал. Отчего и пресекался.

Мнение о соседях и знакомых у Игоря бывало, конечно, своё (даже непременно составлялось своё, в противовес мнению старших), но и ему привилась игожевская манера отмечать в других в первую очередь не достоинства, а дурные черты. Больше того, он даже находил в себе способность быстрее и вернее всех замечать чужие недостатки, отчего позволял себе судить о людях с первого взгляда. С годами это заблуждение – или знание, как угодно, – только усугубилось и теперь несколько услышанных вполне доброжелательных замечаний о Еленском Аратов моментально истолковал по-своему и потом ещё долго верил нарисованному своей фантазией его ироническому портрету, считая примерно так: что бы о том ни говорили, но я-то знаю его лицо – вот она, суть, я уловил её. Это, однако, не уменьшило его интереса к новому человеку и к обстановке, в которой должно было состояться знакомство и которая, как и всё на полигоне, представлялась романтической и увлекательной.

Наслышанный о ритуале «прописки», он ждал, что вечером соберутся вместе все, летевшие с ним, – во всяком случае, удивился тому, что каждая бригада уединилась в своём жилище. «Теоретики», обосновавшиеся на первый вечер в саверинском домике, медлили с ужином, ожидая Еленского.

Тот пришёл раскрасневшимся от морозного ветра и удивился теплу в доме.

– У нас в хате отлично, – пробасил Гапонов. – Солдат сегодня постарался.

Посмотрев на Еленского, Игорь подумал, что не ошибся в своём мнении: круглое маленькое личико и щуплая фигурка того не вызвали особой симпатии.

– Пётр, – представился тот, пожимая руку Аратову. – Долго же вы до нас добирались. Я тут боролся за вас.

– С начальством бороться – что плевать против ветра, – печально произнёс Гапонов. – Это сам Караулов, жалеючи, держал его.

– Хорошая жалость! А если бы пуск не отложили? Ну да ладно, теперь-то мы в сборе. Как вам, Игорь, здешние места?

– Кошмар.

– Зелен ещё, не понимает, – засмеялся Гапонов. – Зелен.

В большой комнате уже накрыли стол: на газетах, за неизменным скатерти и тарелок, были разложены крупно, аппетитно нарезанные варёная колбаса, сыр, лимоны и французские булки, всей же посуды было – охотничьи ножи и гранёные стаканы.

– Как в лучших домах Лондона и Филадельфии, – оценил сервировку Еленский.

– Пора и дам звать, – решил Гапонов. – Рая!

Из боковой двери вышла девушка. Аратов и не знал, что летел вместе с нею; он и за те несколько дней, что она была в Москве, едва успел заметить её – бесцветную на фоне Фаины. Теперь он впервые рассмотрел внимательно: поджатые губы, короткие ресницы, птичий носик, коротко подстриженные ногти. Она выглядела старше его лет на пять.

Радостно улыбаясь неизвестно чему, Рая спросила тоненьким голоском:

– Аккордеон я пока оставлю?

«Оказывается, и гармошка будет», – с неудовольствием подумал Аратов, не любивший застольного пения – вообще пения в компании, как правило, затевавшего, когда не о чем становилось говорить. Сейчас же разговаривать было просто некогда: все следили, как Гапонов разливает по стаканам привезённый из Москвы коньяк.

– Глаз-ватерпас, – закончив, похвалил тот сам себя: каждый стакан был наполнен ровно на треть. – Ну-с, не пьём, Господи, а лечимся? Не в пьянство, а в лекарство? Не по чайной ложке, а по чайному стакану’?

– С пропиской, – строго поправил Еленский. – Причём Игоря и Яроша – с первой.

Неизбежные после первого стакана несколько минут молчания нарушила Рая, задав новичкам тот же вопрос, что и Еленский.

– Любопытно посмотреть, – ответил Аратов, на сей раз воздержавшись от категорических определений. – Но – тревожно.

– Игорь, – предостерег Ярош. – Не плюй в колодец: вылетит – не поймает.

– Вот – здоровое настроение у человека, – одобрил Гапонов. – Такие мужики приживаются. Тем более – в нынешних условиях.

– Ты что, считаешь, что условия уже хороши? – жалобно протянула Рая. – Правда, ты и «Казанским вокзалом» не мог нахвалиться.

– Что ж, мы там жили отлично. Один только Федот страдал: не давали работать по ночам, выключали свет.

– Что вы делали на вокзале? – поинтересовался Ярош.

– Мы так называем гостиницу КЭЧ, – объяснила Рая.

– Гостиницу квартирно-экспедиционной не то – эксплуатационной части, – в свою очередь перевёл Еленский. – Там жили без церемоний: тридцать душ в комнате, двухэтажные койки. Кто пьёт, кто храпит, кто анекдоты травит. С нынешним жильём нечего и сравнивать. Благодарите Столярова: и домики, и номера в гостиницах – его рук дело.

«Номера!» – с усмешкой повторил про себя Аратов.

– Ну, знаешь, он их не построил и не купил. Всё это полумеры, – возразил Векшин. – Бригаде нужно своё жильё, и нужно обзавестись кое-каким хозяйством: каков быт, такова и работа. Хранить его теперь есть где.

Со всех сторон сразу посыпались предложения купить в Москве то рефлекторы для обогрева, то посуду – хотя бы сковородку и чайник, – то настольные лампы и приёмник; ничто из этого списка на полигоне не продавалось.

– Радиолу можно хоть сейчас взять на складе, – сообщил Еленский. – Кстати, с Нового года нам на бригаду отводят полдомика возле генеральской гостиницы. Столяров обещал.

Аратову всё ещё казалось, что разговоры о жилье и утвари не имеют к нему отношения: он словно бы только узнавал подробности чужой жизни.

– Который раз слышу сегодня о Столярове, – сказал он.

– Услышишь ещё сто раз, – пообещал Гапонов. – За что ни возьмись, кругом – его дела.

– Славик всё может, – мечтательно проговорила Рая, показав некрасивые зубы.

– Мог, – поправил Еленский. – Сгорел твой Славик, не повезло ему с Савериным

– Что-нибудь во время осеннего визита? – предположил Гапонов.

– Осеннего, осеннего, какого ж ещё? Другого история не помнит. Ты так говоришь, будто Главный навещает нас ежеквартально. Или хотя б ежегодно. А тут вся беда в том, что военные не только не знают его в лицо, но и к фамилии не привыкли. Для них наша фирма – Караулов да Славик Столяров. Саверину это, конечно, невдомёк. Прилетев, он не стал заказывать никаких

пропусков, не опустил до этого – и на штабной проходной вышел конфуз. Показывает он там свой министерский пропуск, а для солдата это лишь красивая книжечка, у него, ясное дело, приказ не пускать никого, будь ты даже Господь Бог. Он и поставил было Саверина в сторонке, до выяснения, но тут Слава возьми и скажи: «Это со мной», – и часовой сразу пропустил. Б.Д. глянул на своего сотрудника волком, но промолчал, и всё, наверно, так и сошло бы, да чуть ли не в тот же час Б.Д. разглядел, что у командира части в настольном списке телефонов его фамилия зачёркнута, а вписано: Столяров. Этого он уже не стерпел.

– Бушевал?

– Только процедил: «Чтобы ноги его здесь больше не было».

– Славик и выглядел, как главный конструктор, – сказала Рая.

– Этого у него не отнять было, – согласился Еленский. – Мы здесь щеголяем в обносках, а тот всегда в белой рубашечке, при галстукe, да и свеж с утра: лицо фирмы!

– В какой он был должности? – поинтересовался Ярош.

– Никакая была должность, – махнул рукой Гапонов. – Экспедитор, диспетчер – я в этом не разбираюсь. Оклад, во всяком случае, был не выше твоего. Кстати, Петя, и ты, Федот, с ребятами у нас вышло неловко: обычно стажёров переводят из цеха с прибавкой, а у них – оттого, наверно, что выбрались досрочно, – так и осталось по тыще сто.

– Пока мы здесь, дёргаться бесполезно, но в Москве я займусь этим в первый же день, – заверил Еленский. – Напомни. Кстати, Игорь, какая у вас специальность после вуза?

– Сами знаете, – замялся Аратов, в дипломе которого значилось не соответствующее действительности «инженер-механик по самолётостроению», – всего понемножку: аэродинамика, динамика полёта...

– Что ж, как раз на первом этапе у нас будет выше головы аэродинамических расчётов. Могу отдать вам этот участок, что, тем не менее, вовсе не значит, будто вам не придётся заниматься и всеми остальными делами. Придётся. Мы тут все – универсалы: мало ли что случается на испытаниях, а посоветоваться не с кем, вот, глядишь, и приходится то прочность считать, то разбираться с двигателем, а то и руководить земляными работами.

– Нужно, чтобы люди из других групп, если у них нет пусков, могли бы подменять нас, – предложил Гапонов, кивая на Яроша.

– Вот этот добрый молодец – что ему делать у Федота, если их изделие не только не летает, но и не изготовлено?

Векшин от возмущения даже вскочил со стула:

– Ну, знаешь, это уже нахальство. У меня для него работы минимум на полмесяца, а когда поступит изделие, я пошлю его на техничку, иначе там провозятся до весны.

– Наши ребята измучились, – неожиданно вмешалась Рая. – Совсем не бывают дома.

– Хороший у тебя, Петя, народ: за своих стоят горой, – похвалил Векшин. – А у меня было как раз обратное предложение: я хотел попросить у тебя Раю. Нужно срочно просчитать несколько траекторий, не то просто не с чем идти на доклад к генералам.

– Своих техников надо привозить, – пробурчал Еленский. – Впрочем, на пару-тройку дней бери, но – до первого требования.

– Значит, нашу работу отодвинули, – сделал вывод Гапонов. – Что, военные всё ещё хотят пустить вторую болванку?

– Надо объяснить Игорю. Первую работу мы провели как бросковую...

– Я знаю, – кивнул Аратов.

– ...а теперь готовы работать с телеметрическим изделием. Военным же нужен ещё один бросок, чтобы измерить давление на стартовой площадке. Тогда у них что-то не получилось. С этим можно бы не спешить, а провести бросок попозже, где-нибудь между нашими работами, но у воинов тут, видимо, свои интересы. Иной раз не знаешь, чего больше на испытаниях – техники или политики.

– Какой у вас план до конца года? – поинтересовался Векшин.

– Два изделия, – вздохнул Еленский. – По сообразительству – до двадцать пятого декабря. Кстати, и вам ой как надо бы провести работу до Нового года, пусть она и не запланирована. Саверина теребит с вашей темой по-страшному, и он бы вам ручки целовал.

– Сомнительное удовольствие. Впрочем, утопия. Я никак не исхитрюсь выбрать подходящую траекторию. Вот, Рая завтра просчитает ещё один вариант...

– Распоряжайся, распоряжайся моими техниками, – не мог не поддеть Еленский.

– Боюсь, и этот вариант – не окончательный, – не обращая внимания на реплику, проговорил Векшин и, достав ручку, стал

разглаживать кусок обёрточной бумаги, выпростанный из-под сыра. – У кого линейка под рукой?

К нему придвинулись плотнее; логарифмические линейки оказались в карманах у каждого. К удивлению Аратова, Рая вовсе не возмутилась тем, что её оставили без внимания ради совсем не застольного занятия.

Потом прошло и полчаса, и час, и Аратов не мог понять, что за странный народ собрался в комнате: сели за стол, а стол оказался – письменный, и никто не только не попытался вернуться на старые, такие накатанные рельсы, но и острот не принял, очень к месту отпущенных им во время объяснений Векшина. «Столько выпито – и ещё не дошло до анекдотов, – удивился он и почти обиженно додумал: – Как же они не понимают шуток?»

Уже готовясь смаковать обиду, Аратов всё-таки сообразил, что встречать в деловой разговор со смешками и шуточками – значит показать, что не владеешь вопросом. «Но я пока не могу говорить с ними на равных, – огорчился он. – А они правы: что за толк выйдет из нашей работы, если отвлекаться, если не думать о ней днём и ночью? Они – фанатики, как и все в авиации, но иным здесь, наверно, не место, здесь нужна одержимость... или хотя бы невозможность заняться другим». И едва решив так, он обнаружил, что с сочувствием смотрит на только что казавшийся ему неестественным застольный труд, невозможный в привычном московском кругу; там, где он привык бывать, у Прохорова, собиралось самое пёстрое общество, отчего какие бы то ни было профессиональные разговоры оказывались невозможными. Там порой завязывались философские споры, там обсуждались новинки литературы или живописи, а при лёгком настроении и в отсутствие девушек – и сами девушки, там наперебой рассказывали анекдоты и только говорить о работе считалось дурным тоном, оттого что дела, близкие одному, оказывались непонятными остальным; исключение составляла лишь работа Прохорова и его коллег, в которой, как известно, почти всякий считает себя знатоком и смеет судить.

* * *

Как ни старались мужчины, и напевая, и насвистывая, и даже пытаясь объяснить мелодию словами, но она всё не давалась аккордеонистке, и только когда счёт попыткам был утрачен,

Рая вдруг заиграла легко и свободно, и на лице её отразилось такое умиление, что Аратов отвернулся. Она растрогалась тем, что всё выходит так ладно и она угодила друзьям, которые, изменив текст известной песни, пели теперь будто бы о себе. Хор получился нестройный, вдобавок и Виктор то и дело, вовсе не конфузясь, пускал петуха. Рая тогда поглядывала на него одновременно осуждающе и ласково. Аратов не только не подпевал, но и слушал плохо, и мыслями был далеко. Он так отвлёкся, что, когда вдруг погас свет, не сразу понял, унесясь ещё дальше, что же произошло; ему вспомнилось давно прошедшее, то, что похоронено в нижних, дремучих слоях памяти, откуда ничего нельзя достать нарочно, и что может всплыть на поверхность лишь от сущего пустяка – от слова, прикосновения, электрической искры или, напротив, от отсутствия электричества.

Было ему лет шесть или семь, шла война, и в доме часто вот так, без видимых причин – не только при воздушной тревоге – отключали свет; впрочем, часто они и сами нарочно, из экономии (непреренно помянув в оправдание жёсткий «лимит») сживали зимними вечерами впотьямах; мальчику нравилось это сумерничанье, во время которого нельзя было заниматься никаким делом и ничто не мешало матери подолгу разговаривать с ним. Они укрывались вместе огромным её шерстяным платком (он – с головой), и любимой забавой было вызывать, сдергивая этот платок, яркие в полной темноте крохотные молнии в наэлектризованных волосах.

Ему казалось иногда, что всё ранее детство он провел только с матерью.

Отец, получив ранение под Курском, вернулся в Москву, но Игорь всё равно почти не видел его, и на службе пропадавшего сутками, и в отъездах бывавшего больше, чем дома. С ними жила тогда лишь бабушка, но хозяйство велось общее со второю её дочерью, Лилией, снимавшей комнату неподалёку, на Больших Кочках. Сосед ушёл с ополчением в сорок первом, и мальчик рос среди одних только женщин, три из которых имели и осуществляли право его наставлять. Почти все собственные недостатки Игорь объяснял одной лишь этой особенностью своего воспитания. В юности, студентом, он думал, что, выдайся вдруг возможность возвращения к началу и, затем, выбора, он захотел бы другой крайности – детства среди мужчин; только со временем, узнав

тех, кто воспитывался в закрытых заведениях, в кругу не семьи, а приятелей, вовсе без женщин, он понял, как много те потеряли невозполнимо.

Ни пения, ни беседы в темноте не получалось. Рая сыграла кое-как ещё две мелодии и бросила, несмотря на уговоры. Векшин с Еленским взялись было обсуждать насущный технический вопрос, но снова понадобились бумага и карандаши, и дело пришлось отложить на завтра. Гапонов при свете спички (снисходительно разрешил посветить, говоря, что и без огня, по звуку, нальёт поровну) разлил по стаканам оставшийся коньяк.

– Давненько не пил я втёмную, – пробормотал Ярош.

– Ты-то мимо рта не пронесёшь, – хохотнул Гапонов, уже не со своего места за столом, а из угла, с облюбованной им койки.

Вечер закончился, и нужно было устраиваться спать.

Аратов вышел из дома. Света не было во всём поселке, и взгляду предстало небо великолепной, невиданной им черноты. Игорь, как и всякий столичный житель, не знал привычки всматриваться в ночные небеса, блёклые в городе, и оттого, что он неожиданно заглянул сейчас в неизвестные доселе холодные глубины, усеянные непредставимым количеством звёзд, ему стало особенно одиноко.

Минуту назад собиравшийся пройтись перед сном, он теперь понял, что об этом нечего думать: в крошечной тьме дороги назад было бы не найти.

– Ребята, – встретил его в помещении голос Гапонова, – доставьте-ка тёплое бельё. За ночь всё тепло выдует. Я ведь уже ночевал в этом хитром домике.

Лишь улёгшись, Аратов понял, как устал за эти сутки: последний суматошный день в Москве, ожидание в аэропорте, некрепкий, беспокойный сон в самолёте, долгое течение времени здесь. Он заснул моментально.

Он, кажется, ожидал, что, проснувшись на новом месте, не поймёт, где он, куда попал – встревожится, не узнав обстановки, и какое-то время, пока не вспомнит по порядку вчерашние события, будет мучиться неопределенностью: такое состояние, во всяком случае, было знакомо ему из книг. Но теперь, едва открыв глаза, даже раньше – только ещё открывая и ничего пока не успев увидеть, он уже ясно знал, что лежит на диване в проходной комнате одного из саверинских домиков на полигоне. Его смущал только

посторонний звук: он никак не мог сообразить, зачем и где звонит будильник, и надо было кому-то побежать к аппарату, чтобы он понял наконец: телефон.

Лишь снова забравшись под одеяло, Ярош позвал Векшина, и тот в одном нижнем белье просеменил через комнату.

Вдруг Виктор, зажав рукою рот, стал делать Аратову непонятные отчаянные знаки.

– Хотите новую песню? – спросил Ярош, когда Векшин повесил трубку.

– Прямо сейчас? Люди спят ещё.

– Ну да, сейчас. Слушайте все:

Вот хтой-то с кочки спустился,

Наверно, наш Федот встаёт.

На нем китайские кальсоны

Надеты задом наперёд

Услышав хохот, Гапонов прибежал посмотреть на картину.

– Фу ты, чёрт, и правда, – поразился, оглядев себя, Векшин. – Да ведь одевался-то вчера – на ощупь.

– На нем кальсоны га-алубья, – тянул Ярош, – надеты задом наперёд.

* * *

Теперь уже было точно так, как он представлял себе раньше: ночь, солдат за рулём «газика», в темноте кузова сидят мужчины в лётных куртках, а где-то впереди, на другом конце дороги, ждёт их изготовленная к запуску ракета. Впрочем, он угадал только эту, единственную мизансцену, оставаясь в неведении относительно всего сюжета: что бы и как ни сыграли потом актёры, всё стало бы неожиданностью. Он понимал только, что надо приготовиться к чему-то необычному (опасному, конечно, почти непременно – к аварии), чтобы не ударить в грязь лицом и потом вернуться в Аул уже другим, бывалым человеком. Это была, конечно, игра, какую хорошо развлекаться в пути, но для него и вся будущая многолетняя работа тоже виделась в какой-то мере игрою, чего он никак не стеснялся, будучи совершенно уверенным, что стать настоящим мастером в каком бы то ни было ремесле возможно лишь имея дело с любимыми игрушками, и что счастливым становится тот, кто умеет соединить ремесло с забавой. Мужские игрушки – для многих в них была вся жизнь; Аратов

мечтал обо всех них понемногу – о фотоаппаратах, магнитофонах, мотоциклах, но более – о тех, что могли быть связаны в деле. Посторонние забавы существовали только на втором плане – даже спорт, в котором он преуспел когда-то, и который теперь отошёл в область воспоминаний. Тут, возможно, сказались отношение к спортсменам Прохорова, определявшееся известной формулой: «Сила есть – ума не надо»; в ответ на рассказы Игоря о гонках тот неизменно говорил: «Чем нюхать асфальт, отъехал бы с утра на электричке на полсотни вёрст да побродил по лесу». Аратов возражал, полагая, что если уж отсчитывать километры, то не десятками, а сотнями, и что пейзажи хороши не в одной только средней полосе.

– Заработаешь отпуск, съездим подальше, – соглашался тогда Прохоров. – К морю.

«Теперь – куда уж дальше, – думал сейчас Аратов, немного устав от езды среди голых холмов. – Мечтал об экзотике – вот она в полной мере. Здесь, небось, и верблюды не ходили. Странно, что наши беспокоятся, как бы ракета не упала на какой-нибудь город – да разве те существуют поблизости? Разве здесь живут люди, разве могли они в старину оседать среди голодной равнины, даже и в наши дни пригодной лишь для стрельбы?»

Чтобы открыть неведомые страны, оказалось недостаточным просто уехать далеко: даже и там, обнаружив ещё какие-то дали, пришлось метаться с одного места на другое, мчась за убегающей линией горизонта; сегодня за этой неверной линией скрывалась стартовая площадка, куда он стремился не только в предвкушении пуска, но ещё и потому, что Аул с убожеством его бараков и безликие коробки штаба и расчётного центра, совсем недавно рисовавшихся воображению Игоря подчёркнуто грозными сооружениями, чем-то вроде линкоров на суше, эти Аул и рабочие корпуса разочаровали его.

Интерьер штаба и подавно не порадовал новизной – Аратов словно не уезжал из Москвы: такие же, только победнее устроенные, помещения, похожая мебель, те же ленты графиков на столах, те же счётные машинки «Рейнметалл» и «Мерседес». Группе Еленского была выделена небольшая комната на втором этаже, но сам он сидел в соседней, с табличкой на двери «Главный конструктор Б.Д. Саверин», в которой было удобнее устраивать совещания, и в которой был под рукой телефон ВЧ. Таблич-

ку Аратов перестал замечать на второй день, он вообще быстро привык к обстановке и лишь долго путался в именах офицеров, которые из-за формы казались ему пока на одно лицо. Работа группы заключалась в бесконечных совещаниях, в согласовании программ и в производстве расчётов – вряд ли ради этого стоило лететь за тридевять земель. «Когда же будет дело?» – словно юный Петя Ростов, всё повторял про себя Игорь. Между тем время словно застыло на здешнем морозе. Аратов жил, жил и жил в Ауле, и даже воспоминания о столичном бытии приходили будто бы не из прошлого, а из книг, но когда у него доставало мужества свериться не с часами, а с календарём, он обнаруживал, что находится на полигоне считанные дни. Аратов еле дожидался вечера, чтобы наконец зачеркнуть крестиком очередное число; крестики, однако, множились неохотно. Он думал, что мается лишь из-за дурных условий жизни – пыли и холода, а не будь их – и зажил бы счастливо, но невольно отгонял от себя (пока ещё отгонял) мысль о том, что, наступи вдруг чистота и тепло, ему не станет лучше, а будет не хватать чего-то ещё, необходимого в его прежнем быте, честно говоря – будет не хватать всего, от нитки с иглой до невозможности пожаловаться на эту нехватку. Пока его выручало лишь обманчивое предчувствие изменений.

В вечер долгожданного выезда на старт и впрямь что-то изменилось, и время понеслось вскачь. Аратов ещё не управился с делами, а его уже торопили сесть в машину; потом, правда, пришлось ждать других, и выехали – поздно.

Где-то на середине пути машина сбавила ход: дорога впереди раздваивалась.

– Поворот на «четвёрку», к Фомичу, – пояснил Еленский. – Не такая уж тут пустыня.

Аратов уже привык к нумерации всех объектов полигона: место его работы – штаб и расчётный центр – все знали как площадку номер один, «единицу», стартовая позиция, куда они ехали, была третьей площадкой, даже станция железной дороги, расположенная на открытой территории, имела свой номер, и один только жилой посёлок при «единице» во всех документах обозначался не цифрой, а собственным именем: «Аул».

– Тут, наверно, и в самом деле стоял аул, – сказал новичкам в первый вечер, во время «прописки», Векшин.

– Посёлок без женщин, – вздохнул Гапонов.

– Значит, «секс-аул», – вывел Ярош. – Аул, саксаул, сексаул.

Он не ведал тогда, как невесела его шутка. В фанерном городке жили почти одни только мужчины – офицеры, мающиеся без семей в ожидании постройки нового района, и командированные. Аратов связывал свои прежние мечты о разъездах по стране с надеждой на счастливые встречи с женщинами, но в Ауле впопру было думать не о том, как завести новые знакомства, а о том, как бы, месяцами мне появляясь дома, не растерять старые. После детства, начавшегося в женском обществе, ему, казалась, суждено было провести жизнь – в мужском: раздельное обучение в школе, институт, в который отнюдь не рвались девушки (а те, что всё ж поступали, увлекались более самолётами, чем танцами, тряпками и прочими положенными им пустяками), а теперь ещё и армейская среда – этого с избытком хватало, чтобы отучить строить розовые планы.

В первый день казалось невероятным, что барачный Аул может быть центром полигона; но существовали и вовсе глухие площадки. Теперь машина торопилась к одной из них, куда-то к пределам территории, и дорога казалась безнадёжной; когда Аратов решил, что уже пора бы прибыть на место, шофер сообщил, что осталось ровно полпути.

– Сейчас кончится бетонка, – предупредил Караулов.

– Нечаянная радость, – проворчал Аратов. – К утру-то доберёмся?

Он успел представить себе и ночёвку в холодной машине, и обморожение, и аварию, после которой пришлось бы добираться пешком, и бескрайность окружающего их неживого пространства.

– Теперь-то доберёмся, – заверил Караулов. – Чистая степь ровнее бетона. Ямы ведь рыть было некому. Мы тут охотимся за сайгаками, а они бегают неплохо: на спидометре восемьдесят, а сайгак от тебя уходит... Да вот и объезд.

Из темноты пугающе близко вынырнули силуэты дорожных машин.

– Выгодная работа – тянуть дороги, – продолжал Караулов.

– Механизация высокая, народу занято всего ничего, а им за километр вынь да положь миллион. И ни тебе отказов, ни промахов, всё известно наперёд.

– Да, это не ракеты запускать, – согласился Еленский, к возмущению Аратова, не понимавшего, как можно сравнивать столь разные вещи – небо с землёю. – Да только ничто даром не даётся.

Жизнь у дорожников – не позавидуешь: круглый год в поле. Как завернут морозы...

– Завернули, – усмехнулся Аратов, отбивая ногами чечётку на холодном полу; мороз снова был такой, что, когда выезжали, свет столбами стоял над каждым фонарём.

– Озяб?

– В туфельках-то!

– Что ж ты, Петя, парня студишь? – упрекнул Караулов. – Который день, как приехали, а ты спецодежду не обеспечил. У нас, кажется, и полушубки есть.

– Склад теперь на «тройке», – напомнил Еленский. – Не ездить же специально. Завтра заодно и оформим.

Когда впереди наконец замерцали несколько огоньков, основательно заочневший Аратов совсем приуныл, представив себе скромные размеры площадки; это, пожалуй, и была та самая «точка», где, по его представлениям, в блиндажах коротал зиму десяток солдат. Однако, приближаясь, огни стали множиться, и, достигнув первого из них, Игорь увидел улицу, такую же, как в Ауле: складские помещения, бараки, лавчонка с автоматчиком у дверей – всё это тёмное, неживое.

– Вчера в магазин спички завезли, – сообщил шофер.

– Хорошо начинаем жить, – серьёзно заметил Караулов.

«Что же тут за жизнь такая, – поразился Аратов, – если это – событие для них? Не война же, чтоб соль, мыло да спички...»

– Бывают странности, – словно отвечая его мыслям, сказал Еленский. – Две недели назад сюда привезли вместо спичек чай, и сразу – беда. Прикуривать в столовую бегали. А где-то люди, соответственно, пили пустой кипяток, без заварки.

– На спичечных головках настаивали, – пробурчал Аратов.

– Придётся сменить хозяина в военторге, – решил Караулов. – Много безобразий.

Аратов, кажется, ждал, что, миновав сонный посёлок, машина подъедет прямо к пусковой установке и её, вдруг возникая в свете фар, обступят солдаты расчёта. Но они остановились недалеко от лавочки – позже, утром Аратов увидел, что тут всё было близко одно от другого: площадка насчитывала не больше двух-трёх десятков строений. Еленский повёл его в длинный барак со входом не с торца, как обычно, а в середине; над дверью освещался голый лампочкой транспарант: «Семилетку мы начали хорошо.

Н.С.Хрущёв». Прихожая, убранство которой составляли тумбочка и жестяной бачок для питьевой воды, была пуста. В поисках дневального Еленский открыл одну за другой несколько дверей; свет горел только в двух комнатах, где играли в карты. Дневальный, выйдя на голоса, развёл новых постояльцев по разным номерам; в том, куда попал Аратов, жили ещё четверо.

В ожидании завтрашней работы Аратов спал беспокойно. Ему приснилось, что он запускает огромную ракету. Противник был уже близко, дело решали секунды, а он напрасно шарил по карманам в поисках спичек, чтобы поджечь бикфордов шнур. «Газик», посланный в магазин, вернулся пустым и без шофёра, и солдат, помогавший в запуске, закричал в панике: «Поджигай от искры, пока не ушла!»

Утром Аратов обнаружил, что не помнит, где остановился Еленский. Искать по комнатам было неудобно, и он вышел на улицу.

Потеплело. Ветер гнал низкие облака. Аратов порадовался изменению погоды, не догадываясь, что это задержит его на площадке. Мирный пейзаж, представший в скудном бестеневом освещении, был неинтересен: утопанный до звонкости пустырь перед гостиницей ограничивали с двух сторон барак офицерской столовой и несколько финских домиков, с третьей же, противной гостинице стороны площадь открывалась в степь, и здесь взгляд наталкивался на одно лишь строение – общественный туалет, на розовой штукатурке которого во всю стену был намалёван черной краской призыв к мытью рук до и после его посещения.

За несколько минут Аратов обошёл всю площадку, и потом ему только и оставалось, что ходить кругами по собственным следам. С Еленским он встретился за завтраком.

– Ты невезучий, – сказал тот, – больше не возьму тебя на пуск. Похоже, что работы не будет: смотри, какая облачность.

– Ну и что? Это же ракета, а не «кукурузник».

– Это лишь воевать можно в любую погоду, а лёгкие испытания – дело капризное. Нам нужно следить за изделием визуальным, кинотеодолитами.

– Выходит, напрасно спешили?

– Напрасно. К тому же, тебе еще один сюрприз: кладовщик на пару дней уехал в Аул, Ты можешь не дожидаться сейчас, придётся потом приезжать специально.

Аратов согласился бы остаться без тёплой одежды, лишь бы увидеть пуск и поскорее вернуться в Аул, уже начинавший отсюда казаться чуть ли не родным домом. Прогноз, однако, был нехорош, и перспектива сидеть, сложа руки, была намного хуже того, что ещё вчера удручало в Ауле; искать работы было бессмысленно, оттого что тут многие, все сразу оказались без дела: ракету подготовили и вывезли на старт, и единственным следующим действием мог быть только её запуск.

Начальство, однако, придумало, чем занять народ. Приказ Караулова был неожидан:

– Ставить бильярд!

Что за бильярд, какой, откуда здесь вообще мог взяться бильярд – сразу было не понять. Не заметив на лицах коллег недоумения, Аратов решил было, что имеет дело с особым жаргоном, но распоряжение следовало понимать буквально: в одном из домиков лежал разобранный бильярдный стол, и до сих пор ни у кого не находилось свободного времени для его установки. Что за связь существовала между испытаниями оружия и этой игрушкой, к которой так серьёзно отнёсся заместитель главного конструктора, стало ясно не сразу; поначалу Аратову невдомёк было, как сложно занять досуг людей на крохотном островке в голой степи. Не знал он и трудностей предложенной сейчас работы: «Подумаешь, привинтить ножки к столешнице, – усмехался он про себя. – Вот уж никто бы не догадался, чем я в первую голову занялся на ракетном полигоне. Да и вспоминает ли кто-нибудь обо мне?»

То, что дома только привычно тревожило его, в отъезде стало казаться катастрофой – особенно сейчас, в нечаянной праздности. Ему стало горько от случайной мысли о том, что он никого не оставил в Москве. Невольно воображая, что не сбывшееся ранее сбудется в этом чудесном городе, он не хотел помнить, что именно там это и не сбылось пока. Он только искренне верил, что стоит вернуться в те места неисчислимых возможностей, как начнётся новая, наконец-то полноценная жизнь. Однако прежде возвращения в столицу нужно было ещё попасть в Аул, неторопливость времени в котором не шла ни в какое сравнение с полной неподвижностью того здесь, на стартовой площадке, – и он уже отчаянно тосковал по тому самому Аулу, который недавно проклинал.

Придуманное Карауловым занятие не только не скрадывало ожидания, но, занимая руки, а не голову, имело обратное действие. Дело, к тому же, не ладилось: с тем, что набивший руку мастер сработал бы, наверно, за день да на глазок, инженеры, вооружённые хитрыми, предназначенными для куда более точных работ инструментами, провозились трое суток. Плиты, составлявшие основу стола, покоробились при хранении, и как ни подтягивали их болтами, шарик, положенный для проверки, всегда находил уклон и катился. На их выравнивание и ушло всё время; последней же операции – того, как натягивается сукно, – Аратов не увидел, потому что на четвёртое утро погода изменилась.

Койка стояла под окном, и он, едва проснувшись, откидывал занавеску, чтобы посмотреть на небо, увязал взглядом в серой пелене и тогда вновь закрывал глаза: торопиться было некуда. Сегодня ему показалось, что облака поднялись и посветтели.

В столовой он увидел, что не ошибся: все собирались на старт, и автобус ждал у входа. Еленский с Игорем поехали на «Побед» Караулова; тот сам сидел за рулём. Дорога оказалась такой короткой, что всякий и пешком одолел бы её за десяток минут. Миновав какие-то низкорослые здания, машина остановилась подле караульной будки у въезда на обширную, огороженную колючей проволокой территорию; отсюда ещё нельзя было, оттого что мешали невысокие холмы, разглядеть, что же делается внутри. Лишь пройдя сотни две шагов, Аратов увидел внушительное сооружение, на котором, словно на пьедестале, лежала ракета; возле неё на узенькой площадке с тонкими перильцами, как на капитанском мостике, возились люди.

В глубоком бункере под пусковой установкой было тепло, пахло нагретой краской и успокаивающе гудели какие-то приборы. Что здесь было к чему, Аратов не успел спросить: военные усадили Еленского подписывать протоколы, задания, программы – ворох бумаг, которым, казалось, не место было здесь, – и Аратов представил себе боевую тревогу, вражескую боеголовку, летящую на цель, и военных, лихорадочно подписывающих – и не успевающих подписать – нужные для выстрела бумаги.

– Боевая готовность – тридцать минут, – объявили по громкоговорящей связи, когда Еленский поставил последнюю подпись.

– Вовремя управились, – потирая руки, весело проговорил он.
– Пойдём-ка наружу, не то потом не выпустят и придется смот-

реть работу по телевизору. Или, того хуже, прогонят за ворота, если не спрячемся.

Было странно, что нужно прятаться от кого-то, хитрить.

– Разве мы здесь незаконно? – удивился Аратов.

– В бункере – законно, а вот выходить из него не положено

Всё же выйдя, они побежали в противоположную от въездных ворот сторону, стараясь, чтобы их не заметили со сторожевой вышки и в перископы бункеров. Цель их была – штабель арматурных прутьев, за которым уже прятались несколько человек.

Вскоре над одним из бункеров подняли красный флажок,

– Готовность – пятнадцать минут, – объяснил Еленский. – Теперь можно не скрываться, за нами уже не побегут: всякое движение запрещено. Вот, убирают последние машины.

От пусковой установки отъехали автомобили – пожарный и несколько специальных, с крытыми кузовами. Последний из них, разворачиваясь, съехал в кювет и застыл, задрал нос. Сопло ракеты смотрело точно на него.

– Вот и задержка, – сказал кто-то возле Аратова. – А ещё спорили...

– Этот случай не входит в статистику, – возразил Еленский. – Внешняя причина.

– А нам всё равно ждать, внешняя она или какая ещё.

– Шофёру-то какво?

Отсутствие машины заметили, очевидно, не сразу: колонна, не задерживаясь, степенно проследовала к воротам и лишь минут через пять оттуда вернулась «коломбаина». Вытащить грузовик оказалось быстрым делом; снимать потом трос было, наверно, некогда, и обе машины так и укатили связанными.

Пятнадцать минут давно истекли, но ракета по-прежнему спокойно лежала на стреле установки. Груда арматуры не защищала от ветра, и соседи Аратова, одетые в тёплые, на меху, куртки, энергично топали ногами, толкались, хлопали по бокам руками; ему и подавно неуютно было в демисезонном пальто.

– Часовая задержка пятиминутной готовности, – провозгласил Еленский.

– Брось такие шуточки, – одёрнули его. – Накаркаешь.

– Жаль, нет громкоговорящей связи.

– И буфета.

– Дурацкое положение. Теперь пойдут задержки одна за другой, а мы тут мёрзни да нервничай.

– Напрасно ты не взял валенки у дневального, – обернулся к Игорю Еленский. – Человек помочь хотел.

– Наверно, дадут отбой, – сказали рядом, и Аратов ужаснулся, что ещё раз придётся пройти испытание морозом.

– Так гладко шло...

– Надо было б тебе захватить фляжечку – погреться, – продолжал Еленский. – Как на фронте перед атакой – наркомовские сто грамм.

– Дождались, – произнёс хриплый голос сзади. – Считай секунды.

Ракета бесшумно задирала нос, и Аратов, напрягшись в иступлённом ожидании, моментально забыл о холоде.

Струя жёлтого огня вырвалась из жерла ускорителя. Аратову показалось, что он уловил момент, когда пламя било и било из двигателя, а ракета вопреки законам физики всё ещё неподвижно лежала на стреле, не отзываясь на чудовищное давление струи.

Он как будто и сам улетал и должен был бы заметить и отложить навсегда в памяти каждую мелочь из происходящего с ним, но даже и тогда всё равно упустил бы момент взлёта – опомнившись, увидел бы землю далеко внизу, и голова закружилась бы запоздало. Так и сейчас, словно отсутствуя ничтожную долю секунды, он упустил начало разгона: ракета, только что безнадёжно лежавшая со рвущимся из хвоста огнём, вдруг пропала, перестала существовать, оставив после себя на земле только непроглядное белое облако из дыма и пара. Аратов, успев огорчиться тем, что проглядел нечто важное, лишь после некоторого замешательства догадался скользнуть взглядом вдоль длинного дымного следа – и в конце его обнаружил улетающий язычок огня.

Пришедший звук застал его врасплох. Аратов совершенно забыл, не думал о звуке – и вздрогнул, и уничтожен был, каждой клеткою тела почувствовав страшный взрыв, который не раздался, чтобы смолкнуть, прогрохотав раскатами, не произошёл в миг, а продолжался непрерывно, больно давя на уши – не стихая, а лишь улетаая вдогонку за снарядом, по дымному столбу – в высоту.

Огненный язычок быстро превратился в точку (странно было, что она, ничтожная, производит такой шум в небе), она же – распалась на две, и Аратов, понимая, что это отделился ускоритель,

всё-таки не знал, за которой из них следить. Выбрав ту, что круто пошла вверх, он ошибся; его точка погасла, и найти в ослепительной синеве другую, подлинный факел ракеты удалось не сразу.. Вскоре растаяла и эта, вторая искорка, и от места её гибели потянулся, причудливо извиваясь, белый след.

– Визуально всё нормально, – сказал Еленский, и кругом засмеялись.

– Что они? – спросил Аратов.

– Старая хохма. Мы как-то глядели вот так же, из-под руки, и вроде всё было в порядке: факел есть, след инверсии тянется – летим! – ну и докладываем Б.Д. по телефону: «Визуально всё нормально». Тот доволен, благодарит за службу, а мы потом проявили плёнки – и волосы поднялись дыбом: изделие стало разваливаться при первом же манёвре. Крылья на восьмой секунде сломались – по всей степи!..

– Но сейчас-то, – вскричал Аратов, – сейчас-то она хорошо пошла!

– Будем надеяться. Но, кстати, Игорь, как ты – каково впечатление?

– Не знаю, что и сказать. Я не готов был к такому.

– Страшно не было?

– Почему страшно? – не понял Аратов, но всё-таки помедлил с ответом. – Вот если б я сидел на ней верхом, как барон Мюнхгаузен... Знаешь, я просто забыл, что она может рухнуть на меня...

– Или взорваться и достать осколками.

– Во всяком случае, это было не кино, а... а настоящее переживание. Да от этого психика может измениться: помотришь – и станешь другим человеком.

– Интересная трактовка, – хмыкнул Еленский. – Между прочим, многие в первый раз увлекаются настолько, что совершенно не слышат звука.

– Слышал, слышал – такой, что, казалось, мне голову вдавливает в желудок.

– Ты, случайно, стихи не пишешь?

– Стихи? Почему стихи? Нет, конечно.

– Складно рассказываешь. Но пойдём, поинтересуемся, что успели увидеть телеметристы. И расскажем Б.Д., как ему жить дальше.

Запуск ракеты Аратов посчитал событием столь грандиозным, что, став его свидетелем, ожидал в Ауле особенной встречи. Он хотя и не заблуждался насчёт собственной роли, но думал о себе и о тех, кто возвращался вместе с ним, о подлинных участниках, словами молодёжных повестей: «герои третьей площадки». Такое, конечно, здесь невысказано было ни произнести вслух, ни услышать от других. Он постыдился бы сказать нечто подобное и в Москве, среди непосвящённых; впрочем, среди тех он не имел права даже и самым туманным образом намекнуть на род своих занятий, на то, что он видит, где бывает. Понимая, что дома, по возвращении, ему будет не избежать ответов на вполне естественные расспросы, он собирался придумать правдоподобную легенду. С другой стороны, строго следовать букве инструкции, требующей полной немоты, всё равно было невозможно; он подозревал, что все коллеги в той или иной степени нарушают её, проговариваясь жёнам или родителям – иначе невысказанной стала бы их семейная жизнь. Даже мимолётные, вскользь, замечания о полигонном климате, нечаянные упоминания мелочей в пейзаже – и то много сказали бы внимательному слушателю, а слово «изделие» не могло обмануть и самых недогадливых. Аратову претила необходимость деления людей на тех, кому можно сказать всё или многое, тех, с кем следует ограничиться недомолвками, и тех, кому нужно солгать. Казалось диким, что, будь у него возлюбленная, ему пришлось бы морочить ей голову неправдой: пожалуй, он предпочёл бы сменить работу.

Оттого, что существенная часть жизни оставалась тайной для всех, одиночество его усугублялось: теперь он уже не мог делиться удачами со старыми друзьями или ждать от них помощи при неприятностях на работе. С тем же, конечно, можно было обращаться и к сотрудникам, но их, за краткостью знакомства, Игорь пока не принимал во внимание, и эти два доступных ему круга не соприкасались, а может статься, и постепенно отдалялись один от другого в создаваемом им для себя мире: доступ в один стал ограничен, а во втором положения различались проще, нежели судьбы, и Аратов думал с грустью, что скоро может стать посторонним и здесь, и там. В числе прочего его смущала и такая незначительная, казалось бы, вещь: до сих пор, в Москве, его не занимали подробности быта его знакомых – кроме Прохорова

и, быть может, Наташи, – и теперь, при жизни бок о бок с чужими людьми, он опасался не принять сразу из уклад, а тогда и заметить то, чего не следует замечать, и сказать что-то невольно, и поступить вопреки неписанным правилам.

На полигоне сразу пошло так, будто именно его, Аратова, собственного быта и не было вовсе, а было лишение всего – привычек, друзей, свободы, – и чужая жизнь впервые близко открылась перед ним; здесь он соприкасался с соседями теснее, чем привык – в коммунальной квартире. Несмотря на это, он мало что знал о новых знакомых, потому что мужчины даже и здесь, оторванные от семей, не склонны были делиться личным, а интересоваться тем же у единственной пока среди них женщины было по меньшей мере неловко. Интересы к тому, как устроилась среди них Рая, потому и не возникало у Аратова, что как раз женщины он и не видел в ней, некрасивой, с блёклым старушечьим взглядом, с птичьим голосом и со стародевическим, глупеньким умилением пустяками, и поначалу не понял Яроша, обронившего как-то о Рае: «Хорошей женой будет кому-то,» – попросту не представлял себе, что за человек способен на ней жениться.

Первое впечатление ложится часто на пустое место, создавая для мнения прочную основу; всему последующему приходится выдерживать сравнение. Успев принять за должное те условности и неудобства, с которыми пришлось столкнуться на новом месте, и считая, что сам он, раздобыв у дневального электроплитку, чтобы греть воду для бритья, живёт в преступной роскоши, Аратов не знал, что и подумать, когда однажды ему пришлось войти в Раину комнатку в саверинском домике. Привыкнув к потёртой серой клеёнке на своём столе и к чернильным одеялам на койках, он изумлён был обилием здесь белого цвета: не считая уже пикейного покрывала, кругом полно было рукодельных салфеток, накидок, дорожек; разглядев, помимо этого, репродукцию в металлической рамке, вазочку с искусственными цветами и коврик перед кроватью, Игорь удивился и способности женщин обживать самые пустые и дикие места, и, заодно, неприхотливости мужчин.

«Неужели нужно возить это с собой?» – подумал он, хотя и понял, знал уже, что нужно, потому что ему самому очень недоставало многих вещей, к каким привык в Москве – от книг до шлёпанцев или чайной ложки; он обходился и без них, начиная думать, что обойтись можно вообще безо всего, и только

в минуты особенной тоски, не такие уж редкие, всё повторял: «Так жить нельзя». Зато маясь в непогоду на площадке он поймал себя на том, что о своём спартанском жилище в Ауле вдруг подумал как о своём доме, обжитом и желанном.

Это жилище он делил с Гапоновым. Тот давно спал, когда приехал Аратов, и, едва отперев дверь, улёгся было снова, но, взглянув на соседа, вдруг рассмеялся:

– Ого, ну и одёжка!

– Какую дали, – нахмурился Игорь. – Впрочем, прекрасная одёжка: тепло и темно.

– Вот разве что темно. Ну-ка, ну-ка, покажи рукав, не прячь.

Куртка, наконец добытая перед самым отъездом с площадки, была, конечно, не новой, но добротной и почти приличной на вид – если бы не прожжённая на рукаве дыра.

– Теперь понятно, – ухмыльнулся Гапонов, – почему на единственный пуск ушло столько времени: вы, гляжу, ракету спичкой запускали.

– Именно так, – серьёзно ответил Аратов, вспомнив свой недавний сон. – Но там со спичками туго.

– Или это – у костра? – не унимался сосед. – В партизанском лесу? Отлично, отлично! Ты, гляжу, и сапоги с немца снял?

– Ну это ты брось, сапоги нормальные, не эрзац какой-нибудь.

– Конечно, нормальные, но в сочетании... Тебе, партизан, только бороды не хватает.

– Не в моём вкусе.

– А вот мне бы пошла. К моему бушлату. В следующую отсидку, после Нового года, отпущу. Да что ты всё озираешься?

Аратов засмеялся:

– Можешь себе представить, ищу перемены. Такой долгой оказалась отлучка, что я, как только въехали в Аул, стал оглядываться – в темноте-то, – ища, что изменилось без меня: дом построили, стадион открыли, пустили метро.

– Ванную отделали розовым кафелем, – съязвил Гапонов.

– Да, помыться бы сейчас... Такие мелочи – а как всё портят!

– Хороши мелочи! Что же тогда главное?

– Ракету пустили, – смутился Аратов.

– Не ты пускал.

– Но и не тот солдатик, который нажимает кнопку. В конце концов, его кнопка – ничто перед тем анализом, за который мы

с тобой отвечаем. Кстати, что же ты не спрашиваешь о результатах – не интересуют?

– У тебя же всё равно нет графиков в кармане? То-то. А общие результаты я знаю и сам: сидел в штабе во время вашей работы.

– Я-то настроился рассказывать подробности!

– Потерпи до утра: пуск хороший, и тебе этих подробностей хватит надолго: считать коэффициенты да строить кривые. Так что давай-ка лучше, пока не пришёл Петя, сразимся в шахматы.

– В шахматах я слаб, – сознался Аратов.

– Что ты за человек? В шахматах слаб, в карты не играешь.

– Терпеть не могу, – подтвердил Аратов. – Скучно. Только время тратить без толку: каким ты сел за стол, таким и встал.

– Э, дорогой, да ты рационалист.

– Нет, пожалуй, – подумав, возразил Аратов. – Рационалист сначала вычислит, а потом возьмётся за дело, я же всё-таки сначала живу, а лишь потом объясняю, как.

– Что ж, тут у каждого достаточно времени, чтобы, сидя на коврике, ответить, есть ли жизнь на Марсе. Будь моя воля, я бы набирал в экспедицию одних Гегелей и Львов Толстых. Потому что прочим ничего не остаётся как расписывать «пульку». Вот и ты научись, как все, никуда не денешься. Странно, что не научился в вузе.

– Неиграющие найдутся всегда. Как и непьющие.

– Разве что твой Ярош? Ну так он в домино играет, а это и по-давно низшая ступень.

– Погоди, – спохватился Аратов. – А что же его не видать? Пойду, загляну.

– Погоди. Федот отправил его наконец на техничку. И мы ожили. Нет, – видя недоумение Аратова, поспешил поправиться Гапонов, – не потому, что он надоел, а потому что векшинские расчёты закончились, и к нам вернулась Раиса, без которой я был как без рук. Прямо скажем, с недобрим чувством глядел я на эту парочку, Яроша да ярочку.

– Завидовал? – усмехнулся Аратов. – А, может, это у них серьёзно?

– Ты иронизируешь, а мне сдаётся, что Раиса увлеклась твоим приятелем. Эдакое, знаешь, немое обожание – самая страшная вещь. Он-то крепок, как скала, что неудивительно: на этот кадр не заглядишься. Впрочем, дело вкуса.

– Разве тут говорят о вкусах? – махнул рукой Аратов, невесело подумав, что обидно будет, если в его отсутствие позвонит Олечка Вербицкая. – Разве спорят? Тут не только не о ком поспорить, но и работать не с кем: один техник на всю экспедицию,

– Лучший техник во всём КБ, – многозначительно сказал Гапонов. – Эх, нечего с тебя взять за добрую весть, да ладно уж: Петя вызвал сюда Фаину – скорее всего, в полное твоё распоряжение. Да и к Векшину едет Валя Ярош, то бишь Чернышёва. Так что скоро у нас соберётся настоящий малинник – и смотри в оба, ты ведь у нас комсомольский босс, и моральный климат – первая твоя забота. Вокруг – одни холостые офицеры...

– Надеюсь, тут и до меня жили без происшествий. Мне других забот хватит.

– Ракеты пускать?

– Ты ведь тоже кнопку не нажимал, – огрызнулся Аратов.

* * *

Чтобы избежать новых подтруниваний Гапонова, Игорь встал пораньше и один ушёл в столовую. Как и всегда, молодые офицеры, дождавшись открытия, устроили в дверях весёлую толкучку, но, ворвавшись в помещение, мирно выстроились в довольно разговорчивую очередь. Ими, насколько невольно слышал Аратов, обсуждалось всё, что угодно, только не вчерашний пуск, и он сноу почувствовал себя задетым.

Не став после завтрака возвращаться к остановке штабного автобуса, Игорь пошёл на работу пешком, посчитав, что всё равно придёт первым, – и ошибся: едва толкнув дверь рабочей комнаты, он увидел, что рулоны проявленной плёнки уже разложены на столах и Еленский с Гапоновым спорят о чём-то, попеременно выхватывая один у другого исписанный листок бумаги. «Когда только успели?» – поразился он.

– Богатая работа, – с непонятной Аратову усмешкой сказал Гапонов. – Богатая. Хотя переходные процессы могли бы выглядеть поизящнее.

– Что-то не слышал я о таких изделиях, – ответил Еленский, – которые умели бы летать с самого рождения: их учи да учи. Хорошо ещё, что на этих пусках мы считаемся с одними лишь законами школьной физики. Но всё равно, вот увидишь, военные – милый наш Трефилов – скажут, что в КБ не умеют делать простейшие расчёты.

- Кстати, где это наша армия? – поинтересовался Аратов.
 - Забыл, какой сегодня день недели? У них политзанятия.
 - Но ведь пуск!
 - Тут порядки незыблемы. Политзанятия и физкультуру не может заменить ничто.
 - А нет ли такого незыблемого порядка, чтобы помогать нам в анализе? С аэродинамикой мне, например, одному не справиться и до Нового года.
 - У нас есть свои резервы, – успокоил Еленский. – Ребята из «науки».
 - Которые успешно заняты с Федотом.
 - С завтрашнего дня Платонов назначен тебе в помощь.
 - Кто к кому? Он же старший инженер.
 - А ты – испытатель и, значит, хозяин на полигоне.
- Офицеры пришли незадолго до обеда. Пронзительный голос капитана Трефилова, начальника отдела, был слышен издалека.
- Владимир Александрович уже на лестнице, – предупредил Аратов. – Слышу, – отозвался Еленский, без энтузиазма объявляя: – Перекур.
 - Говорят, – открывая дверь, начал Трефилов, – опять промышленники выкинули изделие за забор. Жаль, я не поехал на старт: давно не видал фейерверков.
 - Изделие наше, куда хотим, туда и бросаем, – поленившись опровергнуть, в тон ему ответил Еленский.
 - Осколками не задело? – участливо поинтересовался капитан и, обернувшись к спутникам, продолжил: – Они даже раскраску изделия придумали такую, чтобы знать, какой кусок летит в тебя: если крыло красное, значит, номер один, если белое – номер четыре.
 - Смейся, смейся. Позабыл, сколько раз мы, когда работали с нашими первыми изделиями, ни на каком куске не могли найти маркировку?
 - Вот я и говорю: группу анализа главным образом занимают поиски бранных останков. Единственное исключение – Димыч, которого вообще ничего не интересует, кроме «Теории вероятностей» Вентцель.
 - Вентцель – библия испытателя, – провозгласил Гапонов.
 - В СССР это не комплимент: интересно, кто из нас читал библию?

– Сегодня о металлоломе речи нет, – заметил Аратов, смущённый их пикировкой. – И пуск удачный, и запись – чистая, если б не сбой при отделении ускорителя.

– Ну, там-то сбой в порядке вещей, – серьёзно сказал Трефилов. – Вы бы встревожились, если б его не было. А участок всё равно неуправляемый, так что и запись не важна.

– Послушайте, – оживился Аратов, – а не было ли на свете ракет, которые бы и при полёте с ускорителем управлялись, а не летели, как чушки?

– А кому это нужно? Наше изделие с ускорителем статически устойчиво, – заметил Еленский. – Это ты должен знать лучше меня,

– Зато сколько весят стабилизаторы!

– Ну, сожжёшь ты лишний центнер пороха – что за беда? А что касается управления – аэродинамические коэффициенты при таких ускорениях не считаешь. Твоя наука освоила только установившиеся течения.

– Вот Игорю и карты в руки, – сказал Трефилов. – Легко может написать диссертацию. Материала сколько угодно, да гражданские ленятся брать то, что само даётся в руки. Всего-то нужно – набрать свою статистику.

– Тут важно жить этим с первого же пуска, – согласился Еленский, – иначе поддашься текучке, как мы все, и – прощай, наука. А, кстати, Трефилович прав: устойчивость и управляемость при больших ускорениях – достойная тема.

– Подумай, Игорь.

– Что ж, это идея. Спасибо, – сдержанно поблагодарил Аратов, про себя радуясь свободе решать столь важные вещи.

– Тем более, – продолжал Трефилов, – что работа над твоей диссертацией уже идёт полным ходом. Смотри, я вошел, а Рая и головы не подняла, не разогнулась: собирает тебе материал. А я было подумал как-то, что она вам изменила: из проходной прямо в третий корпус – и с Витей да с Витей. Я молчу: нежные чувства надо уважать. Хорошо, Федот вовремя догадался услать парня на техничку.

– Ладно, давайте к делу, – вставая, сказал Еленский. – Честно говоря, сначала я хотел было дать вам поглядеть самим, что найдёте, но раз уже не терпится, то подскажу: обратите внимание на первое отклонение рулей.

– Довольно чисто, а? – удивлённо проговорил капитан, наклоняясь над лентами. – И такая запись – до самого конца? Поздравляю. Только погоди, почему тут какой-то сдвиг по времени? Или ты нули не совместил?

Еленский развел руками:

– Сами ломаем головы. Странное дело: давление в рулевых машинках растёт, а рули не поворачиваются, словно их что-то держит. Потом, вдруг, отпускает и – вот какой заброс!

– Приходящийся по времени на хорошие скоростные напоры, – напомнил Гапонов, имея в виду, что при сильном отклонении воздушных рулей на малой высоте их может просто отломить напором ещё плотного здесь воздуха.

– Если выберем более пологую траекторию или если рули забросит чуть сильнее, – озабоченно проговорил Трефилов, – то дорогим нашим промышленникам очень пригодится разная их раскраска.

– Следующее изделие как раз и пойдёт по пологой... – напомнил Еленский.

– А в отсек ничего у вас не попало? Какая-нибудь отвёрточка, палка в колесо? Оставляют же хирурги ножницы в животе, – предположил Трефилов и сам отверг: – Смешно, ведь картина одинакова по всем четырём каналам. Ну, а ваша версия?

– Возможно, ферма двигателя деформируется от силы тяги.

– Посчитать нельзя?

– Не на ручной же машинке силами одной девочки, – усмехнулся Еленский. – Мы, конечно, дадим задание нашим прочнистам в Москве, но если те потребуют доработки отсека, пуска не будет, наверно, до марта.

Странный звук донесся из угла, где сидела Рая. Аратову почудился всхлип, но было как-то неудобно оглядываться тотчас, и лишь заметив, как вытягиваются лица окружающих, он краем глаза посмотрел на Раю. Её лицо сморщилось и блестело от слёз, которые она не думала вытирать, а тонкие губы кривились в неопределённой гримасе.

Наступила неловкая тишина.

– Голова болит, – жалобно проговорила Рая, заметив, что на нее смотрят.

– Зачем же плакать? – удивился Еленский. – У меня пирамидон есть.

– Говорил я, перегрузили девчонку, – громко сказал Трефилов. – Это всё Федот с его трудолюбием. Он и Виктора заездил.

Махнув рукой, Рая выбежала из комнаты, оставив мужчин в смущённом молчании.

* * *

Девушки прилетели накануне следующего пуска. Устав от мужского общества, Аратов ждал их с нетерпением.. Он почти с нежностью думал о Фаине, вспоминая, как та проходила по дорожкам заводского сада – с красным зонтиком, в юбке из шотландки, в остроносых туфельках на колких каблукках; в Аул она приехала в валенках, платке и лёгкой куртке – он разочаровался, только тогда и сообразив, что ждал увидеть ее на «шпильках».

– Ах, Михалыч, – воскликнула при встрече Фаина, – я бы расцеловала тебя, так рада.

– «Бы да кабы»! А я возьму и расцелую, – засмеялась Валя, обнимая Аратова и трижды целуя его. – И ещё три раза – за Витьку. Что ж он не приехал?

«Чему радуются? – недоумевал Аратов. – Прилетели перед самым Новым годом – могут ведь и не выбраться обратно».

Это он должен был радоваться их появлению, но на самом деле расстроился, острее, чем прежде, почувствовав оторванность от дома; мысли о Москве захватили его.

Он представлял себе новогоднюю вечеринку в комнате Прохорова, увешанной странными, беспокоящими картинами, в небольшой компании близких людей, разбавленной единственной незнакомкой – приглашенной специально для него. Он предвкушал танцы подле ёлки, шампанское, бенгальские огни и какие-нибудь игры на ночном бульваре, нелепые в другое время.

Он представлял себе собственную комнату – узкий «пенал», оформленный им, к неудовольствию Игожевых, по-своему: одна из стен была покрашена чёрной краской (сплошь, кроме двух чистых прямоугольников, которые Прохоров позже записал абстрактными композициями), лампа в углу была сделана из винной бутылки, а на письменном столе лежал гипсовый череп, вызывавший особенные возражения Лилии Владимировны. «Бедный Йорик, – отвечая ей, говорил Аратов, – он помогает заниматься: при нём нельзя мыслить ортодоксально».

Он представлял себе прилавки ГУМа, изобилующие неважными предметами.

Он представлял себе ярко освещённую улицу, на которой видел среди прохожих множество девушек и детей.

Он представлял себе встречу с Олечкой Вербицкой, повторение той, когда Аратов, обычно носивший берет, вдруг надел чужой котелок и девушка, показывая пальчиком, удивлённо и обрадованно воскликнула: «Уй ты, в шляпе!» Он пришёл в восторг от этого восклицания, понимая, что так не скажешь неблизкому человеку.

Он представлял себе, как надевает крахмальную сорочку и повязывает галстук.

Он представлял себе новогоднюю ночь здесь, в Ауле – без снега, без ёлки, без музыки, – зная, как это будет выглядеть, по опыту «прописки».

Прилетевшие девушки заперлись у Раи, расспросы о Москве пришлось отложить, и он постучался к Еленскому. Тот, накинув на плечи куртку, сидел за пасьянсом, и Аратов озадаченно хмыкнул. Занятие, на его взгляд, было странным для молодого мужчины.

– Пётр Зиновьевич! – воскликнул он. – Нижайшая просьба: может быть, ты и судьбу мою дальнейшую предскажешь? Не в смысле повышения в должности, это само собой, а в смысле казённого дома и червонного интереса? Верить не верю, а слушать люблю.

– За этим обратись к Фаине. Большой специалист, сразу определит, чем сердце успокоится. Только ты зря иронизируешь: пасьянс – дело серьёзное. У меня процент совпадений близок к восьмидесяти.

– Что ты загадываешь?

– Обычно я раскладываю пасьянсы накануне боевых работ. Перед последней аварией на старом изделии карты не сошлись трижды.

– Антинаучно, – уверенно заявил Аратов. – Куда проще бросать монету. У Вентцель...

– Монета – это совсем другой, простейший случай. В пасьянсе варианты решения не равновероятны: и условия нарочно усложнены, и неизвестно, чем определяется расклад карт в колоде. Так что не бросайся словами.

– Хорошо, пусть не антинаучно. Но ведь – суеверие?

– А у нас, испытателей, суеверия традиционны, причём некоторые легко обосновать. Ну, число тринадцать оставим в покое, а вот пример типа «женщина на корабле», то есть на старте – это уже серьезнее, верная примета самого дурного свойства, предвещающая аварию. Посуди сам: солдатики не видят живых женщин годами, и тут в ответственный момент, когда командир подгоняет, а работа не ладится, вдруг появляется этакое чудо природы: ножки голенькие, глазки туда-сюда, формы, благоухание... У бедных мальчиков от этого сразу посторонние шумы в голове – глядишь и забудут снять какую-нибудь заглушку.. У офицеров же начинаются трудности с громкоговорящей связью: нужно работать, а русского слова вслух сказать нельзя.

– Значит, наши девушки не видели пусков?

– Видели, почему же – из-за проволоки. От ворот всё хорошо видно. Вносить их в списки бесполезно – воины вычеркнут и будут правы: на старте не место праздным зрителям. Но и не показывать им пуск нельзя, это – могучий стимул. Между прочим, Б.Д. требует, чтобы каждый молодой инженер из научных отделов поработал хотя бы с недельку у нас, в том числе – посмотрел бы пуск. Со стороны пустое, вроде бы дело, кино, да люди, увидев результаты своей работы, потом стараются по-другому.

– Наших, кажется, заставлять не приходится.

– Всё же – заставляй. Правило такое: сам делай, что хочешь, но техников загрузи. А о твоей загрузке позабочусь я.

– Завтра над этим ломать голову не придётся: Димыч понавезёт материалов.

– Трижды сплунь, – посоветовал Еленский.

– Кстати, о суевериях: что скажешь о завтрашней работе?

– Плохие карты.

Оттого, что Аратов не поехал на «тройку», ему казалось, что день пуска будет особенно неудачным.

Утро, однако, поначалу не отличалось от прочих, разве что неожиданно стих ветер. Как обычно, из каждого двора доносился ровный негромкий звук – соединяясь, они заполняли всё студёное пространство между бараками и высоко над ними, словно это слышалось дыхание самого мороза; в действительности так шумели паяльные лампы, которыми водители разогревали масло в картерах машин. Кто-то один успел завести мотор, и по скользкой улице проползли, связанные тросом, два «газика»:

один с натугою тянул, а второй, намертво застывший, упирался, как козлик. Редкие прохожие торопились в одну сторону – к столовой; через час-полтора их поток, сгустившись, должен был отклониться к автобусной остановке у штаба строителей.

Предчувствие не обмануло: Трефилов не внёс фамилию Аратова в нужный список, и часовой у дверей командного пункта был неумолим. Что-либо исправлять было поздно, и теперь оставалось только усесться без дела в пустом кабинете, думая, что и другие неприятности не заставят себя ждать. Вести о них принес Еленский: новый пуск не только оказался аварийным, но и почти не оставил после себя информации

– Думаю, – сказал Еленский, – это как раз то, чего мы боялись: хана рулям. Ребята видели, как через пару секунд после разделения от изделия полетели куски, а телеметрия работала на второй ступени меньше полутора секунд – могла и не захватить аварии.

– Разложим пасьянс?

– Шутить будешь потом.

– Да ведь только и шутить, пока Сан Димыч не приехал.

– Поторопилась я прилететь, – сделала вывод Фаина

– Что ты, что ты, – испуганно зачастила Рая. – по первому пуску – завал расчётов. Я совсем зашилась – всё одна да одна.

– Давайте, отправим Фаину на площадку, – со смехом предложил Аратов. – По методу Векшина. Лихо он, всё-таки, едва полегчало с работой, расправился с Витей.

Вовсе не нужно было ему упоминать о Викторе, но тогда ещё никто не мог предвидеть последствий.

Раина счётная машинка затарахтела почти сразу, как вышел Еленский; вскоре включила свою и Фаина. Шум говорил о том, что обе девушки заняты работой, но когда Аратов случайно оглянулся, то увидел, что Раино жалкое лицо мокро от слёз. Он не удивился, потому что видел такое не в первый раз, и то, что сначала вызывало сочувствие, теперь раздражало. Было уже известно, как пойдёт дальше: Рая начнёт, жалуясь на головную боль, то и дело выбегать из комнаты, а потом, за час-полтора до перерыва, отпросится домой. Еленский отпускал её без лишних расспросов, но зато и потом не интересовался самочувствием, что с одинаковым основанием можно было объяснить и деликатностью, и равнодушием.

Услышав всхлипывания, Фаина всполошилась.

– Что с тобой? – допытывалась она, приобняв Раю и сама заметно побледнев. – Что-то случилось дома? Или сама захворала?

– Голова болит, – срывающимся голосом проговорила Рая.

– И из-за этого плачешь? Лоб холодный... Водички принести?

Рая покачала головой.

– Как же быть? Господи, что же это? Игорь, ну сделай что-нибудь! Сидишь, как пень.

– У меня это, «что-нибудь», не получается.

– Ты пробовал, что ль? – не поняла Фаина.

Аратов не ответил, глядя на вошедшего Еленского.

– Новопреставленную ракету оплакиваете? – раздражённо бросил тот.

– Пётр Зиновьевич, – запинаясь, начала Рая, – я хотела...

– Ей нехорошо, – вмещалась Фаина. – Не знаю, как быть.

– У меня голова очень болит. Можно, я пойду прилягу?

– Конечно, конечно, – живо отозвался Еленский. – Только, знаешь, я вообще не люблю полумер, а уж когда речь идёт о здоровье, они не нравятся тем более. Надо бы врачу показаться, а то как бы тебе не стать хроником. За час до обеда ты приходишь в себя, а назавтра всё повторяется. Лучше отдохни как следует. Зайди сейчас в госпиталь и оформи всё путем: бюллетень и тому подобное. На работу выйдешь, когда поправишься: сейчас с тебя всё равно много не спросишь. «Пыльные» за дни бюллетеня, разумеется, не заплатят, да ведь здоровье дороже.

«Иезуит», – подумал Аратов.

– В госпиталь? – растерялась Рая. – Пока дойдёшь да просидишь в очереди – до обеда не обернёшься. А то я прилегла бы – и всё бы прошло.

– Как хочешь, но я не имею права отпускать тебя ежедневно... Да и как бы не пришлось потом отвечать, если это серьёзная болезнь.

Фаина смотрела на Еленского, ничего не понимая, и Аратову стало неловко, словно это он повинен был в чёрствости начальника: брать бюллетени в командировке, где люди часто работали и в выходные, и по ночам, не получая за это компенсации, было неслыханным делом. «Однако что же это за головная боль, если от неё слёзы текут так ровненько? – думал он, примиряя свое недоверие к Раиной хворобе с желанием быть справедливым. – Скорее, у неё неприятности – и совсем свежие, – но не беремен-

на же она, этого-то не может быть никогда». Аратов готов был поспорить, что причина Раиных плачей некрасива или даже низка, – готов был, но не спорил, не позволял себе говорить об этом другим. Он стал осторожным после того, как однажды зря высказал вслух свою оценку.

Дело это было в институте, перед распределением, когда Аратову вместе с другими членами комсомольского бюро пришлось писать характеристики своих однокурсников, среди прочих – и единственного на факультете некомсомольца. Студент этот успевал посредственно, за все годы не подружился ни с кем из однокашников и вообще был, по общему мнению, не без странностей. Следуя привитым школой понятиям о честности, Игорь так и написал: «не участвует в общественной жизни, авторитетом среди товарищей не пользуется, работы в студенческом научном обществе не ведёт». О последнем писать было необязательно, но это уже ничего не меняло. Всё тут было правдой, но – ненужной и даже у секретаря бюро сочинение Аратова вызвало удивление; ничего не объясняя, он сам написал другую – стандартную, обтекаемую характеристику, мимоходом бросив прежнему автору, что негоже портить человеку только начинающуюся жизнь, навешивая ярлыки, когда по молодости можешь наговорить лишнего.

Лишь спустя время Аратов, вспоминая этот случай, начинал стыдиться сам себя.

Теперь он вовсе не собирался обсуждать поведение Раи, тем более, что она была несимпатична ему (и он судил бы предвзято) и что никто не знал причины ее плачей (Фаина, едва проведая, поделилась бы с ним немедленно, в этом Игорь не сомневался).

Но и повод поговорить о ней неожиданно исчез, оттого что расчёт Еленского (если это был расчёт) оказался верным, и Рая перестала не только отпрашиваться с работы, но и плакать на людях; потом, много спустя, Аратов, припоминая, увидел, что всё как ножом отрезало в тот самый день. Рая тогда и не пошла в госпиталь, и на работе досидела вместе со всеми до обеда. Игорь видел, как Фаина что-то участливо выспрашивала у неё, уединившись в пустой комнате, и, видимо, узнала такое, от чего участия поубавилось: после перерыва она обидно поддела Раю при всех. Её не укорили за это и, конечно, не поддержали, не зная обстоятельств дела – промолчали, хотя и промолчать было неловко, – но, видно,

и в самом деле грешно смеяться над сирыми и убогими, потому что буквально через день Фаина и сама попала в неудобное положение.

* * *

Гапонов приехал на попутной машине к концу дня, и никто не ушёл домой, дожидаясь, когда проявят привезённые им плёнки.

– Ждать нечего, не надейтесь, – предупредил он. – Сигнал везде пропал одновременно, задолго до первого отклонения рулей, так что на сей раз они здесь ни при чём. Самое обидное то, что процессы после разделения затухали гладко, словно в учебнике, а потом, вдруг – обрыв, словно ножом отрезало.

– Пироножом, – шутливо поправил Еленский и вдруг осекся: – Слушай, а вдруг пиронож сработал?

Речь шла о приводимой в действие пороховым зарядом гильотинке, которая в аварийных ситуациях должна обрезать жгут кабелей. Версия показалась правдоподобной, и теперь тем более стоило дожидаться плёнок.

– Эх, пулюку, что ли расписать? – потягиваясь, лениво проговорил Гапонов.

– Премии лишу, – пообещал Еленский, сам большой любитель преферанса.

– Так и жизнь пройдёт.

Плёнки были готовы уже к ночи, и жизнь не успела пройти.

Мешая друг другу, инженеры склонились над столом.

– Вот, – ткнул пальцем Гапонов туда где в линии графика была крохотная брешь: кривая состояла из отдельных точек, и здесь две из них были пропущены, но не пропали, а расположились намного выше подобающего им места,

– То, что надо, – согласился Еленский. – Вот, смотри, и сила тока так же: раз, два – две точки – это прошла команда. На других каналах такого нет, значит, это не сбой, а?

– Не увлекайся, Петя. Правильно говоришь, однако сигнал-то на пиротехнику может идти только с первой ступени, а она уже отделилась и провода оборваны. Скорее всего, мы видим обычные выпадающие точки, хотя больно уж к месту они выпадают.

– Жаль, схемы под рукой нет, – посетовал Еленский. – Давай, Димыч, звони на площадку, пусть Руслановы молодцы посоветуются и скажут, как в разорванной цепи мог пройти сигнал. И сам пиронож надо найти, во что бы то ни стало.

– А я знаю, почему он сработал! – вдруг воскликнул Аратов.
– Нож в самом деле сработал, я объясню, это просто.

– Даже мы поймём? – прищурился Гапонов, но Аратов досадливо отмахнулся от него.

– Я же, после работы в цехе, помню изделие наизусть. У нас кабели к пиноножам не заведены в общий жгут, а идут с первой ступени помимо разъёмов и просто рвутся при разделении. Они хиленькие.

– И что?

– А то, что они потом свободно болтаются с оголёнными концами.

– И могут замкнуть!

– Ну-ка, не нарисуешь, как они идут? – оживился Трефилов.

– Да что тут рисовать? Быстро, Димыч, – скомандовал Еленский, – звони Руслану, я же просил. Пусть он посмотрит на изделие, попробует порвать и замкнуть.

– Вы, Петя, словно заранее репетировали, – засмеялся Трефилов. – Каждому своя роль – и вот вам, господа офицеры, мораль пьесы: заряжённый пинонож должен выстрелить в третьем акте, как у Чехова, никуда не денешься.

* * *

Фаина вдруг почувствовала себя нехорошо, и ей наперебой стали советовать самые разные лечения; впрочем, под рукой не было и вовсе никаких лекарств. Случилось это в обеденный перерыв, но перерыв был и в аптеке, и, чтобы попасть туда, нужно было отпрашиваться с работы.

– Игорёк, милый, попроси ты, – уговаривала Фаина. – Ну как я подойду к Пете, если сама так смеялась над Раисой?

– Что же ты сравниваешь? Там – каприз, а ты посмотри-ка на себя в зеркало, – возразил Аратов, но к Еленскому пошёл не медля; тот, не слушая объяснений, устало сказал:

– Твой техник – что ты меня спрашиваешь? Конечно, пусть останется.

Аратов вернулся к Фаине. Выглядела она неважно, и он подумал, что ей следовало бы пойти к врачу (вызвать на дом? – он не знал, как это здесь делается, и делается ли), но Фаина и слышать не хотела об этом:

– Они же положат в больницу. Представляешь, лежать здесь одной! Ни за что!

– Но если ты серьёзно больна? С сердцем шутки плохи.

– А! – беспечно махнула она рукой. – Пройдёт. Ну, спрошу в аптеке валидола или валерьянки – только бы туда добраться. Вот если бы ты проводил...

– Как же задержусь? – озабоченно нахмурился Аратов. – Надо было б сказать Пете. Он ушёл уже.

– А! – она снова махнула рукой. – Поймёт.

Он знал, что, конечно, останется и пойдёт в аптеку, но чувствовал себя не в своей тарелке. Позвонить на работу здесь было неоткуда.

– Жаль, нет у нас «черной доски», – сказал он. – Повесили бы рядом два портрета: мой да Раин.

– Тебе это пошло бы на пользу, а то привык ходить в отличниках. Ты, видно, и школу кончил медалистом?

– Бог миловал. Знаешь, у нас в вузе их не слишком любили и старались сплавить на специальности попроще.

– Странно. Почему так?

– Этого никто не знает. Потому, наверно, что считали их зубрилами, а те, как известно, редко рискуют решать что-либо самостоятельно

Примерно так же было заведено и у них на фирме, где не жаловали специалистов с «красными» дипломами, зато придавали большое значение оценке за дипломный проект, который никогда не защищался в институте, а только здесь же, в КБ, при смешанной комиссии. Когда Аратов вёл переговоры о переходе из цеха к испытателям, Астапов сказал ему об этом прямо: «При четвёрке за проект мы бы с вами и разговаривать не стали».

Дверь, скрипнув, приотворилась ровно настолько, чтобы Валина рука могла дотянуться до висевшей на стене куртки; потом Аратов увидел, как на освободившемся гвозде появился ключ от комнаты. Его позабавила такая деликатность, но минутой позже он вообразил, что дело может быть и не в одной только болезни, и это взволновало его. Он подумал, что Фаине куда естественнее было попросить остаться Валу, соседку по комнате.

– Давай, сбегая за лекарством, – предложил он. – А ты приляг, попробуй вздремнуть.

Он всё ещё думал о своём опоздании.

Странно было оказаться в неурочный час на улицах посёлка. Столовые уже не работали, зато открылись магазины, в которые

некому было заходить. Аратов, хотя и торопился, всё же воспользовался случаем, чтобы зайти в книжный, где иной раз попадались то, за чем напрасно гонялись в Москве.

Вернувшись через полчаса, он нашел Фаину посвежевшей: у неё словно и не было только что недомогания. Кутаясь в изящный розовый халатик, девушка сама казалась розовой, тёплой, мягкой. «Интересно, – подумал он, – к кому бы я мог прийти так в Москве? Хотя бы и для того, чтобы подать лекарство. Вот какую жизнь я, значит, выбираю, нет, выбрал уже – и окружение, и образ жизни, что, в общем, одно и то же – и моя жизнь поневоле переместилась сюда. Впрочем, это лишь начало».

– Как быстро я отошла! – сама себе удивилась Фаина. – Зря гоняла тебя за лекарством.

– За веществом, как сказал бы Федот.

– Вот-вот. Но как славно, оказывается, быть здоровой. А то я было уже запаниковала.

– Прими, всё-таки. И ложись, наконец.

– Что ты стоишь? – спохватилась она. – Разденься.

– Спасибо. Работа стоит. Немного отогреюсь и побегу.

– Ты неисправим. Сядь, хотя бы.

Стул был занят одеждой, и он присел на краешек кровати. Фаина юркнула под одеяло.

– Погоди бросать больную девушку, – попросила она. – Всё равно разговоров уже не оберёшься: почему с Лупандихой – так, а со мной – этак. Эх, рассорят нас с подружкой. Но тогда, с этим её плачем, я не могла взять в толк, в чём дело, думала, что действительно приключилось серьёзное. А оказалось так просто, глупо..

– Так ты – знаешь? Ты в курсе? – насторожился Аратов.

– А ты разве нет? Ну, тогда я погожу выдавать чужие тайны. Твоих же друзей тайны.

– Вроде бы я не успел обзавестись тут друзьями.

Фаина сочувственно посмотрела на него.

– Поживёшь на полигоне с моё – никаких тайн не останется.

– Бывалая старушка! – фыркнул он. – Только здесь – я давно думаю – не место для девушки: неужели тебе не хочется сходить в кино или на танцы, пересмотреть в магазинах все тряпки, вообще – оказаться среди нарядных мальчиков?

– В Ауле-то мальчиков больше. А я среди них – одна!

– И только из-за этого?..

– Разве я так сказала? Я и не думала, отчего и почему. Как попала, так и живу. Не забывай, что я не москвичка, другой работы близко от своей деревни мне не найти. В первые командировки летала – плакала, а потом, как видишь, привыкла. Дома поживёшь месяц-другой, и уже тянет в экспедицию. Это у всех так.

Он не слишком поверил Фаине.

– Сними хотя бы куртку, партизан, – снова предложила она.

– Мне, наверно, пора.

– А! Кто тебя там ждет? Своё дело ты сделал. Обрабатывать-то нечего.

– Петя так не думает.

– Я бы чаю поставила. Охота тебе вёрсты мерить по пыли да по морозу. Ладно бы машина была. Вилен всё обещает выхлопотать в Москве «коломбу»». Видал, какая роскошная кибитка у смежников наших дорогих, у беляевцев? И на работу, и в столовую, и в выходной день прокатиться... Была б у тебя своя машина – возил бы меня с работы?

– Возил бы.

– И в лес? И на пляж? И по ягоды?

– И по грибы, – добавил он с усмешкою.

– Что же смешного?

– Так, вспомнил, как ездил недавно по нашей дороге. Словно сто лет прошло.

– Осень грибная была.

– Надо места знать.

– Кому ж знать, как не нам, деревенским? Я показала бы.

– Я с деревенскими был.

– И не привёз? Ну, я бы так не опозорилась.

– Ты в настоящей деревне живёшь? В избе?

– Приезжай в гости, увидишь. В Рождество – ты должен бы знать, это от фирмы недалеко. Городских домов у нас не строят. Ни водопровода нет, ничего.

– И печка – русская?

– Они мало у кого остались. Плита у нас.

– А то я и вправду хотел попроситься: топлёного молочка отведать да хлебца своего.

– Кто ж это нынче хлеб дома печёт? Ты-то разве пробовал?

– Приходилось, потому и спрашиваю.

– Голову мне заморочил. Но в гости теперь приезжай, не отказывайся, неважно, что хлеб у нас покупной. Может, и ещё что-нибудь в диковинку покажется. А сейчас раздёнся, всё равно не ушёл уже, и не нужно уходить, отличник.

– Третий раз прощаюсь, а сам сижу. Англичане хорошо говорят: «Уходя – уходи», да и тебе лучше без меня: полежишь, отдохнёшь,

– Почём ты знаешь, что мне лучше!

– Я пошёл, – помимо воли это прозвучало у него как вопрос, но Фаина промолчала, и он добавил: – Скажу Федоту, пусть Валю пораньше пришлёт.

– Накой мне Валя?

Ещё можно было делать вид, что не понимаешь, в чём дело, ещё не поздно было обратить всё в шутку, но он не мог вести себя так, как было желаннее или легче, или лучше для него, а лишь так, как считалось – нужно. Фаина не шелохнулась, когда Игорь направился к выходу, не остановила ни окликом, ни жестом, и он, сознавая непоправимость своего ухода, торопился убедить себя, что нельзя размениваться на командировочные романы, потому что, по известному закону подлости, едва сдавшись, тотчас встретишь в Москве ту единственную, которую так долго ждал, искал, уже отчаиваясь когда-нибудь найти, сомневаясь, существует ли она вообще на свете – сомневаясь в существовании каких бы то ни было идеалов; он знал, что только тогда и сбудется мечта, когда будет слишком поздно, и как раз обретение мечты и окажется настоящей катастрофой. Эти старые доводы вряд ли могли бы убедить его теперь, когда решать требовалось скоропалительно, мгновенно, но было и ещё что-то такое, что не давало ему сейчас остаться у Фаины, какой-то неясный, но бесспорно прелестный женский образ, какое-то смутное воспоминание готто было – и не могло – проявиться в памяти.

Отворив дверь, Аратов услышал, как к крыльцу подъезжает машина..

– Погоди, – остановила Фаина. – Приехал кто-то. Затвори пока.

На крыльце затопали, и затем, уже в коридоре, раздался весёлый фальцет Яроша:

– Есть кто живой?

– Отзовись, – велела Фаина.

Аратов выглянул из комнаты. «Как же я одинок был, – удивился он, – если радуюсь Вите – такому неблизкому мне человеку».

– Да ты не улетаешь ли, часом? – вскричал Виктор. – В такое время – и дома?

– Не улетаю. Фаине нездоровится, и я ходил в аптеку.

– Так-так, – многозначительно проговорил Ярош, неожиданно поворачивая назад; выбежав во двор, он принял у кого-то, оставшегося в «газике», объёмистый свёрток и понёс его прямо в комнату Фаины.

– Так-так, – повторил он, – девушек лечишь в уединении. Знаешь, как это называется? Совместное ведение хозяйства. Что чреватое. Да что ты мне дорогу-то загораживаешь?

– Батюшки, Витя! – воскликнула Фаина, выходя навстречу. – Я уж и думать забыла.

– Дождёшься от вас внимания, как же, – засмеялся Виктор.

– Поди, устал с дороги? Заходи к нам.

– К нам, к вам – интересно, к кому, – пробормотал он, входя следом за ней в комнату и опуская свертки на пол. – Я, кстати, вам еды привёз – для вашего совместного хозяйства.

– Не голодны, вроде б, – улыбнулся Аратов, не догадываясь, что заключено в свёртке.

– К вечеру все проголодаются. Я своё дело знаю: полочку приношу, на зверя хожу, вот, добычу принёс – сайгака. Мужчина не должен возвращаться в жилище без мяса.

– Сам подстрелил? – оживилась Фаина.

– Сам – это в другой раз. Ружья не было, вхолостую ездил, корреспондентом. Но – отведал уже. Еда, доложу вам... Еда! И это на скорую руку, а вот как Фаечка приготовит...

– Раечку попроси, – язвительно улыбнулась Фаина.

– Её же нету, – простодушно ответил Ярош. – Так бы я родную сестрицу попросил – чего уж проще. Тебе пока надо только замочить – и все дела. Вечером приготовим.

– Сделаю, Витя, сделаю, – заверила Фаина.

– Валька гостинец привезла?

– Привезла, да мы побоялись, что испортится.

– Шустрая у меня сестрёнка. Будет ей на орехи.

– А ты, Игорь, что вернулся? – неожиданно обернулась Фаина к Аратову. – Не передумал ли? Петя, чай, жаждался.

– Вместе отправимся, – ответил за него Ярош. – Сейчас Фомич подъедет, захватит. На своих двоих скорее не будешь.

- Деловой ты стал парень, Витя. Но скажи, как тебе живётся на площадке?

- У вас тоже не гостиница «Метрополь», - хохотнул он, и Аратов подумал, что разница между площадками и впрямь не так велика, как представлялась недавно: жить чуть лучше или чуть хуже - уже не имело значения на фоне той, постоянно растущей в его глазах, пропасти, что существовала между бытом полигона вообще и - московским, привычным.

- Разница в одном, - продолжал Ярош. - У вас преф до утра, а там - домино до отбоя.

- Вот, значит, чем ты жил.

- Прекрасная, между прочим, игра: полнейший отдых голове. Я бы принудительно ввел её в бригаде анализа, вы ведь и отдыхать-то не умеете путём. «Сухой закон», кстати, не отменили?

- Не беспокойся, - сдержанно ответил Аратов. - Всё на месте. Но, знаешь, тут один чудак - уж не буду пока говорить, кто - едва прилетев, наутро после прописки объявил для себя месячник трезвости. Это ведь просто: как заявишь себя поначалу, так и пойдёт. Да он жалеет, наверно, оттого что за столом - компания, и время идёт быстрее. А сидеть одному в комнате - хоть на четвереньки становись и вой.

Он замолчал, подумав, что негоже говорить такое при Фаине.

- Попробуй выть стоя, - посоветовал Ярош.

- Теперь, Витя, прошло уже, - не обращая внимания на его реплику, проговорил Аратов. - Девочки приехали - и воздух в степи стал другим.

«Дома бы такой воздух», - с горечью подумал он, впервые понимая, что с возвращением домой его одиночество усугубится.

* * *

В толпе пассажиров было неправдоподобно много женщин, Какая-то девушка потрясающей красоты прошла одна, без провожатых, и на неё никто даже не оглянулся: юные лейтенанты не бросились тотчас вслед с шуточками, с прибаутками - поднести чемоданчик, близости попросту не было никаких лейтенантов, и каждый человек был одет по-своему. Непривычно блестящие автомобили на стоянке тоже выглядели каждый по-своему, но - одинаково празднично.

- Давай по десятке до Центра! - кричали таксисты, набиравшие по четыре человека в одну машину - кого придётся.

Езда тоже была особой, столичной ездой, потому что автомобиль не сопротивлялся движению, как «газик», а катился так легко и бесшумно, словно ему и мотор был ни к чему, и потому, что за широкими стёклами открывалось не пустое пространство, а что-то, на чём мог остановиться взгляд: деревья и сельские постройки в снегу, заборы и дорожные знаки, а потом и городские неправдоподобно большие здания, и разноцветные машины, и светящиеся вывески, и игра светофоров – всё это нереальное, как в кино.

Ещё в самолёте он решил сразу же, из аэропорта или метро, несмотря на поздний час, обзвонить знакомых, делясь переполнявшим его счастьем, – но, уже открыв дверь автоматной будки, вдруг передумал, поняв, что, окунувшись сразу в чужую жизнь, убьёт чудесное впечатление от города. Только своей девушке позвонил бы он сейчас – той самой незнакомке, которую искал и, как теперь казалось, встречал где-то, но не остановил, не узнал, и которую сейчас не стоило искать в отпущенные ему несколько дней передышки.

Вдохнув любимый с детства запах метро, Аратов даже приостановился на мгновение – посмаковать, подышать им – и, успев за это ничтожное время оглядеть знакомый вестибюль, он, словно одного этого глотка подземного воздуха не хватало до полного слияния с родным городом, внезапно усомнился: а был ли в самом деле Аул? Он уже допускал, что течение столичной его жизни вовсе не нарушалось и он не переставал быть непреходящим и умелым участником уличного движения, телефонных разговоров, торговли, бытия коммунального жилища и всего прочего, происходившего в замкнутом пространстве Москвы. С другой стороны, именно возвращение и могло быть неправдой и сном. В его бесспорность поверилось лишь когда Аратов, войдя в свой подъезд, столкнулся там с соседкой по квартире; он обрадовался ей, как родной.

Игожевы жили в нарочитом отдалении от соседей, и когда бы не это, отношения Игоря с Муриной, возможно, были б чуть холоднее; теперь же она явно старалась как-то выделить его, противопоставив родственникам. Он не раз слышал от неё: «Игорь, вы же единственный настоящий интеллигент в этой семье». Она часто давала ему читать то редкое либо модное, что где-то доставала себе, однако непременно обставляла дело так, будто напрас-

но обучала азбуке недоросля; ее менторский тон всякий раз коробил Аратова. Софья Николаевна и сейчас протянула, вытащив из кошелки, пухлую папку – часть романа, который он давно мечтал прочесть; окончание она могла принести лишь после праздника, и Аратов поскуцнел: ему было улетать в первых же числах.

– Вы расстроились? Странно: осенью вы так рвались из Москвы!

– Хорошенького понемножку. Но расстроился я – из-за книги.

– Ещё будет случай. А родственницы вас ждут, не дождутся. Представьте, Варвара Андреевна даже читала вслух ваше письмо.

– Как это – вслух? – растерялся он.

– Старым способом, – хихикнула Мурина. – Усадила в кресло и продекламировала.

«Вам?» – едва не вырвалось у него. Это было что-то новое о бабушке. Софья Николаевна и сама, если и заходила к Игожевым, то лишь по крайней необходимости, обычно – попросить займы какой-нибудь пустяк – соль, перец. Мурина погашала эти мелочные долги с немецкой аккуратностью, и Аратову казалось, что она одоляется не из-за истинной нужды в чём-то, что опоздала или забыла купить (денег она не попросила ни разу), а лишь чтобы позабавиться тем, как меняется при этом, мгновенно становясь ледяным, тон Лилии Владимировны.

– Вот я и думаю, – продолжала Софья Николаевна, – не стоит ли и мне тоже исчезнуть на приличный срок каким-нибудь романтическим способом, чтобы не то, что соскучились, но – заметили бы, что существовала.

Вежливо возразить ей не осталось времени: они вошли в квартиру. В коридоре было темно и тихо, и Аратов, подумав, что Игожевы давно уснули, пожалел, что не позвонил с дороги. Поколебавшись, он всё ж осторожно постучал – так, чтобы не услышали, если спят. Дверь открылась моментально, словно за нею ждали; возникшая на пороге маленькая женщина в длинном халате приложила палец к губам: Варвара Андреевна спала.

Они расцеловались.

– Знаешь, ты в чём-то изменился, – шёпотом заметила Лилия Владимировна, отстранившись и внимательно оглядывая его. – Возмужал или устал.

– Я не устаю. Но ты-то: не спишь по ночам!

– Работаю, – важно сказала она, следуя за племянником в его комнату. – Сижу со своей «Азбукой».

– Странно прожить где-то вечность и потом застать дома всё на своих местах.

– Ты недоволен, – уверенно сказала она.

– Напротив. В этом, видно, и есть вкус возвращения. Грустно было бы найти перемены.

– Ты говоришь так сдержанно, словно и впрямь находишь в этом вкус, а не радость.

– Сейчас я воспринимаю всё довольно тупо. Шёл по двору и думал, что засну на ходу: всё-таки, у нас там – глубокая ночь.

– У вас?

– Сюда я – в гости, на ёлку, а там – жить да жить.

Только что он едва не сказал соседке о своем командировочном бытии: «собачья жизнь», – но Лилии Владимировне должен был дать почувствовать иное – как хороши его мужская работа и та судьба, которую он выбрал не то чтобы против её воли, но не посоветовавшись, не предупредив, а лишь поставив перед свершившимся фактом.

– Что же это, – прошептала Лилия Владимировна, – что же это за работа, когда у человека словно и дома нет.

– Кому-то надо делать и такую, – важно произнёс Аратов, не удержавшись, чтобы не добавить: – Чтобы здесь спали спокойно.

– Каков защитник! Это пройдёт, конечно...

– Но я не хочу...

Он не умел и не мог настолько увлечься чистой техникой, чтобы, подобно многим своим коллегам, не думать, что и для чего делает, а по-детски гордился тем, что испытывает небывалое оборонительное оружие, и ему, верившему, что это поможет кого-то спасти, не приходилось успокаивать совесть.

– Ты, кажется, получил хорошую игрушку. Она не опасна?

– Какая там опасность? Моё место – за письменным столом. Если где-то случится авария, я должен крепко подумать, рассчитать и сказать, в чём было дело и что надобно изменить, чтобы избежать повторения. Вот и вся опасная работа: рассматриваем графики, думаем, спорим. Разумеется, я увидел кое-что в натуре, но зритель он и есть зритель.

– И это стоило смотреть? Что это было?

– Стоило. Такое впечатление, что я встретился с астрономическими силами.

– Там нет радиации?

- Тётя Лина! Ну откуда же?

- Кто вас знает... Надеюсь, ты увлечён не только внешней стороной. Впрочем, сейчас не время для скучных наставлений. Тебя же надо накормить. погоди, я поставлю чайник.

- Как всё по-домашнему: чайник... И нет чужих.

- Однако ты выбрал своё занятие надолго. А это непросто: мириться с постоянным присутствием чужих, ладить с ними, стараться понять. Последнее иной раз невозможно.

- Любых людей. Людей и всякое зверьё. Как братьев наших меньших.

- Боже, ну при чем тут зверьё? - вздохнув, Лилия Владимировна покачала своей маленькой седой головкой. - Да, я же на кухню шла, ты голоден.

- Как... как зверьё, тетя Лина. В наших самолетах не кормят, и купить с собою нечего.

- Позвонил бы с аэродрома, чтобы я приготовила. Что тебе дать?

- Не угадаешь, по чему я соскучился: по молоку, по творогу, простокваше, сметане - там нет ни грамма молочного, одна гущёнка. А звонить - в аэропорте очередь была.

- Даже и девушке своей не позвонил?

Он покачал головой, грустно усмехаясь, оттого что дело было не в очереди. Тётка не подозревала об этой главной его проблеме, которая неизвестно где была острее - на полигоне или же в Москве, где, казалось бы, многое было в его руках. Желание как-то изменить положение было слишком велико, чтобы эта тема не оставляла его хотя бы в сновидениях. Вот и в эту, первую дома, ночь ему приснился сон, странный тем, что не только хорошо запомнился в цвете и в деталях, но и на весь день наградил ощущение неправильно, непоправимо сделанного шага.

Девушка пришла в его комнату. Когда раздался звонок, Аратов, хотя и сидел у себя на диване, был одет, как для прогулки, и не снял шляпу, идя открывать. Лицо гостя было знакомо ему (но пробудившись, он, вспоминая, кто же это был, напрасно мучился до вечера). Шагнув вперёд для поцелуя, Игорь извинился, что не вышел встречать на улицу.

- Уй ты, в шляпе! - воскликнула она, и Аратов задохнулся от счастья.

Он снял свой чёрный котелок и, поклонился, глядя ей в глаза - такие, цвета пива, он видел впервые. Девушка, сев на стоящее

посреди прихожей глубокое кожаное кресло, сбросила туфельки, и Аратов спохватился, стал приглашать в комнаты. Она прошла босиком. Следя за её шагами, он увидел, как остающиеся на песке узкие следы медленно заполняются водой.

На его письменном столе стояли гранёные стаканы. Игорь разлил молоко, и они, чокнувшись, выпили. Он налил молоко в два других стакана, и они выпили на брудершафт; поцелуй был долгим и пахнул мёдом. Он налил ещё, снова в чистые стаканы; пир продолжался до тех пор, пока грязная посуда не наполнила подоконник. Тогда зазвонил телефон, и девушка сказала, обрадовавшись:

– Наконец-то меня позвали.

И убежала босиком, с пустыми руками. Аратов поискал её туфли – их не было, только порожняя обувная коробка лежала в передней у кресла. Он поплёлся на кухню мыть посуду. Из молочной бутылки в раковину выскользнул чёрный слизистый комок – живое существо, слепое и нечистое. Превозмогая брезгливость, Игорь запихал его в сточное отверстие и до отказа открутил кран горячей воды. Облако пара встало над раковиной, и он облегченно вздохнул: сварилось и ушло по трубе. Теперь можно было взяться за стаканы. Пар рассеялся, и он увидел, как скользкий комок возвращается наверх, протекая через сетку стока. Аратов накрыл отверстие стаканом, пришедшимся как раз по размеру – и тот, наполнившись слизью, бесшумно разлетелся, осыпавшись горстью звёздочек. «К счастью, – подумал Игорь. – Что за свадьба без разбитых рюмок?» Он ловил выскальзывающее из пальцев существо, посуда при этом падала на пол, и он разбил несколько бутылок, прежде чем сумел снова засунуть хихикающий комок в трубу. Пришелец, однако, вернулся и потом возвращался ещё несколько раз с упорством автомата. Обессилев, Аратов решил, наконец, прекратить борьбу и поглядеть, что будет дальше. Чёрный шар на этот раз задерживался в глубине стока, и Аратов забеспокоился, думая, что теперь нужно ждать нового, ещё более неприятного сюрприза. Через четверть часа он понял, что ожидание напрасно и что это частицу себя, какой будет не доставать, он изгнал, не подумав.

* * *

Давно стемнело, и народ вернулся с работы, и легко было, заглядывая в освещённые окна первых этажей и полуподвалов, узнавать там, за случайно откинутыми занавесками, приметы

небогатого московского быта: чайники на накрытых клеёнками обеденных столах, двери, завешанные с внутренней стороны дневной одеждою, сонные кошки на стульях, горшки с цветами, экранчики телевизоров, преувеличенные приставными линзами. Люди, которых удавалось там увидеть, были одеты в удобное им домашнее платье и занимались привычными делами, не маясь ожиданием конца командировки: они жили дома, Символом и вершиной уюта предстала потом перед Игорем голландская печь в комнате Прохорова; хозяин сидел на корточках перед открытой дверцей.

– Существоешь! – вскричал Аратов, пытаясь оглядеться в неосвещённом помещении.

– Мыслю, – согласился Андрей, опуская на пол поленья и приглаживая модную, коротким ёжиком, прическу. – Одновременно кочегарю.

– И всё это возможно? Обалдеть!

– Ты что, недоволен поездкой?

– Поездкой! Ты спрашиваешь так, словно я прокатился до какой-нибудь Малаховки, а не пробыл полтора месяца в местах, где нет жизни. Я не преувеличиваю. Там, знаешь, нечто вроде параллельного мира, в котором привычными нам словами называются незнакомые вещи и из которого невозможно выйти. Я говорю что-то не так, но в том всё и дело, что я пока могу только восклицать, а не рассказывать. А поездка – спасибо, я доволен, конечно, тем, что съездил, а ещё более – тем, что вернулся. Последнее удивительно.

Ему не очень хотелось рассказывать – и, значит, лишний раз вспоминать самому – о полигонных прелестях вроде стужи в комнатах и, казалось, ещё большей – в солдатском сортире, сколоченной из горбыля щелястой будке над выгребной ямой; пожалуй, эти многоместные будки и оказались самым большим потрясением. То, что он знал о тамошнем быте, ему самому казалось теперь преувеличением.

– Ты, наверно, припас длинную историю, – перебил его Прохоров.

– Такой длины, что нет аппетита начинать. Тем более, что её захочет послушать и Наташа, и лучше бы отложить этот монолог на потом, чтобы не повторяться.

– Давай, потрепемся о пустяках, послушаем «маг» – и почувствуешь себя в своей тарелке. Кофе будешь?

– Непременно, я навёрстываю за весь срок, вот и сейчас, по пути, забежал на Неглинку, выпил чашечку. Провёл четверть часа в самой интеллигентной в Москве очереди.

– А там-то, что же, ты не пил?

– Надо было везти с собой: кофе в солдатском магазине – это, знаешь, научная фантастика. Впрочем, не в этом дело: я соскучился не только по вкусу, но и по ритуалу.

– Тогда обставим нынешнюю трапезу как подобает.

– Погоди, прежде похвались, что ты тут наработал.

– Мало я наработал, – махнул рукой Прохоров, включая наконец свет.

Интерьер замечателен был не одною только голландкой, не мольбертом и не железным серым ящиком магнитофона, а тем, что стены в местах, свободных от стеллажей с холстами, книгами и магнитной плёнкой, сплошь были записаны, прямо по штукатурке, картинами; автор говорил, что только так и можно сохранить что-то для себя. Свободного места оставалось – одна дверь, но и на ней теперь появился набросок углем.

– Почти всё время ушло, – продолжал Прохоров, – на старания для одного клуба. Можно догадаться, что результат, как говорил Остап, художественной ценности не представляет. Хорошо, что ты не увидишь. Была у меня тут приличная вещь – её вчера купил прямо с мольберта один физик. Но эскиз остался, сейчас покажу. Этот физик, кстати, обещал поговорить насчёт выставки у них в институте. Публика там понимающая.

– Кто прислал его к тебе?

– Загадочная история. Я даже не знаю, кто впустил его в дом, он как-то сам собою материализовался в дверях, оглядел холсты и ткнул перстом: вот это, мол, нравится особо. Посмотри, это у меня не эскиз даже, а второй вариант. Мне он ближе, и хорошо, что физик не видел. Да я и не отдал бы. Нина называет: «Бедуин». Вещь, конечно – баловство, снова – от головы, а не от души и глаза. Беда с этим. Бедуин – от слова беда.

– Так и надо – от головы. От глаза – фотография.

– Если б знать, что и душа находится в голове...

– Где ж ещё? Бывает, правда – в пятках.

– Вот эту «Белую маску» я писал при тебе? – засомневался Прохоров.

– Да, я видел. Ох, приятелю твоему, Васину – вот кому бы её показать. Знаешь, я был у него перед отъездом.

– Ты – у Васина? – поразился Прохоров. – Как ты к нему попал?

– Случайно встретились на улице. Лицо, как всегда, чёрное, сама скорбь, но я на всякий случай раскланялся – издали, всё равно, думаю, не удостоит, по привычке. А он возьми да удостоит. Не только поклона или устного приветствия, но и соизволил и ручку потрясти. Ну, думаю, конец света. Знаете, говорит, мы стоим прямо под моими окнами, так не хотите ли подняться, взглянуть на полотна? Зашли. Квартира завалена доверху: портретики, пейзажики, как на подбор – раскрашенные фото. И представляешь положение: надо хвалить, за этим зван, а сказать нечего! Картины, подозреваю – дрянь, смотреть скучно, но об этом не скажешь, а похвалить – не знаю, за что. Да, говорю, здорово, всё – как по-заправдашнему, как в нашей полной и прекрасной жизни.

– Постой. Ты что, выпил сегодня?

– Не мешай, – засмеялся Игорь. – У человека вдохновение. Разрядка.

– Так что же с Васиным?

– У него сидела какая-то девица. Видите, говорит, какой Толик трудолюбивый, сколько работает, сколько работает, скоро квартиры не хватит для холстов, и заметьте, какой он замечательный реалист, не то, что все эти «леваки». Очень обидно, говорит, что с ними сейчас так носятся, а настоящее искусство чахнет на втором плане. И тут вышел забавнейший анекдот: среди «леваков», как одного из тех, что уж совсем – поперёк горла, она возьми да и упомяни Прохорова. Бедный Васин даже зубами заскрежетал. Правда, подруга оказаласьмышлёная, тотчас смолкла.

– Надеюсь, ты развил тему? Любишь ведь ставить такие опыты.

– Нет, скучно стало. Если она утверждает, что сейчас «леваки» – на первом плане, то её бы устами да мёд пить, это же чистейшая выдумка, тут и говорить не о чем.

– И если причисляет к ним меня.

– Но всё же, что такое Васин? Теперь, когда я видел работы, хочется знать: он что – художник? Ты-то за кого его держишь?

– Он несчастный человек, – не сразу ответил Андрей. – Таланта у него нет ни грамма, это бесспорно, в чём при других обстоятельствах не было бы трагедии, но беда Васина в том, что ему повезло

когда-то, в самом начале, или он сделал удачный ход, а теперь это везение кончилось, и он нервничает, не понимая причины. Знаешь, как бывает в таких случаях: обнадёжат, по мягкотелости, а потом и самим назад нет ходу.

– Как бы не прилипло к тебе клеймо «левака».

– Меня эта сторона мало волнует. Мое дело писать.

– В случае чего в стороне не окажешься.

– Тем более можно не торопиться. Наверно, и ты иной раз чувствуешь необходимость пожить спокойно: осмотреться, обдумать что-то.

– Именно сейчас чувствую, – воскликнул Аратов. – Я пока там сидел и ни с кем связи не было, всё думал, как по приезде сразу всех обзвоню, сразу со всеми повидаюсь, а приехал и понял, что нужно как раз противоположное: запереться на несколько дней и без помех прийти в себя. То есть попросту насладиться самим фактом возвращения. К тому же возможность позвонить, повидаться в любой момент с кем хочешь, прекрасна сама по себе и достаточна. Я упиваюсь ею. Хочется тишины – будто мало её было на полигоне. Не в буквальном смысле – тишины, магнитофон-то включи, включи, а чтобы – суеты не было. И высшей математики.

Аратов доволен был тем, что в этот вечер Прохорову не ждал Нину, и они могли поговорить наедине. О таких неторопливых беседах в старом арбатском доме Аратов постоянно с грустью вспоминал в Ауле – может быть, более всего другого его угнетала невозможность прийти сюда в любую минуту, чтобы поделиться важным, спросить совета или просто отдохнуть. Ему нравилось, что здесь часто собирались люди самых разных профессий, всякий раз новые; повторно приходили, в основном, только художники, но этих Аратов почему-то не любил, особенно Васина, который вечно брюзжал и говорил гадости хозяину.

Тот был одинок еще более Аратова, вовсе не знал родных – вырос в ашхабадском детдоме – и, наверно, это его одиночество или зависть к другим, устроенным, сделали его насторожённым и мрачным. Впервые Аратов увидел его на фестивальной, пятьдесят седьмого года, выставке – Васин раздражённо спорил с целой группой студентов; но там и многие раздражались в споре. Второй раз они встретились в столовой, куда Аратов с Прохоровым зашли случайно – и стали свидетелями неприятной сцены

с официанткой, которую Васин, видимо, бывший тут завсегдатаем, называл по имени. Сцена вышла из-за того, что он попросил чаю и, не только не получив ещё, но пока лишь заказывая – горячий, уже возмущался тем, что горячего-то как раз и не будет, а непременно принесут тёплые помои. Аратов тогда покраснел, словно расстроенная официантка могла подумать, будто он заодно с этим человеком. Сославшись на спешку, Прохоров сделал так, что они не задержались в столовой.

После этой встречи Васин перестал замечать Аратова – появляясь у Андрея, даже не здоровался, а, входя в комнату, как в пустую, молча пересекал её по диагонали, уставясь в пол, и поднимал глаза только у самого мольберта.

– Берут? – обычно спрашивал он о новой работе.

– Почём же мне знать? Она не окончена ещё, – поначалу равнодушно бормотал Прохоров, а потом стал говорить так: – Возьмут, конечно. А останется мне – ещё лучше.

Ему и в самом деле оставалось почти всё, кроме того, что он раздаривал. Продажа картины бывала случаем исключительным.

– Чёрт знает что, – была обыкновенная реакция Васина. – Это какой-то подлый закон природы: успех приходит к одним малярам. А у тебя к тому же нет ещё и элементарного мужества всё это сжечь, сжечь.

– Поди, Толя, вон, – мягко отвечал Прохоров.

* * *

К даче, притулившейся на краю глубокого оврага, летом, наверно, ходили напрямик, краем поля, а теперь пришлось сделать изрядный крюк по тропинке, плохо утоптанной после снегопада. На пути лежала деревяня, после которой дорожка и вовсе пропала – в пределы дачного поселка вёл только чей-то одинокий след. Салазки оказались бесполезны, и тяжеленный магнитофон (не прохоровский стальной, а деревянный, но всё же – ящик) по очереди несли на руках. Груза вообще было в избытке – по настоянию Аратова, по горло сытого недавней полупоходной жизнью. «Никаких гранёных стаканов, – заявил он. – Пусть будет посуда, какую не стыдно поставить на белую скатерть. Заодно пусть будет и сама скатерть. И одеться предлагаю, по возможности, по-вечернему, как если бы собирались – в ресторане». Попроще было решено одеться только в дорогу.

Ели стояли в белых шапках, и Аратов, уже празднично настроенный, думал: сказка, сказка. То, что дача была выстужена, только придавало предприятию оттенок приключения. Было их семеро: Прохоров с Ниной, Аратов, Наташа и хозяйева дачи, братья Труновы, из них старший, Юрий – с женой. Труновы жили по соседству с Андреем – из окон их высокого этажа как на ладони был прохоровский дворик; знакомство было давнее, но в последние годы встречи стали редки, случайны, и несколько дней назад Юрий так же случайно окликнул на улице Андрея; они обменялись необязательными репликами, посетовали, что отходят друг от друга, отягощённые семьёй или работой, и вдруг решили, тряхнув стариной, провести вместе новогоднюю ночь. Прохоров, правда, поколебался, опасаясь, что они стали уже чужими, но соблазн был велик: лес, дача, катание на санках.

Аратов не пришёл в восторг от этого варианта, от общества Наташи, но ему поздно было выбирать, всё решилось до его приезда – надо было радоваться, что сложная проблема отпала сама собою. В школе, в институте ли всякая вечеринка ставила два вопроса: где и с кем; первый вопрос перестал тревожить после сближения с Прохоровым, второй, теряющий корни в унылых годах раздельного обучения, до сих пор не утратил остроты.

Говорить, когда шли с поклажей, гуськом, было трудно, и каждый думал о своём. Места в наступившей темноте вдруг показались Аратову похожими на те, куда он летом заезжал на велосипеде, и он вспомнил тогдашнюю встречу – девушку с собакой, потерянную по его собственной воле. Игорь ничего не знал о ней, даже не спросил тогда имени и сейчас пожалел об этом: может быть, это об этой девушке он мечтал всё последнее время. Он решил, неожиданно для себя, что должен разыскать её, и удивился себе: почему не искал раньше? – теперь, из-за близкого отъезда, это приходилось откладывать до весны.

Вернувшись к действительности, он снова затвердил про себя: сказка, сказка. Позже и возня с дровами и с печкой тоже показалась сказочной, хотя к этому-то ему не нужно было привыкать, он вдоволь насмотрелся у Прохорова. В дверь поскреблись – Аратов распахнул её и увидел сторожа, сказочного старичка; у того даже имя особенно подходило к случаю: Елисей. Стянув с головы старую пехотную фуражку, он смиренно застыл на пороге – с курковой одностволкой за плечом, в телогрейке и в валенках.

– Сейчас прогонит, – в ужасе прошептала Наташа.

Сторожа пригласили к огню. Он сел на краешек стула, сомкнув ступни и положив руки на разведенные колени. Нужно было угостить его, но никто не знал, как это сделать, коли стол не накрыт и самим садиться рано.

– Девочки, организуйте-ка нам закуску, – скомандовал старший Трунов, подсаживаясь к Елисею; казалось, положение было ему не в новинку.

Нина моментально приготовила бутерброды, поставила на стол стаканы.

– Ну, дай Бог всем здоровья в Новом году, – провозгласил старик.

– Как встретишь, таков и год будет, – заметила Нина.

– Вот и говорю: дай Бог. Хорошо встретите, хорошо. А в другой раз, как соберётесь, дайте знать заранее. Я и печку истоплю, и приберу. Вот ты, дочка, – вдруг обернулся он к Наташе, тихо стоявшей, прислонясь к косяку, – ты приезжай. У тебя жизнь добрая будет. Пусть твой муж тебе поклонится.

– Спасибо вам, – чуть слышно отозвалась она.

– Ну, извините, побеспокоил, да наследил тут, – словно не услышав ее, обратился к Юрию сторож. – Благодарствую... Если что, я пожалуйста.

Он вышел, не надевая фуражки.

– Что это он – про меня? – растерянно проговорила Наташа. – Как это – муж поклонится? Что он тут, наколдовал, что ли? Да скажите же.

– Его угостили, – усмехнулся Юрий, – и он постеснялся уйти просто так. Надо было что-то сказать для приличия. Вот и сболтнул.

– Зачем ты так?

– Я вступлю в ваш спор в будущем году, – вставая, сказал Аратов. – Иначе мы останемся без ёлки.

– Я с тобой, можно? – попросилась Наташа.

Они вышли из дома. Звезды высыпали на чистом небе, но Аратов не видел тут, возможно, и четверти того их числа, что на полигоне. Дорожка, протоптанная Елисеем от дачи к даче, хорошо была видна на освещённом месяцем снегу.

– Надо б отойти подальше, – сказал Аратов. – Нельзя же рубить возле дач.

– Потом заплутаем, дачи не найдём, – восхищённо прошептала девушка, – Так и встретим Новый год – в лесу, со своей ёлочкой. Ой! Полный валенок снега!

– Обопрись о меня, – деловито велел Аратов.

Обтирая ей ногу, он изумился тому, как хорошо толстый шерстяной носок передаёт живую теплоту ступни, и, замерев на секунду, вдруг почувствовал её дрожь.

– Может, вернёшься? – смущённо предложил он. – Дальше-то – по целине.

– Нет, я с тобой. Леший этот – ты слышал, что он сказал? Со мной ничего не случится.

– Интересный дед.

– Поначалу не по себе стало: пришел такой робкий, заискивающий – и вдруг начал вещать. Но он же хорошие слова говорил.

– От них теплее стало, – согласился Аратов. – Почему-то сегодня всё кажется тёплым, даже снег, вот эти шапки на елях. Может быть – после тамошней бесснежной зимы?

– Это же своё.

– Хорошо, что ты понимаешь это, не считаешь моей выдумкой.

– Я по тому поняла, как ты хотел, чтобы всё было красиво и чтобы в двенадцать выйти под живую ёлку.

– Поначалу я так сказал из пижонства, – признался Аратов, – и только потом понял, что мне это и в самом деле нужно. Иначе ведь все лишения, привыкнув, станешь считать нормой. К ним нужно привыкать на время, и я привык, но смиряться – нельзя. Тот же снег – мне в командировке казалось, что раз его нет, то и не должно быть нигде.

«Почему мы так далеки были с нею? – с внезапной горечью подумал он. – Жду чего-то, жду, а любая другая – разве поймёт меня так?»

– Сухая зима не беда, конечно, а полбеды, – продолжал он, уже рисуясь, – но там, говорят, и летом – ад, пекло. Разве что отсюда снегу привезти, запасти – вон какие сугробы!

– Романтика, видно, достаётся дорого.

– Неподготовленным.

– А подготовленным, наверно, не достаётся вообще, ни за какую цену. Знать наперёд – это уже скучно. Я бы не хотела ничего узнавать заранее, только – угадывать. Я и о нынешней нашей поездке узнала последней, не готовилась – и вдруг такое чудесное начало. Тебе нравится?

Он почти забыл, зачем они вышли из дома – словно лишь затем приехал сюда из города, чтобы отправиться с Наташей на эту ночную прогулку по лесу. Она, однако, помнила о поручении и указывала то на одну, то на другую ёлочку, пока не застыла у совсем крохотной, засыпанной снегом и похожей на шар.

– Рубим, – согласился Аратов.

Но Наташа не хотела торопиться и, продлевая прогулку, ещё поводила его по лесу, беспокоясь лишь о том, чтобы, возвращаясь, найти выбранное деревце.

Стол был накрыт, когда они вернулись. Несколько ёлочных шаров и даже маленькая гирлянда лежали наготове: времени оставалось в обрез.

В полночь вся компания, скользя и падая, сбежала в овраг, под огромную разлапистую ель. В доме они оставили у открытой форточки приёмник, и как только по лесу разнёсся бой курантов, тотчас вспыхнули бенгальские огни и, хлопнув, зашуршала в хвое пробка.

К столу Наташа вышла в чёрном закрытом платье, и все обернулись к ней, обрывая разговор. Её словно не ждали, но Аратов и впрямь ждал – не такую, не эту юную строгую даму. Вспоминая своё впечатление от написанного Андреем портрета, он подумал, что совсем не знает её.

– Какой у тебя чопорный вид в чёрном костюме! – сказала она Аратову. – Какие вы все, ребята, стали странные!

Он не знал, что ответить на это, и сам постеснялся сказать, как поразился её не замеченной им прежде женственности, сейчас подчёркнутой вечерним туалетом, ещё не умел говорить добрых слов по такому пустячному поводу, как замена свитера платьем. Он мог бы сказать, хотя бы, что наряд идёт ей – собирався сказать, подбирая слова, к каким не привык, но ему помешали, позвав садиться. Его с Наташей места оказались рядом – не потому, что так распорядились хозяева или что сами они не могли больше держаться порознь, а случайно, но ясно было, что иначе и не могло получиться сегодня.

Конечно, потом он танцевал с Наташей один танец за другим – это далеко не впервые случилось за время их многолетнего знакомства, только никогда раньше не испытывал он такого ошеломляющего волнения, когда невзначай соприкасались их щёки; Наташа не отстранялась, и тогда он мимолётно целовал её, думая,

что никто этого не видит. Когда ему пришлось всё же оказаться в паре с другой, с Ниной, он удивился тому, что его раздражают долгие неслучайные прикосновения горячего, тугого её тела.

После этого он снова выбрал Наташу. Танцую, они вышли за дверь, в тесный коридорчик, а потом и в другую комнату и там остановились, не отпуская друг друга.

– С Новым годом, – успел проговорить он до поцелуя.

Комнатка была крохотная, в ней с трудом умещались только кровать и стул. В темноте не различить было, что за вещи свалены поверх одеяла – чьи-то пальто, шапки, кашне. Аратов не понял, сама ли Наташа опустилась на постель или подчинилась его воле, и не знал, как быть, оттого что дверь осталась настежь. Он ненавидел себя за то, что в такой момент помнит об открытых дверях и о танцующих за стеной.

– Ты знал, что мы сегодня будем спать вместе? Ты знал это? Скажи, – вдруг, отстраняясь, спросила Наташа, и у него перехватило горло от этого невозможного обещания.

Стало тихо – в магнитофоне меняли пленку, – и нашей паре пришлось выйти из убежища. Никто, казалось, не заметил, что они уходили – не улыбнулся, не переглянулся; тут увлеченно слушали Прохорова, вспомнившего непомерно длинный анекдот, а младший Трунов, не в силах дожидаться конца рассказа и перебивая, предлагал новый тост.

О чём бы затем ни говорилось за столом и какие бы слова ни произносил он сам, с кем бы ни танцевал – думал Аратов лишь об одном, о том, что будет ночью между ним и Наташей и что будет из-за этого между ними в дальнейшие дни и годы, которые ещё днём он мечтал делить вовсе не с нею.

Ему странно было, что так быстро минуло время его свободы, но сейчас он не жалел об этом. Он хотел бы осторожно ласкать Наташу и защищать от кого-то и, решив, что после этой ночи женится на ней – с этой девочкой нельзя было иначе, – вдруг спросил себя, любит ли её, и не нашёл ответа, не зная, можно ли назвать любовью то трепетное, нежное, но смешанное с желанием чувство, которое сейчас испытывал к ней.

Ночью, однако, ничего не случилось.

Едва вечеринка пошла на убыль и заговорили о том, что не мешало бы и соснуть часок-другой, как Игорь с Наташей, не говоря ничего друг другу и не спрашиваясь у хозяина, ушли в уже

знакомую им комнатушку. Для него словно и сейчас продолжали звучать её слова: «Ты знал, что мы сегодня будем спать вместе?» Нет, он не знал – и не верил ещё и сейчас, уже целуя её, уже помогая раздеться. Она не стала снимать всё, оставив комбинацию и почему-то – чулки, и стеснялся сказать вслух, что, вот, порвутся же. Да ему и трудно было бы объяснять такие простые материи: он исступлённо целовал её и говорить тут нужно было бы совсем другое. Только и этого другого Игорь не сказал ей, как не говорил и другим – ещё никогда, никому (этим другим – оттого, что опасался последствий, Наташе – потому, что, не зная, что такое любовь, не хотел бы солгать).

Они почти не спали все эти оставшиеся до рассвета часы, ласкаясь и целуясь, и всё же Наташа то ли вообще не допускала мысли о близости, то ли ждала от Игоря особенных слов или даже единственного слова, которое он так и не произнёс, но одни только поцелуи и позволила ему (нет, не одни, возразил бы он, забывший, каким мягким оказался под его пальцами скромный треугольничек). Он сходил с ума от ожидания и внезапной любви, растущей из-за неприступности Наташи, но сказать об этом не получилось у него, ошеломлённого своею же неожиданной, непривычной нежностью.

Их подняла музыка. Прохоров, вставший раньше других, растопил обе печи, включил магнитофон и, усевшись в кухне, рисовал в блокноте.

Наташа, может быть, и проснулась, но не открывала глаз, и лицо у нее было счастливое. Аратов не решился дотронуться до неё или поцеловать. Он подумал, что большего и не нужно будет ему – только просыпаться рядом с милой ему женщиной, каждое утро в течение многих лет. Ещё он подумал, что для этого нужно никогда не уезжать из дома.

Глава II

Все лучшие воспоминанья

Осенью, перед первой командировкой, Аратова совсем не волновало, что ему скоро придётся жить иначе, нежели в столице – само собой разумелось, что на полигоне и установится какой-то особенный распорядок дня, и досуг будет заполняться не тем, что дома, и придётся привыкать к новому окружению, – но ему и мысли не приходило в голову о том, что существование там будет отличаться от прежнего даже физически. Быт испытателей и военных изумил его, и оттого, что ни при каких переменах нельзя обойтись без сравнений, он везде находил нехватку и несоответствие, причём это касалось всё-таки не только вещей, но главным образом – предметов неосязаемых, вроде чтения по вкусу или атмосферы библиотек и галерей. Начитавшись фантастических романов, он готов был предположить, что попал в другой, параллельный нашему мир, обитатели которого дышат совсем не таким же воздухом, что мы, а быть может, вовсе и не воздухом.

Короткий новогодний перерыв открыл ему неизбежность ведения поочерёдно двух жизней: одной, наполненной удовольствиями для ума, – в городе и другой, тяжёлой для тела, – в голодной степи. Начиная какую-нибудь одну из них, Аратов не сразу понимал, что бесполезно требовать от неё преимуществ другой, но не всё тут зависело от его воли, и существовали вещи, которыми он не мог пренебречь. Тоскуя на полигоне без книг, он и теперь не привёз их с собою, оттого что всё равно не в состоянии был обеспечить себя чтением на трёхмесячный срок. Аульской библиотекой он поначалу пренебрегал, считая, что собранное там либо читано им, либо не стоит внимания, а когда в январе, в первые же дни, всё-таки заглянул туда, то был приятно разочарован, обнаружив, что и тут, если порыться, найдётся что читать – не день-другой, а, пожалуй, всю зимнюю командировку. Проблема досуга пока перестала существовать, и он с сожалением смотрел на тех из соседей, что соперничали между собою, придумывая, как луч-

ше убить время; по его мнению, по-настоящему преступным было разбрасываться здесь целыми днями, когда в Москве счёт иной раз шёл на доли часа. Единственным в экспедиции, для кого, казалось, не существовало этих трудностей, был Векшин, обычно до поздней ночи нужно и ненужно корпевший над расчётами. Те, кто в выходные вовсе не находили себе дела, банально обращались к спирту или картам. Аратов почти не участвовал в пирушках, а картёжников не понимал; поначалу он добродушно подтрунивал над ними, но скоро его терпение начало иссякать. В новом жилище, выделенном бригаде в январе, единственный удобный для игры стол стоял в большой проходной комнате, где спал Аратов, и, хотя преферансисты играли при настольной лампе с глухим колпаком и говорили шёпотом, он из-за раздражения бессмысленностью их занятий, не засыпал, пока те не расходились; никакой иной шум не мешал бы ему. Не желая понимать всех этих «мизеров», «тёмных», внезапного оживления Еленского: «Я на тебя зуб рисую. Да ты глянь, что я нарисовал!» (с предъявлением рисунка отнюдь не зуба), – Аратов с сожалением вспоминал о недавних ночах, когда из-за невозможного холода приходилось спать в шапке, опущенные уши которой глушили звук.

Игроки бывали самые разные – на огонёк заходили то военные, то смежники, – сменяли друг друга, и лишь Еленский никому не уступал своего места. В одну из суббот, когда обычно собирались лучшие силы, он, задержавшись с Аратовым на совещании и опаздывая на эту большую игру, предложил пойти кратчайшим, но самым неудобным путем. Погода была не лучшей для прогулок: в середине марта вернулись ветер и стужа, и не пройдя и сотни шагов, Аратов пожалел, что не остался в проходной поджидать попутную машину. Идти пришлось против ветра, только по направлению которого и можно было сверять свой курс: огней посёлка не видать было за поднятой в воздух пылью.

– В гробу я видал такие прогулочки, – скоро сдался Еленский. – Продувает до костей.

– Кто ж виноват? – проворчал Аратов. – Надо было поторопиться, пока не разъехались машины. Всё равно уж, сиди не сиди – ничего не высидишь. На усталую голову верного пути не найдёшь, тут нужен импульс извне.

– Ты прав, юноша, но тебе-то будет импульс: посадочный талон уже в кармане.

– Может, погодить, не уезжать? – спокойно предложил Аратов; у него язык не повернулся бы сказать такое в первый месяц командировки, но сейчас шел уже третий, начальная острая тоска утихла, и он, наверно, без лишних споров согласился бы при необходимости остаться и на одну, и на несколько лишних недель.

– Нет уж, давай не перетакивать. Бог даст, в мае-июне начнём летать, вот тогда впряжёшься уже по-настоящему. Пойдут работы в контуре, так что используй московское время для подготовки.

«Неужели просижу тут всё лето? – ужаснулся Аратов. – А отпуск? Первый отпуск!»

– До сентября, значит? – упавшим голосом спросил он. – Или до снега?

– Как пойдёт, – спокойно ответил ему начальник. – Если как сейчас, то...

Последняя их работа была и в самом деле в своём роде выдающейся: почти все отказы, какие поодиночке встречались в предыдущих пусках, случились и в этом.

– Напрасно я не поехал с Димычем на старт, – сказал Аратов.

– Думаешь, помог бы?

– Всё было бы в порядке – из-за того уже, что мне, грешным делом, хочется наконец-то увидеть аварию и взрыв. Так хочется и так интересно, что знаю: не увижу.

– У многих бывает такое ощущение, что вот, был бы там собственной персоной... И знаешь, я думаю, человека в таких случаях надо непременно пускать на площадку. Вдруг и в самом деле удачная работа – пусть потом верит в свою интуицию.

– А если наоборот? – возразил Аратов, отставая немного, чтобы завязать шапку. – Ну и погодка. Просто не выгребаю против ветра, совсем как рули на нашей ракете. Кстати, наша единственная версия о сухом трении выглядит жалко.

– Да, тем более, что твердим мы о ней давно, а ракеты продолжают ломаться. Только почему ж – единственная? Сам знаешь, что им, наоборот, числа нет, да не на всякой удаётся настаивать. Мы же не в детском саду, и я, не имея на руках стопроцентных доказательств, и рта не могу раскрыть. Видишь ли, у нас – интуиция и опыт, а у прочнистов – расчёты и честь мундира. Вот и воюй.

– Слушая, а почему мы встали?

– В самом деле... Но, знаешь, если не двигаться, перестаёшь думать о ветре.

– Сейчас даже палатка кажется защитой. Но как они там выносят такие морозы?

Они приблизились к палаточному городку солдат-строителей, который издали, с бетонки, всегда казался Аратову забытой декорацией: не хватало смелости представить себе людей, спасающихся от жестокого мороза всего лишь за слоем ткани. Но теперь видно было, как двигаются тени за тусклыми, залепленными пылью окошками и как дым срывается ветром с жестяных труб.

– И мы с этого начинали, – сказал Еленский. – Смотри, смотри, как люди живут. Для тебя хорошо, что застал это. Они, наверно, последнюю зиму – так.

– Подозреваю, что и наш коттедж, и бараки, и эти палатки – один чёрт. Охотно поверю, что в этих ещё и теплее.

Испытатели занимали теперь половину щитового домика, стоявшего на отшибе, в полукилометре от последних строений Аула; во второй половине жили анализаторы из КБ Беляева – основного их смежника. На старом месте, в бараке, оставались только девушки и Еленский, не захотевший расстаться с отдельной комнатой. В домике условия были не лучше – в ветреную погоду тепло там не держалось, а дневальный, обслуживавший ещё и (вернее – в основном) командирскую гостиницу, топил нечасто, и только то и казалось достоинством, что за жильцами не было постороннего глаза. В первые дни у жильцов пользовалась успехом шутка: «Не засыпай, замёрзнешь, как ямщик в степи», – и люди приноровились ложиться одетыми, в ушанках. Лишь к февралю за домиком закрепили отдельного дневального, который и по ночам приходил пошуровать в топке.

В отличие от прежнего жилья, домик был как бы собственной территорией, и девушки почти каждый вечер проводили здесь, где все были – свои. Возвращаться потом без провожатых они не решались – ходьбы получалось с четверть часа через пустырь, по холмам, мимо стройки и складов, в кромешной тьме. В отсутствие Яроша его сестру и Раю провожали по очереди, выждав полчаса-час после ухода Гапонова с Фаиной, чтобы дать тем побыть наедине; эта возможность пропадала, кажется, впустую.

В этот час все уже, наверно, были в сборе, и, торопясь, Аратов с начальником пошли от палаточного городка напрямик, через стройку, и так трудно было пробираться в темноте через мешанину траншей, неведомых каких-то механизмов, штабелей кирпича

и шлакоблоков, что дорога показалась вдвое длиннее обычной. Оба вздохнули с облегчением, когда наконец увидели вдалеке одинокие огни своего домика.

Тем более одиноко выглядел домик, что стоял высоко, на бугре, и на крыльцо вели два десятка ступенек; за ним простиралась обширная, чёрная теперь низина, и у постороннего создавалось впечатление, что за постройкой начинается озеро или море; тому, кто не завернул бы на огонёк, а сразу поплыл, не осталось бы надежды ни увидеть другое какое-нибудь жильё, ни даже достичь дальнего берега.

Свет горел во всех окнах, и проигрыватель звучал так бесшабашно, словно в комнатах был праздник.

Внутри впечатление праздника пропало. Стол был не накрыт – напротив, освобождён для игры, – а музыка и шарканье ног доносились из дальней комнаты. Не постучав, Еленский толкнул дверь, и стало видно танцующую пару – Гапонов неуклюже топтался в свободном углу с Раей – и девушек, сидящих на кровати: Фаина с улыбкой наблюдала за Димычем, а Валя читала, даже и на входящих не подняв глаза.

– Ну и веселье, – заметил Еленский.

– До чего ж ты хороша, сероглазая, – попытался подпеть пластинке Гапонов. – Как нежна твоя душа, понял сразу я.

– Сниться будет в Москве твоя сероглазая. В страшных снах.

– Я-то думал, что тебе нравится. Ария Еленского.

Только две пластинки нашлись в местном военторге – эта и «Арабское танго», и их ставили десятки раз за вечер, порой даже и не переворачивая с одной стороны на другую.

– Надо, чтобы каждый привозил из дома по пластинке, – оторвалась от чтения Валя.

– И по книге. Соберём библиотеку, – добавил Аратов, думая о том, что же это будут за пластинки – варианты той же «сероглазой», потому что хороший джаз не купить в магазине, вся Москва переписывает его с одной плёнки на другую, и всё же здесь, на полигоне, приятно будет слушать что угодно, потому что плохо жить без музыки. Он не понимал – не хотел понимать, хотя и сам застал это время, – как это раньше жили без джаза, вообще без лёгкой музыки и даже само слово «джаз» было запрещено.

– Брось, – отмахнулся Гапонов, отпуская Раю и направляясь к столу. – Погрейтесь с мороза. На Игоря страшно смотреть. Петя

выглядит получше, потому что я его ещё не огорчил. Да, да, пульки не будет, беляевцы уехали на площадку.

– Ах, как славно, – не удержался Аратов.

– Молчи, вредитель. И садись к столу.

– Погодите, я тушёнку открою, – вмешалась Рая. – Что у вас всё не как у людей?

– Кормилица, – язвительно протянул Гапонов. – Не тяни, ребята простынут.

– И горошку дам, – Рая словно не слышала его. – Вы только в ту комнату перейдите, чтобы сесть можно было по-человечески.

Начав есть, Аратов вдруг почувствовал, как устал сегодня – вообще, вся неделя была трудной. От тепла и еды его разморило; он машинально брал то, что подкладывала ему Рая, а потом, пересев на свою койку, стал смотреть, как Еленский и Гапонов танцуют с девушками. Сидеть, не облокачиваясь, было неловко, он слегка откинулся на подушку – и так заснул. Кто-то приходил и уходил – он не слышал этого, а проснулся – от тишины; проигрыватель выключили, и свет был погашен. Аратов решил, что все ушли, но тут за стеной раздался звон стекла и коротко ахнула Фаина. Гапонов пробормотал что-то непонятное, невнятное, и в ответ донеслось беспечное Фаино: «А!» – и Аратов, улыбнувшись, представил, как она знакомо машет при этом рукой.

Прошло с полчаса, прежде чем он услышал, как уходят Гапонов с Фаиной. Нехотя поднявшись и выйдя на крыльцо, он увидел, как неуверенно продвигается эта пара по неразличимой тропинке.

Тот скудный снег, что выпадал по крохе, жалкий, в палец толщиной слой его, сдувало в низкие закрытые места, только в которых, серым по белому, и была видна тропа. Кратчайший путь в посёлок шел по гребню длинного бугра, откуда, казалось, как ни скатись, попадёшь на улицу, но на самом деле нужно было угодить на одну-единственную невидимую дорожку; прочие пути были опасны из-за ям и камней, а то и вовсе перегорожены колючей проволокой. Аратов, бродя в одиночку, часто сбивался тут с дороги, пока не научился ориентироваться по редким огням: нашёл три таких, что дальний, оказавшись в створе, указывал верное направление. Сейчас Аратов увидел, что Гапонов и Фаина, ещё не скрывшись за бугром, отклоняются в сторону; он кричал им, но бесполезно.

Гапонов, нетвёрдый на ногах, с трудом одолевал обледенелый склон – скользил и падал. Он даже не пытался потом подняться самостоятельно, но Фаина, не помощница в этом, нашла верное средство: отбежав бочком на несколько шагов, манила ручкою и звала нараспев: «Ну, Димыч! Ну, иди ко мне!» – Гапонов грузно поднимался, но, не в силах устоять, тотчас начинал заваливаться вперёд; чтобы не рухнуть, он успевал выбросить ногу, потом, лихорадочно – другую и так, в постоянном падении, ему удавалось пробежать несколько шагов. «Надо же так надраться, – печально удивился Аратов. – И неужели всё так плохо у Фаины, что приходится терпеть и это?»

Никто не знал, где завязался узелок, из которого вдруг пошёл разматываться этот неожиданный, никак не подготовленный прежними отношениями, а словно наскоро и неудачно придуманный роман. Что-то, может быть, произошло между ними в Москве, а, возможно, и этого не понадобилось, а просто был виною постылый командировочный быт, но только Гапонов с первого же по приезде дня вдруг стал ухаживать за девушкой, до того словно не существовавшей для него. Фаина, казалось, блаженствовала, подружки находили, что она похорошела, расцвела, и счастливая развязка была бы, видимо, неизбежна, когда бы Гапонов хотя бы однажды остался вечером трезвым. «Сухой закон» обходился им с достойной лучшего применения ловкостью: в то время, как крепких напитков нельзя было найти даже на железнодорожной станции, далеко за пределами полигона, он чуть ли не каждый вечер приходил с работы с фляжкой технического спирта в кармане. Пить он, однако, не умел, вернее, коли неясно, что в этом деле называть умением, напивался до изумления быстро. Здесь, в экспедиции, все были молоды и здоровы и, даже не имея опыта, выдерживали солидные порции, но Гапонов, миновавший ученическую стадию, сдавался после первого же стакана.

Валя Чернышёва, по-прежнему жившая в одной комнате с Фаиной, напрасно деликатно задерживалась вечерами в домике: потом, осторожно, ноготком постучавшись в собственную дверь, она тотчас же слышала в ответ девичий ясный голосок, приглашающий войти. Глазам Вали и её провожатого всякий раз представляла одна и та же картина: Фаина, надушенная, в кружевном розовом белье, лежала в постели, вытянув руки поверх одеяла, а Гапонов, не сняв бушлата, сидел в её ногах, сгорбившись и трагически обхватив голову.

Аратов один изо всех, провожая Валю, ни разу не зашёл с нею в дом и не видел этой картины – старался не напоминать ни себе, ни тем паче Фаине о том, что могло быть между ними в декабре.

Поначалу, в первые дни после этого не случившегося, трезвые рассуждения на тему о мужской порядочности мешались в уме с сожалениями о пропавшей возможности; эти колебания вдруг исчезли после новогодней ночи, и теперь ему не давали покоя совсем иные сомнения: он не знал, была ли она в действительности, эта праздничная ночь, – не удивился б, обнаружив, что частые мысли о ней рождаются не памятью, а воображением.

«Лучше б я не летал в Москву. Только раздражил себя», – неискренне сожалел Игорь; позже он, однако, обнаружил, что иные коллеги, видимо, думают похоже, избегая таких коротких наездов домой. Нынешний перерыв только усугубил тоску по оставленному; которая теперь сошлась на одном определённом предмете – ущербном празднике с Наташей, только всё же не на самой Наташе; к несчастью, Аратов понимал, что, окажись на её месте другая, его нынешние чувства, вероятно, были бы точно такими же, теми ж. Он находил в себе лишь смятение, а не любовь, хотя и верил, что полюбил бы Наташу, едва увидев, что немногие, непростые для девушки слова, сказанные ею в новогоднюю ночь, навсегда изменили их отношения. Он ждал чего-то нового в нейё прежде таимого, но Наташа не только повела себя так, будто ночь на даче ничего не значила для неё, но даже как будто отдалилась, и Аратов, не в состоянии объяснить это её скромностью, гордостью или смущением, всё яснее понимал собственное бывшее равнодушие к ней.

Накануне отлёта Игорь провёл вечер у Прохорова, и его расстроило, что Наташа, зная это, не забежала попрощаться (а втайне – что не проводила в аэропорт). Писем от неё не приходило, и Аратов, огорчаясь, всё чаще думал, что ждёт их не от Наташи Саранцевой, а от какой-то девушки вообще, и, значит, если быть честным до конца, ему не следует встречаться с нею. Он много думал об этом, и ему открылось и пришлось по душе доброе свойство командировок, оставлявших много времени для размышлений: когда бы в Москве он мог так пристально, подолгу вглядываться в себя? Дома Аратов вечно был занят, озабочен, вечно куда-то спешил, опаздывал, и смена ритма по приезде сюда оба раза была такой резкой, будто он с разбега налетал на преграду: дыхание ещё не восстановилось и сердце

колотится, но бежать больше некуда, и азарт состязания уступает места отчаянию от невозможности дальнейшего движения; остывая же потом от бега, он начинал различать предметы, какие только что не существовали для него в общем мелькании.

После новогодней ночи, узнав, чего был лишён до сих пор, он уже не хотел больше мириться с этим самым лишением. Кажется, что теперь он получил право надеяться, и что теперь Наташа в Москве думает о нём, но всё у них вышло неловко: они не попрощались перед отъездом, к тому же девушка ещё и до того успела сказать, что не пришлёт письма, сославшись, как удобно ссылаются многие, на неспособность сочинять; сказано это было будто бы без сожаления, легко, и взгляд при этом таков был, что Игорь упал духом: ей совсем не нужна была переписка с ним. «Ах, – уговаривал он себя, – выражение лица, как говорится, не улика», но настроения такие доводы не поднимали.

Когда бы прежде он придал такое значение неспешному обмену строчками? Кажется, не в духе времени было получать ответы на свои вопросы спустя недели, когда и сам не помнишь, о чём спрашивал, но Аратову стало вдруг необходимо то, к чему он прежде относился снисходительно и что, возможно, слегка презирал. Теперь получить любую записку, пусть и не с лучшими новостями, означало найти лишнюю нить, связывающую с домом. Он рад бывал весточкам от родственников, но больше ждал – других, не от них, плохо представляя, как должны выглядеть эти желанные послания; он, оказывается, не знал имени автора, этого бесконечно дорогого ему человека, и память не хранила ни черт, ни голоса, а немногие встречи остались в прошлом, не имея продолжения. Последним из всего того, на чем остановилось время, была ночь на даче, и Аратову казалось, что по возвращении он прежде всего попадёт в этот лесной домик, где всё повторится с точностью до жеста и слова, и лишь потом вновь двинутся часы, исправляя ошибки, навёрстывая, спеша. Ему казалось, что люди, оставшиеся в Москве, не имеют права что-либо совершать без него и ждут его возвращения, чтобы вместе прожить пропущенные дни; во всяком случае, это было бы справедливо.

* * *

С крыльца послышался тяжелый топот, потом что-то упало. После непонятной паузы топот продолжился уже в коридоре.

Пригнувшись в низком проёме и задев плечом косяк, в комнату ввалился Гапонов.

– Где же игрушки? – удивился он. – Этот – спит. А игручков – не было.

Стаскивая на ходу куртку, он поплёлся к себе в комнату. Там горел свет.

– Пасьянс! Гадалка! – донесся его бас. – Знаешь, как называется король крестей? Бардадым! Бардадым!

– Это Фаина тебя научила? – насмешливо спросил Еленский.

– Фаина, женщина! – вскричал Гапонов. – Эта женщина – откуда ей знать? Ах, витязь... Пошли, Петя, поговорим. Впрочем, где народ? Сегодня у нас проживает один Игорь. Но где народ? Пошли, поговорим. А, да брось ты это дело. Что резону в картах?

– погоди немного, отдохни.

– Я лягу, – вдруг смирился Гапонов. – То была Фаина. Но разбуди. Нужно позарез.

Продолжение разговора Аратов нечаянно услышал, проснувшись где-то уже среди ночи. Они старались говорить негромко, особенно – Еленский, но тонкие стены пропускали все звуки, слышно было даже, как ворочается на койке Димыч.

– Мы – суровые мужчины, – заявил Гапонов.

– Это правда. Но ты что-то важное хотел сказать? Не то я пойду домой. Поздно.

– Отнюдь. Важное я бы унёс с собой. Нет, но каково: бардадым!

– Мы продолжим завтра.

– Я не пьян, между прочим, – обиженно заявил Гапонов.

– Конечно, нет. Тебе литр, что слону дробина.

– Ну, столько не было. У меня – ни в одном глазу, вот беда, – Гапонов неожиданно расхохотался. – Сна – ни в одном глазу.

– Ты, видно, разволновался. Что за ссора вышла у вас?

– Ссора? Нет, пустяки. Но я думаю: что за хозяйка, лужу не подотрёт? Подумаешь, банка упала с чистой водой. Тряпку – двумя пальчиками!

– Она – твоя гостья была, – напомнил Еленский.

– Слушай, давай ещё по стакану.

– Давай. Только я-то выпью, а тебе довольно.

– Хорошо, – легко согласился Гапонов. – Тебе как смешать – пополам?

– Пополам. И колбаски передай. Удивительно, как это вы всё оставили.

– Начни она подтирать – отобрал бы тряпку. Но начни! – выкрикнул Гапонов. – Нет, я тихо. Я о том, что она не хозяйка. Не о том, что – сейчас, а что – будет. Что за брак...

– Ты решил? Твердо?

– Ничего не решил, – пробурчал Гапонов, теперь еле слышно. – Она-то – хочет!

– Это, милый, ещё не основание. Всякая девица хочет, оттого что годы-то – бегут! Послушай, Дмитрич, не продолжить ли нам завтра? На свежую голову?

– Э, нет, погоди. Разве эта женщина сама не видит? Фаина! Должна и она... Если здесь не решим, то всё, я ушел в сторону. В Москве я не подойду к ней. Она, наверно, ждёт, что и там будет то же: провожания с работы, на паровозе – в её деревню, на завалянке посидеть, с родителями раскланяться, в кино семечки полугзгать. Увольте. Сразу, так сразу.

– Сам не знаешь, чего хочешь. А девчонка надеется понапрасну.

– С другой стороны, видишь, как здесь получается? У меня – не получается. Удивительно: пью, что ли, много? Я пьян?

– Ещё как.

– Что же ты разговариваешь со мной? Прогони или патруль вызови. А, я понимаю: слушаешь, что у пьяного на языке? А язык-то заплетается.

– Связно говоришь.

– Ага! В литрах на единицу веса... Чтобы меня свалить... Знаешь мой вес? Но приеду в Москву – ни капли. Месячник трезвости. А к Фаине – не подойду. Только здесь.

Так, значит, далеко зашло у них, и Аратов почувствовал зависть – не потому, что и сам мог быть на месте Гапонова, с Фаиной, нет, он не сожалел об этом, а потому лишь, что близилась весна, и эти двое уже были – пара, а он оставался один.

Это была беда его, которой он всякий год боялся и не мог избежать: острая, мучительная грусть, непременно наступавшая в лучшие месяцы – в апреле, в мае, когда девушки, сбросив надоевшие пальто, становились особенно нарядны и приветливы, и когда казалось, что все, кроме него, любят и любимы. Тревожное весеннее настроение всегда наступало внезапно, под влиянием случая; в прошлом году он, легко проведя март и половину

следующего, совсем уже тёплого, солнечного месяца, подумал было о своём исцелении, но вдруг, некстати увидев на вечерней набережной парочку и огорчившись, что не может так же постоять у парапета, обняв девушку и молча наблюдая течение реки, почувствовал себя совсем неважно и так хворал вплоть до лета и жары. В нынешнем же году одна только боязнь стеснения духа стала так остра, что он едва ли не готов был остаться на полигоне до мая, чтобы весна прошла незамеченною; здесь все были в одинаковом положении – одинокие мужчины, – и он впервые не выделился из общей массы.

Тут было трудно соблюсти меру: и пропустить весну, и не пожертвовать ради этого подмосковной зимой с её сугробами и катанием на лыжах, не вычеркнуть эту зиму из жизни, захватить хотя бы её краешек. Ему довольно было бы даже единственной лыжной прогулки; маршрут её в этом случае следовало бы выбрать наверняка, и он вечерами с удовольствием сравнивал разные варианты; это было сродни мечтам над картой мира о путешествиях. Перебирая в памяти знакомые места, он припомнил и то, куда заехал летом на велосипеде. Леса там было, кажется мало, лыжнику пришлось бы преодолевать открытые ветру поля и реку, и ехать туда, конечно, не стоило, но Аратову показалось вдруг, что этот уголок Подмоскovie отмечен чем-то особым, и ему необходимо снова побывать там. Некстати подумав об исчезнувшей навсегда девушке с собакой, он огорчился, поняв, что забыл её лицо – то ли плохо рассмотрел, то ли теперь затруднился по той же причине, по какой невозможно бывает точно нарисовать в воображении внешность близкого человека, в черты которого, не зная нужды изучать, давно уже не всматриваешься, отчего замечаешь только минутные перемены выражения. Образ её ускользал, портрета не получалось, но Игорь не горевал, веря, что непременно увидится с нею снова и тогда уж рассмотрит как следует. Возможность случайной встречи в городе была ничтожной, но Аратов вдруг понял, что ему по плечу отыскать её (он изумился, заметив, как при мысли об этом забило сердце). Оказывается, он знал, где, как и кого искать – не человека, а приметную собаку: если девушка не прихвастнула и пёс в самом деле чистопороден, то его, из-за редкой масти, непременно должны помнить в клубе собаководов; как резерв, оставались еще ветеринарные лечебницы. К счастью, девушка вскользь упомянула

о своём недавнем переезде с Нижней Масловки в Черёмушки – это сужало район будущих поисков. Загораясь, Игорь уже твёрдо решил, что будет искать и найдёт, причём не видел в этом придуманном приключении другого интереса, кроме спортивного. Но и всякий интерес он простил бы себе, оттого что Наташа не писала писем и, выходит, могла жить без него: новогодняя ночь ничего не изменила в мире.

Мог ли он сам жить без неё? – над этим вопросом он пока старался не задумываться, отгонял от себя, оправдываясь тем, что всё равно ответить на него можно, лишь живя в Москве; на полигоне же – он рассмеялся – жить на полигоне вообще было нельзя, с Наташей или без. В любом случае пищей для души здесь были одни воспоминания, – и он изумился тому, что память снова подвела его: Наташины черты, так хорошо знакомые каждая в отдельности – глаза, причёска, губы, – тоже никак не складывались в его воображении вместе, чтобы образовать портрет; Игорь, как ни старался, видел лишь некий светлый, светящийся образ, достаточно неопределённый для того, чтобы при близком рассмотрении обернуться чьим угодно лицом.

* * *

Силясь разглядеть в иллюминатор, бело ли внизу, Игорь видел черноту, не зная, что это – оттаявшая ли земля или ночь, и лишь при посадке понял: здесь – зима. Ступив на трап, он обнаружил, что ночь тиха, а когда случайный ветерок отогнал запахи горячего металла и керосина, ему показалось, что он слышит, как пахнет снег – но это просто дышалось по-иному, чем на полигоне, где воздух был сух и безжизнен.

Исключая самый миг возвращения, замечательный объятиями, причитаниями и немедленными, с порога, взаимными рассказами, течению его дней сразу следовало пойти по-старому, словно другой мир только привиделся ему. Но, не пережив вместе с близкими людьми эту зиму, Аратов поначалу чувствовал себя в Москве неловко, как посторонний. Он предпочел бы, чтобы причиной такой неловкости стал некий мудрый опыт, приобретённый там, где можно наглядеться недоступного смертным, но в действительности вынужденно признавался себе, что скорее во время отлучки сам в чём-то отстал от здешнего своего круга, отношениям в котором теперь суждено было измениться. Он

вообразил даже, что нарушилась общность его с Прохоровым интересов – и так уверился в этом, что когда, освоившись в городе, зашёл наконец к другу, то не смог объяснить тому даже такой мелочи, как растерянность от потери зимы.

Им вообще не удалось поговорить как следует: мешало присутствие Нины. Играть в старую игру – кто кого пересидит – сегодня было бесполезно: женщина, видимо, собиралась остаться до утра. В то же время она была взвинчена, не в духе, и напряжение чувствовалось между нею и Андреем – к постыдному удовольствию Аратова, давно ждавшего, когда распадётся эта связь. Он, веря вкусу друга, наверно, постарался бы подавить в себе неприязнь к Нине, когда бы много раз не слышал от самого Прохорова, что это увлечение – из недолговечных, что это и не увлечение вовсе. Сегодня, видя настроение Нины, Игорь поторопился распрощаться; вдобавок, он не знал, как себя вести, что говорить, если сюда поднимется Наташа. Она не поднялась – и Аратов столкнулся с нею во дворе.

«Как хорошо было бы подготовиться к такой встрече, отрепетировать слова», – подумал он, напрасно призывая теперь на помощь находчивость и вдохновение. Он хотел бы придумать что-нибудь лёгкое и остроумное, а пока что молчал, растерянный, словно пытаясь за секунды решить то, на что не хватило нескольких недель: истолковать Наташин отпор на даче как решительный отказ или же, напротив, как обещание верной любви и тогда уже держать себя сейчас так или этак. Казалось, будто ничто третье здесь невозможно, и он решил, что теперь остаётся лишь развивать события до катастрофы; почему-то именно катастрофа виделась в конце, будто должно было сказаться что-то неверное в прошлом, чего он не смел вспомнить.

– Я думал, ты зайдёшь к Андрею, – пробормотал он после долгой паузы.

– Если б я нужна была, стукнул бы в окошко. Адрес старый.

– Что-то обстановка там накалена.

– У него вообще неладно: хандрит... А ты, смотри-ка, уже загорел, – удивилась Наташа, но сказала это так спокойно, что Аратов даже усомнился: да полно, уезжал ли он; похоже было, что они расстались тому несколько часов, и теперь девушка заметила, что он надел вместо легкомысленного беретика шляпу.

– Ответрел. Да и весна на дворе. Так что – Андрей?

– Завидует тебе: тоже хотел бы забраться в глушь, отдохнуть от людей...

– От Нины?

– ...а тратить отпуск – жаль. Да и какие там отпуска в его артели? Меньше, чем у меня. Был бы он вольным художником...

– Был бы я вольным художником!.. Но нет, не в этом дело. Он, быть может, хочет набраться там каких-то особенных впечатлений для работы здесь, а я думаю, как бы мне, наоборот, так устроиться, чтобы копить и увозить с собой в командировки частички здешней жизни: всё – наши посиделки, кухня, тётка – всё сгодится.

«Не нужно было приезжать в декабре, – в который раз подумал он и вдруг, будто ему надоели собственные колебания, сказал себе: – Возьму и женюсь».

– Ты надолго приехал?

– Ну вот, – принудил себя засмеяться Аратов, – до чего дожил: никто уже не спросит, надолго ли уезжаю, а только – на сколько приехал, словно я тут временный жилец.

– И всё же?

– А я и сам не знаю, надолго ли. До мая – наверняка.

– Всего-то – месяц...

– Что же, ты не хочешь, чтоб я уезжал? – нечаянно резко спросил он.

– Отчего бы хотеть? Тебе же там плохо...

– Кто сказал? Что значит – плохо? Мне там интересно, – с вызовом сказал Аратов.

– Опять ты о своей работе, – печально проговорила Наташа. – Видно, тебе никто не нужен, а всё доброе ты говоришь просто для красного словца.

Но он бы и ещё больше, и всё – красными словами, хотел сказать о работе, о её исключительности и романтике: кому, как не его девушке, было выслушивать это. Коллеги не одобрили бы подобного тона: вот чего он не мог понять на работе – общего спокойного отношения к своему делу, как к самому обычному, каким может заняться каждый.

– Поехала бы со мной в экспедицию... – сказал он.

Наташа не ответила. Истолковав её молчание по-своему, Аратов шагнул к ней ближе и неловко поцеловал.

– С ума сошёл – под моими окнами! – увернувшись, ужаснулась Наташа. – И потом, мы столько уже стоим, я опоздаю. Пока, я бегу – и не провожай меня.

– Вместе побежим, – сказал Аратов, не двигаясь с места. – Ты разве – не в метро?

Что это за дом был, куда он не смел проводить ее? Не ощутив ревности, Аратов понял, что запрет вряд ли серьёзен, и что не Наташа ему, а он ей навязал решение.

* * *

Часть фонарей не горела, и на этом полутёмном участке улицы он едва не разминулся со знакомым, вернее, разминулся уже, прошел мимо – и был остановлен окликом вослед; оглянувшись же и узнав Яроша, он вдруг вообразил, что находится не в двух кварталах от дома, а снова на полигоне, только на какой-то новой, более оживлённой, чем другие, площадке. Это ощущение не показалось странным: он так до сих пор и не поверил в возвращение домой.

Кому-кому, а не Ярошу, жителю пригорода, пристало бы не спеша бродить в этом районе в поздний час, и однако это он, а не Аратов, удивлённо воскликнул:

– Что ты делаешь тут?

Аратов промолчал, разглядывая коробку с тортом, которую Виктор держал в руке (тот непременно покупал домой торт в каждую получку), и пытаясь сообразить, зачем для такой покупки понадобилось ехать через весь город.

– Я здесь живу, – сказал он наконец,

– А я – из дворца спорта, – с нажимом сообщил Ярош, будто бы даже разочарованный ответом товарища.

– Так и ходил с коробкой? Рискованное предприятие,

– Чудак, я девочку попросил, она мне оставила. Хочешь, продадим его здесь?

Нет, Аратов не хотел, но остановить Виктора было уже трудно:

– Ну, тогда съедим. Вот только где купить бутылку сухонького?

– Донеси, донеси до дома, – попробовал урезонить его Аратов, у которого были свои планы на остаток вечера,

– Посмотри, который час. Пока доберусь до дома – кто будет его есть? Завтра куплю свежий.

– Но и мы – не съедим же весь, – сопротивлялся Аратов, уже видя, что настоять на своём сумеет лишь ценой ссоры.

В конце концов они поднялись к Аратову. Их старания не шуметь в передней оказались бесполезными: тонкий слух Лилии

Владимировны позвал её в коридор в ту именно секунду, когда Аратов переступил порог.

– Вы очень вовремя, – сказала она. – Мы как раз накрыли на стол. Чай готов.

– Вот и торт пригодился, – воскликнул Виктор, оглядываясь на Аратова.

– Мы, тетя Лина, присоединимся к вам попозже, – поспешил исправить положение Аратов, забирая торт у Яроша и передавая его тётке. – Отрежь нам пока по кусочку.

Такое пока не заведено было в доме. Лилия Владимировна не признавала независимости территории племянника и, если к нему приходили, вторгалась в его клетушку в любое время и обрекала гостей на чаепитие в своей просторной комнате, всякий раз умея нечаянно сделать обстановку за столом принужденной. Аратов, однако, готовил небольшую домашнюю революцию: покончив, наконец, с безденежьем, обзавёлся своей, отдельной кофеваркой и собирался оборудовать подобие бара, чтобы впредь противопоставлять тётушкиному застолью собственное; момент переворота должен был совпасть с покупкой магнитофона – к Аратову приходили бы не поговорить, не на чашку чая, а чтобы послушать музыку – это почти исключало бы переход за стол к Игожевым.

Вопреки обыкновению, Лилия Владимировна сегодня не вошла к племяннику.

– Ты, старый, даёшь, – выразил тот свое восхищение интерьером; больше всего его поразила живопись по штукатурке.

– Работа моего друга, – пояснил Аратов. – Он хороший художник, профессионал. Впрочем, вру: профессионал – это живописец, живущий продажей своих картин. А он работает в какой-то артели, разменивается на мелочи.

– А ты знаешь, старый, что и я люблю рисовать?

– Вот уж чего не замечал на полигоне, – насмешливо ответил Аратов. – Ты же карандаша в руки не брал.

– Там другие интересы.

Искушение высказать банальную мысль о том, что у художника везде одни интересы, было велико, но Виктор опередил:

– Столько работы...

– И при этом не знаешь, куда деть свободное время, проклинаешь выходные – даже в Ауле. Не представляю, как ты жил на площадке. Мы уже говорили об этом.

– А знаешь, старый, я как раз хочу насовсем перебраться туда, на площадку, – выпалил Ярош. – Мне там интереснее, и я в принципе договорился с Фомичом, так что, может быть и не прямо сейчас, а на будущий год, но уйду.

– Нормальные люди идут из «гайки» к нам, а не наоборот. Чем тебя приманили?

– Буду руководить группой. Но не в этом дело. Я ведь попробовал и того, и другого, и вижу, что наша сидячая работа не по мне. Я, видно, человек рабочий... Ну, не смейся, не смейся. Просто мне нравится мастерить что-нибудь своими руками.

Внутри службы испытаний и в самом деле, если и существовало течение людей, то лишь в одну сторону, от практиков к теоретикам, от последних же очевидный путь вёл в научные отделы. Всего два дня назад Еленский, прервав пустой разговор в столовой, сказал Аратову:

– Можешь форсировать свою карьеру. Ты же знаешь, бригаду маттехобеспечения преобразовали в отдел, и у них открылась вакансия начальника бригады. Тебя возьмут без разговоров – хочешь, я намекну им?

Оба посмеялись над этим, как над хорошей шуткой, понимая, что из теоретиков в снабженцы не рвутся.

Теперь следовало бы посмеяться и над шуткой Яроша, но это был всё же другой случай: Ярош не уходил из инженеров, а менял бумажную работу на такую, где мог бы иметь дело с живым металлом. В сущности, разница была невелика. В газетах изредка стали появляться материалы о создателях космической техники – там коллег Аратова величали учёными, словно выделяя из общей инженерской массы, но это был наивный взгляд непосвящённых. Кого бы из своих сотрудников мог назвать учёным Аратов? – не Петю же Еленского: дистанция между тем и работниками академических институтов была громадна, не то, что между ним же и Лободой. Всё это были сегодня аргументы Яроша в завязавшемся споре, и Аратов, согласный с ними, противоречил потому только, что живо вообразил невозможное: как сам переходит в бригаду Лободы.

После спора каждый остался при своем мнении, и Аратов был озадачен, когда Ярош через какой-то час, за чайным столом у Игожевых, принялся утверждать совершенно обратное тому, что отстаивал только что – расхваливать свою нынешнюю профессию,

– Скажите, кто мы такие? – спрашивал он Лилию Владимировну и доверительно отвечал сам себе: – Мы следователи по особо важным делам. Выезжаем на место происшествия и ищем виновника методом дедукции. Последнее слово – за нами. Другие же, то есть милиция, только обеспечивают нашу работу.

– Вижу, вы увлечены не меньше Игоря, – заметила Лилия Владимировна. – Меня лишь смущает, что – давайте пользоваться вашей терминологией – что прокуроры не создают вам надлежащих условий. Долго ли вы так выдержите?

– Долго, если к этому правильно относиться. Для меня, например, командировки – тот же туризм...

– Турист по особо важным делам, – фыркнул Аратов.

– ... а у туриста где улётся, там и дом. Крыша есть – и хорошо. Лишь бы ночью снег на лицо не сыпал.

– Где же ты раньше был со своей спасительной туристской философией? Глядишь, легче бы перезимовали. А то и правда, лишь снегопада в комнате не доставало.

– Какой ужас! – воскликнула Варвара Андреевна.

– А ты сам-то ходил в зимние походы? – снисходительно бросил Ярош. – Только честно, положи руку на это самое место.

– Я не ходил и в летние, – вызывающе ответил Аратов. – Шагать в строю, глядя в чужую спину, с тропы в сторону не шагнуть – это не для меня.

– Я к чему спросил: в походе такой барак – мечта, рай. Нет, это славно: на улице стужа, ветер, а мы с парнями придем с технички – и за домино!

– Что же вы свой торт не отведаете? – спросила Лилия Владимировна. – Давайте, я вам ещё чаю налью.

– Чай не пьёшь – какая сила? Выпил чай – совсем ослаб.

– Интересная трактовка, – Лилию Владимировну, кажется, начал интересовать гость. – Но я вернусь к теме жилья. Ваш быт романтичен, спору нет, вдобавок, сейчас, кажется, в моде уходить из городских квартир куда-нибудь в Сибирь, в тайгу, на великие стройки, да только ведь всю жизнь за домино не проведёшь.

– Некоторые играют именно всю жизнь, – чтобы досадить Ярошу, перебил Аратов. – И Вите грозит то же.

Лилия Владимировна уже пошла на попятный:

– Это, конечно, лучше, чем...

– Чем моё будущее. Но я, как всегда, сведу к одному: если уж меня не погубило раздельное обучение, то...

Расчёт был верен: Виктор вряд ли поддержал бы эту тему, тётка же, как проверено было, могла не оставлять её часами; так и случилось, и Аратов в конце концов успокоился: вечер, кажется, прошёл гладко и Виктор не ляпнул ничего невпопад. Но едва за гостем закрылась дверь, Лилия Владимировна изобразила крайнее недоумение:

– Что за приятели у тебя?

– Сотрудники, – поправил Игорь. – Мои приятели известны. А Витя, кстати, хороший товарищ. Попади я в трудное положение, сам же первый забуду, какие разные у нас вкусы и прочее.

До сих пор он не замечал, что невольно, оценивая окружающих, применял в командировке совсем не те мерки, что дома; на полигоне важно было всего лишь чтобы соседи и собеседники были толковы, но дома даже простая разница во вкусах воспринималась как инакомыслие, отдаляя людей, и компании, случайные на первый взгляд, возникали всё же не сами собою.

– Хороший товарищ, – повторила Лилия Владимировна. – Охотно верю. Только, видишь ли, – нет это не касается именно Виктора, а просто вспомнилось к слову, – достоинства у всех приблизительно одинаковы, зато недостатки у каждого свои, и, значит, разумно выбирать себе в друзья тех, чьи недостатки устраивают тебя больше.

– По этому же принципу следует выбирать и невесту, – согласился Аратов, тотчас спохватившись, что затронул слишком ёмкую тему; на сей раз, однако, Лилия Владимировна промолчала.

* * *

Огромный дом стоял покоем, а другой, меньший, замыкал двор, оставляя два проезда; в просторном квадрате разместились и растаявшее хоккейное поле, и детская площадка, и просто сквер, часто засаженный тонкими деревцами. Фонари горели только по углам, и из ворот трудно было разобрать, что делается за сплетениями изгородей и посадок. Пройдя под аркой, Аратов оказался под голой лампой, на виду, и ему пришлось поспешно переместиться в тень: неловко было бы, если бы Таня увидела, как он стоит здесь в поздний час. Он понимал, правда, что вряд ли девушка запомнила его внешность, да и вообще их встречу –

быть может, и ждала тогда, летом, что он приедет на реку ещё раз, но теперь, когда прошло столько времени, ему нужно было начинать всё сначала.

Он, пока не взялся за поиски, не слишком верил в быстрый успех, на деле же всё оказалось проще простого, и за один день ему стали известны её адрес, фамилия и, может быть, имя. В книге ветеринарной лечебницы хозяйкой жёлтого добермана значилась Т.П. Карташова, и он только немного затруднился, решая: Татьяна? Тамара? Первое нравилось ему больше и шло девушке, и он уверил себя: Таня. «И фамилия милая, – думал он. – Хорошо, когда девочка картавит по-детски. Значит, Таня».

Вторая половина дела выглядела совсем уже простой: нужно было подойти к нужному дому поздним вечером – в то время, когда все хозяева выводят перед сном своих собак, – и тогда, увидев Таню, окликнуть с таким видом, будто увидел её случайно, проходя мимо по делам. Подстроить эту встречу он придумал совсем не потому, что был неравнодушен к этой девочке и горы свернул бы, чтобы разыскать и добиться её, а потому, что не знал, чем занять первые вечера в Москве. За прошедшие полгода он позабыл, какое впечатление девушка произвела на него в тот летний день у реки, и теперь отправился на свою вечернюю вылазку не с большим волнением, чем если бы ехал, чтобы взять интересную книгу у малознакомого человека. И всё же когда где-то в середине двора послышался лай, сердце его забилось. Нужно было сразу пойти вперёд, а он стоял, робея: знал, что не посмеет сейчас подойти к девушке. Впрочем, с собакой могла быть и не она, Аратов ничего не различал там, в темноте; ни лая, ни движения больше не слышно было, и он хотел всё же пойти посмотреть, но тут в круг света от ближнего к нему фонаря выбежал жёлтый пёс. Знакомый голос позвал: «Азор, Азор!» – и первым, естественным побуждением Игоря было и самому помчаться на зов, и он рванулся было или хотел рвануться – во всяком случае, почти сделал шаг, какой мог бы выдать его, но вовремя остановился, увидев на фоне освещённых окон первого этажа рядом с силуэтом девушки второй, мужской.

Он был благодарен темноте, своей зимней одежде, сделавшей его неузнаваемым, и времени, протекшему со дня их встречи.

Дождавшись окончания прогулки, Аратов увидел, как спутник девушки вошёл вместе с нею в подъезд, и как лифт тотчас

пополз вверх. Худшим, к чему он приготовился заранее, было, что не Таня, а кто-нибудь из домашних выведет Азора, и тогда просто следовало бы повторить попытку, но теперь дорога сюда могла оказаться заказана навсегда. Он представил, как те двое поднимаются в лифте, и Таня, смеясь, стряхивает снег с воротника мужа (но нет, она, школьница, ещё не могла быть замужем), и как тот потом помогает ей снять пальто и, дождавшись, пока она поправит сбившиеся под платком волосы, обнимает за плечи и ведёт в комнаты. Аратов успел уже позабыть, что ещё сегодня сомневался в том, что встреча с Таней нужна ему, – недаром же несколько месяцев не вспоминал о ней, а заскучал лишь когда ему вконец опостылел холостяцкий быт зимовки; в те дни, выдумывая свое несчастье, он выдумал и лекарство от него. Всего несколько часов назад Аратов допускал, что искать хозяйку собаки его заставляет только спортивный азарт и, значит, так же увлечённо он принялся бы за розыски любой другой девушки, он ведь даже не запомнил лица этой, так что имел право сказать, что не знает толком, кого ищет, но сейчас смутный образ, живший в сознании, вдруг отделился от остальных, предлагаемых памятью как фон и подсказка, и черты начали проступать, как на фотобумаге. Это лицо, только что бывшее одним из множества, становилось единственным среди прочих, неразличимых.

Спустя сутки Игорь снова был у Таниного дома. Зайдя со стороны тёмного проезда, он сначала прислушался и огляделся, а потом, не таясь больше, исходил пустой двор вдоль и поперёк. Так прошел час. Очевидно, Азора уже выгуляли, но эта случайность не смутила Игоря: ему ничего не стоило приезжать сюда хоть ежедневно, и он верил, что добьётся своего. Бродя по двору, он чуть ли не молитвы читал про себя – да и вслух бормотал что-то, – желая только, чтобы Таня оказалась свободной. Эти страстные мольбы, которых сейчас сочинилось уже несколько, перемежались скучными оправданиями грядущего поражения: он внушал себе, что невелика беда потерять ещё не обретенное.

Понимая, что в эти минуты предаёт Наташу, Аратов попытался думать о ней зло: «Сама виновата, – твердил он, – могла бы за три месяца написать пару строк. Торчал, как перст, в этой дыре. И потом, мы же тогда, на даче, не впервые встретились – что за внезапная любовь?» Но он и неудовольствия не сумел вызвать в себе, и не успокоил совести.

Жёлтый пёс промчался вдоль стены. Девушка вышла из дому одна, и Аратов поспешил навстречу.

Она смотрела насторожённо, не узнавая.

– Помните, вы купали собаку на даче? – осторожно начал Аратов, тотчас сообразив, что она купала собаку ежедневно, и уже не удивившись её сухому: «Ну и что?»

– А роза упала на лапу Азора, – как пароль, произнёс он, жадно глядя в её прелестное лицо и думая, что никогда так не смотрел на Наташу.

– Вы приезжали на велосипеде! – вспомнила она.

– А потом вышло, что я больше не сумел приехать. Вы не оставили ни адреса, ни телефона, но я искал вас, и вот...

– Так вы здесь не случайно? Как вам удалось?

– Проще, чем вы думаете, – отступил Аратов, почувствовав, как она напряглась. – Я проходил мимо...

Она насмешливо прищурилась:

– Через этот двор?

– Тут неподалеку живёт мой коллега, Слава Пенин, – придумал он, не солгав особенно: тот жил где-то на Юго-Западе, а теперь в представлении Аратова весь этот новый огромный район, прежде незнакомый ему, тяготел к единственному дому; к своему изумлению, он не ошибся.

– А, я знаю, – равнодушно сказала девушка. – Неподалёку – это в подъезде у левой арки? Он учился с моим братом.

Поняв, с кем вместе девушка вчера выгуливала собаку, Аратов всё же почувствовал себя неуютно: он чуть не попался.

– Я не был в Москве с ноября, – поведал он. – Остался без зимы, без снега.

– Где ж это нет снега зимой? На Кавказе? И я бы хотела... Не помню, я спрашивала, где вы работаете?

– Там же, где Пенин, – напомнил он.

– А-а, самолётики. И что же, вы сами летаете?

– Нет, конечно. У нас хватает работы и на земле. Да зачем мы всё говорим обо мне? Скучные материи. Расскажите лучше о ваших делах.

– Они ещё скучнее. На удивление занудный факультет.

– Теперь уже ничего не поделаешь, придётся тянуть лямку.

– Кто вам сказал? Нет уж, дотяну этот курс – и найду себе что-нибудь поживее.

- Снова потеряете год?
- Выиграю! Потому что учиться всё-таки лучше, чем работать. Согласны? Пока есть возможность жить свободно, ею нужно пользоваться, а?

- Что за вопрос, – проговорил Аратов, озадаченный её сообщением. – У меня-то получилось иначе, ко мне свобода пришла как раз только с окончанием вуза

- Господи, как сложно. Я. даже не поняла, одобряете ли вы.

- В техническом вузе было, наверно, труднее?

- Не знаю, – засмеялась она. – Я не старалась. Разве я похожа на усердную ученицу?

Она производила именно такое впечатление.

- Не похожи. И раз вы не заняты учёбой, давайте, предпримем что-нибудь вместе: встретимся не на ходу, во дворе, а проведём вместе вечер, чтоб поговорить толком.

Он сказал это неловко из-за непривычки так ускорять события.

- Думаете, это просто сделать? – ответила девушка, заметно поскучнев. – Надо как-то сговариваться, связывать себя. Да и что мы будем делать целый вечер?

- Придумаем. Ну, хотите, я теперь с ходу предложу, что только взбрédёт в голову, а вы не судите строго, потому что – экспромт. Иначе мы опять разойдёмся на полгода.

- Вы же, оказывается, знаете, как меня найти. Нет, в самом деле, как вы нашли?

- Мне бы не хотелось – тем же способом, – улыбнулся Аратов. – Здесь холодно, сыро.

- Заходите ко мне, – равнодушно пригласила она. – Квартира четыреста сорок один.

- Вы разрешаете! – возликовал Аратов, но осéкся, поняв, что этим она не только не выделяет его из прочих, приближая, а напротив, причисляет к бесчисленному ряду приятелей и подруг. – Но не приду же я без приглашения, мне неудобно, нет, так нельзя приходить, и давайте лучше созвонимся и сходим в кино или посидим где-нибудь. Хорошо бы нам поговорить подольше, а то мы знаем друг друга только в лицо.

- Звоните, – пожав плечами, сказала она.

Аратов остался недоволен собой: надо было развлечь Таню, а он говорил пустые слова, бормотал невразумительное, выпрашивая свидание, и девушка скучала. Вчера кто-то – брат

ли? – развеселил её: смех был слышен во всём дворе. Следовало, раз уж она поинтересовалась его работой, рассказать хотя бы какую-нибудь дежурную полигонную байку, безобидный анекдот – об этом он подумал, только уже распрощавшись и выйдя на улицу.

И всё-таки необычайно легко стало на душе; он от одного того стал счастлив, что несколько минут простоял подле неё – и этого он никак не мог держать в себе, должен был поделиться с другом. Сев в такси, Аратов велел ехать на Арбат.

Выйдя из машины, он тотчас позвонил из автомата домой.

– Не волнуйся, я приду попозже, – торопясь, бросил он. – Хочу подъехать к Андрею... Да нет, разумеется, удобно. Он ложится спать поздно. Я не знаю, ложится ли он вообще.

Тем не менее, он поднял Прохорова с постели.

Соседка, открывшая Аратову, многозначительно посмотрела на него, но промолчала, а только прошла вперёд и сама, чего не делала обычно, постучала в дверь:

– Андрюша! К вам гости.

«Нина, – подумал Аратов, – но ведь в окне, кажется, не было условного знака?»

– Минутку, – недовольно прозвучал голос Прохорова. – Оденусь.

Аратов поспешил назваться, и замок тотчас щёлкнул.

– Нервных и женщин просят отвернуться, – натягивая брюки, пробурчал Прохоров.

– Самое время для визитов, не так ли? Извини, но у тебя не было привычки ложиться в такую рань. Ты бы предупредил.

– Ну, рано не рано, а одиннадцать, и даже я раз в жизни имею право... Это во-первых. Во-вторых, ты так долго странствовал, что за этот срок могли измениться не одни только привычки. В-третьих, я понимаю тебя: вкусив дикой жизни, ты по достоинству оценил – столичную и, как в детстве, считаешь преступным тратить время на сон. А в-четвёртых, хорошо, что ты пришел: я, честно говоря, завалился спать только от нечего делать. Нынче не работается, не думается, не читается: устал. Думал позвонить кому-нибудь из автомата, поболтать законные три минуты – никого не застал. Вот, истопил печку и – до завтра.

– Созрел человек для женитьбы, – заметил Аратов, нечаянно приписывая другому свою озабоченность. – Если уж тяготишься свободой...

– Можешь пока не бояться. Мне бабка говорила: «Не женись рано и не женись на маленькой». Срок, правда, вышел, да всё мелкота попадается. Ну, не мне тебе объяснять, что за проблема. Лучше перейдём к делу: ты тут погоди, а я сварю кофейку. Надо сон разогнать. Включи-ка потихонечку «маг».

Не задумываясь, словно наметил заранее, Аратов поставил ролик Эролла Гарнера – спокойную, тихую музыку. Прохоров удивлённо поднял брови: он решил было, что у Аратова неприятности, раз пришёл в неурочный час, и что тот, как всегда в таких случаях, выберет шумную, неистовую запись.

– Расскажи, что произошло, – спросил Прохоров, вернувшись с кухни. – Сделал предложение Наташе?

– Медведь! – застонал Аратов. – Сапожищами! А впрочем, ничего и не произошло. И Наташи я не видел. Просто забежал на огонёк. На погашенный огонёк забежал – и как принимают, какая сервировка!

Он, рисуясь, разглядывал на свет тонкую кофейную чашечку.

– Зная твои сибаритские наклонности, я достал лучшую фарфоровую посуду. Помню, как ты говорил, что пора гранёных стаканов осталась позади.

– Вы, москвичи, не понимаете своего счастья.

– Мы! Это, брат, не ново. Но теперь ты стал бывалым человеком, и я готов прислушаться, забыв о пятилетней разнице в возрасте.

– Слушай, слушай, – улыбнулся Аратов, – только на первых порах не обращай внимания на словарь бывалого человека: в мужском обществе делаешь себе послабление и под влиянием среды иной раз выражаешь свои мысли в непривычной форме. Впрочем, я говорю ерунду. Знаешь, что меня принесло? Ты сказал верно: мне жаль тратить целые часы на сон после того, как бросался сутками. А ещё – надоело неподвижно сидеть на месте, вот и ношусь по городу: отвызался! В тех же местах, куда я... короче, в тех местах не поносишься по городу, потому что и города нету, и нет охоты даже просто выглядывать во двор; я рассказывал в прошлый раз: выйдешь из дому – чернота, ветер, холод, тропинки не видать, а доберёшься до улицы – фонарей нет и там, отчего машины слепят фарами, не видишь, куда ступить – что за прогулка? То ли дело ходить по освещённому городу, оглядываться на девушек! Нет, это чудо: вот я на ночь глядя захотел – и через

пол-Москвы приехал к другу просто поговорить, а тут даже ещё и печка не остыла!

– Я всё понимаю и рад тебе.

– Наверно, я выгляжу ненормальным, – засмеялся Аратов, – говорю только об одном. Но это ненадолго, это пройдёт, надо только выговориться. Помнишь изголодавшегося у Джека Лондона, который, выжив, всё запасал сухари? Иметь возможность зайти к тебе и не воспользоваться ею – этого я не могу пока себе позволить.

– Основная мысль ясна: жизнь прекрасна и удивительна. Так?

– Знаешь, я познакомился с чудесной девчонкой...

– Вот! – вскричал Прохоров. – После твоего предисловия я чего-то в этом роде и ждал.

– Погоди, ещё неизвестно, что из этого выйдет, – суеверно отмахнулся Аратов. – Она совсем девочка, первокурсница, и я для неё жуткий старик. Конечно, у нас с ней ничего не получится, ну и пусть, вот даже один этот вечер!..

– Как раз наоборот: если у вас большая разница в годах, – рассудил Прохоров, – ей должно быть лестно твоё вниманиё. К тому же в этом возрасте девушки взрослее своих ровесников, и те им неинтересны – ещё мальчишки, балбесы перед женщинами.

– Но ты не знаешь всей истории, – с жаром сказал Аратов, – как я её искал. Мы встретились ещё летом, просто поболтали на дороге и разошлись. Я не взял ни адреса, ни телефона. Как её звать, не спросил! Уехал и не вспомнил – ни на второй день, ни через месяц, а как начал в командировке растравлять себя разными воспоминаниями, тут это свиданьице и всплыло, но не сразу, правда, а сначала так смутно, что я не понимал, о ком думаю. Но когда увидел отчётливо, то уже упёрся: нужно найти – и всё. Потом расскажу, как искал – детективная история, меня, наверно, за сыщика приняли. Сейчас обидно: что же я столько месяцев потерял?

– Лучше поздно... Да ты что недоволен?

– Она, кажется, не в восторге.

– Ты хочешь всего сразу? Дай человеку разобраться, ты ведь свалился как снег на голову. Как пойдёт дальше – зависит от тебя. Вода камень точит.

– Разве есть терпение ждать? Мне и поделиться с тобой не терпелось: я сейчас прямо от неё, из Черёмушек. Эх, Андрей, видел бы ты её!

- Представишь, надеюсь.

- Если раньше не потеряю, – помрачнел Аратов. – Я везучий на это. И мне трудно будет с нею. Я не о том, что не знаю, как себя держать, а о том, что к ней относиться нужно по-особому. Пони-маешь, с ней... Её любить надо!

- Не знаешь в себе такой силы? Не думай об этом. Придёт срок – проявится.

- Да ведь хорошо думать-то, жалкий резонёр!

- Что за пора у тебя счастливая: ты всему рад.

- Ты, кажется, завидуешь? Но у тебя – Нина.

- С ней, брат, другое, ты же знаешь, – нахмурился Прохоров. – Да и потом... Короче, мы почти не видимся. Ты говоришь, твою Мисс Черёмушки любить надо, такая это женщина, а Нину как раз любить, обожествлять и не требовалось – вот наши отноше-ния и исчерпали себя. Сегодня ты меня не поймёшь...

- Пойму, пойму, – уверил его Аратов. – Мы с тобой поговорим обо всём. Уже несколько дней, как я приехал, а мы так и не гово-рили как следует. Помнишь, у Козьмы Пруткова: «Три дела, еди-ножды начавши, трудно окончить: вкушать вкусную пищу, бесе-довать с вернувшимся из похода другом и чесать, где чешется?»

- Единожды начавши, тебе нужно говорить только о своей де-вушке. Кстати, если не будет других вариантов – а ты их быстро исчерпаешь, – приходите вместе ко мне. Неважно, что это не мас-терская – вряд ли она бывала хотя бы в одной, – ей всё равно бу-дет интересно посмотреть. Предрассудки вокруг моего ремесла иной раз играют на руку. В кино ей, очевидно, есть с кем пойти, в кабак – поначалу постесняется, гулять с тобой под ручку – со-скучится... Только если нагрянете – предупреди как-нибудь. Вы как условились?

Аратов пожал плечами:

- Я буду звонить.

- Э, так дело не пойдёт. Она станет отказываться, отклады-вать, переносить – водить за нос.. Возьми инициативу в свои руки: каждый раз предлагай что-нибудь определённое – и место, и, главное, время.

- Ценю опыт старого холостяка. Тебе бы с лекциями выступать.

Прохоров рассмеялся:

- Прости, я увлёкся. Конечно, твоя барышня сегодня выше этих мелочей. Да, хорошо бы нам не взростеть...

«Что же хорошего?» – не понял Аратов. В скудном своём прошлом он не видел ничего, заслуживающего внимания, словно прожил предыдущие годы зря. Зато в недавно начавшейся взрослой жизни уже появилась необыкновенная девушка, и кто знает, какие ещё чудеса ожидали его впереди.

* * *

Возле «Стереокино» таксисты наперебой зазывали людей с чемоданами. Аратов обошёл их стороной, потому что нарочно вышел из дому пораньше, чтобы продлить дорогу по Москве и пригородам, и ему больше всего подходил неторопливый автобус. Остановка была здесь же, за углом, у «Гранд-отеля». Он впервые летел не в ночь, а утром, и Варвара Андреевна порывалась если не проводить внука до самолета, то хотя бы посадить в машину; Аратов пришел в ужас, представив, что кто-нибудь из сотрудников увидит, как его, словно ребёнка, провожает бабушка. Отговаривая её, он заодно и тётке старался внушить: человек едет утром на работу – что за событие?

Приехав с одним из первых поездов метро, он рад был оказаться в центре в такой час, когда залитые солнцем улицы пустыньны и на них от этого заметны те мелочи, что в другое время, в многолюдье и суете, не задерживают взгляда. Словно в новом свете, он увидел Пушкинскую, какие-то завитушки на фасаде дальнего здания, графику пока ещё ажурных яблоневых крон у театра. «Каждое бы утро так», – думал он, не испытывая, однако, сожаления,

Автобус был почти полон, и он остался ждать следующего, оттягивая отъезд, но и вторая машина подошла тотчас, так что ему осталось только, устроившись на заднем сиденье, в уголке, уставиться в окно. Когда народу набралось достаточно и шофёр сел в кабину, Аратов увидел пробирающегося к нему нового их сотрудника, Винокура. Следом шла девушка с невыразительным лицом – Игорь не связал их, помня, как Винокур не раз говорил, какая у него красавица жена, но позже, в аэропорте, когда они сошлись вместе, тот её именно как жену и представил. Называя себя, она посмотрела на мужа, словно ожидая подсказки либо одобрения действий; процедура знакомства вышла неловкой, и Аратов поспешил отойти, выдумав какое-то дело.

Винокур появился в отделе месяц назад, вместе с двумя другими молодыми инженерами; все они кончили разные факульте-

ты, стало быть, и практику в КБ проходили порознь, как некогда Аратов и Ярош, но в отдел явились одной компанией, как три старых товарища; двое из них замешкались в дверях, бестолково пропуская друг друга вперёд и от этого веселясь, и невольно вышло так, словно они оба нарочно уступали дорогу Винокуру; тот и вошёл первым.

– Приказали поработать у вас, – проронил он, протягивая приёмную записку.

Еленский осадил, не раздумывая:

– Поработать? Лучше сразу вернитесь в отдел кадров и скажите, что они ошиблись в назначении: мы не берём сезонников. У нас серьёзные дела. На всю жизнь.

Потом, по просьбе начальника рассказывая новичкам о своей работе, Аратов удивился наивности их представлений – как будто у самого всего полгода назад были иные; у него тогда, вдобавок, не было уверенности Винокура, бросившего ему:

– Ну, вашу работу я представляю.

– А мы – нет, – захохотал случайно подошедший Ярош.

– Но если вы не всякий раз выезжаете на старт, – запоздало сообразил один из новеньких, Крылович, – кто же пускает ракеты?

– Не бойся и не надейся: не мы. Пускают – солдатики. Но дело даже и не в этом. Вам для успеха работы нужно просто-напросто научиться выживать в тех условиях, ведь природа, парни, у нас... Отсутствие жизни.

– Это мы уже проходили, – бодро заявил Винокур. – Целина научила.

– Сохой на козе пахать? – вспылил Игорь.

Он тотчас пожалел, что сорвался, но Винокур на этот раз промолчал, и Аратов подумал было, что поза того, быть может, объясняется всего лишь смущением новичка, оказавшегося один на один со старожилками – но нет, он чувствовал здесь другое и потом много раз находил подтверждения своей правоте, в разных вариантах и по разным случаям слыша всё то же: мол, это мы проходили и без вас и – не учи учёного. Поначалу Игорь сравнивал Винокура с Гапоновым – и ошибался: Димыч, тоже глядевший на других сверху вниз, не был, однако, высокомерен; первым делом предлагая новому человеку состязание в иронии и в уме, он умел проигрывать – кажется, даже и удовольствие получал от проигрыша, зато побеждённого либо ушедшего от игры третировал не-

щадно. Винокур в этом смысле был не противник, он никогда бы не сдался, а упрямылся б, и Аратов, присмотревшись за московский месяц, предпочитал с ним не спорить; о деловых же качествах Винокура он за этот срок не узнал ничего: тому, как некогда и Аратову, поручили для начала не расчёты и анализ, а самое бесцветное, что нашлось: переписку. Аратов, не понимавший, как можно проявить себя на такой работе, был озадачен, услышав перед командировкой: «У нас летит сильный состав». Летели же – Еленский, Винокур и он сам. Сказано это было при начальстве, и Аратов, оставив недоумение при себе, повернул по-своему, вслух предположив, что теперь будет кем заменять его на полигоне.

– Мечты, мечты, – услышал он в ответ. – Новеньким не так просто будет догнать тебя: эти полгода разницы дорого стоят. Вдобавок, не забывай, что все эти ребята пришли без стажировки на заводе: им повезло, а нам – нет.

В самолёте Аратов и Еленский сели рядом; место Винокура было по другую сторону прохода. В иллюминатор Игорю была видна одинокая девичья фигурка возле пустого трапа. Рабочие перетаскивали ящики из грузовика, потом – из другой машины, пикапа, а девушка всё стояла на ветру, глядя вверх с таким спокойным лицом, будто между нею и тем, кого она провожала, ещё не прервалась связь.

– Смотри, как девчонка провожает, – восхитился Еленский. – Повезло парню.

– Это жена Винокура,

– Так что же мы?.. Толя, иди сюда, тебя, оказывается, ждут.

Перегнувшись через их кресла, Винокур помахал рукой и даже постучал в стекло, словно снаружи могли услышать этот звук, но девушка смотрела на другие окна. «Вот как это должно быть, – с завистью подумал Аратов. – Если бы кто-нибудь так провожал меня, если бы Таня...»

– Тут и не такое выдывали, – вполголоса сказал Еленский, когда Винокур вернулся на место, – только какая же это девушка вынесет наши отлучки? Хорошо, если успеешь в загс отвести и ребенка родить – тогда ещё возможны какие-то варианты.

Кто-то увёл девушку, и трап увезли, и положения Винокура и Аратова сравнялись.

Не Аратову было желать таких провожаний, когда и обычные свидания с Таней давались с трудом. После первой встречи они

виделись всего дважды, и то всё так же, во время прогулок с Азором; ни о кино или кафе, ни тем более о визите к художнику Таня не хотела слышать. В последний раз, в виде исключения, оттого что Аратов улетал, они встретились в светлое время, и ему наконец удалось насмотреться в её глаза – впервые после лета; это казалось особенно важным – в глаза, – как если бы он забыл цвет или не верил, что такой существует в природе.

Он хотел переписки – Таня позволила писать ей, но сказала об этом так равнодушно, что он огорчился: точно так же она приглашала заходить к себе домой, дав понять, что двери открыты для всех. Он не знал, как объяснить Тане свою неприкаянность.

– Вы ведь не один едете. Сами же говорили, что у вас работает одна молодёжь. Значит, весело у вас, хорошо.

– В случайной компании особенно не повеселишься.

– Жалуетесь, а я бы с удовольствием пожила вот так.

– Я и живу с удовольствием, оттого что – живу. Ведь такой образ жизни я выбрал сам.

– Там не опасно?

Девушка, кажется, всё же беспокоилась о нем – если только это не было пустым любопытством. Не у неё первой возник этот вопрос; многие, должно быть, догадывались, что за дела держат его в степи.

– Разве только упадёт что-нибудь на голову. Кирпич с крыши. Только в Москве и кирпичей больше, и дома выше.

– Слава Пенин говорил другое.

– У него другая работа.

– Всё же будьте осторожны.

Только это «будьте осторожны» и осталось у него. Никогда ещё Аратов не обладал столь многим.

* * *

Ракета опять сломалась. Это они так свободно и просто говорили между собою – «сломалась», как будто речь шла о рессоре у «газика», в то время как непосвящённый очевидец взрыва и падения с неба кусков металла определил бы, ужасаясь: авиационная катастрофа. Испытатели привыкли к таким происшествиям, которые всего лишь доставляли им материал для работы. Нынешняя авария была для них просто очередной досадной трудностью, не вовремя прибавившей хлопот. Аратову было неловко оттого, что он думал чуть иначе.

О причинах неудачи следовало сразу доложить в Москву, но анализаторы напрасно корпели над графиками: картина не прояснялась. К полуночи Еленский наконец сдался: «Утро вечера мудренее: посмотрим, что скажет Лобода. В конце концов, это он будет докладывать Саверину». Аратов только хмыкнул: что сможет разглядеть с налёту Руслан, если Петя, с его опытом, ничего не добился за несколько часов? Конечно, свежему глазу проще разглядеть очевидное, которое им сейчас застит предвзятость уже сделанных предположений, но Игорь вообще был невысокого мнения о Лободе – скорее всего, несправедливо: они пока близко не сталкивались по работе, и Аратов не мог бы обосновать своё отношение, зная лишь, что Лобода часто говорит несвежими фразами и вовсе не понимает шуток – не верилось, что существуют области, в которых он может блистать.

Утром, когда Лобода со своими помощниками появился в комнате, Аратов остался на месте, предоставив заниматься гостями своему начальнику. Сидя в углу лицом к стене, он старался не слушать слишком знакомых пояснений, но не мог ни сосредоточиться на расчётах, ни отвлечься мыслями о своём, постороннем. Когда Еленский закончил, Аратов насторожился в ожидании ответа, но пауза затягивалась и ему пришлось обернуться – именно в тот момент, когда Лобода начал жевать губами, что означало близость речи.

– По-моему, здесь что-то случилось, – наконец произнёс тот.

Аратов застонал от восторга.

– Смотри, как она раскачалась по крену, – подсказал Лободе один из помощников.

– В то же время эти вот колебания, – сказал Еленский, показывая раскачку ракеты рукой с растопыренными пальцами, как это делают при разборе полётов лётчики, – вроде бы и не привели ни к чему. Не успели, может быть. Взгляните-ка лучше на угол атаки.

– Такое впечатление, – сказал один из спутников Лободы, – что это запись не полёта, а предстартовой подготовки. Ну какой жилой процесс даст такую картину?

Лобода такой процесс знал:

– Вращение крылышек датчика с постоянной угловой скоростью.

– Возможное только в одном случае: если изделие колесом катится по траектории, – насмешливо подхватил Еленский.

– Ну а если крылышки отломались?
– Отчего же тогда вращается валик? Слушай, оставим этот детский разговор.

– Если детский, то зачем же тогда спрашивать моё мнение? – обиделся Лобода. – Один выдвигает гипотезы, другой – пожалуйста, критикуй. Чем больше гипотез, тем лучше. Если, конечно, бригада анализа не знает уже истины.

– От толковых гипотез мы не отказываемся, так что давай, рожай, но только без моделирования нам не обойтись. Тут и крен, и угол атаки завязаны в узел – поди, узнай, как.

– Москва торопит с пуском.

– Вот пусть и поторопится с моделированием: не повторять же аварию. А гипотеза... Я хочу напомнить тебе наши старые опасения: взаимовлияние вот этих двух контуров.., – ткнув карандашом в схему, Еленский пустился в подробное изложение версии, о которой не было речи накануне: ночь, видно, не пропала у него даром.

– Кто-то, кажется, прорабатывал этот вариант? – припомнил сотрудник Лободы.

– Идея на этот счёт была у Валерия Палыча.

– Платонова? Значит, ему и поручат.

– О Валерии Палыче забудь, – засмеялся Лобода. – У него другие заботы.

– Случилось что-нибудь? – встрепенулся Еленский.

– Как сказать... Он перешёл в МТО¹ начальником бригады.

Аратов и Еленский переглянулись.

– А мы только что... – после паузы сказал со смешком Аратов. – Петя недавно шутил: предлагал мне это место. Мы тогда неплохо развлеклись.

– Пока вы шутики шутили, – вмешался Винокур, – он отхватил рубликов пятьсот прибавки. Тебе такая «дельта» тоже не помешала б.

– Не помешала бы – но стать экспедитором? Теоретику? Так можно и в завмаги пойти.

– Что ж, если только это не сплетни, и он в самом деле переметнулся, там ему придётся нелегко, – посочувствовал Еленский.

– Новые его сотруднички – народ зубастый, им-то неинтересно будет слушать, какие у него знакомые все из себя народные артисты. Разве что – на первых порах.

¹ МТО – материально-техническое обеспечение

– Теперь у анализаторов рука в МТО, – сделал вывод Лобода.
– Перестанут выпрашивать у меня машину. Всё им будет: и гости-ница, и посадочные талоны... Но вернёмся к делу. Что же я скажу Москве?

– Петя же не кончил. Есть вариант схемной ошибки, – быстро проговорил Винокур, но Еленский остановил его и потому что тот забежал вперёд, и потому что это была идея Аратова, которую ему самому и пришлось изложить; она была проста, но требовала проверки на ракете. Лобода тотчас предложил Аратову поехать для этого на техничку.

– Всякая инициатива наказуема, – расхохотался Винокур.

– Дудки-с, – отрезал Еленский. – Мне мои работники нужны здесь. Давайте уж мы, как положено, будем генерировать идеи, а на техничке пусть потрудится тематическая бригада. Не будем отбивать хлеб у товарищей.

Винокур напомнил:

– Да и мероприятие сорвётся.

– Какое? Ах, да, воскресник! Как не вовремя! – воскликнул Аратов с таким выражением, как будто это некто посторонний навязал ему такое неприятное дело; между тем, затею выдумал он сам. – Может, перенесём?

– В самом деле, – раздражённо сказал Лобода, – давайте, не будем выбирать между работой и молодёжными выдумками.

– Это комсомольская работа, а не выдумки, – нехорошо улыбаясь, возразил Аратов. – Странно, что вы, член партбюро, так к ней относитесь.

– Но вот стиль работы интеллигента: назначим – перенесём, ехать – не ехать...

– Он не поедет, – решил Еленский. – Это не его профиль. Если бы здесь был приборист... Да что я говорю – ведь прилетает Димыч

* * *

На стартовой площадке Аратову с Еленским сразу же попались навстречу Лобода и командир части. Они остановились, чтобы обсудить предстоящую работу. Площадка была безлюдна, только один из стартовиков возился у порохового ускорителя, проверяя запалы. Занятый своим делом, он не заметил подошедших и лишь когда они, заспорив, повысили голоса, оглянулся и сказал как будто даже небрежно:

– Вы бы, ребята, отошли в сторонку. А то микротоки микротоками, только тут всё ж – добрый грузовик пороха.

И снова занялся работой, больше не обращая внимания на предупреждённых им людей. «Он так работает перед каждым пуском!» – содрогнувшись, осознал Аратов.

– Можно спуститься в бункер, – предложил Лобода. – Мы, кажется, всё обговорили – и что стынуть на ветру? Проклятый климат: ночью едва ли не заморозки, днём – пекло.

– Потерпите: этак через недельку ночные холода кончатся, – сказал военный. – А в этот час вообще хорошо ещё лежать в постели. В тёплом доме. Кстати, вы, я слышал, переезжаете на «пятерку»?

«Пятеркой» называли новую жилую площадку, строящуюся неподалеку от Аула; испытатели пока довольствовались жильём в старом городке, снова переехав из домика в барак, но уже – в другой, из-за крыльца в тринадцать ступенек гордо именовавшийся гостиницей «Высотной».

– Кто это сказал? – удивился Еленский.

– Говорили о грандиозном воскреснике у вас. Я и решил: переезд.

– Просто уборка, – неохотно поправил Аратов,

Мысль о воскреснике не появилась бы у него, не возьмись Ярош в одиночку приводить «Высотную» в порядок; до тех пор Аратов воспринимал разбросанный под окнами по земле лом и мусор едва ли не как естественную деталь пейзажа. Виктор, видно, не мог сидеть без дела, да нечем было занять руки в выходные дни, и однажды, раздобыв у дневального инструмент, починил крыльцо, а потом, разохотившись, переклеил рваные обои у себя в комнате, заменив их миллиметровкой. Аратов тогда пошутил, что недурно бы и огород вскопать под окном, наугад так указав пальцем на землю подле себя, что крайне изумился, обнаружив в этом месте целый склад утиля: спинку от железной койки, рваный солдатский ватник, моток колючей проволоки и, разумеется, битое стекло. «Впрочем, для начала не мешало бы облагородить ландшафт», – пробормотал он, понимая, что тут не обойтись без аврала. «Ты же у нас комсомольский вождь, – напомнил Ярош, – вот и организуй. Все только рады будут убить время».

– Я против был, – признался теперь Лобода. – Но народ вроде бы развлёкся.

– Отвлёкся, – хмуро переиначил Аратов, вспоминая, что за случай произошел тогда – и смех, и грех; на него, видимо, и намекал Лобода. Закончив работу, все собрались идти в саверинский домик, в душ; кто-то завёл разговор о рыбалке, мол, хорошо бы достать «коломбину» и съездить с ночёвкой на дальнее степное озеро, как делали уже не раз, объединяясь с богатыми транспортом беляевцами; кто-то зашёл к себе, и из распахнутого окна разнеслось окрест «Арабское танго», и без того с утра звучавшее то с одной, то с другой стороны из репродукторов у солдатских казарм. Из-за музыки Аратов не расслышал шума на кухне, а войдя туда за водой, увидел опрокинутые ведро и табуретку, лужу на полу и Яроша, одной рукой державшего за грудки Винокура, а другой отмахивавшегося от разнимавшей их сестры. Аратов оттащил Виктора. «Душ холодный, – бормотал растерянный Винокур, – так я чайник согрел». – «Какой чайник?» – не могли понять ни Валя, ни Аратов, но Виктор выкрикнул: «Да ведро же! Мы в нём уху варим, а этот ... ноги моет!» – «Что с ним сделается, с вашим ведром? – пожал плечами Винокур. – Вымою – и все дела».

– Говорили, – продолжал командир, – вы чуть ли не степь выкрасили в зеленый цвет.

На взгляд Аратова это означало валить с большой головы на здоровую:

– Насчёт покраски говорить рано, но чьи это солдаты перед приездом маршала шоссе вениками мели? Впрочем, если получим дом на «пятёрке», тогда, кто знает, может, и степь перед окнами покрасим для пользы глаз.

– Мои ребята тоже ждут переезда на «пятую», – сказал Лобода. – Новую техничку уже заканчивают, и до неё будет рукой подать. Чёрт, даже не верится.

– А стартовики?

– Ну, этим куда ж?.. Останутся здесь.

Так они дошли до бункера. Внизу, ещё на лестнице, их застало сообщение по громкоговорящей связи: часовая задержка получасовой готовности.

– Это ещё только цветочки, – вздохнул Еленский.

Как Аратов ни тянул потом время, но всё, что требовалось от него в бункере, сделал за каких-то двадцать минут; Еленский не вмешивался, только наблюдал за ним: на следующий пуск Аратов должен был приехать один. Праздное ожидание было утоми-

тельно, и Аратов подосадовал, что не захватил книгу; в гарнизонной библиотеке он разыскал никем ещё, кажется, не тронутое собрание сочинений Бунина и теперь читал все тома подряд. Совсем недавно Аратов и не слышал об этом писателе, как и о многих других, возникавших в эти годы из долгого небытия. К новым именам он поначалу, не умея сориентироваться и зная о недолговечности газетных сенсаций, относился настороженно, из-за чего и упустил подписку на это собрание. Не считая это потерей он жил спокойно, пока Прохоров не удивился однажды: «Как же ты не читал?» – Аратов промолчал тогда, но воспользовался первым же случаем, чтобы восполнить пробел.

На чугунной лестнице загрохотали сапоги. В бункер спустился тот самый инженер из стартовой команды, что проверял пиротехнику, и, подзывая, издали махнул рукой Аратову. Из динамика в этот момент раздалось:

– Боевая готовность – тридцать минут. Доложить о приёме готовности.

– Пошли на улицу, – заторопил стартовик. – Где там Петя? Зови.

Солнце только вставало, и каждый камешек на земле отбрасывал длинную тень. Над соседним бункером уже висел флаг – знак опасности.

– Пойдем ко второй пусковой, – предложил стартовик. – Мы всегда смотрим оттуда.

Еленский покачал головой:

– Лихие вы ребята, однако.

Вход в бункер возле второй, незаряжённой пусковой установки походил на мирный спуск в погреб из-за односкатной, снижающейся до земли, крыши; им троим едва хватило места укрыться за треугольной стеной. В нескольких шагах громоздился на треноге динамик, неизвестно для чего оставленный здесь; словно приветствуя и одновременно отмечая точность их появления, металлический голос, торопясь, объявил:

– Проверка времени, проверка времени. Московское время по счёту «ноль» – два часа тридцать минут. Внимание! Даю отсчет: десять, девять...

Выглянув из-за угла, Аратов увидел на фоне шафранной зари чёрный силуэт ракеты, лежащей на стреле пусковой установки; поставь её вертикально – и это была бы чистая, совершенная

готика, заблудившийся путник мог бы издали принять её за храм. Игорь подумал, что одна только готика и кажется уместным здесь стилем, оттого что это – искусство без женщин. Смешно было бы сказать это сейчас вслух; впрочем, и в другое время его рассуждения о живописи и книгах не имели успеха в здешней среде, и он привык произносить монологи про себя.

Что-то тревожное было в обстановке, что именно – он не мог понять, зная лишь, что – не вид изготовленного к бою снаряда. Ответ пришел с первым звуком: тревога была в абсолютной тишине, невозможной, если где-то рядом существовала жизнь. Звук же был – сирена, и от него, не забытого со времени бомбёжек, по спине пробежал холодок.

Стрела с ракетой начала разворачиваться, и вторая, пустая стрела тоже заскрежетала над головой – Аратов невольно оглянулся удостовериться, что на этой пусковой нет снаряда. Потом все замерли. Аратов попытался представить приближение несуществующей цели, и ему почудилось, что где-то тикают часы.

– Разъёмы! – прошептал Еленский, но Аратов и сам видел, как от ракеты отошли штепсельные колодки. Старт теперь стал неотвратим, и ждать осталось – секунды. Неведомые часы стучали всё громче и быстрее, нагнетая напряжение, и мыслимые сроки давно прошли. Ракета осталась неподвижна и нема, и Аратов всё с тем же холодком по спине подумал, что теперь кому-то из стартовой команды, а точнее – его соседу, снова и уже стократ сильнее придется рисковать, обезвреживая отказавшую на стреле ракету.

Времени было не удержать, и ждать стало невозможно.

– Ну, милая, родная, ну что ты! – взмолился Еленский.

Аратов вздрогнул от вспышки. Первая мысль была – взрыв, но ракета сорвалась с места благополучно; дальше он уже знал, куда смотреть, и растерялся, увидев факел двигателя вырвавшимся из клубов порохового дыма совсем не в том месте, где ожидал: язык пламени очерчивал такую дугу, словно ракета повернула назад, на пусковую. Он непроизвольно попятился, но вовремя спохватился и сделал вид, что просто переходит на другое место, чтобы лучше видеть. Знакомый уже рёв достиг слуха, раскалывая голову, и ударная волна толкнула так, что ему пришлось переступить. Тут изменилось и ещё что-то, но у него не стало времени сообразить, что; только после пуска он вспомнил, что слышал drobный

перестук и даже заметил краем глаза какое-то движение. Один из соседей толкнул его под прикрытие косой стены бункера, и множество камней и осколков бетона, поднятых в воздух реактивной струёй, просыпалось рядом – словно пронеслась конница.

– Чёрт подери! – в сердцах воскликнул Еленский, когда от всего зрелища осталась лишь полоса в небе. – Сколько же она простояла на старте?

– Но ушла! – радовался Аратов, не замечая усмешки стартовика,

В техническом здании Караулов, имевший возможность следить за временем, заверил, что ракета пролежала на стреле только положенные секунды – ни одной лишней.

* * *

Солдат на почте протянул в окошко конверт, надписанный незнакомым крупным почерком, и Аратов понял, что не хочет читать письмо – не стал бы читать, когда бы хватило силы: пока он ещё имел право фантазировать, сочиняя сам себе послания, одно теплее и нежнее другого, но, вскрыв конверт, мог найти там сухую просьбу не писать больше. Странно было, что Таня написала ему после столь долгого красноречивого молчания: он уже отчаялся дожидаться. Выбежав наружу, он и радуясь, и тревожась, и твердя себе, что добрыми письмами хорошо наслаждаться дома, смакуя, без суеты и в уюте, всё же остановился посреди улицы и начал читать. Письмо было – единственная тетрадная страничка, исписанная с одной стороны; но ему многого и не надобно было.

«Здравствуйте, Игорь, – прочёл он. – Совсем не умею писать письма. Долго думала, о чём писать. Ничего нового нет, и я всё откладывала. Вот уже два Ваших письма получила, а ответить не соберусь. Даже мама ругается на меня и велит отправить письмо, а я не знаю, как начать. Ничего, сейчас догадаюсь. У нас в Москве стало скучно, погода неважная, не то, что в Вашей пустыне, где всегда светит солнце. Азор живет с папой на даче, а мне приходится много заниматься. Я очень завидую Вам, что не нужно сдавать экзамены. Хотелось бы быть таким же свободным человеком, как Вы. Но мне до этого ждать долго. В кино ничего интересного не идёт. Вашу книжку «Три товарища» прочла, мне очень понравилось. Спасибо за неё. Писать больше не о чем. До свидания. Таня.»

Девушка рассказала о нём дома – значит, он уже занял какое-то место в её жизни; выходило, к тому ж, что в лице её матери он нашёл союзника. На радостях он и замечание о том, что в Москве стало скучно, готов был истолковать лучшим для себя образом. Что-то, однако, портило впечатление, и Аратову пришлось перечитать снова, и теперь он не только не был счастлив больше, но и огорчён. Какого, оказывается, умного и тонкого письма он ждал! Он постарался представить себе, каким сам был пять лет назад – нет, не такой уж она ребенок, Аратов вполне мог рассчитывать на разговор на равных. «Что же, – печально подумал он, – вот так и будут вестись наши беседы»

Он вспомнил о втором конверте, который держал в руках. Письмо было от Прохорова. «Привет, дружище! – писал тот. – Надеюсь застать тебя в светлом расположении духа, вызванном вашей вечнозелёной погодой и влиянием той романтики, что освящает твою работу. Такое вступление связано с сильнейшим беспокойством: боюсь, что ты тоскуешь о своей Мисс Черёмушки (ты так и не сказал, как её зовут, или я не запомнил). Представляю, как трудно было тебе уезжать. В этом смысле одному-то лучше, не так ли? Слушай, что я нашел недавно: «Господь создал мужчину и нашёл его недостаточно одиноким. И чтобы он лучше почувствовал свое одиночество, Господь создал женщину?» Это – Поль Валери. До того верно и просто сказано, что я был убит ленью своего ума – и я мог бы сказать то же, дав себе труд подумать. Но есть и оправдание: женщина, какую имеет в виду автор, пока не встретилась мне. Тебе же, если ты чувствуешь особенное одиночество, завидую. Между прочим, о тебе вспоминает и шлёт поклон Наташа. Тебе не до неё, но если паче чаяния вам придется обмениваться письмами, не будь с нею холодным – она этого не заслужила. Прости, что вмешиваюсь так грубо, но Наташа, по натуре своей...» Не дочитав, Аратов сунул письмо в карман; его раздражили наставления друга. «Сытый голодного не понимает, – несправедливо подумал он. – С самим-то круглые сутки его работа, и люди ему не нужны». Он готов был сказать, что и любовь не нужна Андрею, потому что первая попавшаяся женщина уже трётся подле него, как кошка – тот и не заметит, если её заменит другая. Но и в мыслях Аратов не сказал большего, хотя на самом деле содержанием всего, о чём он мог думать или думал сейчас, было: «Только мне и нужна любовь. Зачем она благополучным?»

Прочитанное требовало размышлений, и Аратов пошел прочь от Аула в сторону, где строился новый городок. Долгий разговор с самим собой оказался, однако, не о Тане: он не смел судить её и был лишь расстроен тем, что теперь, когда он вдруг усомнился, отдалилась возможность его любви. Что-то не в порядке было с ним самим, если он не потерял голову от первого письма своей избранницы.

Прогулка на пятую площадку заняла времени вдвое против ожидаемого. Туда вела узкая асфальтированная дорожка, проложенная в стороне от шоссе. Аул скоро скрылся за холмами, а иного жилья не стояло вокруг, и Аратов подумал о том, что скоро здесь будут прогуливаться вечерами влюблённые пары – о том, как хорошо было бы ему гулять здесь с девушкой – мгновенно оговорившись: «Не дай бог Тане очутиться тут». Определённо, привезя сюда Таню, он потерял бы её. С Наташей, наверно, вышло бы иначе, да сейчас не хотелось вспоминать о ней; до сих пор Аратову ясно было, что не с нею свяжет его судьба, а с кем – будто бы оставалось загадкой. Ещё недавно, принимаясь искать хозяйку жёлтой собаки, Игорь не строил в отношении неё далеко идущих планов: ему важно было найти человека в огромном городе (потому что никто из его знакомых даже и не взялся бы за такое дело), а найдя... Нет, заглянуть дальше у него не хватало смелости – только сама встреча пока и была целью. Не удайся поиски, Аратов не горевал бы, потому что ничего не изменилось бы в течении его дней, но сегодня ему уже было, что терять. Не зная, что такое происходит с ним, Аратов задавался одним вопросом: не влюбился ли он, даже – не полюбил ли? Прежде, однако, ему не мешало бы выяснить, что это за состояние – любовь.

Он давно готов и рад был бы полюбить и, встретив Таню, силится поверить, что так и случилось, – почти верил, пока письмо не посеяло смуту: влюблённый не осудил бы так свысока детскую неловкость слога этой вымученной записки. Но если он не любил, то почему же становился счастлив от единственной мысли о Тане?

Такие вопросы он мог бы задавать бесконечно. Сколько бы ни продлилась командировка, её не могло хватить, чтобы поставить все точки, и сейчас он уходил от Аула не для того, чтобы разобраться в себе, а потому, что всё постороннее стало неприятно ему. На этой степной дорожке он находился словно бы в пустоте, оттого

что не только люди, но и предметы не попадались пока на пути; вернувшись в барак, он мгновенно становился частицей массы и уже не волен был не в одних действиях, но и в иных мыслях.

Задумавшись и не глядя ни по сторонам, ни под ноги, он едва не угодил в свежую траншею, делившую пространство на две непохожие и едва ли не исключают друг друга части. Позади лежала пыльная, сухая земля, едва прикрытая реденькими пучками какой-то колючки, а за траншеей открывалась неопрятная панорама стройки. Две улицы начинались перед ним: одна была застроена зданиями казарм, частью уже заселёнными, а вдоль второй только ещё собирались из блоков трёхэтажные дома. Кругом стояли пыль и грохот, но строительный беспорядок и вид изуродованной механизмами земли казались глазу приятнее, чем скучная аккуратность времянки Аула. «Я буду жить здесь, – сказал себе Аратов, – а Таня там, и я не смогу мириться с этим. Что-то нужно устроить иначе. Говорят, что друзей выбирают, но вот я выбрал – и уехал прочь, а здесь общество пусть самое распрекрасное, пусть – более достойное, да – случайное, против воли. Я не осуждён на это, но словно приношу жертву – во имя чего?» Последний вопрос Аратов и прежде задавал себе не раз – и отвечал на него; он если и жертвовал чем-то, то не вслепую: любил свою работу и не забывал о её высоких целях, удивляясь коллегам, как раз будто бы и не желающим помнить, и укоряя их в том, что равняют её – с любой другой, будничной. Но сегодня ничто подобное не шло на ум, и вопрос повис в воздухе.

* * *

Москва была замечательна прежде всего обилием телефонов, и Аратов, провожая глазами почти каждый автомат, не остановил такси лишь потому, что был уверен: Таня на даче. Дома он всё же не вытерпел, да и странно было бы не попытаться, раз аппарат был под рукой, и, изумляя родственниц, первым делом, даже не заходя ещё в комнаты, бросился набирать номер. Ему никто не ответил; то же повторилось и на другой день, и на третий – в квартире не жили, не ночевали, а ему необходимо было срочно увидеться с девушкой, и выход оставался один – поехать на велосипеде. Адреса дачи он не знал, но надеялся увидеть её у воды или, через забор, на участке, которых было в посёлке всё же не бесчисленное множество – и не сидела же Таня в четырёх стенах.

Подумать о такой поездке было естественно для Аратова, но он впервые как бы со стороны, глазами Тани, взглянул на себя, оседлавшего велосипед – мальчишка с мальчишескими забавами; спорт спортом, но не станешь же катать взрослую девушку на раме. Раньше он не задумывался над тем, как выглядит в своем выцветшем тренировочном костюме, хотя, конечно, предпочёл бы предстать перед Таней на красной «Яве», в кожаной куртке и в шлеме, какие только начинали входить в моду. Он давно мечтал о мотоцикле, но до этого пока далеко было; достаточная сумма, полученная за зимние командировки, разошлась на первоочередное и прозаическое. Поехать сейчас к Тане не на своих колёсах, а на электричке, ради того, чтобы одеться поприличнее, тоже нельзя было, тогда их встреча не выглядела бы случайной; только на велосипеде он имел право заглянуть куда угодно – как и сделал однажды. Вот уж когда он не рассчитывал ни на какие встречи, и вот за какой костюм ему до сих пор было по-настоящему стыдно. В тот день на нем была одна майка – не футболка, а обычная нижняя; рубашку он привязал под седлом и, разговаривая с девушкой, всё порывался достать её и надеть, хотя всё равно было уже поздно.

Знакомая дорога показалась теперь длинной и от ожидания встречи, и оттого, что попутные грузовики шли особенно густо и ему то и дело приходилось съезжать на обочину – теряя скорость, сбиваться с ритма.

Спустившись к реке, Аратов увидел только играющих на песке детей; он повернул к поселку, но уверенности его ubyло. объездив все улицы, он ничего не разглядел, и собака не залаяла, и спросить было не у кого, он не видел ни души окрест; к тому ж, ему не хотелось доверяться посторонним.

Повторить эту поездку, ещё раз отпроситься с работы, он не мог, в воскресенье же на даче Карташовых наверняка собирались и вся семья, и гости. Таня не смогла бы уделить ему время, между тем Аратов торопился, располагая считанными днями перед отпуском, и хотел невозможного – уговорить Таню поехать вместе. Трудности, связанные с естественным сопротивлением её родителей, Аратов разрешал в мыслях легко; собираясь отдать Тане свою путёвку в дом отдыха; сам он устроился бы «дикарем», что было бы ещё и лучше для него, по горло сытого общежитиями. Собственно, они с Прохоровым так и собирались – поехать к морю

наугад и снять комнату, – но потом кто-то предложил Андрею две путёвки, и узнав об этом, Аратов в первую очередь подумал о Тане.

Последней возможностью было написать письмо – заходил же кто-нибудь в городскую квартиру. Уже запечатав конверт и собираясь выйти на улицу, Аратов на всякий случай ещё раз набрал номер.

Трубку взяла Таня.

– Это вы! Как же... – от неожиданности Аратов не понимал, о чём надо говорить. – Почему вы в Москве?

– А разве нельзя? – насмешливо спросила она.

– Можно. То есть... Простите. Просто я не ожидал, что застану вас, много раз не заставлял, всё звоню и звоню, а вы очень нужны мне: есть крайне важное дело, и надо поговорить, и времени почти не осталось. Я искал вас по всему свету.

– Опять? Но я не пряталась. Где же вы искали?

– На даче.

– Вы были на даче! – воскликнула она с явным неудовольствием. – И заходили к нам?

– Нет, думал найти вас у реки, как вы сами предлагали в прошлом году. Я ведь и адреса не знаю, и не зван. Просто покатался по посёлку, думал, вы пройдёте случайно или выглянете в окно.

Он захотел сказать, что, потеряв надежду на встречу, отправил письмо: покривить душой, но тотчас и отправить в самом деле, оттого что нельзя же было сейчас, в спешке, без предисловий и при соседях выложить ей всё, что было там написано.

– Так что у вас за дело?. – нетерпеливо спросила она.

– Ну, Таня, это не телефонный разговор. Надо мелочи обсудить подробно.

– Но мне совершенно некогда заниматься вашими делами – мелочами, к тому же. Я занята сегодня. Да и вообще не понимаю: ясно же было...

Аратов, заподозрив и не желая слушать неладное, поторопился перебить, хотя и не знал, что же так ясно было Тане; тон её был слишком красноречив, и Аратов понял, что нужно говорить так, чтобы она лишь отвечала «да» или «нет», вернее – «да». В небывалом отчаянном вдохновении сказав максимум того, что мог себе позволить произнести вслух в коридоре коммунальной квартиры, он, кажется, нашёл нужные доводы, потому что Таня всё-таки

сдалась, согласившись встретиться с ним в перерыве между своими делами, по дороге – не раньше половины девятого. «Уже никуда не попадёшь», – огорчился он.

В восемь пятнадцать он стоял в условленном месте, у станции метро, волнуясь из-за того, что здесь было слишкомлюдно – как будто мог не узнать её в толпе. Он так внимательно вглядывался в лица прохожих и ненужно ловил обрывки разговоров (было впечатление, что и слух, и зрение обострились), словно знал, что эти минуты ожидания стоит запомнить навсегда. Он думал о своей победе, о согласии Тани и о повороте в их отношениях, не сомневаясь в том, что, проведя вместе месяц, они больше не расстались бы.

Он знал, но пока не говорил себе, что всегда будет с горечью вспоминать этот вечер, заключающий период неведения, когда он ещё мог хотя бы урывками видеться с Таней.

Поражение было вообразить легче, чем успех. Таня была для него выше всего будничного, и он не смел представить её ни хозяйкою, ни матерью, так же как не мог представить обстоятельства будущей поездки к морю, потому что не могла же Таня жить в одной комнате с ничем не примечательными женщинами, стоять в каких-то очередях – в умывальник, в столовую, – но верил, что если только она решится, всё выйдет много лучше, чем можно сейчас придумать,

Поражение тем легче было вообразить, что лишь в этом случае в жизни оставалось место работе. Он вспомнил разговор с Векшиным по дороге на степное озеро, куда они ездили на рыбалку; тогда, равнодушно глядя в окошко «коломбины», Аратов признался:

– Что-то перестала вдохновлять вся эта неорганическая природа. Сыт по горло, и хочется в новые места.

– Все прошли через это. Погоди, наступит новая фаза. Ты не женат – значит, у тебя не беда ещё, а полбеды.

– Напротив, не полбеды, а трагедия, – возразил Аратов, – оттого что ведь и жениться некогда. При таком режиме и новую невесту не найдёшь, и старую потеряешь. В Москве девушки не одиноки, всегда есть кто-то рядом.

– Наша служба и для семейной жизни не подарок: и с законной супругой врозь, и дети – безотцовщина. Наши жены, фактически, матери-одиночки. Отвыкают помаленьку.

Аратов не стал спорить, хотя и не был согласен с Векшиным: одно дело – завоёвывать, другое – сохранять достигнутое; с возвращением домой у женатых ситуация разряжалась, у Аратова – только усугублялись трудности. Он и сейчас, ожидая выхода Тани из метро, не знал своей судьбы.

Прождав минут сорок, Аратов начал сомневаться, что правильно запомнил час и место. Возможно, Таня искала его не на улице, а в вестибюле, но он уже не мог отлучиться и заглянуть туда, рискуя разминуться и зная, что Таня, не увидев его теперь, когда назначенный срок прошёл, не станет ждать и минуты. Ещё через полчаса он понял, что Таня не придёт; обмануть она не могла – значит, что-то случилось с нею, и он не мог узнать, что именно, ведь её не было дома, она и свидание назначила так, чтобы было удобно – по дороге. Потом он всё же зашёл в телефонную будку в переходе метро. Кабина была облицована белым кафелем, словно тут умывались, а не разговаривали, и Аратов подумал, что нельзя звонить – Тане! – из такого места и что разговора тут не получится, но следующий автомат был только на улице, за далёким углом, и, значит, недосыгаем.

В трубке послышался молодой мужской голос. Поняв, что говорит с Таниным братом, Аратов назвал себя. Ему ответили, что Тани нет дома, и Аратову почудилась насмешка; по интонации ясно было, что он услышал еще не всё.

– Она ничего не передавала? – поинтересовался Аратов.

– Передавала, – резвились на том конце провода. – Таня предупредила, что вы позвоните. Только она говорила – пораньше.

«Значит, и сегодня не увидимся, – понял Аратов, – если только я не подожду её у подъезда. Я могу опередить, поехав сейчас же».

– Таня просила передать, чтобы вы не беспокоились...

– Я не беспокоюсь, что вы...

– ...чтобы не беспокоились больше и уж тем более не беспокоили её. Она просила не звонить ей.

– Вы уверены, что она просила передать именно это? – произнёс Аратов, чувствуя, как что-то долго падает внутри и как одновременно нарастает гнев. – Это она могла бы сказать и сама. Лучше бы вы не вмешивались.

Он говорил что-то не то, лишнее, но поправить себя не мог.

– Может быть, Танюшка пожалела вас?

– Что вы себе позволяете? – взорвался Аратов; он едва не повесил трубку.

– И потом, надеюсь, вы не думаете, что я мог солгать?

– Думаю, думаю, уверен в этом. С какой стати какие-то посредники... Не знаю, впрочем, с кем имею честь...

– Вам придётся смириться с фактами. Таня – как бы это сказать? – сделала выбор. Она выходит замуж. Та...

Аратов нажал на рычаг.

То, что падало внутри, теперь полетело быстрее, всё ускоряясь, отчего окружающее пространство стало освобождаться от предметов, опустошаться, и Аратову суждено было вот-вот исчезнуть в пустоте, которую он сию минуту еще мог видеть: она представляла собою огромный чёрный шар. Внутри этого шара никто не мог бы ни жить, ни мыслить, а он – тем более, из-за того, что за последние недели привык все свои планы и поступки связывать с Таней. Теперь эти его планы и его мысли вдруг стали независимы и не нужны никому, между тем как из них состояла жизнь.

Случившееся странным образом не мешало думать о постороннем, и Аратов сообразил, что всё равно поедет куда-то отдыхать, но теперь уже – определённо вдвоём с Прохоровым – и возненавидел того.

В стекло кабины постучали монеткой. Аратов вышел, не взглянув на стучавшего: постарался не взглянуть – словно был виноват.

* * *

Готовый узнать уже виденное однажды, в детстве, и поразившее тогда новизной, он теперь удивлялся тому, что пейзаж показался незнакомым. Единственным, что всплывало теперь в памяти, были разрозненные кадры из фильмов о загранице, каких, наверно, множество было снято на этих булыжных улицах. С дальних подступов, с окраин, картина изумляла обилием камня, а непереводимые пока вывески и надписи будоражили воображение. Прохоров, сам бывший здесь впервые, тихонько посмеивался, слушая восторженные восклицания друга, этим лишая того удовольствия делиться открытиями. Аратов и так с самого начала был ограничен в этом, потому что Тани не было рядом. Он собирался водить её по улицам, как старожил – гостя, поражая

знанием маршрутов и названий. Сейчас, не узнавая подступов к городу, он принялся ворошить воспоминания – и увидел какие-то безымянные улицы и море, которое тогда, много лет назад, оставило неожиданное впечатление не простора, а, напротив, тесноты, оттого что наступало на него прибоем, и дороги вперёд не было, а позади стояла стена леса. Другие воспоминания были отрывочны и мешались: смешные трамвайчики с одинокой штангой вместо дуги, малинового цвета ситро с Красной Шапочкой на этикетке, парикмахерские чуть ли не на каждом углу, разноцветные шарики мороженого в частном кафе на берегу и, наконец, рынок, где продавалось, кажется, всё – от огрызка карандаша до рояля; только рыночные павильоны, похожие на ангары, и узнал сейчас Аратов, глядя из окна поезда; выйти в город было уже некогда, надо было пересаживаться на электричку и ехать дальше, на взморье.

Друзья устроились в доме отдыха неплохо – в номере на втором этаже, имевшем отдельный, не запиравшийся на ночь вход; последнее редкое обстоятельство представлялось молодым людям весьма существенным. Казённое питание, однако, оставляло желать лучшего, и большинство мужчин из дома отдыха подкармливались на стороне, в буфетах или в шашлычной, а соседи Аратова и Прохорова по комнате, двое студентов, в первый же день нашли по неподалёку удобное и дешёвое заведение, которое тут же прозвали: «Выпивка – доллар». За четыре рубля – курс доллара – там подавали стопку водки и закуску, которую, впрочем, можно было брать и отдельно: любой бутерброд, с толстым куском отменной ветчины или с одним только зелёным луком, стандартно стоил рубль. Друзья неизменно заходили сюда перед обедом, и им, уже не спрашивая, подавали ветчину и томатный сок. Обед с такой добавкой удовлетворял их, но оставалась еще проблема завтрака; напавшая на обоих непривычная вялость говорила о том, что утренняя чашка крепкого кофе где-нибудь на стороне совсем не помешала бы; студенты уверяли, что в столовой в жидкие блюда добавляют бром и, подавая пример, отказались от супа, чая и компота. Но кофе, каким угощали в ближайших заведениях, был плохой, прозрачный, и Прохоров уже настаивал на покупке плитки и кофейника.

Возле железной дороги стоял дом с вывеской, которую Аратов, не переводя на русский, читал: «Кофейница»; фасад был настоль-

ко обшарпан и мрачен, что друзья всякий раз проходили мимо, не испытывая желаний заглянуть, и лишь однажды, ещё до завтрака собравшись в город, они не нашли по дороге иного места, где можно было бы поесть в этот ранний час. В помещении оказалось чисто и светло, но на прилавке лежали одни лишь сдобы, и Прохоров разочарованно произнёс, уже поворачиваясь к выходу:

– Не завтрак для мужчины. Разве что заморим червячка, а в Риге зайдем ещё раз?

– Для чего же тут ножи и вилки? – указал Аратов на неприбранный столик. – Не для плюшек же...

– Шерлок Холмс из Хамовников, – пробурчал Прохоров.

Дождавшись буфетчицы и заказав сосиски, они прошли во вторую комнату.

– Марика! – позвала буфетчица и, не слушая ответа, громко повторила заказ.

– Вот где ещё можно добирать недостающие калории, – заметил Прохоров. – Давно пора было разведать.

– Вообще, мы ведем себя преступно: сидим сиднем. Прошла неделя, а мы впервые выезжаем в город! А помнишь нашу программу – Сигулда, Огре?.. Хорошо бы карту купить.

– И всё-таки почин сделан. Нет, брат, жизнь замечательна.

– Вот бы не возвращаться домой! – вырвалось у Аратова, и тотчас он подумал о Тане.

Их прервали:

– Сосиски, пожалуйста.

Голос был тихий, ласковый, и Аратов улыбнулся прежде, чем поднял глаза. Подле столика стояла длинноногая девчушка лет семнадцати с хорошеньким личиком, обрамлённым свободно падающими на плечи светлыми волосами. Залюбовавшись, Аратов, однако, подумал, что ей далеко до Тани; у него теперь был свой эталон, и до сих пор ещё никто не выдержал сравнения.

– А хлеб? – спросил Прохоров.

– Сейчас, пожалуйста. Простите, – с сильным акцентом произнесла девушка, покраснев, но бросив на Аратова быстрый изучающий взгляд. – Забыла.

– Старею, наверно, – рассмеялся Прохоров, когда официантка ушла. – Стали нравиться школьницы. Пора на свалку.

– Когда перестанут нравиться. тогда и пора, – возразил Игорь. – И я бы на твоём месте не терялся. Теперь тебе отчёт не давать.

– Когда это, перед кем это я отчитывался?
– Надеюсь, у вас с Ниной – бесповоротно? Ты не сказал толком.
– Навсегда. Когда-то меня пугало это слово – само по себе, не в связи с Ниной. А теперь произношу его с особенным вкусом.

– Я рад, – серьёзно сказал Аратов, – Хотя ты всегда твердил, что не женишься на ней, что всё это лишь физиология и заполнение пустоты оттого, что фактура хороша, я по-настоящему беспокоился за тебя.

– Хлеб, пожалуйста, – неслышно приблизившись, сказала официантка.

– Марика, – обернулся к ней Прохоров, – а горчица у вас есть?

– Нет, пожалуйста.

– Это, Игорь, чудо. Но как же, Марика, сосиски – без горчицы?

– Не знаю, как, – улыбнулась она, глядя на Аратова. – Плохо. Сосиски у нас только рано утром: человек идет на работу, надо поесть. Днём только сладкое. Целый день не нужна горчица для кофе.

– Кофе у вас хороший? – строго спросил Аратов.

– Хороший. Попробуйте, пожалуйста.

Кофе, действительно, оказался крепким почти как домашний.

– А я уж было тускнеть начал без кофейку, – сказал Аратов, когда они вышли на улицу. – Хоть не уходи отсюда. Хочешь, вернёмся и повторим? Я бы мог.

– Ребёнок ребёнком, а ведь умеет себя подать: блузка под цвет глазок, бирюзовая, и причёска наивная, нарочно не по моде... Ангел, а?

– А ты ведь ангелов небесных не писал, ты ведь ангелов-то не видел. Кстати, давай в городе начнём сегодня – знаешь, с чего?

– С завтрака.

– С Домского собора, дорогой мой. Может быть, я для того и поехал в Ригу, чтобы послушать орган.

– С утра пораньше? Сомневаюсь. Но и правда, Лилия Владимировна не простит тебе, если упустишь эту возможность... погоди, слушай: органый звук! Бежим!

Приближаясь к станции, гудела электричка. Аратов, легко обогнав Андрея, первым оказался у кассы. Следом подбежали ещё какие-то люди, но он не успел посочувствовать опоздавшим – ему самому пришлось садиться уже на ходу. Из тамбура

они с Прохоровым оглянулись – три девушки стояли на перроне. Одна, синеглазая, в блузке, расписанной крупными цветными ромашками по синему полю, показалась Аратову знакомой.

– Эта, серенькая, с большими глазами, – сказал о ней Прохоров, – ходит по нашему переулку. Я всё хотел показать её тебе. Она – с бабушкой, та вечно что-то вяжет на пляже.

– Ты заметил её? Не рядовой интерес?

– Бабушка – это, брат, препятствие.

– Надо что-нибудь изобрести, – рассеянно проговорил Аратов, думая, как хорошо он сделал, до сих пор не рассказав Андрию о том, что вышло у него с Таней; он не хотел сочувствия или советов – лучше было самому давать их. В тот вечер, когда Танин брат, упиваясь своим превосходством, сообщил такое, чему нельзя было поверить и что в силу справедливых законов бытия никак не могло бы случиться, первым побуждением Аратова было помчаться к другу – излить душу, поделиться бедой, только долю оставив себе, но он вовремя понял, что не сможет рассказать об этом, просто зубы не разожмёт, побоявшись срыва. Он предпочёл носить несчастье в себе, словно делиться дурным значило – усугублять его; другое дело – счастьем... Счастьем он прежде всего делился бы с Таней, всем хорошим, что знал, делился бы с нею – и крупной удачей, и мимолётным добрым впечатлением, даже к Марике повёл бы Таню, угостил бы кофе затем только, чтобы та восхитилась забавным: «Нет, пожалуйста». Сам он словно просветлел, побывав в «Кофейнице», и хотел, чтобы Таня испытала то же.

– Пригласи их обеих на утренний кофе, – после паузы сказал он.

Прохоров успел позабыть, на чём оборвался разговор, и Аратову пришлось объяснить:

– Своего глазастика с бабушкой. Сядь на скамеечку возле старушки, аккуратно подведи разговор – и пригласи. С девушкой можешь не говорить вовсе – ещё успеешь. Расхвали им Марику – бабушка поверит в твоё бескорыстие, а внучка будет задета и захочет восстановить справедливость.

Измученно посмотрев на него, Прохоров расхохотался:

– Вот змей! И какие успехи! До сих пор это я учил тебя. Растёт, брат, или стареешь?

– Минутное озарение, несчастный случай. Секрет в том, что стараюсь не для себя.

– Понятно: для себя уже не нужно и, значит, некуда деть энергию. Кстати, что там Мисс Черёмушки? Ты поднял такой шум, а потом всё лето – ни слова,

– Мы же с тобой всё лето не виделись, – вяло уклонился Аратов.

– Ладно, не вешай носа. Заботы пусть ждут нас дома, а сейчас мы путешествуем. Я лично приехал сюда только смотреть. Наши интересы должны ограничиться местной экзотикой – от Марики до готики.

– Мы и тени готической пока не видели.

– Это преступно и необъяснимо, – заметил Прохоров. – Если так жалко было пляжного времени, то ведь мы могли – можем – ездить в город вечерами, тут рукой подать. Купим сезонки и будем кататься ежедневно. Давай нагонять упущенное.

– Разумнее не нагонять, а запастись впрок – я думаю об этом со времени первой своей командировки. Запастись, чтобы было чем жить в будни. Со стороны – бесполезное занятие, все равно что возить снег в тропики: хлопот не оберешься, а в результате – дистиллированная вода. Без соли. Но это – лишь со стороны.

– Значит, и нынешняя наша поездка?..

* * *

Теперь, когда всё так просто и скверно разрешилось, он понял, что до этого момента не верил в худшее, надеясь, что телефонный разговор, нарушивший течение его жизни, окажется хулиганской выходкой мальчишки, содеянной без ведома Тани; наверно, не счесть было поклонников у красивой девушки, и старший брат боролся с ними по-своему. Нужно было бы перед отъездом в Ригу – нет, в тот же вечер позвонить снова и от неё самой услышать... Тут в рассуждениях Аратова всякий раз случалась остановка, потому что выходило, будто ему хотелось услышать то же самое, только – от Тани. Разумеется, рассчитывал он на иное, думал, что Таня объяснит: брат, мол, пошутил, хороши, конечно, шуточки, но я уже поругалась с ним из-за этого – когда он рассказал, в ужас пришла, поняв, что вы больше не позвоните, ведь сама не знала ни телефона, ни адреса. Конечно, ему следовало перезвонить в тот же день, пока она не уехала на дачу; в отпуске он постоянно возвращался мыслями к этому неиспользованному шансу, последнему из отпущенных ему, потому что лучше поступить неправильно, чем не поступить никак и потом каз-

ниться, мучительно ожидая конца дачного сезона. Он не ведал, что ждать не придётся, и растерялся, когда на работе, встречая после отпуска, ему передали письмо, не заставшее его на полигоне месяц назад; так задумано было Таней, чтобы он получил и прочёл его там, в своем далеке, не имея возможности звонить и задавать ненужные вопросы. «Здравствуйте, Игорь! – прочёл он. – Я больше не могу скрывать от Вас, что я давно встречаюсь с одним человеком и люблю его. Поэтому не надо мне больше писать, так как я отвечать на Ваши письма не буду. Будьте здоровы. С приветом. Таня».

Он потом много раз перечитывал эти строки, как будто при каком-то сто первом прочтении ждал обнаружить новое, изменяющее прежний смысл слово. Чаще он и не читал вовсе, а держа перед глазами листок, вырванный из тетради в клетку и ставший вдруг нестерпимо ярким, с необычайно резким графлением, напоминающим швы между кафельными плитками, видел там – операционную и кабину телефона-автомата в переходе метро, а в ушах звучал мужской голос, мешая сосредоточиться и вспомнить лицо Тани; на эту картинку накладывалась ещё одна, словно кадр из другого обрывка всё того же чёрно-белого фильма, на которой был изображён его, Аратова, непроницаемый силуэт в щедро освещённой будке, белый кафель, расчерченный, как бумага в клетку, чёрный с никелем аппарат и трёхзначный номер на табличке, на которую он смотрел, не отрываясь, пока говорил и потом, когда стоял, ошеломлённый и словно бы не существующий в мире.

Но даже и в этом состоянии он видел и огорчался тем, как по-детски написана записка; снова, как и в тот раз, когда пришло первое письмо, его смутило сомнение в собственном чувстве: когда бы любил, говорил он себе, тот как мог бы судить её – разве тогда и неловкость речи её не любил бы? Он тогда всякое написанное ею слово любил бы за то лишь, что это она, Таня, выбрала его из десятков тысяч других. Но если это не любовь была – то что же тогда любовь? Даже читая это последнее – такое! – письмо, он счастлив был оттого, что Таня живёт на свете и написала ему – стало быть, любил всё же?

Об одном этом он думал многие дни, не находя ответа. Так трудно было решить, могут ли быть совместны сомнения и любовь, что когда в период этих однообразных размышлений друг его, Андрей Прохоров, сказал вдруг, что, кажется, влюбился не на

шутку, Аратов не поверил ему, потому что и у того нашёлся повод для сомнений в своей Светлане. Это была та самая девушка, что приглянулась Андрею на Рижском взморье. Аратов тогда постарался для товарища: подсел к старушке, вязавшей нечто бесконечное – та не бабушкой оказалась, а тёткой, – лениво обронил замечание по поводу вязания, потом попросил присмотреть за вещами, пока они с приятелем искупаются, а вернувшись, бормотал что-то о пользе купаний, ветра и просто запаха йода на берегу – о том, как всё это прекрасно, и какую придаёт бодрость, и если бы ещё не нужно было так далеко ходить пить чёрный кофе, оттого, что в других местах подают сущую бурду... Не заинтересуйся женщина этим, он не знал бы, о чём говорить дальше, его вдохновения и фантазии не хватило на запасной вариант, но расчёт оказался верным, и через несколько минут она уже благодарила Аратова за то, что он так любезно согласился проводить их завтра в кафе. «Их?» – он удачно изобразил неведение: девушка очень кстати отсутствовала продолжительное время, играя где-то в мяч, и Аратова не заподозрили в пристрастности.

На следующее утро они вчетвером завтракали у Марики, восхищаясь её лепетом («Нет, пожалуйста») и расхваливая кофе. Дальше, коли стороны уже были представлены одна другой, дело пошло само собою и помощи Аратова больше не требовалось. Теперь уже можно было и остановиться при нечаянной встрече, и заговорить, да и условиться заранее, чтобы эта самая встреча не оказалась случайной, потому что человеку и на отдыхе от людей нужна компания; вскоре они трое, исключая, разумеется, тётку, стали делиться не только анекдотами и впечатлениями, но, как хорошие знакомые, и заботами. Последние, впрочем, тяготили одну Светлану (свои Аратов пока таил даже от Андрея), с каждым письмом из Москвы, от подруг, делавшуюся всё печальнее. Она, только что закончив институт, получила назначение в старинный маленький городок на юге России, и её пугали и выезд из столицы (отъезд – навсегда: в те годы это было необратимо), и само по себе прощание с родительским домом, и, как уже меньшее зло, одиночество среди незамужних соседок в общежитии. Все её однокурсницы, распределённые на периферию, в эти самые дни любыми правдами и неправдами добывали себе возможность остаться, и одна лишь Светлана, не ударив для этого пальцем о палец, легкомысленно отправилась отдыхать,

отчего ей и выходило в самом скором времени, оставив родных и ломая жизнь, переехать в чужой город. Теперь, спохватившись, она готова была на всё, лишь бы исправить положение, и подумывала всерьёз о фиктивном браке, если б только нашлась добрая душа – в этом месте разговора Аратов насторожился, Андрей же не заподозрил никакой задней мысли и лишь потом, в Москве, постепенно начал мучиться, выдумывая, что расположение Светланы к нему неискренно, из-за очевидной корысти, то есть что всего-то и нужен ей штампель в паспорте, обещающий вернуть московскую прописку.

– Низко так думать, – говорил он Аратову, – но ведь как плохо может кончиться! Свете пока и задуматься некогда, все средства хороши, для неё весь мир рушится, это и для любой девушки настоящая катастрофа – уехать от матери, одной уехать. Но вот когда перед нею открылась возможность или одна только надежда на возможность, она тотчас ослеплена и верит, и если счастлива, то думает, что – от любви.

– Потом, считаешь, прозреет? – усмехнулся Аратов. – Но тебе зачтётся доброе дело.

– Очень надо... Будь она мне просто подругой, я и на фиктивный брак, о котором она заговаривала в Риге, согласился бы. Представь, в такое положение попала бы Наташа...

– Знаешь, чем тебя мучает фиктивный брак? – принудил себя рассмеяться Аратов, которому неприятно было упоминание о Наташе. – Вовсе не пожизненной каторгой, а – разводом! Это будет выше твоих сил.

– Мудрец! – обиженно пробурчал Прохоров, поглаживая свой ёжик. – О фиктивном не может быть и речи, и вот я, подлец, Светлане не верю, а она возьми и скажи: «Я сына хочу». Я глупо заулыбался, спрашиваю: «От меня?»

– И ты говоришь об этом спокойно! – вскричал Аратов, вздрагивая от мысли о том, что и Таня могла бы сказать такое – ему, и отгоняя это предположение как невозможное: оттого невозможное, что, встретив Таню невзрослой, он хотел бы, чтобы она всю жизнь оставалась такою, какой он полюбил её – своенравным и беспечным ребёнком, чуждым житейской прозы.

– И она говорит: «От тебя»!

Только вскользь упомянул Прохоров о Наташе, и уже нельзя было не думать о ней: вот с кем можно было бы связать любые зем-

ные, человеческие дела. Не потому ли он так легко причинил ей боль? Объясниться начистоту, чтобы беда произошла на его глазах, Аратов не захотел, думая, может быть, что если не спешить с этим, то поможет случай, что-то образуется само собою – и поступил худшим образом. Наташа, кажется, многое понимала, но им ещё можно было сохранять прежние товарищеские отношения, пока однажды, забывшись, Аратов не заговорил при ней с Андреем о Тане – тотчас осёкся да и не назвал имени, но слово было сказано; в этот вечер Наташа плакала из-за него. Досадуя на себя, он несправедливо подумал: «Сама виновата». После этого, заходя к Прохорову, он старался не сталкиваться с нею, что оказалось так же трудно, как преодолеть соблазн, будучи возле телефона, набрать Танин номер и хотя бы только услышать голос, а самому промолчать; рано или поздно мог произойти срыв, и самое лучшее сейчас было бы уехать подальше. С глаз долой – это выход был, и Аратов стал мечтать о полигоне, о той самой командировке, какую недавно равнял едва ли не со ссылкой. Ему и общество, в каком пребывал в экспедиции, стало казаться – отсюда, на расстоянии – много ближе и понятнее, чем было; к тому ж, он чувствовал, что выделился из круга старых своих московских друзей – не вверх и не вниз, но приобрел что-то своё, так что уже и смешать его с другими или не заметить среди них стало нельзя. В этом кругу протекала год назад вся его жизнь, а теперь Аратов не удерживался в старых пределах из-за той центробежной силы, какою для каждого рано или поздно становятся большое чувство и настоящее дело. Увлечённость его последним была понятна далеко не всем, только Прохоров относился к ней серьезно – и то сомневаясь в правильности выбора.

– Эта работа – не для тебя, – сказал однажды Андрей. – Тебе нужно что-то ещё сверх службы, а ты насилуешь и губишь себя. Правда, сегодня тебя потянуло туда не из-за работы, я вижу, тебе отчего-то стало немоготу дома. Что ж, я не расспрашиваю, а ты лети, не думая. Там, не спеша, передумаешь сто раз. Теперь, если б только можно было, и я с удовольствием последовал бы за тобою, мне ведь тоже надо принимать решение – и поскорее.

– Тоже? – переспросил Аратов, удивляясь тому, как одновременно они подошли к кризису, и вдруг добавил невпопад: – Посоветуй же, что мне делать.

– Что тебе делать? Можно подумать, что ты летишь впервые. Стало быть – женщина?

– Ты верно сказал: что-то ещё сверх службы – но как узнать, что?
– Всё ещё – Мисс Черёмушки? Что у вас случилось?
– В том и дело, что не случилось, не происходило... Я ничего не знаю о ней.

«Я ничего не знаю о ней», – с горечью повторил он про себя, имея теперь в виду не отсутствие известий, а то, что они так и остались чужими друг другу.

– Беги в свою пустыню, – сказал Прохоров. – Беги.

– Но я же вернусь. Сбежать, ненадолго, можно лишь от женских капризов – и где взять столько пустынь? Нет, это не бегство. Там я нужен, а здесь... – он замолчал, поймав себя на надоевшем противопоставлении; ему претило так делить свою жизнь, чтобы где-то быть самим собою, а где-то – лишь играть роль. Иногда он начинал задумываться, не играет ли – в обоих случаях.

* * *

Хотел он этого или нет, а нужно было как-то начинать действовать в новом качестве комсомольского вожака; трудность была в том, что он не видел в такой работе нужды – во всяком случае, не понимал, каким содержанием мог бы её наполнить. Требуемых фанатизма либо тупого усердия, либо воображения ему явно не хватало, между тем в действительности вышло так, что не пришлось ничего выдумывать, а начать с разбора жалобы на одну из его новых подшефных, как он сам считал – с доноса.

Впервые Аратов сам вёл заседание бюро – был не один из общего числа, а один перед всеми. В новой роли секретаря он чувствовал себя как человек в замечательном, купленном на последние деньги светлом пальто, отправляющийся укладывать асфальт. Он утратил право сказать лишнее или оговориться, отделаться шуткой или промолчать, а между тем как раз сегодня и не хотелось бы высказываться категорически, оттого что рассматривалось персональное дело, и, значит, предстояло решать чужую судьбу, на что Аратов не знал за собою права. После случая с характеристиками в институте ему хотелось быть осторожней и справедливее, но сейчас он не имел даже возможности заранее составить для себя мнение: его попросту не посвятили в подробности. С обсуждением почему-то спешили, и настолько срочно было, что Аратов даже не волен был назначить время заседания, а просто получил указание от Лободы, возглавившего

теперь, к удивлению многих, парторганизацию отдела: собрать бюро в ближайшие два-три часа. Аратов, задетый, огрызнулся, и только после этого Лебеда медленно, как если бы его маленький рот плохо, с трудом открывался, объяснил:

– Пришло письмо из экспедиции. Эта девица, Парахина, уборщица с площадки Фомича – к ней, говорят, в гостинице очереди стояли. Ты знаешь её отца, он у нас шофёром.

– Как вышло, что письмо проверяли без нашего участия? – поинтересовался Аратов.

– Оно пришло вчера – какая проверка?

– Пришло вчера, а сегодня мои ребята на площадке могли бы поспрашивать что нужно. А то смотрите, как получается: мы получили непроверенную кляузу и на этом основании собираемся судить человека, причём в срочном порядке. Почему – в срочном? И кто поручится, что письмо – не оговор? Нет, я такое дело с налёту разбирать не стану.

– Вот как ты сразу заговорил: я, я! Долго ли секретарствуешь? Да пойдись, спустись к девчонке, пусть сама расскажет. Она ждёт в гардеробе, возле часового.

– Так у неё и пропуска нет в корпус?

– Соберётесь в красном уголке механического цеха, я договорился.

– Я вижу, тут всё за нас решили: и когда, и где, а может стать-ся – и какую резолюцию вынести. Мол, Руслан Васильевич, чтобы ликвидировать очереди в гостинице, велели вклеить строгача.

– Нет, Аратов, она выговором не отделается: ты её из комсомола исключишь.

– Интересно, а что ещё я сделаю? Давно ль вы стали провидцем? – съязвил Аратов. – Лично мне неизвестно, что решит бюро.

Девушка плакала, склонившись на прилавок гардероба. Не зная, как говорить с плачущей, и решив после заминки, что лучше всего будто бы не заметить слёз, Аратов только поздоровался и назвал себя. Девушка кивнула, отворачиваясь, чтобы он не видел её зарёванного, опухшего лица.

– Зря вы расстраиваетесь, – от неловкости резко сказал он, – Может, за вами и вины особой нет.

– Да ведь и Лобода приходил.

– Вот уж, действительно, страшнее кошки зверя нет.

– Не знаю, какие кошки, только вас-то с полигона не отзывали.

– А вдруг отозвали несправедливо? Вот мы и хотим рассудить.
– Ну и судите – что вам сейчас-то нужно? Судьи нашлись, – зло сказала она. – То один, то другой в душу лезут. Нечего разговоры разговаривать.

Когда Аратов вернулся к себе, Винокур, избранный теперь членом бюро и уже бывший в курсе дела, в первую очередь поинтересовался: хорошенькая?

– Не красавица, но – так, ничего, как будто, – неуверенно ответил Аратов, не сумевший толком разглядеть её лица.

– Хорошеньких я бы не наказывал.

Бюро собралось раньше, чем было назначено Лободой: у Аратова наготове был ещё один вопрос. Он давно задумал организовать собственную, комсомольскую стенгазету в дополнение (а то и в противовес) к нынешней отдельской, невзрачной и скучной; его переполняли идеи на этот счёт. Предлагать это было бы бесполезно, он знал, ему отказали бы во всех инстанциях, но теперь, кажется, представлялся случай.

– Вот, ребята, пожили мы спокойно, пора и честь знать, – начал он. – Я говорю не о персоналке, а о том, что нам велено выпустить стенгазету к годовщине первого спутника.

Реакция была мгновенной и обычной:

– Отказаться нельзя?

– Можно, – улыбнулся Аратов. – Да нужно ли? А впрочем, кажется, и нельзя, оттого что, кроме нас, сделать это некому. Будем торговаться – сорвём срок, а работать потом всё равно придётся.

– Я бы, тем не менее, боролся, – заметил Винокур.

– Круги на воде...

– На нас вечно валят то, за что другие не берутся, – сказала Зина Семёнова, единственная среди них девушка. – Подай одно, принеси другое, будто мы подсобная сила. А мы – сила главная, комсомольцев в отделе – больше двух третей от всего состава.

Её поддержали:

– На нас и правда смотрят, как на подсобных рабочих.

– Надо ломать эту репутацию.

– Кто сказал, что у нас плохая репутация?

– Заявим о себе.

– В данном случае заявить о себе легко, – сказал Аратов, – если взять дело полностью в свои руки. Газеты в отделе практически не было, нет и без нас – не будет.

– Не пойму я твою позицию, – пожал плечами Винокур.

– Беда в том, что я, честно говоря, не представляю, что такое комсомольская работа и какой из неё может быть толк. А делать что-то надо. Сделаем – газету.

Честно говоря, он как следует не представлял себе даже что такое комсомол: по уставу это была организация политическая, а из его собственного опыта выходило, что – обыкновенная общественная, не ведущая иной работы, кроме сбора членских взносов и, время от времени, устройства каких-нибудь соревнований и вечеров отдыха и посещений зрелищ.

– И ты хочешь месяцами бегать за начальничками, выбивая у них заметки, которые никто потом не станет читать?

– Так уж только и выбивать?

– Ты, что ли, за них напишешь? – фыркнула Зина.

– Вообще, это мысль! – возликовал Аратов, к тому и подводивший разговор. – Только не я, а постоянный коллектив авторов.

– Что значит – постоянный? – насторожилась Зина. – Мы говорим о спецвыпуске.

– Прикинем, – предложил Аратов, – не хватит ли у нас силёнок на скромную реформу в сфере стенной печати: на регулярный выпуск газеты, скажем, раз в месяц. Своей газеты.

Немного поторопившись с раскрытием своих планов, он вызвал ропот. Винокур понял правильно – и возразил:

– Ты мечтаешь о порядках большой прессы, забывая о разнице в условиях. Та держится на конкурсе материалов, на заинтересованности в заработке, на стремлении к известности. А кто жаждет печататься на стене?

– В тех пустых листках, что висят в домоуправлениях – никто, конечно. Но надо сделать такую газету, чтобы напечататься в ней было лестно. Нам надо научиться излагать новости в увлекательной форме. Мы не будем собирать заметки – будем сочинять газету.

– Слова, слова, – отмахнулся Винокур.

– Я говорю по делу. Ну, о первом номере нет речи, он посвящен спутнику. Внутренних наших дел там не коснёшься, поскольку мы не имеем отношения к спутникам, – и вот вам повод не просить заметок у начальства. А это уже – прецедент. В последующих номерах введём новые рубрики: техника за рубежом, искусство, моды, хроника – наша, отдельская, полигонная хроника. Те ма-

ленькие события, какими мы живём, вполне достойны гласности: кого-то повысили, кто-то новый пришёл, женился, ребёнок родился, новоселье справили либо только в «самстрой» вступили – всё то, что разносится пока устно.

– Завёлся секретарь, – недовольно, но всё же с улыбкой сказала Зина. – Кстати, у нас никто на моей памяти не женился.

– Вот и я не обещаю.

– О! Давайте-ка, ребята, разберём вопрос об аморальном поведении Аратова.

– И постановим: женить!

– Так хорошо началось, – разочарованно проговорил Игорь. – И так скучно кончилось.

– Устроим комсомольскую свадьбу.

– И комсомольский развод, – продолжил он.

– И в самом деле попахивает аморалкой.

– Вот всю эту историю и будет освещать наша газета. Дойдёт до того, что мы объявим подписку – и трудящиеся будут стоять за ней в очереди.

– Как же можно подписаться – на стенную? – приняла эти фантазии за чистую монету Зина. – У кого это есть такие стены?

– Добьёмся, чтобы теперь были у каждого передовика производства, – уже откровенно смеялся Аратов. – Каждому – по потребностям.

– А рисовать газету – по способностям, – поддержал Винокур. – Которых нет. Впрочем, шутки шутками, а если затея удастся и газета станет выходить ритмично, то на этом можно составить настоящий политический капитал.

– Ну, мы люди простые, – отозвался Аратов, – такими категориями не мыслим.

– Можно мне? – поднял руку грузный рыжий бородач, Далматов. – Мы ещё со школы привыкли отпихиваться от любых нагрузок. А здесь нам тем более легко отвертеться: мол, нагрузки – в КБ, а комсомольцы – в экспедиции. В результате мы только платим взносы, а нам бы и вправду надо что-нибудь придумать: не в здешних коридорах газеты вывешивать, а сделать так, чтобы на полигоне чувствовать себя людьми.

– Твои предложения? – быстро спросила Зина.

– В том и беда, что ничего не приходит в голову, – развёл руками Далматов. – Но вот придумал же Игорь стоящую, будто бы,

вещь, а мы с ним спорим. Вот та же газета: если она и в самом деле окажется на высоте, то почему бы не делать сразу две?

– Сто, – фыркнула Зина.

– А Далматов дело говорит, – с некоторым даже удивлением проговорил Аратов. – Что стоит отстучать на машинке несколько лишних экземпляров? Только уже не два, а – по числу площадок. Да, кстати... Ребята, кто-нибудь, кто поближе к выходу, взгляните, не пришла ли Парахина. Нехорошо заставляя человека ждать.

– Так ведь Руслана нет, – напомнил Винокур.

– Он знал, во сколько мы должны были начать.

На этот раз, когда Парахина вошла, Аратов ужаснулся, хорошо рассмотрев её одутловатое лицо, мясистый большой нос, жидкие волосы и выкаченные светлые глаза без ресниц и вспомнив, как отозвался о ней, отвечая Винокуру. «Как же к ней, пишут, мужики толпой валили? – поразился он. – Враньё, конечно, да ведь на безрыбьи... А метко прозвали – Севрюга!» Встретившись взглядом с Винокуром, Аратов увидел его усмешку и, покраснев, покачал головой. И оттого, что он не мог сию же минуту всё разъяснить и оправдаться, ему вспомнилось о Винокуре дурное – и мытьё ног в ведре для ухи, и съеденную луковицу – единственную в их хозяйстве, а скорее всего и во всем Ауле, – припасённую для той же ухи; тогда это привело к настоящему и бойкоту: с Винокуром надолго перестали разговаривать – но с него всё было, как с гуся вода.

Начать Аратову было просто: на столе лежало письмо с полигона. Зина взялась было прочесть его вслух, но он не дал: хотел сделать это сам, с тем расчётом, чтобы первое после чтения слово было не его.

– Пусть сама расскажет, – глядя в пол, угрюмо сказал Далматов, когда чтение кончилось. – В бумаге, в общем-то, ничего нет. Такую телегу можно легко накатать на любого из нас, была б охота. А то: «В отсутствие соседок!..» – да ведь если отсутствовали, то и не видели же! А пишут! Нет, пусть – сама, подробно. Не смейтесь, я не о том, а чтобы – не общие слова. Если бы меня спросили, я бы вообще погодил, пока с полигона не приедут живые люди – те, что в курсе,

- Теперь поздно, раз собрались,

- Разойтись недолго.

- Чего тут рассказывать? – неожиданно низким голосом (утром, со слезами, не такой был) заговорила Парахина. – Ну, ходила я с двумя. Законом разрешается. Одна я, что ли? Вон и сама Дьяченко только знает – хиханьки да хаханьки.

- Так что же, в письме верно написано? – спросил Аратов.

. – Ну, приходили гости, не без этого. И я ходила. В одиночку на койке и вы не сидите.

- Здесь немного не так написано. Я при чтении это место опустил и сейчас вслух не буду, а вы возьмите письмо, перечтите.

- Там говорится, что к тебе и ночью приходили, – сказал Винокур. – Есть же какие-то правила общежития... А ты ведь комсомолка, на тебя другие равняться должны.

- Что на стене в общежитии висит, я отродясь не читала, – с вызовом сказала Парахина. – Наши правила – живи и спасибо скажи. А гости... Я и говорю: что одной-то сидеть?

- Ты плохо меня поняла. Я вот о чем: наш отдел работает в особых условиях, в отрыве от дома, и каждому важно сохранить человеческое лицо. Главная задача нашей организации – главное производственной – поддержание дисциплины, Поэтому аморальное поведение... Черт побери, легче было бы называть вещи своими именами, но это – будь мы наедине, а вот при Зине...

- А при Парахиной – можно? – возмутилась Семёнова. – Она такая же комсомолка, такая же, в общем, женщина, как я. И не выстулай так, словно ты ей свечу держал.

- Ты, Зина, вынуждаешь меня задавать Парахиной нескромные вопросы.

- Спрашивайте, коли интересно, – равнодушно отозвалась Парахина.

Вопроса, однако, не последовало, и наступила пауза. Аратов думал в этот момент о другом: о том, что високосный год, наконец, скоро истечет, а в следующем, быть может, уйдут в небытие свалившиеся на него неприятности (они сводились к потере Тани, но ему уже казалось, что неудачи преследуют во всём), и случится нечто доброе, чего он давно ждал, но представлял себе не в подробностях, а лишь в образе живого светлого пятна.

- Мы находимся в трудном положении, – пришлось начать ему, когда молчание затянулось; он с неудовольствием поймал себя на том, что повторяет интонацию Лободы – не хватало только ещё пожевать губами. – Нет, я не то говорю. Давайте подумаем, имеем

ли мы право на это разбирательство. У нас на руках письмо, но это никак не документ, а обвинения, содержащиеся в нём, голословны: мол, Парахина такая-сякая. Мне пока ясно только, что обстановка на площадке нездорова: если уж не разврат, то кляузы. Между прочим, большинство членов бюро работают именно там: Гедич, Семёнова, Далматов.

– Но я давно сижу дома, – развёл руками Далматов. – А до того... Что касается Парахиной, то говорили, конечно, что Вера девушка добрая, но безобразий я сам не видел, это скажу точно. Я всё же за то, чтобы проверить письмо.

– С площадки её, между прочим, не соседки выслали, – перебил Винокур, – и давайте не будем отвлекаться. Вера же не отрицает. Пусть только не молчит, а поможет нам, и тогда этот разговор пойдет ей на пользу. У тебя, Вера, наверняка есть тут свой парень, с которым ты встречаешься. Да ты не отворачивайся, не отворачивайся, смотри в глаза. Так вот, вдруг твой парень узнает, сколько было у тебя других ухажёров?

Аратову показалось, что сейчас он услышит от адвоката в напудренном парике: «Протестую, милорд!» – и, улыбаясь этой своей фантазии, сказал неуместно мягко:

– Мы, Толя, не о том. Ты увлекаешься.

– Скоро скажут, и в кино не ходи, – буркнула Парахина.

– Может, у человека личная жизнь не ладится, – предположила Зина, и Винокур, рассмеявшись, продолжил:

– И он решил сделать её общественной.

– Не лучше ли нам разойтись? – вдруг спросил Аратов.

Ему велено было разобрать дело сегодня и сказано было, чем завершить; собственное мнение следовало оставить при себе – и, видимо, оставлять и впредь, – и Аратов подумал, что предстоящий год секретарства рядом с таким человеком, как Лобода, пройдет нелегко. Перед нынешним заседанием он подошёл посоветоваться к Ерышеву, и выяснилось, что ни тот, ни Астапов, оба – члены партбюро, ничего не знают о Парахиной и, значит, то, на чём настаивает Лобода, суть его собственные выдумки. «Конечно, это частный вопрос, – рассуждал Аратов, – и Руслан, наверно, имеет право решить его сам, но в итоге мы ломаем судьбу бедной туповатой девчонки. Это страшно, недопустимо, но, с другой стороны – какая она комсомолка? Формально – её надо исключать, но если я сделаю так, как хочет Руслан, это будет поху-

же моей институтской истории, не но совести будет. Парахиной придётся всю жизнь отвечать кадровикам на вопрос: «За что?» – оттого, что никто не спросит: «Кто виноват?»

– Давайте, ребята, – сказал он, – не будем играть в полевой суд, а лучше выясним, как возникло это персональное дело. С чего бы это вдруг началась такая атака?

– Уж если там написано, – сказала Парахина, – значит, так и есть. Если надо, я исправлюсь. В текущем году больше не допущу аморального поведения.

– От года три месяца осталось.

– Сами знаете, как там люди живут. Соседки-то вместе с нами гуляли – чем я им не угодила?

«Мягкость – это ещё не справедливость, – подумал Аратов. – Но если мы отложим разбор дела, Руслан, коли уж получен сигнал с места, всё равно найдет способ исключить Парахину за аморалку».

– Что-то мы топчемся на месте, – пробормотал себе под нос Далматов. – Вопрос явно не подготовлен, и нечего толочь воду в ступе. Игорь правильно предложил: давайте разойдёмся. Кто сказал, что надо решать сегодня?

– Лобода, – тотчас ответил Аратов, ждавший этого вопроса. – Он даже сказал, как именно надо решить.

– Ну уж это мы сами, без подсказок.

Аратов попросил Парахину подождать в коридоре. Едва дверь за нею закрылась, он обернулся к Семёновой: ему хотелось, чтобы первой прозвучала более мягкая, женская оценка – тон был бы задан.

Но Зина только махнула рукой:

– И это – комсомолка? Ни ума, ни стыда.

– Сами же принимали, – усмехнулся Аратов, пытаясь в то же время решить про себя вопрос о том, что же такое есть принципиальность.

– Сами виноваты, согласна. Что же до Парахиной, то несмотря на, прямо скажем, однозначное впечатление от её слов, я судить о ней без доказательств не берусь. Вот на суде – там бы я её защищала. А здесь я – за исключение.

– Странная логика, – сухо заметил Аратов. – Времена, когда верили стукачам, прошли. Но неужели мы их забыли?

– Лично мы их не знали.

– А я – за то, чтобы не посылать Парахину в командировки – и дело с концом, – предложил Далматов.

– Письмо подписано, – напомнил Винокур. – Почему мы не должны доверять авторам?

– А почему мы должны доверять? Помни, если мы ошибёмся, стыдно будет жить.

– Да разве здесь можно ошибиться? – воскликнула Зина и, словно угадав сомнения Аратова, добавила: – Должна же у нас быть комсомольская принципиальность!

– А ты знаешь, в чём она должна проявиться? – устало спросил Аратов.

– В том, чтобы не смотреть на проституцию сквозь пальцы, – сказал Винокур.

«Ну, от него ещё можно было ожидать какого-нибудь занудства, – подумал Аратов. – Но – Зина? Нет, сегодня мы так быстро не кончим».

* * *

Тоска теперь настигала и дома, и была – словно по самой себе, по той ностальгии, которой неизбежно заполнялись первые дни командировки. Конечно, он нигде не переставал любить своих близких, свой дом и свой город, и так хорошо было любить, но на полигоне эта любовь, как всегда – к утраченному или запретному, становилась во много крат сильнее и острее, и любить так было лучше. Вот Аратов и тосковал по тем дням, когда ему бывало лучше во много раз. Сейчас он уже и сам не знал, чего хочет, понимая только необходимость бегства от Тани, словно вдали от предательски доступного телефона о ней думалось бы меньше.

Как назло, пусков не было, и Аратов нервничал, сам удивляясь своему нетерпению. На просьбы о командировке ему отвечали; погоди, ты нужен здесь, да и что там сейчас хорошего – осень; ему напоминали о тяготах прошлой зимы, но теперь, спустя год, он не воспринимал их всерьёз. Говорить об этих преодолённых трудностях хорошо было бы разве только в московских домах, среди непосвящённых, преувеличивая собственную стойкость да еще добавляя, как приправу, намёки на некие опасности, и в самом деле существовавшие – для его товарищей, не для него. Но и такие разговоры велись лишь в воображении, потому что о самом интересном у него не было права рассказывать непричастным, а между коллегами об этом было переговорено сто раз. Эти известные ему истории, имевшие пока счастливые концы, из-за

частого повторения превратились в дежурные анекдоты; сами их герои помнили теперь, скорее, не пережитое, а только слова, какими рассказывали о нём. У них получалось, что не они сами, а вымышленные персонажи переживали приключения, один – когда ракета, потеряв управление, устремилась точно в то место, где он стоял, а спрятаться было некуда, другой – когда, убегая от загоревшейся на пусковой стреле ракеты, вывихнул ногу, но мчался, пока не налетел на колючую проволоку и только тогда, шарахнувшись от отброшенного взрывом куска металла, обнаружил, что не только бежать, как бежал только что, но и единственного шага сделать не может без посторонней помощи. О таких происшествиях говорилось с шуточками, как о забавных пустяках, и поэтому полнейшей неожиданностью было и выбило из колеи известие, вроде бы никого здесь и не касающееся, о беде на другом, чужом полигоне; оказалось, что опасность существовала не только на бумаге осторожных инструкций или в застольных байках. Сначала газеты сообщили о гибели в авиакатастрофе известного в их области деятеля – не специалиста, скорее всего, но большого начальника, – и в отделе испытаний долго судачили о превратностях воздушных путешествий; не обошлось без привычного заявления Гапонова о том, что осталось ещё несколько, до круглого числа, полётов – и он переходит на наземный транспорт. Спустя сутки в разговорах замелькали новые фамилии и технические термины, сводившиеся к одному: пожар и взрыв на стартовой позиции.

Неожиданно Аратов угодил на похороны.

Дела привели его к заводу на окраине Москвы. Договорившись о визите заранее, он поехал без звонка. Приближаясь к проходной, Аратов по особенной пустоте улицы и тихому многоголосомуговору за углом вдруг почувствовал толпу и, завернув за угол, даже испытал облегчение от её зрелища, словно слишком долго ждал увидеть и вот сейчас разрешилось, как надо. Но, скользнув взглядом по чёрно-красным полотнищам и хмурым лицам и припомнив дурную примету, он подосадовал, что явился не вовремя.

Траурные тяжёлые грузовики как раз выезжали из ворот. Заводской гудок, поддержанный автомобильными сигналами, заставил оглядеться в поисках объяснения. Неожиданно заметив среди чужих однокурсника, Аратов поспешил подойти с вопросом:

– Кто умер?

Старый приятель горестно покачал головой, услышав, как оговорился Аратов, потому что смерть от болезни, в постели, была бы совсем другим делом, да не каждому отпущено столько лет и удачи, – а потом назвал имя того, с кем они оба вместе учились. Несколько дней назад тот, наверно, как и они сами, его ровесники, ещё не верил, что смертен.

Три гроба плыли впереди и выше процессии, и оркестр травил душу мелодией, которую Аратов до сих пор ни разу не услышал безнаказанно – так, чтобы не продолжала потом навязчиво звучать в мозгу вплоть до ночи и сна.

Того, кто погубил этих троих, сейчас тоже в последний раз везли в цинковом ящике по московским улицам, больше не способного ни на самодурство, ни на раскаяние. Идя в траурной процессии, Аратов постепенно узнавал подробности несчастья: неисправность, обнаруженная, когда огромная, как Александрийский столп, ракета уже стояла на старте, необходимость слить перед ремонтом топливо, что на много часов задержало бы пуск, и гнев заезжего вельможи: «А если – война? Вы что, и тогда отложили бы работу на завтра? Тут всех дел – минут на сорок. А ну, вперёд!» – двинувшегося впереди техников и свиты, устыдив их. Работа с заправленными баками кончилась тем, чем и должна была: кто-то завопил в ужасе, и некоторые даже не успели оглянуться на крик, потому что тут же полыхнуло, грохнуло раз и ещё, и потом уже горело и гудело долго.

С таким чувством, будто что-то непоправимо плохое не только погрозило, но уже произошло в его собственной жизни, Аратов вспомнил, как накануне в который уже раз просился в командировку. Только что огорчавшийся тем, что полигон снова отдалялся в пространстве и во времени, сейчас он почти благодарен был начальству и судьбе за свою нынешнюю безопасную жизнь в столице. День здесь был пасмурным, и Аратов, привычно сравнивая, подумал, что над Аулом должно сейчас светить ослепительное солнце и что недавняя авария на соседнем полигоне тоже, конечно, произошла под ясным небом – словно это имело какое-то значение.

* * *

Мольберт был так подвинут к двери, что первый взгляд входящего сразу падал на законченное полотно. Растерзанное, размётанное дерево с разверстым в крике, обугленным ртом закры-

вало широко распахнутыми обнажёнными руками немые лица двух бледных светил, и Аратов понял, что уже видел эту натуру или думал о ней – во сне, может быть, и что существует нить, связующая сюжет с событиями не Прохорова, а его, Аратова, жизни.

– Надо бы, как всегда, промолчать, – сказал он. – Что тебе мои словеса? Да только сегодня мне кажется, что это – недавний мой сон, только не знаю, о чём.

Он считал, что – о Тане, но, не договорив ещё, вдруг осознал: о той самой аварии.

– Опять хвала! – вскричал дурачась, Прохоров. – Нет, брат, ты мне не судья. Хула нужна, хула! Только она и продуктивна.

– Не кокетничай, – отмахнулся Аратов. – Вещь мне нравится, оттого что я узнал в ней своё, но комплиментов ты не дождёшься.

– А обвинений в рассудочности?

– Обвинений? Боюсь, что это как раз и были бы комплименты, оттого что рассудочность, возможно – будущее искусства. По крайней мере – не прошлое. Если прежде живописцы производили пищу для пустого глаза, то теперь этого мало, теперь – для головы.

– Для пустой головы? – рассмеялся Прохоров. – А знаешь, кстати; в чём проявилось развитие искусства за тысячелетия? Древние изображали дискобола перед движением, а мы – в момент броска. И это – весь путь!

– И в самом деле! – изумился Игорь, припомнив недавнюю сенсацию – скульптуру человека, выпускающего из рук спутник. – Но если это так, то как же понять, на какой ступени стоишь? За тысячи лет – вот этот жалкий приступочек? Нет, у нас думают проще: «Размаха шага саженьи» – и сразу знаешь, шагнул или нет.

– Да не знаешь, куда. Вот уж не ожидал, что ты заговоришь лозунгами.

– Ты, несмотря на своё возражение, ты же понял меня? Это красивая мысль – о дискоболе, только ты нарочно не говоришь об абстрактном искусстве.

– О котором мы с тобой ничего не знаем, и о котором никому невозможно знать.

– Зато можем мечтать, фантазировать. Там ведь, я думаю, уже не момент до или после броска, а – символ, почти математический знак.

– Вот речь не мальчика, но мужа. Сразу – разбил, поставил на колени и прочая, и прочая. Короче, с меня штраф. Владей.

И протянул тонкую книжечку в бумажной обложке.

– Ахмадулина! – ахнул Аратов. – Как ты сумел? Я – отчаялся найти.

– Не имей сто рублей... Хотя, честно говоря, досталась с трудом. Стихи нынче в ходу. А ведь совсем недавно – никогда не забуду – прошу в магазине книгу, а продавщица вежливо предостерегает: «Но это – стихи!»

– Теперь и со сцены начали читать.

– Чуть не забыл самое главное: меня обещали повести на выступление Ахмадулиной в «Молодежном кафе». Мы можем пойти вместе.

– А я хотел улетать! Нет, жизнь в столице прекрасна. А Наташа? Снова обидится?

– Уже обижена – куда больше? Да и я... Конечно, я понимаю тебя, а вот за Наташку обидно. Ты просто ничего не понял.

– Мы не ссорились, – хмуро проговорил Игорь.

– Не ссорились, а как помириться, не знаете? Смотри, всё от тебя зависит. И вот этот вечер в «Молодёжке»... Честно говоря, я чуть было не отказался, но вовремя вспомнил о тебе. Если бы можно было, я бы отправил вас двоих, с Наташкой – миритесь на здоровье, да беда в том, что приглашают-то – меня, и не столько для того, чтобы я послушал стихи, а чтобы поговорить, возможно даже и о делах, и о деньгах.

– Но всё же – стихи, и как же ты можешь не хотеть?

– Я слушал её недавно (завидуй!), и нельзя же – подряд, надо и на других посмотреть. Вот на кого бы я пошёл – это на Окуджаву.

– Вот-вот, я всё хотел спросить, – оживился Аратов. – Что такое этот Окуджава? На работе мне все уши прожужжали, мол, есть такой, как же ты не слышал, пишет сам и слова, и музыку – и этого «сам» мне уже довольно: ты знаешь, как я отношусь к самоделкам: хорошо идут под водочку.

– Ну это уж слишком – ещё не узнав... Я честно говоря, думал, что ты слышал уже. Вся Москва слушает. У меня плёнка есть, но сейчас не буду включать – возьми ролик домой: это надо слушать, не отвлекаясь. Именно – не за столом. Здесь, всё же, не слова – стихи.

– Возьму, конечно, спасибо, но поставь и сейчас, хотя бы пару вещей, чтобы иметь представление.

Он сказал это неуверенно, чувствуя, что его желание придётся некстати: Прохорову наверняка хотелось поговорить о собствен-

ных трудностях. В последнее время друзья виделись редко, поначалу – из-за того, что ошастливленный и сбитый с толку Андрей почти не расставался в конце лета со Светланой, а потом, когда она уехала в свой провинциальный городок, объявил всем, что собирается много работать, просил без дела не беспокоить и сам никому не звонил.

Аратов подозревал, что вся работа того сводилась к обдумыванию единственного вопроса, жениться ли, а вернее – верить ли Светлане. Андрей ждал помощи, но Аратов – что он мог посоветовать в таком деле другому человеку – даже близкому другу; что он мог посоветовать, глядя со стороны? В общих же чертах о многом давно переговорено было между ними, и Прохорову оставалось лишь собрать волю, оттого что теперь он, пожалуй, сомневался не в Светлане, а в себе. Аратов считал, что сам не колебался бы в подобном положении, он бы за одного себя решал, зная о неспособности своей избранницы хитрить и рассчитывать, и если б вопрос заключался в том одном, ехать за ней или нет, он не раздумывал бы; то, стремилась ли она к нему, чтобы уже всегда быть вместе, или же только хотела любыми способами вернуться в Москву, для него, как он считал, пока не имело бы значения: в любом случае он возвращал бы Таню себе. В любом случае он был бы счастлив, оттого что сделал добро своей возлюбленной. С изумлением он открывал в себе нечто новое: потребность дарить.

Пока же ему было неловко получать что-то, не делясь с нею; сию минуту – слушать без неё песни. Правда, вслушавшись в стихи, он подумал, что может и не сойтись с девушкой во вкусах: если он сам сразу, с первых же строк, ощутил себя единоверцем с поэтом, то она могла оказаться и безбожницей. Готовый вместе с автором молиться на московские дворики или на арбатские переулки, он не заблуждался насчет Тани – что там Арбат, когда она вообще плохо знала и равнодушна была к своему городу, как призналась однажды. Аратов и Таня выросли в непохожих, непомерно далёких один от другого районах, то есть – непохожими людьми. Они тем более разными были, что в пять лет расхождения в возрасте уместилась война: почти ровесники, они принадлежали к разным поколениям

Аратов не знал, какая разница в возрасте была у него с нынешним поэтом, но чувствовал, что они оба родились по одну

сторону войны. Он понимал стихи, даже несмотря на предвзятость, и увлёкся настолько, что стал плохо слушать: повторяя про себя понравившуюся строчку, пропускал другие, даже целые четверостишия – и не досадовал на это. В том мире, о котором сейчас напоминали ему, существовали дом и любовь Аратова, только вере был нанесён урон, и ценности пропадали: по улицам бродили ночные троллейбусы, но исчезли старые трамваи с разноцветными, чтобы издали узнавать номер, фонарями во лбу и с открытыми площадками; так интересно бывало в детстве кататься на подножке или же – усевшись бочком на барьер, ограждавший проём с противоположной входу стороны, мимо переулков, где упущенный девочкой шарик легко одолевал двухэтажную высоту, а вдогонку неслись звуки радиолы (вся Москва слушала одни и те же пластинки); где-то здесь он встречал некогда и девушку в синей маечке-футболочке – нет, в ковбеечке шла девушка, когда он остановился разглядеть её собаку.

– Вот вы чем занимаетесь, – сказала Наташа. – Опять Окуджава!

– Опять? Я слушаю впервые.

– Ты – и вдруг узнаешь что-то последним! Впрочем, ты пропал куда-то.

– Там, где я пропал, не следят за модой.

– Что же мешает – здесь? Напряжённая личная жизнь?

– Разве это жизнь? – ответил он с анекдотическим акцентом.

– И знаешь, Наташа, – вставил Прохоров, – он говорит вполне серьёзно, оттого что не находит себе места из-за отсутствия на нашей планете жизни. Личной. И раз её всё равно нет, рвётся в командировку на заработки.

– Тебе ещё не надоело? – всплеснула руками Наташа. – И зима прошла так, и всё лето!

– Во всех наших бедах... – начал Прохоров, но Аратов перебил:

– А в удачах? Нет, в том и дело, что в удачах мы не виноваты. То ли бед – больше на свете, то ли человек – пессимист от природы, а только удачи волнуют, кажется, меньше. Если прислушаться к рассказам или письма почитать, то их содержание – разве удачи?

– К чему это ты вдруг?

– К слову. Только посмотри, как мы говорим, сколько у нас слов, обозначающих вполне конкретные отрицательные вещи: страх, стыд, боль – до бесконечности. А вот плюсовые ощущения абстрактны и немногочисленны: радость, удовлетворение, вос-

торг, нежности телячьи. То есть не составляются пары типа «чёрное – белое». Страх – и что в противовес? Боль – и нет антиболи. Нет антистыда.

– Если так, то человек, брат, величайший оптимист. Всё, что ты назвал, суть отклонения от нормы и диагностики, а всё лучшее – не редкое исключение, а норма, о которой нечего и говорить, оттого что она повседневна. Нормальное состояние – не испытывать боли. Кого ты удивишь, вдруг заявив, что тебе сию минуту не больно? Вот и термин не нужен.

– Не испытывать боли – разве естественно? – засмеявшись, ухватился за новую идею Аратов. – Это надо души не иметь. Это не жизнь тогда, а существование.

– А ведь знаешь, что, не послушай ты Окуджаву – и твои суждения уже и в этом разговоре были бы иными – более благородными или более подлыми, неважно, но иными.

– Ну, это уже банально. Так можно сказать о чём угодно.

– Верно, потому что всё отражается на всём.

– Но тогда... – неуверенно проговорил Аратов, – тогда и случайности невозможны? И всё предопределено? И Бог есть?

– Во все времена считалось, что упоминать всуе Бога... – начал Прохоров и неожиданно засмеялся: – Мы – как типичные русские мальчики, как у Достоевского: вот и собрались в кабаке, а спор – о Боге и о бессмертии.

– Я не читал, не могу я его читать, – пробормотал Аратов. – И потом, в наши дни мальчики чаще – не о Боге, а о машинах или о футболе. В лучшем случае – о жизни на Марсе.

– Не все же так, – возразила Наташа. – Они пусть не о высоком, но иногда об очень сложном говорят.

– Иногда. А я говорю о массе. И у меня такое впечатление, что многим попросту либо некогда, либо незачем задумываться. При Достоевском не было массовых зрелищ, Не в них зло, они – следствие, порождение, но только все мы часто отвлекаемся на пустое.

– И бессмертия больше нет?

– Почему ж? Есть, оттого что ум совершенствуется. И знаний прибавляется. Но я ещё не могу объяснить, тут раздвоение какое-то: с одной стороны – футбол, а с другой – бесспорно, что мы в среднем намного просвещёнее, чем были сто лет назад.

Наташа хитро прищурилась:

– И Окуджава выше Пушкина?

– Я сказал: в среднем.

– Знаешь, глубина пруда в среднем была полметра, а корова – утонула.

– Можно уйти от ответа и так: мы с тобой выше... нет, не выше, а богаче читателя пушкинских времен. Грубо говоря, он сам читал только тех, кто был до Пушкина, а мы – их же плюс тех, кто жил после. Мы умнее на литературу целого столетия.

– То есть Пушкин даже и Пушкина не читал? Это пробел!

– Игорь Достоевского не знает – вот пробел, – сказал Прохоров. – А что касается тех, кто после, то мы их либо не успеваем прочесть, либо книг не можем достать. Читаем что попадётся, вопреки потребностям – и потому, что выбора нет, и потому, что не знаем себя, ведь потребности – это отражение характера.

– Черты которого, – подхватил Аратов, – меняются в том числе и от чтения.

– А я просто люблю читать, – вздохнула Наташа.

Невнятно проговорив что-то о необходимости растопить их всех изнутри чем-нибудь горяченьким, Прохоров вышел на кухню. С его уходом стало не о чем, а вернее, нельзя говорить. «Он нарочно оставил нас!» – гневно подумал Аратов. Он не мог держаться естественно под взглядом Наташи.

Музыка вдруг смолкла: оборвалась лента. Аратов щёлкнул выключателем, но коричневая змейка успела свить на полу несколько колец. Теперь он мог отвлечься от беседы.

– Как ты живёшь? – выдавил наконец он.

Наташа засмеялась:

– Нужно отвечать? Прекрасная погода на дворе, если бы не дождь, не правда ли? Впрочем, живу, как и раньше: сплю, ем, до шести вечера стучу на машинке.

– Это всё?

Он говорил рассеянно, она же видела – занят был, склеивал пленку.

– Дай, пожалуйста, сигарету.

Он подал ей лежавшую возле магнитофона пачку, поднёс зажигалку, посмотрел, как Наташа закуривает. Ему всегда нравились её пальцы.

– Как же я... – спохватилась она. – У тебя руки в ацетоне, могли вспыхнуть!

– Спасала бы меня, дала бы кровь...

- Вот и породнились бы.
- Не отказался бы от такой сестрёнки. Впрочем, ацетон высыхает мгновенно.

- При чём здесь ацетон? Если людям не о чем говорить, кто их тянет заполнять паузы чепухой? Андрей со Светланой тоже всё заполняли паузы – так и не сказали путного.

- Если б он знал, что говорить! Да и нужно ли...

- Не знал, думаешь? Просто все вы боитесь решений.

- Что за планы у Андрея? – смутившись, спросил Аратов. – Ты, наверно, в курсе?

- Если бы между нами были возможны такие разговоры! Эту историю вообще скрывают от меня. Я даже толком не знаю, с чего начался весь этот бред.

- Если угодно – с утренней чашки кофе.

Когда это было – полгода, год назад, ещё раньше? Этого никогда не было – настолько жизнь под Ригой отличалась от остальной его жизни. Воспоминания о месяце отпуска походили на главу из увлекательного романа, написанного не о нём: автор не упоминал о Тане. Сам он, Аратов, кажется, не бывал в местах, где происходило действие, только начитан был о кострах инквизиции, о плутовстве, о долгом возведении готических соборов, об органных мессах, и теперь ему приходилось только верить рассказам многоопытного друга; этого недоставало, чтобы помочь развязать затянутый в Риге узелок.

- Началось с того, – повторил он после изрядной паузы, – что я чрезвычайно галантно пригласил незнакомых дам на кофе.

- Вот как. Раньше ты, кажется, не был ловок.

- Мне всегда удавалось найти общий язык со старушками, именно – с мамами и бабушками моих знакомых. Одна из упомянутых дам как раз пребывает на пенсии. Ну и потом, я же не для себя старался, я роль играл – по системе Станиславского.

- Что с нами со всеми творится, Игорь? – неожиданно тревожно проговорила девушка. – Заводим китайские секреты, куда-то разбредаемся. Андрея – и того не дозовешься.

Ничему он сейчас не завидовал, кроме способности Прохорова чуть что уходить с головой в работу. Не имея такой возможности, Игорю приходилось носить тяжесть в себе.

- До каких же пор бегать компанией в кино? Мы взрослеем, Наташа.

– Но ведь не стареем же. Только делаемся чужими. Недавно встретила Котлярову – ты помнишь её?

– Слабо. Помню, что у неё была роскошная квартира на Новослободской, где всегда можно было собраться, а вот другие достоинства запамятовал. Тем более, что эта постоянная возможность так и не реализовалась.

– Ну, главное ты помнишь. Мы-то с ней были подружками, сидели на одной парте, и даже что-то хорошее происходило с нами обеими. Просто с человеком было связано славное время... Да, так вот, встретились на ходу. Она торопилась или делала вид, и я без сожаления скоро распрощалась: не о чем было ни расспросить, ни рассказать. Так, обычная бабская трепотня. Мне вдруг стало грустно – столько хорошего ушло.

– Разве не будет больше?

– Будет – другое.

– А если другое – лучше? С каждым разом? Развитие идет не по кругу – по спирали.

– Вот, оставь невинную девушку с инженером, – пробасил из дверей Прохоров. – Она ждёт – про любовь, а он ей – о спиралах.

Наташа вспыхнула и помрачнела.

– На днях была одна любопытная сцена, – живо сказал Аратов. – Передо мной в буфете стояли женщины, а вся торговля – одни пирожки. Одна говорит продавщице: «Мне с мясом», вторая: «Мне с повидлом», а третья: «А мне – про любовь». Тихо так, застенчиво.

Прохоров поморщился, но потом всё же поинтересовался:

– И что же буфетчица?

– Обругала, конечно. Типовой случай: неумные люди не любят idiotских вопросов. Попробуй сам задать кому-нибудь такой – да что там, просто нестандартный, да о тех же пирожках: спроси, не с чем они, а из чего. Одна из ста ответит, что из теста и повидла, а от остальных услышишь: не мешай работать. А ещё шляпу надел!

– И часто ты так дразнишь людей? – спросила Наташа.

– По настроению. Знаешь, idiotские вопросы – это лучший тест. Умному человеку отвечать на него – одно удовольствие, гимнастика для ума. Зато дурака они всегда приводят в бешенство.

– Дождёшься, что тебя примут за ненормального, – ухмыльнулся Прохоров. – Не все же знают тебя, как мы. Да теперь и мы

уже, может быть, не знаем, отвыкли... Кстати, не провести ли нам праздник вместе, по старой памяти?

Аратов ужаснулся: да понимает ли Андрей, что говорит? Предложение грозило бедой, но свой отказ надо было еще суметь объяснить.

– Не получится, Андрюша, – сказала Наташа. – Я уезжаю за город.

«Как спокойно она говорит, что едет без меня, – с грустью подумал он. – И разошлись, и выяснять больше нечего, а как обидно!»

– погоди, Андрей, – наконец сказал он. – А сам ты разве никуда не едешь?

Укоризненно покачав головой, Прохоров указал глазами на Наташу:

– Я вроде бы не собирался.

– Значит, моя фантазия, – поспешил поправиться Аратов.

– поезжай, поезжай, – улыбнулась Наташа. – давно всё ясно, как божий день. И не выдумывай нелепые отговорки: традиции, по старой памяти... поезжай. Нам бы всем разъехаться на время. Вечеринки, танцы – настроения нет. Вот разве только всем вместе поехать с тобой?

– Так давайте! – воскликнул Прохоров.

«А ведь всё еще можно исправить, – подумал, отворачиваясь к окну, Аратов. – Андрей наверняка хочет, чтобы я сделал шаг назад, хотя и не ведает, что натворила Таня. Сейчас он рад, что мы снова вместе. Да и я, признаться, тоже. Если он привезет Светлану, здесь с нею, с чужой, всё пойдет не очень гладко».

* * *

Сама по себе поездка Прохорова означала бы решение, какого он ещё не мог принять. Требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли о будущих переменах, а пока – Светлана, оторванная ото всех, ежедневно слала письма, читать которые Андрей постепенно терял способность.

На ноябрьские праздники к девушке ездили родители, и он похвалил себя за то, что остался дома: «Попал бы в дурацкое положение: жених, не жених, а провести все дни одной семьей...». Но близился Новый год, и почему-то стало ясно, что на этот раз поездки не миновать, и он думал уже не о том, ехать или нет, а как ехать и что брать с собой.

Главным грузом в багаже была, конечно, ёлка – лучшего подарка для человека, попавшего из родной средней полосы на безлесный юг, было не сыскать. Первым подумал о ёлке Аратов, вспомнив, как сам беспокоился во время первой своей командировки о том, что, не вернувшись вовремя, останется без ёлки в новогоднюю ночь – это казалось немыслимым, как в детстве. Некоторые офицеры из тех немногих, самых старших, что жили на полигоне с семьями, просили знакомых москвичей прислать им ёлки с оказией, в конце декабря самолёты в их сторону всё равно шли пустыми, но Аратову казалось, что ради него, застрянь он в Ауле, никто не станет хлопотать; он, тем не менее, находил силы шутить, что неплохо бы и снега прислать из России – возили же прапорщики землю для своих огородов. Подозревая, что его не пропустят в вагон с ёлкой, Прохоров придумал план целой операции с отвлекающими манёврами – она прошла потом на редкость удачно, и недозволенный груз оказался на багажной полке едва ли не раньше, чем проводник успел проверить билет Андрея. Утром, ещё в темноте, выглянув на остановке в окно, Прохоров увидел, что на перроне торгуют зелёными пушистыми деревцами, и уже готов был посмеяться над собой, но потом разглядел: сосенки. Его попутчики сошли ночью, и вскоре в освободившемся купе проводники, четыре молодца, устроили, не стесняясь Прохорова, настоящее совещание, обсуждая технику своей торговли мандаринами; вот тогда один из них и заметил ёлку. На его недоуменный вопрос Прохоров ответил, посмеиваясь:

– Да как пронёс – в руках, конечно. Вы так долго и задумчиво смотрели на неё!

Проводник недоверчиво покачал головой.

Даже в час отъезда все сомнения Прохорова оставались при нём, а советы Игоря не стали определённые. В таких делах если и советуются, то не советуют, и Аратов лишь поддакивал всякому слову Андрея, сочувствуя Светлане в её ссылке, но, сам несчастливый в любви, не понимая другой, большей её беды – нерешительности и, значит, неверности любимого человека. Он был уверен, что и сам отъезд, и предотъездные хлопоты скоро забудутся, как всегда забываются эпизоды будней, но не ведал, что они ещё отзвучат в его собственной жизни. Только глядя вслед поезду, он понял, что его собственное одиночество усугубится с женитьбой

друга. «Дурак, надо было жениться на Наташке», – неожиданно вывел он, и ему стало неуютно от своей несправедливости к ней.

Время отсутствия Андрея текло для Аратова долго, ему не терпелось узнать судьбу, и он готов был ехать встречать в аэропорт, но такое не было принято между друзьями. Прохоров, между тем, позвонил ему не тотчас, даже и не в тот же по возвращении день – как и сам Аратов обыкновенно поступал, прилетая с полигона. Первые слова Аратова при встрече были упрёком – что же, мол, пропал и не делишься счастливыми своими впечатлениями, – но Прохоров словно и не знал, чем делиться:

– До отъезда всё было понятней. Вчера я был у Цветковых, и это расстроило дело.

– У кого? – не понял Аратов.

– У её родителей. Надо же было рассказать, как живёт-поживает их дочка. Да и потом сам знаешь, чего они ждали от меня. Но пришёл к ним – и сразу пропало настроение вымолвить слово. Так и не поставил точки над «ё».

Начиналось у него как нельзя лучше. Светлана, до последней минуты не верившая во встречу, вела себя так, словно он явился без предупреждения – не замечала вокруг и не понимала ничего. Она никак не могла взять в толк, что Прохорову, пока поезд не двинулся дальше, надобно вернуться в вагон и что-то выгрузить – что у него вообще может существовать какой-то багаж, хотя и знала, что родители передали с ним объёмистую посылку с продуктами. Номер в гостинице, тем не менее, был заказан ею, она даже загодя приготовила шоколадку, чтобы он вручил дежурной. Пока ехали в такси, девушка болтала что-то бессвязное, но притихла, едва прикрыв за собою дверь номера. Прохоров и сам чувствовал себя скованно, понимая, насколько эта встреча отличается от прежних. Скрывая неловкость, он бросился разбирать кладь – доставать ёлочные украшения, бутылки, свёртки с припасами, – ненужно комментируя свои действия, и Светлане пришлось остановить его: не собирались же они пировать сию минуту.

– Да именно сейчас и надо! – вскричал он. – Новый год – у всех и несоро, а встреча – у нас одних и сейчас.

Место для встречи казалось ему замечательным, между тем гостиничный номер представлял собою тесную каморку, оснащённую лишь раковиной – с одной холодной водой; туалет был общий на этаже. Неопытный путешественник, он считал это

нормой; впрочем, об ту пору в Союзе следовало радоваться и такому ночлегу.

– Дай опомниться, – лепетала девушка. – Свалился как снег на голову.

– Ещё надо ёлку нарядить.

Хорошо было, что сразу нашлось дело – в первые минуты свидания нельзя было говорить о серьёзном, а другое не шло на ум; теперь, за таким домашним занятием, оба успокоились, и им особенно приятно было, обмениваясь только короткими репликами, встречаться взглядами или, передавая игрушку, касаться руки.

Как только ёлка была готова, Светлана попросила:

– Я устала и хочу прилечь.

Впереди была долгая новогодняя ночь, и Прохоров, радуясь наивности предлога, принялся стелить постель, осторожно выведывая, найдётся ли в ней место и ему.

Потом время понеслось вскачь, он не успел оглянуться, ничего не успел, как уже пора было уезжать – казалось, они только и сделали, что убрали ёлку, посидели вечер за праздничным столом да прогулялись разок по тихому, несовременному городу. Настолько незаметно прошло время, что, когда Светлана в последнее утро жалобно протянула, что вот, они так и не успели поговорить, Прохоров понял, что она и не ждёт ответа: что такое были оставшиеся три или четыре часа, если им не хватило трёх суток? Правда, в его власти было заменить приятное обсуждение своим коротким решением, остальное они доверили бы почте, но Андрей не сумел пересилить себя; приехав, чтобы сделать предложение, он вдруг упал духом.

На второй день, когда они вышли побродить по городу, Светлане понадобилось зайти в своё общежитие, и она надолго оставила Прохорова дожидаться на улице. Он послушно отправился на одинокую прогулку. Заметив в конце узкой улочки башню маяка и поспешив туда, он оказался на высоком берегу залива. Внизу, залитый солнцем, шумел порт, странный на краю замёрзшего моря. Работа шла в полную силу: людей он не видел, но краны, похожие на боевые машины уэллсовских марсиан, простуженно дыша паром, перетаскивали связки неведомо по какой воде припльвших брёвен. Сочувственно посмотрев на них, застрявших на чужой планете, он порадовался тому, что сам и в этом незнакомом городе был – дома.

Всё это хотелось зарисовать. Андрей вытащил из кармана блокнот – и скоро оставил затею, оттого что карандаш не держался в замёрзших пальцах. Он успел сделать только одну зарисовку: на берегу хозяйничали боевые треножки марсиан.

Назад ему пришлось спешить – он запыхался и расстегнул пальто. Светлана уже ждала его на крыльце.

Комната общежития была просторна; скупой завхоз сумел бы прибавить ещё одну, а то и две койки к тем трём, что уже стояли там. Прохоров, уверенный, что сразу узнает уголок Светланы, остановился на пороге; все кровати были убраны одинаково, каждая – с тремя подушками, составленными одна на другую в нелепую островерхую башню, и над каждой одинаково пестрели на стене картинки из журналов. Отчуждённо подумав, что тут недостает лишь базарного коврика с лебедями, Прохоров спросил с деланной непринужденностью: «Ну, которая тут твоя?» – но и когда указано было, не понял, какое же место может принадлежать избранной им, непохожей на других девушке, – не угадав койку среди одинаковых, удивился про себя тому, какого пустяка иной раз бывает достаточно, чтобы повернуть жизнь; в том, что она сию минуту повернулась (или, напротив, отказалась вернуться – как посмотреть) Прохоров не сомневался.

Ему уже не выговорить было то, что собирался и чего ждала от него Светлана: сами собою нужные слова уже не складывались и не вылетели б, а произносить их лишь по обязанности, лишь ради исполнения долга – он считал нечестным. Когда на следующее утро Светлана, ещё надеясь на что-то, посетовала: «Ну вот, мы так и не успели поговорить», – он ухватился за её слова, повернув так, словно и вправду вышло всё время и теперь уже и захочешь – не поговоришь.

Потом, в самолёте, он думал, с новым из-за движения домой настроением, что напишет Светлане, как только придет, всё то нужное и ласковое, что она хотела бы прочесть. На деле же полчаса, нужного для письма, сразу по приезде не нашлось, а потом, после встречи с родителями девушки, желание писать пропало вовсе.

– Ты скажешь: глупо, – говорил он Аратову, – да я и сам понимаю, что не с тёщей жить, но она так приторно меня обхаживала, что впору было заподозрить неладное. Даже муж осторожно одергивал её, а она вилась и вилась вокруг, оплетала словами, да

так сладко и липко, что захотелось запить холодной водой. Честное слово, я у них водички попросил. Мужу она слова не дала сказать, а с ним, чувствую, разговор пошёл бы иначе, и результат был бы другой: тот спросил бы, как там да что, как дочка и что я намереваюсь делать – я бы так же обстоятельно рассказал, и, глядишь, вопрос и решился бы, и скрепили бы договор доброю чаркой. Но эти лисьи ужимки – и всё-таки жёлчная ирония в речи! Они решили всё. Я едва не удрал раньше времени.

– Ты и в самом деле женишься не на теще, – обескураженно проговорил Аратов.

– Но буду жить под постоянной угрозой встречи с ней. А родится сын – это уже ежедневный контакт.

– Ребёнок, может быть, через десять лет родится. К тому времени притрётся.

– Жаль, ты там не присутствовал. Ей же, теще, плевать было, кто я, ангел или подонок, и, главное, плевать было, что я расскажу о дочери – такое впечатление, что она подбивала на сделку. Я вышел – как из болота выбрался.

* * *

До сих пор Аратов, кажется, всегда знал заранее или думал, что знает, как поступать – во всяком случае, принимал во внимание вовсе не такие неверные вещи, как чувства или привязанности, а – здравый смысл либо те общие правила, с которыми согласился будто бы раз навсегда; поэтому он теперь нет-нет да вспоминал день, когда усомнился в этих правилах – день, когда разбирали дело Парахиной. Всего лишь годом раньше он, твёрдо зная, что такое хорошо и что – плохо, настоял бы на её исключении, но тут вдруг понял, что нужно не казнить, а миловать – вовсе не с целью доказать Лободе свою самостоятельность, а из сочувствия к девушке, ему крайне, правда, несимпатичной.

Раньше он не знал за собой такого – поддаться сантиментам. Не видя них дурного, он только считал, что если уж каждый человек устроен по-своему, то и нет смысла оглядываться на других, а лучше вести себя так, как кажется естественным для собственного организма. Одни живут чувствами, иные – умом, и негоже судить, кто из них достойнее, а кто счастливее; относя себя к последним, он и в самом деле не поступал, будто бы, вопреки своему естеству или привычным порядкам, не поддаваясь ни умилению,

ни необъяснённым сочувствиям, так что нынешнее нежелание сделать подсказанный ход озадачило его самого: не стал ли он меняться в новой среде и не означает ли это некую порчу?

Изменения хорошо было бы находить не в себе, а в отношении к себе; его мечты наяву и сны давно уже сводились к тому лишь, что не он, а его любили горячо и несчастливо. Он завидовал Прохорову, которого, кажется, именно так и любили; тот вернулся из дальней поездки один, но письма к нему шли потоком.

Другие примеры неразделённых любовей что-то не попадались на глаза, зато нельзя было не видеть, как тут и там, совсем рядом устраиваются самые внезапные союзы; Гапонов – и тот неожиданно для всех обзавелся семьей. Роман его с Фаиной остался командировочным эпизодом, но никто не мог предположить, что новый завяжется и разрешится так скоро. Фаина, услышав новость вместе со всеми, и виду не подала, что задета, оскорблена, убита – если только это было для неё новостью и она не оплакала своё поражение раньше. Больше того, она, к недоумению многих, сохранила приятельские отношения с Гапоновым (с ним, впрочем, ещё понятно было), и даже с его молодой женой, работавшей здесь же, в научном отделе. Всё оставалось будто бы так, как было, но только Фаина заторопилась в командировку.

Свадьба Гапонова пришлась на те дни, когда случилось несчастье на чужом полигоне и многие, под свежим впечатлением, отправлялись на испытания неохотно. Только Аратов и Фаина просили: пошлите.

Аратову уютно было жить рядом с Фаиной, по одной с ним причине поторопившейся прочь из дома: занятая собственными печалью, она не докучала расспросами, не требовала откровенности – и так до конца командировки и не узнала о его настроениях.

Изо всей группы «семёрки» их было в экспедиции только двое: перерыв в испытаниях затягивался, и Еленский, наставляя в Москве Аратова, сказал: «Ты будешь там чем-то вроде наблюдателя ООН». Предполагалось, что его обязанности ограничатся согласованием программ следующих пусков, однако на деле должность наблюдателя оказалась беспокойной: то надо было и в самом деле обсуждать предстоящие работы, то приходилось возвращаться к бесчисленным мелочам из старых, то – обучать офицерских жён. Последнее возникло неожиданно и оказалось в тягость. Дело в том было, что наконец построили и начали

заселять новую, «пятую» площадку, не рабочую, а – жилой городок. Офицеры наконец получили возможность вызвать свои семьи, и те приехали слишком уж дружно, сразу создав проблему безработицы. Женщинам нашлось лишь несколько мест в школе и в военторге да немногих счастливиц взяли техниками в вычислительный центр; ни нужного образования, ни простейших навыков такой работы у них не было, и командование части направило их будто бы на помощь, а на деле – на обучение к гражданским. При нужде им можно было бы доверить лишь какую-нибудь чёрную, совсем простую работу, но «семёровичкам» этого сейчас не требовалось, и Аратов, хорошо усвоив принцип Еленского: «Сам делай что хочешь, а девочек загрузи», – давал им для тренировки под видом свежих работ пересчитывать уже сделанное когда-то Фаиной; в этом случае та сама справлялась с проверкой заданий.

По утрам Аратову редко удавалось прийти на своё место вовремя – в коридоре его непременно перехватывали военные, – но приятно было, открывая потом дверь с табличкой «Главный конструктор», видеть там, за маленьким столиком у входа, Фаину.

В ожидании своего начальника она всегда занималась одним и тем же.

– Ты ведь любишь, как пахнет лак, – сочла нужным объяснить она сегодня.

– Тем не менее, Фаина, сейчас придут за работой жёны. Разложи-ка свои бумаги, не то будет неудобно.

– Знаешь, как это называет Виктор? Режим ИКД: имитация кипучей деятельности.

– Так вот от кого это пошло! А то я слышал недавно от Раи и подумал: как не свойственна ей интонация!

– Если от Раи, то мог бы понять, откуда ветер дует.

– Что ж, у неё других источников нет? – насмешливо опросил Аратов, понимая, что как раз других и не существует для той, уже немало перенявшей от Яроша – кроме, пожалуй, обращения «старый».

Скоропостижная Раина влюблённость в Виктора, очевидная до того, что о ней уже и не судачили, всё же долго оставалась тайной для Аратова – до того времени, пока Ярош хоть как-то не откликнулся на неё, позволив Рае в командировке и кормить себя, и помогать в нехитрых домашних делах. Аратов попробовал неоригинально пошутить насчёт совместного ведения хозяйства, карающегося законным браком, но шутка не только не име-

ла успеха, но странно повисла в воздухе, так что стало неловко; лишь после этого случая Аратову рассказали, что к чему, и тогда прояснилось многое, начиная с Раиного плача на работе. Фаина и другие девушки, по слову, по два разговорив Раю, вывели простейшую его причину: ревность, – тотчас, правда, и усомнившись в правильности ответа, потому что сами же видели, как Рая горевала, едва её избранник уезжал на площадку, где весь прекрасный пол представляли две официантки в офицерской столовой, зато за тридевять земель, в Москву, где у Яроша, наверняка было много множество знакомых женщин, отпускала его совершенно спокойно. Неизвестно, отвечал ли Виктор на её нежные чувства, но только однажды он поинтересовался в Москве, сохранились ли у Аратова, после первой поездки как бы за грибами, отношения с электромонтажницей Зоей. Аратов, для которого сама собою разумелась невозможность этого, даже не сразу понял, о ком идёт речь. Вопрос же был задан потому, что Виктор, пригласив Зою на вечеринку, забеспокоился, не будет ли это нечестно по отношению к приятелю. Аратову же потом трудно было задать столь же простой вопрос – узнать о последствиях вечеринки, – он и не задал, и без того более или менее представляя себе сюжет поставленной пьесы.

– Что ж, посплетничаем о сотрудницах, Михалыч? – спросила сейчас Фаина.

– Фая! – с укоризною отозвался Аратов. – Жёны грядут.

– А! – махнула было рукой Фаина, но всё-таки спросила: – Что им показать сегодня?

С удовольствием переходя на деловой тон, Аратов назвал номер пуска и, ненадолго задумавшись, пояснил:

– Там были сильные возмущения при разделении ступеней, так пусть они этот участок нарисуют покрупнее, нам это пригодится. Ну, а расчёты – как всегда.

– Ты что, уходишь?

– Боюсь, воины позовут. Иначе разве оставил бы тебя? У нас любовь навеки.

– Ах, Михалыч, какие слова-то сладкие, – весело пролепетала Фаина. – Любовь, не любовь, а я за тобой – хоть на край света. Это ведь только сейчас настала такая вольная жизнь. Раньше, бывало, корпели по ночам, а теперь и вечная любовь – с утра. Знаю, знаю, что не ты в том виноват, да от этого хуже не становится.

Михалыч, Михалыч, что же ты раньше о любви не говорил? Слишком уж ты тихий.

– Тихий? Я о себе другое думал.

– Не знаю, может, ты свои примеры знаешь, а я тебя всё с нашими равняю. Взять хотя бы Валеру Платонова – вот о ком другое думаю.

– Что вам всем дался Платонов? – воскликнул Аратов. – Человек нашел себе работу не хуже, чем у людей.

– Небось, ты-то на неё не пошел.

Ему интересно было смотреть, как горячится Фаина. Мужчины отдела, хотя и не одобрили шага Платонова, из инженера заделавшегося диспетчером, но реагировали сдержанно, зато девушки, как одна, осуждали его неожиданно горячо.

– Пойду, может быть, – улыбнулся Аратов. – Ещё не вечер.

– Молчи уж. Тебе не такая служба нужна. Да и девушку тебе нужно скромную, работающую, вроде меня, – принуждённо смеясь, вернулась к своему Фаина. – Да не бойся, не бойся, теперь нам уж неудобно было б. Если только уволиться...

– Шутки шутками, но вот ведь жизнь: если что, то и захочешь, а не скроешься.

– Некоторым удаётся скрываться, – возразила Фаина. – Это одному тебе таить нечего.

– Как же нечего? – почти обиделся Аратов. – У каждого есть своё, такое, чего не выставляют напоказ.

В его характере, однако, более было не скрывать, а показывать; что бы он ни говорил вслух (или молча убеждал себя), но любил, когда его замечали (или привык, оттого что его с детства без видимых причин часто выделяли из общего числа; в школе, успевая не блестяще, но тем не менее всегда попадая в какие-нибудь командиры, он начинал верить, что это неспроста, и тогда воображал, что в одно прекрасное время у него вдруг проявится какой-нибудь до сих пор ему самому неведомый талант.

– Что же в тебе такого, что и знать никому нельзя? – проговорила, словно в раздумье, Фаина. – Знаешь, что мне странным показалось? Ты говоришь, что скрыться нельзя, а ведь у каждого из нас своя жизнь, о которой другие не имеют представления – как бы тесно мы тут ни жили.

– Как бы тесно и близко ни жили, а все мы – разные люди. Иначе, наверно, был бы сущий кошмар, – сказал он, не будучи слишком

уверен в справедливости последнего, предпочитая видеть рядом людей одних с собою интересов. – А сейчас трудность в том, что каждого надо разгадывать. Вот ты – думаешь, ты всем ясна?

– Вот уж что не приходило в голову. – Ах, Михалыч, за что ни возьмись – ни о чём я раньше не думала. Ветер, а?

– Ветер, ветер, – смеясь, согласился он.

– А я надеялась на комплимент... Что ж, Михалыч, я пошла: первый отдел открылся.

Так начался обычный для этой командировки его рабочий день. Так и другие начинались – с лёгких разговоров в ожидании открытия первого отдела и прихода техников за дневным заданием. Каждый раз Аратов не знал, чем будет заниматься дальше – и тут раздавался звонок, и его приглашали на какое-нибудь совещание – либо к командиру части, либо к смежникам, отработывавшим здесь систему управления их «семёрки».

Сегодня телефон молчал, Фаина успела принести материалы и раздать задания «жёнам» – Аратов не вмешивался, только наблюдал со своего места – и сама успела построить график для Векшина, но Аратова никуда не требовали. Заглянувший в дверь капитан Трефилов пожал плечами:

– Зачем это промышленники ходят на работу? На вашем месте я бы спал да спал дома.

Аратов и без шуток Трефилова чувствовал себя в роли «наблюдателя» не в своей тарелке: участие в заседаниях представлялось ему праздной тратой времени, и только возможность работы над давно задуманной диссертацией несколько успокаивала его. В Москве он оставил начатой большую теоретическую работу, срок которой из-за отъезда пришлось перенести на квартал. Его коллеги работали над отчетом об этапе испытаний, а он сидел на полигоне, получая надбавку к окладу, повышенную премию и суточные и не имея определённого занятия. Он не замечал, что всё время был тут кому-нибудь нужен – для консультаций, для связи с Карауловым, для помощи военным в расчётах. Так и на сегодня у него уже была назначена встреча. Случай, однако, вернул его на место.

Проходя мимо кабинета Беляева, он едва не наткнулся на широко распахнувшуюся дверь. В коридор вышли двое немолодых мужчин, один из них – в генеральской форме.

– Черт знает что, – в сердцах сказал штатский. – Детский сад какой-то: сидят одни мальчишки.

Аратов улыбнулся: все там были одного с ним возраста, даже старше на год-другой.

– Ладно. Эта фирма всё равно ничего не решает, – ответил генерал. – Идём к Саверину.

Нужно было срочно поворачивать назад. К счастью, генерала остановил один из офицеров полигона, и Аратов, воспользовавшись этой задержкой, обогнал его. Ему нужно было подготовиться к встрече.

– Фая! Боевая тревога! – бросил он на ходу, торопясь занять своё место во главе обширного стола. – Пренеприятнейшее известие: к нам идёт чужой генерал. Представляешь, выскочил от беляевцев и возмущается: тут детский сад, пойду к Саверину.

– Может, позвать Федота? – обеспокоенно предложила Фаина. – Он, кстати, только что искал тебя.

– Я позвоню. А ты не взяла сводный альбом графиков? Наверняка пригодится.

– Взяла. Но как ты обойдёшься с генералом, самозванный товарищ и.о. главного конструктора? Он как, солидный мужчина?

– Как и положено по чину. Впрочем, в коридоре темно. А я не и.о., а ответственный представитель. Как говорят в Одессе, две большие разницы. Так-то.

Зазвонил телефон. Говорил Векшин.

– Хорошо, что ты на месте. Тут у меня были дорогие гости: приезжий генерал, интересовался вашим изделием. Я наладил его к тебе, так расскажи ему слова, какие попросит: его мне представили по всей форме, так что можешь резать правду-матку без утайки. Потом посидишь с ним на совещании у воинов.

– Только вместе с тобой: мне не по чину.

– Не хотел бы. Я же не знаю ваших тонкостей, как бы не ляпнуть чего невпопад.

– Всё-таки, ты сегодня старший.

– Поэтому и неловко: обращаться-то будут ко мне. Давай уж сам.

– Спасибо за помощь. Этот самый генерал только что выходил от Беляева, возмущаясь, что там работают одни мальчишки. Представляешь, что будет здесь? Твоя шевелюра сильно облагодарила бы пейзаж.

– Ничего, пусть привыкают. Он и генерал-то не настоящий, а как наш Караулов – отставник, зам главного на гражданской фирме. КБ-200 – тебе это что-нибудь говорит?

Говорило это о многом: фирма занималась разработкой боевых частей, то есть того смертоносного, чем начинялись ракеты. Совместная работа с нею ещё вся была впереди.

Гости появились в дверях, и Фаина снисходительно разрешила войти. Штатский, не разглядев против света, подошел почти вплотную к столу, прежде чем Аратов, как и ожидал, увидел на его лице выражение недоумения и досады.

– Да, контора известная. Но я всё же позволю от командира части, – официальным тоном сказал в трубку Аратов. – А теперь прошу прощения, ко мне пришли.

– Нам нужен ответственный представитель Саверина, – сказал штатский, словно ещё сомневаясь, что попал в нужный кабинет.

Аратов начал рассказывать, как пройти к Векшину – но нет, там они уже побывали, и ему пришлось сдаться:

– Если по «семёрке» – к вашим услугам.

Протягивая руку, генерал подался вперед:

– Назаров. А это мой ведущий, Смирнов.

«Мистер Смит», – перевёл для себя Аратов, вслух сказав: – Очень приятно. Мне уже известно о вас.

– И, значит, известно, что мы будем работать вместе?

– Нет, это новость: вас нет в списке смежников.

– Не в том дело. Вышло постановление правительства, значит, список скорректируют, а пока давайте не терять время. Примем как факт: мы начнём работать вместе, а все ваши вопросы скоро разрешатся своим чередом. Что у нас за техника, вы, наверно, представляете, а если нет, то я сейчас расскажу в двух словах, но суть в том, что нам надо отработать свою автоматику в условиях полёта, и тут все пути ведут к вам. До сих пор мы имели дело с баллистическими ракетами, а теперь нужно провести испытания на малых высотах, и оказалось, что изо всех зенитных одна ваша «Е-7» летает по приемлемым траекториям.

– Я вас огорчу, – поспешил обозначить свою позицию Аратов. – Во-первых, я начну работать с вами только после письменного указания своего Генерального. А во-вторых, у нас нет свободных телеметрических каналов. Сами бы не отказались от лишнего.

– А я огорчу вас: речь-то идёт о том, чтобы предоставить нам весь борт. Почти весь. Ущерба вы не понесёте: по тому же самому решению нам выделяется целиком несколько ваших изделий. Как сказали бы наши соперники с того берега, мы их покупаем.

– Да нет, это же прямой ущерб, – воскликнул Аратов. – Завод и так нас задерживает, там ведь не серия идет, и все ракеты распиланы поштучно. И потом, готовить изделия к полётам тоже будут наши люди – помогать вам за счёт темпа собственных испытаний.

– Этот вопрос решён на самом высоком уровне. В числе прочих, на решении есть подпись Саверина.

– Я не видел решения.

– Почта, видимо, запоздала, – миролюбиво сказал Назаров. – Но вы можете ознакомиться с ним у командира части.

– Хорошо, я так и сделаю. Вот тогда мы и продолжим наш разговор.

– Вы, к сожалению, правы, но я прошу вас: давайте пока на-черно договоримся... просто поговорим о технических деталях. Мы, честно говоря, не совсем уверены, что «седьмая»... Видите ли, вам нужны измерения только на восходящей части траектории, то есть, дай Бог, на трети, а то и четверти всего полёта, а нам-то – вплоть до падения. Отсюда вопрос к вам: какое время работы борта реально обеспечивают батареи? Расчётная цифра известна и невелика, но ясно, что они работают с запасом. С каким? И второе – дальность действия телеметрических станций: увидим ли мы точку падения? Видели ли – вы?

– Что ж, ответить нетрудно. Фая! – окликнул Аратов. – дай, пожалуйста, сводный альбом и возьми в первом отделе отчёты по источникам питания Два-три пуска, но обязательно – восьмой. В восьмом, – объяснил он Назарову, – был самый продолжительный полёт. Вместо падения по более или менее честной параболе ракета стала планировать, ушла за пределы полигона и целёхонькой легла на землю на кончики крыльев. После этого мы стали ставить самоликвидаторы. Так вот, батарей хватило там надолго: я помню, мы ещё смотрели, какие перегрузки были при приземлении.

– Пока что вы нас обнадеживаете.

– Но у нас с вами частный разговор, – предупредил Аратов. – Формально мы можем гарантировать питание только в пределах паспортных данных.

– Дальше – наш риск, это понятно. Но разговор всё-таки не может остаться частным, без протокола мы не обойдёмся, и я попросил бы поддержать нас перед военными.

– На других изделиях мы ставили свои батареи, – вступил в разговор Смирнов, – но здесь они съедят весь вес.

– То есть вы как бы советуетесь с нами, а на самом деле выбора нет?

– Выбора нет. Раньше мы не знали трудностей: на баллистических ракетах другие времена полёта, другие источники тока.

– Вообще ничего общего: там, по сути, вся ракета – два бака и горелка.

– Напрасно вы их не жалуете, – улыбнулся Назаров, – Там предостаточно своих тонкостей. Недаром американские зенитные ракеты сравнимы по характеристикам с нашими, а вот по носителям янки отстают. У нас, всё-таки, Королёв собирается запускать человека.

– О, вот с чем хотелось бы поработать, – оживился Аратов. – Да за всем не утонишься.

– Не зарекайтесь. Кто знает, куда вас забросит жизнь.

– Игорь Михайлович, пожалуйста, – сказала Фаина, входя с отчётами.

«Нет, пожалуйста», – вспомнилось ему, и мысль, коли уж он всё равно отвлёкся, привычно скакнула: от Марики – к Тане.

– Я всё же должен буду позвонить в Москву, – сказал он.

То, что батареи будут работать, сколько нужно, стало ясно сразу, и Назаров, повеселев, заговорил о том, как выручает его Аратов. Но тот лишь показал, чем может кончиться работа. Потом, на совещании у командира части, он настоял, чтобы в решении даже не упоминалась фирма Саверина, и опасное место протокола приняло довольно безобидный вид; ответственность за измерения ложилась на военных, и Аратов был доволен, что не включился, превышая полномочия, в междуведомственную игру.

* * *

– Что это за новый ответственный представитель появился у нас на полигоне? – ухмыльнулся Караулов, разглядывая подпись на документе.

Подойдя поближе, Еленский заглянул через его плечо в бумагу.

– Я тогда говорил по ВЧ с Федотом, – напомнил он, увидев, о чем идет речь. – Тот нарочно не пошёл на совещание.

– Нарочно, нарочно! – посерьёзнев, повторил Караулов. – Нарочно, чтобы подставить Игоря? Надо было вызвать с площадки Лободу. А теперь – пожалуйста, отдай этим друзьям изделия для их работ. У меня для этого матчасти нету.

– Ну а как же решение, подписанное Б.Д.?

– Наше с тобой дело обеспечить свои испытания. Тот же Б.Д. с тебя голову снимет, если сроки сорвутся. И если бы твой Аратов не пообещал им бортовое питание, то и не нужно было б отдавать изделия. То есть, отдать-то отдали бы, никуда не денешься, но – попозже, попозже. Кстати, сколько у нас работают батареи?

– По расчёту...

– Сколько по расчёту, я знаю, – оборвал Караулов. – Судя по этой бумаге, мы обещаем – до падения!

– Так уж и обещаем? «Войсковая часть обеспечивает» – а как, это её дело.

– Вот ещё один ребёнок нашёлся. За борт отвечаем мы, а не армия. Если батарея скиснет раньше времени...

– Источники очень долго работают, – заверил Еленский.

– Где это видно? – раздраженно спросил Караулов. – На твоих лентах? Их большое начальство не смотрит, и потом, это – не документы. Есть у тебя какие-нибудь акты, отчёты, протоколы? То-то. И выйдет так, что сто раз хватало питания, а на сто первый не хватит – и нам с батарейщиков взять нечего, потому что нету нужной бумаги. И шкуру сдерут – с нас. Ну, ладно, покажи свою телеметрию, помозгуем.

Вовсе не из-за ошибки Аратова раздражился Караулов – да тот и не ошибся, – а оттого, что не удалось отказаться от работы, значительно усложнявшей его собственную. Он сам виновен был более других: знал, с чем едет на полигон генерал Назаров, но не предупредил ни Лебеду, ни Аратова, и теперь должен был принять удар на себя.

Потратив почти полдня на просмотр графиков, принесённых ему Еленским, Караулов наконец сказал, посмеиваясь:

– Крыть нечем: я бы тоже подписал такой протокол. Но ты, Петя, проведи воспитательную работу: субординацию твои ребята должны знать. А то ведь инженеры они толковые, а политики – никакие, могут простодушно натворить такого – не расплатишься.

Как и во всяком остром деле, и в этом, едва о нём стало известно, сразу нашлись советчики. Лобода, позвонив с площадки, предложил в двадцать четыре часа отозвать Аратова в Москву с немедленным разбором вопроса на партбюро и в комитете комсомола. Караулов выслушал, не перебивая, и, немного помолчав, равнодушно ответил:

– Это я тебя вытащу на партком, если не обеспечишь все пуски – и назаровские в том числе. А пока организуй какой-нибудь акт по результатам всех проведённых пусков с подписью батарейщиков.

Шум, поднявшийся вокруг этой истории, долго не утихал, но не достигал Аратова. Даже Лобода не обмолвился при нём ни словом, и лишь спустя месяц Векшин, ненадолго летавший в Москву, сообщил Игорю с некоторым удивлением в голосе, что его, Игоря, фамилию там склоняют на все лады, однако не стал объяснять ситуацию, ограничившись рекомендацией не торопиться с отъездом. Но Аратов пока и сам не собирался домой. Он не очень поверил словам Векшина, потому что ежедневно говорил с Карауловым по ВЧ и не слышал от того ни малейшего упрёка. Между тем первый пуск по назаровской программе был не за горами, и Аратов только о том и думал, что будет, если подведут батареи. Поначалу он ждал, что на боевую работу прилетит Еленский – это не уменьшило бы его собственной ответственности, но избавило б от принятия новых решений, – но Караулов сказал:

– Работай сам. Не маленький. И смотри, чтобы в этом пуске комар носа не подточил. Если Назаров останется недоволен, нам с тобой голов не сносить.

* * *

До вылета оставалось два часа, но Аратов с Фаиной ещё сидели на работе, и вещи у них не были собраны. Рейс же был – последний перед праздником.

На рассвете пускали первую «назаровскую» ракету, и Аратов получил из Москвы строгий наказ не только проконтролировать, как всегда, составление военными шифровки, но и, если к тому времени ленты не будут готовы к отправке фельдсвязью – а они не должны быть готовы так скоро, – срисовать и привезти с собой в кармане, как-нибудь по-своему зашифровав, всю нужную информацию; в московском аэропорте Аратова должна была встречать машина.

Пуск прошёл удачно, но с задержкой, и теперь Аратов едва успевал сделать то, что требовалось. Помощи ждать было не от кого: Векшин со своей группой вылетел накануне.

– Без нас не улетят, – успокаивал он Фаину, счастливый оттого, что всё обошлось, и оттого, что и в самом деле существовал приказ без него не улетать.

– Возможно, и не улетят, – неуверенно ответила девушка, – да вот как выбраться отсюда? Мы же не успеваем на автобус. Этот твой Платонов для своих пальцем о палец не ударит, хотя, пока работал в «науке», сам твердил, что анализаторам без машины не обойтись. Теперь снега зимой не допросишься.

– Со снегом у нас, и правда, зимой напряжённо. Но давай, не отвлекайся: Руслан оставил мне свой «газик».

– Игорь, миленький, что ж ты молчал? – воскликнула Фаина и тотчас, словно только что не тревожилась о том, что может вообще не улететь, забеспокоилась об ином: – Заедем за тюльпанами? Всего-то десять минут. А то одни мы остались без ничего.

Все те, кто улетал с ними, ходили утром в степь за тюльпанами – и, конечно, поделились бы, да всё же хотелось привезти букет побольше, получше и не просить ни у кого.

– Ты нынче корзину роз заслужила. Да только мы не обернёмся. Надо место знать.

– Знаю, Игорь, знаю! Точно напротив поворота на аэродром надо поехать направо: это далеко от Аула, и там почти не рвут. И не бойся: сам же говорил, что без нас не улетят. Нам вроде премии будет.

Когда они вернулись в гостиницу, времени осталось – только доехать до самолёта. Свои вещи Аратов вынес в ящике шкафа и, вывалив прямо на пол машины, укладывал в сумку уже по дороге.

Теперь можно было подумать и о тюльпанах (для себя он бы не посмел так распорядиться машиной, но ведь и о корзине роз было сказано не для красного словца). Голодная неродящая степь в конце апреля преображалась, покрываясь цветами, без которых никто не прилетал домой на майские праздники. Аратову впервые выдалась такая возможность, и он, не нарвав ещё тюльпанов, уже огорчался, что повезёт их тётке, домой, а не Тане.

Прежде ему некому было дарить цветы и он, ещё не понимая, что это за предмет, часто не имеющий цены, но доставляющий столько удовольствия, пытался докопаться до сути: «Почему именно цветы? Не просто что-нибудь красивое, но только цветы, ничего, кроме них – не преподносят же девушкам, скажем, экзотических бабочек на булавке, а ведь каким изысканным украшением они были бы для платья или прически! Интересно, откуда это пошло... Вот и я сейчас, летя к Тане с букетом – сейчас, когда в Москве нет цветов! – чувствовал бы себя другим человеком, тем более, что – сам нарвал и привез с края света».

Он представлял себе, как в незапамятные времена мужчины возвращались со своей жёсткой работы – с добычей, с мясом и мехами; многое теперь измельчало, приходилось довольствоваться чем-то эфемерным, вроде нынешних красненьких цветочков, и всё же, хотя у него это был единственный трофей, но как же гуманно должно было выглядеть со стороны его дело – не убивать зверей, но рвать цветы (взгляд изнутри был совсем иным: не захватывая трофеев, нынешние мужчины, однако, имели дело с оружием).

Размышления теряли цену, как только Аратов вспоминал о незначительности своей собственной роли; когда приложено много рук, почти никто не знает ни вины, ни почести. Обидно было сознавать, что, старайся он больше или меньше, ракеты летали бы точно так же. Даже срочность работы, из-за которой в эту ночь почти не пришлось спать, объяснялась не тем, что завод простаивал или армия ждала, видя подступающего неприятеля, а всего лишь отсутствием в ближайшую неделю рейсов на Москву.

Последний самолёт ждал Аратова с Фаиной, но не пустой, а битком набитый пассажирами, и Аратов, не желавший злоупотреблять их терпением, беспокоился, что может не уложиться в назначенное время. Ему повезло, на КПП не было обычной очереди, и аэродромные склады и корпуса казарм показались впереди на удивление скоро.

Тронув шофера за плечо, Фаина указала в сторону; там не было ни дороги, ни просто колеи, но редкие столичные шофёры ездили по шоссе и улицам так же спокойно, как здешние – по степи. Машина остановилась в полукилометре от бетонки: вокруг, сколько хватало глаз, росли через десять-двадцать шагов один от другого тюльпаны. Не прикрытые иной зеленью, они лишь перемежались со столь же редкими колючими кустиками или с какими-то серыми лопухами, и Аратов невольно вспомнил, какую представлял себе степь год назад – пахнувшей полынью и заросшей густой и высокой, по пояс, травой.

Единственным запахом, какой он слышал сейчас, был сухой запах пыли.

Рвать цветы оказалось не так просто: их чашечки почти лежали на земле, и чтобы добыть хоть сколько-нибудь длинный стебель, приходилось долбить ножом твёрдую и хрупкую, словно обожжённую в печи почву – у Аратова это получалось быстрее, но Фаине помогал водитель.

Когда машина проехала за шлагбаум аэродрома, Аратов показал Фаине на самолёт: солдаты загружали последний ящик.

Один из экспедиторов возмущённо воскликнул, глядя на цветы:

– Они ещё катались по степи!

– Какой там, – хмуро возразил шофер. – Это я им набрал. Всё одно нечего было делать.

* * *

– Здравсте! – услышал Аратов.

Это прозвучало так, словно девушка не могла его дождаться. Он растерялся, лихорадочно ища этому объяснение, необходимое потому, что существовало её письмо.

– Хорошо, что вы позвонили, – сказала она.

Она не знала, как долго Аратов колебался, прежде чем решиться на это; ему казалось недостойным мужчины после отказа снова униженно вымаливать встречи. Следовало бы вовсе забыть телефон, адрес, нотки голоса, черты лица и всё хорошее, если только оно было между ними – он, возможно, и забыл бы, когда б не уезжал в командировку, но оттуда, издалека, Москва виделась не городом, где он родился и где остались его друзья и близкие или где он сам прожил четверть века, а прежде всего городом, где жила Таня, и не было возвращения без того, чтобы пусть только взглядом украдкой или слухом коснуться, протянуть ниточку, успокаивая себя. Он позвонил для того лишь, чтобы послушать голос, а самому промолчать – одно это много значило бы для него, и он, кажется, не желал большего, но когда Таня сказала свое «Алё!» и потом, не слыша ответа, нетерпеливо его повторила, Аратов не выдержал.

– Не знаю, как получилось, – сказал он. – Я не хотел звонить. Извините. Просто в этом году я ещё не был дома и не верю, что прилетел и что здесь всё по-старому. Звоню, чтобы убедиться в этом.

Он запретил себе просить у неё что-либо, но теперь всё же сказал:

– Письмо письмом, но мы и словом не обменялись напоследок. Выходит, что мы в ссоре, но я вовсе не хотел бы так расставаться с вами.

– То письмо – глупости.

– Как – глупости?

Девушка расхохоталась:

- Вы разочарованы!

- Что вы, это хорошо, что... что глупости. Но как же так?

- Ну, у меня было плохое настроение, никого не хотелось видеть – да мало ли что? Потом уже было не поправить, я и адрес ваш выбросила, да, честно, и постеснялась бы писать. Вы сердитесь на меня?

- Сержусь, – ответил он, смеясь. – Но я вот что хочу спросить: вы тогда написали... Что вы тогда написали?

- Вы же помните.

- Всё-таки, вы правду написали.

- Я же сказала: выдумки. Я пожалела потом, что так грубо получилось.

- А сейчас хотите использовать случай и сказать по-другому. Но мне уже и по-другому говорили – не знаю, кто тогда подошёл к телефону – брат? друг? Так что я звоню не за подтверждением, а затем, чтобы только услышать ваш голос, это важно для меня, и положить трубку: не о чем говорить с чужой женой, если как раз того, что – чужая, и не можешь простить ей. Впрочем, я лгу: было б, о чём, если бы вы стали слушать. Я опасался, что вы и думать о вас запретите.

- Считайте, что ничего не было, – неуверенно произнесла она. – Столько прошло. Забылось. Боже мой, да он же всё наврал вам! И я тоже. Я раньше.

- Знаете, всякому человеку свойственно упиваться жалостью к себе, насильно вспоминая старые обиды. Чем-то в этом роде и я был занят в отъезде.

- Всё летаете в свою тьмутаракань?

- Всё ещё летаю в Москву. Иногда.

- Я бы тоже хотела поехать с мамой куда-нибудь далеко. Они засмеялись.

- Я знаю, вы сейчас подумали, какая я маленькая. Но нельзя же, чтобы первый раз из дома и сразу – пустыня, и самолётики ваши, и я – одна. Вы-то привыкли наконец? Теперь есть, наверно, о чём рассказать?

- Да уж рассказал бы, но не сию минуту, не по телефону ж, это нужно – обстоятельно, ведь год прошёл. Столько всего случилось...

Таня неожиданно согласилась: что ж, можно и не по телефону. Наверно, случись эта встреча, следом пошли бы и другие, и, значит сейчас решалось важное в судьбе; Аратов, оттого что в ожидании

ответа у него перехватило дыхание, испуганно громко глотнул воздух, но Таня согласилась так просто, словно свидание было одним из ежедневных. Тотчас потеряв чувство меры, он, пока девушка добра была, предложил ей и близкий праздник встретить вместе, но это было уже слишком, и он не горевал, когда Таня отказала, потому что услышал в её голосе сожаление.

Повесив трубку, Аратов запоздало изумился: что за наитие было, что за наваждение, если он нарушил данное себе слово? Он мог бы совладать с собою и не звонить, это удавалось прежде, но сегодня вдруг почувствовал уверенность, что раз уж наконец вернулся после столь долгой отлучки, раз он дома, а на дворе – весна в лучшей своей поре, то всё на свете должно быть прекрасно, и всё удастся ему.

Вечер, который дарила ему Таня, нельзя было провести кое-как, и Аратов поначалу запаниковал, не видя, куда может пригласить её.

Действовать по наитию в этот раз было негоже – рисковать он не мог – иё пожалуй, тут не помешал бы совет друга... Игорь хлопнул себя по лбу: именно в этот день они с Прохоровым собирались на концерт английской эстрадной певицы. Её гастроли были событием – но для Аратова эти мерки уже не годились: он решил, что имеет право потребовать от друга жертвы.

Простившись с Таней, он помчался к Прохорову.

– Ты должен помочь, – начал он с порога, – иначе я опозорен и погиб. Только погоди, позволь не рассказывать о ней: я стал суеверным.

– Да, однажды ты, кажется, напрасно поднял меня с постели.

– Я встречаюсь с ней завтра. И можешь делать со мной, что хочешь, но я пригласил её на Джерри Скотт.

Прохоров присвистнул:

– Ну ты, брат, нахал! Что, если я не уступлю?

– Сейчас ты скажешь, что приехала Светлана, и ты проделал то же самое?

– Жаль, не додумался. Забавное вышло бы положение. Да ладно, ладно, ради такого дела... Скажи хотя бы, как её зовут, и можешь войти в комнату.

Аратов засмеялся, потому что и в самом деле ещё стоял в дверях. Теперь он подошёл к магнитофону и приглушил звук.

– Впереди меня по бульвару шла парочка – остановились перед твоим окном, слушают.

- На здоровье. Культуру - в массы. Но зачем же ты лишил людей удовольствия?

- У нас с тобой серьёзный разговор, а мы кричим как на базаре. Ты ещё и работал - неужели можно сосредоточиться в таком шуме?

- Нельзя, конечно, но у меня скопилась чёрная работа, какую делаешь, не думая. Да и настроение минорное и, значит, тишина противопоказана. Ты пришел вовремя. А я, видишь, кухонные доски обжёл, теперь ошкуриваю, а завтра распишу их.

- Каждый день у тебя новое, - с завистью вздохнул Аратов.

- Жить-то надо... А я, знаешь, так и думал, что ты придёшь, и удивлялся, почему запаздываешь, ведь разговор будет долгим. Правда, я не подготовился - мужские разговоры надо вести не спеша, за доброй дюжиной пива. Вот мысль: когда-нибудь напишу натюрморт «Мужской разговор» - стол, пивные кружки, все, кроме двух, пустые, со следами пены на стенках, груды рачьих останков, пепельница, пачка сигарет. Но - ни лиц, ни рук.

- Кстати, не сходить ли нам на днях в парк, попить чешского?

- Я бы вообще ввёл в традицию делать это перед каждым твоим отъездом.

- Принимается, - легко согласился Аратов. - Однако, ты быстро приучил меня к пиву. До Риги я его терпеть не мог.

- Латышскому пиву, брат, нет равных. Впрочем, мне уже хочется обобщить, и на языке вертится: всему рижскому, нет - Риге нет равных. Даже при моей любви к русской старине и привычке к Москве и Ярославлю - нет равных.

- Ещё бы тебе не полюбить Ригу!

- И вот я уже разрываюсь, строя планы на лето, потому что зарёкся дважды ездить в одно и то же место, и потому что тянет поехать туда снова.

- Марика, - напомнил Аратов.

- Что Марика? Не жениться же на ней. Впрочем, и Марика тоже. Этого не было нигде и больше не будет.

- Возможно, не будет и там.

- Определённо не будет, - согнав с лица улыбку, вздохнул Прохоров. - Чтобы не разочаровываться, не жди повторений. Приедешь - или кафе закрыли, или Марики нет. А что такое Марика - ты ведь не забыл её за год, значит, она уже вошла в твою жизнь. Для чего-то было важно узнать её, но только и эта тема исчерпана, и надо

вовремя поставить точку. То, что хорошо началось, часто кончается ничем. Что далеко ходить – предвидел ты, как повернётся у тебя с Мисс Черёмушки?

– О нет, – сдерживая улыбку, покачал головой Аратов. – Тут особая фантазия нужна.

– Так уж и особая? Всего-то два варианта: любит – не любит.

– Да, но только внутри этих больших вариантов есть ещё множество маленьких, от которых всё и зависит, ведь верх может взять разум, а может – каприз. А ещё – влечение, советы старших, расчёт...

– Что берёт верх на первых порах, я, пожалуй, знаю, – медленно проговорил Прохоров. – Короче, я, брат, твёрдо решил привезти сюда Светлану.

– Наконец-то! Поздравляю, – воскликнул Аратов и вдруг осёкся: – Постой, а как же с тёщиным пением, с которым ты не мог смириться? Колобок, колобок, сядь на носок? Бог с ним, с сыром, но колобка-то – съели.

– Нет, брат, я решил. Что же до аргументов, то все они говорены были, в том числе и такой: не на теще женюсь.

– Женишься! И такой сюрприз ты преподносишь между прочим? А где шампанское, цветы, оркестр?

– Оркестр, положим, уже есть. Остальное будет при дамах.

– Когда же всё свершится?

– Жду письма. К тому же тут многое зависит от чужих людей – чисто технические проблемы. Я, представь, не то счастлив, не то растерян. А ведь сделан только первый шаг. Но – труднейший, потому что одно дело решить в душе, а другое – огласить и сжечь мосты. Да, сжечь. Тебя, я вижу, удивляют также крайние выражения, но мне теперь ясно, что как только всё это свершится – работе конец. Ну, буду кропотать в своей артели, а вот дома, для себя... Ты скажешь, что я не один такой, мол, все женятся и не перестают творить, и будешь прав, хотя откуда бы тебе знать, но представь всё же, как можно совместить одно с другим, в конце концов – живопись с пелёнками. Придётся, говоря высоким слогом, делить и время, и душу. Самому странно, что можно делать какие-то расчёты, имея в виду душу, а заодно – что, вынужденно пребывая ненормально трезвым, можно считать себя художником. Ну, ты понимаешь, о какой трезвости я говорю. Слава Богу, что я пока не принадлежу к тем пресловутым трезвым гражданам, что способ-

ны задушить любую свежую мысль, которая, по их мнению – из ряда вон. Такие подходят на перекрёстке: «Бросьте, что вы тут развезжаете на своем самокате! Шаркайте за мной – никакого риска, а для здоровья – польза!» Такие возле натюрморта с фруктами рассуждают о витаминах. Они могут проникновенно взять за пуговицу, хотя мы едва знакомы: «Оставьте эту девочку – что проку устраивать чужое благополучие? Она и без вас добьётся своего. Не дай Бог потом какие хлопоты...»

– Этот же пресный обыватель спросит: как вы будете жить? Если у тебя не будет условий для работы, мира в доме хватит не надолго.

Аратов подумал, что изменится и сам дом: появятся зеркало или трюмо с набором флаконов и баночек, более вместительный шкаф, чуть позже – детская кроватка, из-за чего придется потесниться (или исчезнуть?) мольберту, письменному столу и стеллажам с готовыми поделками.

– Из любого положения есть выход, – с готовностью отозвался Прохоров. – О мастерской, конечно, мечтать нечего, я ведь, что ни говори, всего только любитель, но можно снять по дешёвке какое-нибудь нежилое помещение, подвал – снимал же я светлый чердачок на Басманной. Да что таить, у меня есть на примете не подвал даже, а получше. Далековато, правда, в пригороде, потому я и раздумываю.

– Молодая жена будет против такой автономии.

– Умеренные подозрения укрепляют семью, – засмеялся Прохоров. – А если серьёзно, то вариант неплохой, несмотря даже на отягчающие обстоятельства в виде Васина, Это – застеклённая терраса, то есть помещение в три света – представляешь? Причём я и не искал, а просто подвернулся случай: Толя Васин с приятелями сняли избу за Потьелихой – дача не дача, но и не мастерская, поскольку они собираются бывать там лишь наездами. Не знай я Васина, то подумал бы, что им попросту нужна «хата» для оргий.

– В тихом омуте...

– Не знаю, не знаю. Короче, они берут в долю, при условии соблюдения расписания. Хозяйка же – тихая старушка, и она, по-моему, рада, что кто-то будет рядом.

– Что там Наташа? – безо всякого перехода поинтересовался Аратов.

– Что-то редко стал видеть, – не удивляясь вопросу, сказал Прохоров. – Подозреваю, что ей не дают скучать. И рад за неё, и огорчён.

– Не за меня ли? – почти выкрикнул Аратов.

– Ещё и за тебя, пожалуй, – серьёзно ответил Прохоров. – Мы слишком привыкли друг к другу, а теперь появится чужой, и вся дружба – прочь.

Казалось, многое должно было забыться, но Аратова вдруг задело известие – словно он считал, что Наташе следует ждать до последней минуты, покуда он мечется, не зная цели.

– Тебя слишком долго не бывает, – продолжал Прохоров, – вот и накапливаются сенсации. Некоторые я замечаю, только рассказывая тебе.

– На этот раз всё же подожди, пока не вернусь: не женись. И потом, пора и мне угощать тебя сенсациями при встречах, – сказал Аратов, в мечтах уже не отставая от Андрея.

В то же время бесплодность этих мечтаний была очевидна – не из-за Тани, а из-за него самого: он ещё не оттаял, слишком ещё скован был после своего памятного поражения, когда все события жизни, как он теперь, вспоминая, думал, стали сводиться к простейшему – ко взлёту и посадке, к долгому течению командировочных суток и к незапоминающемуся их мельканию здесь; возможно даже, что это движение было круговым и какие-то события время от времени повторялись с точностью. Его собственное участие в этом вращении казалось пассивным, и даже перемещения в пространстве Аратов осознавал едва ли не с опозданием, словно более не готовил себя ни к отъезду, ни к возвращению, лишь в последнюю минуту отмечая появление или, наоборот, исчезновение за иллюминатором подмосковных берёз, а до того как будто не веря в перемены.

Приаэродромный лес обычно долго потом стоял перед глазами, но Аратов хотел бы помнить ещё и Таню у трапа, на ветру.

* * *

Как и в тот самый раз, Таня опаздывала (или даже вовсе не собиралась на свидание к нему), а он не мог отойти, позвонить, будучи уверен, что тогда, тотчас они разминутся, и уже ничего нельзя будет повторить. На этом же самом месте, у выхода из метро, он стоял год назад, не ведая, что Таня уже отправила письмо,

каких не дай Бог получать никому. Сейчас он старался не вспоминать об этом, но Таня не появлялась, и всё вокруг казалось точно таким, как в прошлый раз – впору было спросить у прохожих, который год, – и на душе становилось беспокойно и темно. Ко всему, ему ещё и улетать было – наутро.

Его успокаивало то, что несколько дней назад, когда он стоял на набережной близ Театра эстрады, такое же беспокойство оказалось напрасным; он отчаялся было ждать, решив, что всё пропало, и вдруг увидел, как к нему, улыбаясь, спешит какая-то девушка – забыв шагнуть навстречу, Аратов силенился и не мог узнать Таню. Успев смириться с новой потерей, он не сразу понял, что это она торопится к нему (непривычно было видеть её на высоких каблуках) и сияет, будто счастлива больше него.

– Здравсте! – она тогда сказала это, не прерывая улыбки, а он ещё молчал, не отводя восхищенного взгляда от лица той, кого видел, казалось, впервые и, возможно, в последний раз. «Ещё и это испытание», – подумал он. Теперь, когда прошло некоторое время, Аратову странно было, что он запомнил её уличную одежду – пальто, платочек, – но не смог бы сказать, какое на ней было платье, хотя мало смотрел на сцену, а только, мало стараясь, чтобы другим незаметно было, любовался Таней. Девушка с интересом слушала ту музыку, что ускользала от него, и делала какие-то замечания, с которыми он соглашался, не понимая, о чём идет речь.

Ему так хорошо было с Таней, что он не видел нужды сказать ей об этом.

Теперь он, снова не веря во встречу, жалел, что не сказал; воспоминания, связанные с назначенным местом, были у него самые печальные. Он всматривался в толпу до ряби в глазах – и всё же просмотрел: Таня появилась откуда-то сбоку и, подойдя сзади, осторожно тронула за руку. Он на несколько секунд прикрыл веки.

Она предложила пойти в парк, и Аратов улыбнулся: в эти дни город словно сузился до пределов одного района – театр эстрады, чешский пивной ресторан в парке, снова парк.

– Там должно быть хорошо, – словно оправдываясь, сказала Таня. – Ещё весна, и рабочий день, и народа не будет. Вообще-то я обхожу парк с его гуляниями за километр.

– Идём. Идём в парк культуры и отдыха, – сказал он, с нажимом произнеся последние слова. – Надо же так назвать: будто это учреждение... Есть ли парки, где не отдыхают?

– Трамвайные, – засмеялась девушка. – Значит, вы тоже не ходите сюда?

Сколько раз он раньше бывал здесь, можно было пересчитать по пальцам – если не говорить о зиме: в школьные годы здесь заливали его любимый каток. Коньки в то время были в особенной моде, и вечерами в каждом вагоне метро, в каждом троллейбусе и трамвае можно было встретить школьников или студентов с коньками или с неуклюжими спортивными чемоданчиками: праздная жизнь в холодное время года смещалась на катки, верное место знакомств, и даже знаменитый «Бродвей», где в тёплые месяцы было не протолкнуться от праздной молодёжи, становился безлюдным. Было шиком кататься на беговых коньках (говорили: на «норвегах» или – на «ножах»), и тут Аратов не отставал; ему нравилось мчаться по длинным аллеям, низко, по-спортивному нагнувшись и, словно бы от утомления, слегка царапая лед кончиком свободного конька, так, чтобы слышался слабый звон. На катке непрерывно звучала музыка, чаще всего – песни Утёсова, отчего настроение становилось праздничным и девушки в буазейных лыжных костюмах казались чудо как хороши.

Летом он тоже, как и Таня, обходил парк стороною, и никто не мог бы заподозрить его в расположении к наивным аттракционам вроде силомера или комнаты смеха, к которым сводились тут культура и отдых; они, впрочем, как и всё на свете, могли быть прекрасны и незаменимы, но – к случаю, как провинциальный цирк... так вот когда Аратов ещё раз был в парке, он едва не забыл: на гастролях иностранного цирка; он ещё помнил странное ощущение от желания вернуться в детство, и сейчас ему хотелось того же.

– Ула! Ула! – протяжно кричали у реки, и Аратов, вспомнив треножники уэллсовских марсиан, поделился сравнением с Таней; она не поддержала тему, а, продолжая начатый разговор, сказала:

– Жаль, нет такого парка, чтобы – только аллеи, чтобы гулять.

– Разве нет? А Сокольники? Да и здесь – Нескучный сад, а дальше – Воробьёвы горы.

– Совсем не знаю Москвы, – призналась Таня, – а прожила тут всю жизнь. В войну, правда, наши уезжали куда-то на Урал, да я не помню, я ведь родилась в сорок первом.

Уже не в первый раз он подумал, что пять лет, на которые она была моложе, могли сделать их разными людьми: девочка не

помнила бомбёжек и затемнения, её не посылали в долгие очереди за хлебом, и она не пережила тех растерянности и детского отчаяния, какие познал Игорь, когда в последнюю неделю войны с Японией пришла похоронная на брата; оттого, что она мала была в пятьдесят третьем, ей не пришлось ломать себя в пятьдесят шестом – всего пять лет чётко обозначили их принадлежность к разным поколениям народа, поделившего историю на несравнимые части: до, во время и после войны.

– Так хотите, покажу вам город? – предложил он; это была бы прекрасная возможность проводить с нею целые дни. – Я ориентируюсь лучше таксиста. Как же русскому, москвичу, не знать Москвы?

– А я русская только по паспорту, – засмеялась Таня. – Мать у меня полька, папа – наполовину украинец.

– Ваша мама всегда подходит к телефону, а я не знаю, как её звать.

– Алина Корнеевна. Вообще-то – Алевсиня, да так выходит длинно и не очень по-нашему. Все её Алиной зовут.

– А с вашим братом – как мне себя вести? Это ведь он дал мне отставку, а не вы. Я не сказал вам, письмо не застало меня в командировке, я получил его только после отпуска, спустя месяц, а вы, наверно, удивились, как я осмелился после вашего отказа звонить, просить о свидании – считали наглцом либо, наоборот, тряпкой.

– Самое смешное, что и Борька не знал о письме, он сам выдумал – и почти угадал. Ему надоело, что мне звонят: он боится, что его дева позвонит, а телефон занят. Он ведь у нас жених: осенью расписывается.

– Вы с ним ладите?

– Ладим: деремся. На него иногда находит: начинает заниматься моим воспитанием. Да я всегда дралась с мальчишками.

– И со мной станете?

– Получайте! – она хлопнула его по спине ладошкой. – И бежим вот на ту карусель.

Это была детская карусель с лошадками, слонами и страусами и крутилась – полупустая, потому что дети давно ушли из парка. Аратову снова вспомнился цирк, он даже представил себя в балагане, где размалёванные клоуны говорят глупости, ставят друг другу подножки и поливаются водой; один из них, вбежав в ряды

для публики, уселся на колени какой-то женщине – Тане! – и она смущённо хохотала, поглядывая на Аратова и покраснев. Аратову хотелось увидеть, как она смущается при нём, словно это могло бы означать новую степень их сближения. Нет, не так уж просты были нехитрые развлечения парка.

– На ком поедем? На жирафе?

– На слоне, конечно.

– На слоне!

Можно было б и не включать карусель – что было её неторопливое вращение по сравнению с привычными виражами велосипедов и автомашин, – но Аратов так вошёл в свою детскую роль, что движение и впрямь захватило его. Сидя на спине слона, не зазорно было крикнуть что-нибудь ребяческое (Таня так и сделала), и на свете не было места веселее необитаемой, затерянной в темноте карусели, и в отчаянном и наивном этом веселье было сознание неизбежности прощания и завтрашнего отлёта. Ему казалось даже, что им придётся проститься сию минуту, едва остановится карусель. Деревья живописно бросали отчётливые чёрные тени на толчёный кирпич дорожек, и Аратов представил вдруг, как остаётся один, в последний раз вглядываясь в едва различимые следы женских ног на красном песке, ритмичные в ритмичном повторении чёрных полос.

– Слезаем, – сказала она.

Карусель стояла.

– Вас укачало? – засмеялась Таня.

Аратов помог ей слезть со слона, постаравшись запомнить тепло её руки.

– Походим и вернёмся сюда, – словно утешая, предложила она.

– Теперь есть, куда возвращаться, – печально согласился Аратов.

– Когда вы улетаете?

– В восемь тридцать утра.

– Как вы легко говорите об этом, как вы свободны! Вот и Слава Пенин всё летает – и на работу, и в отпуск. А я привязана к даче. Мама говорит: на море поедешь или со мной, или когда выйдешь замуж. А сама не ездит.

– Год назад – помните, я, не зная о письме, добивался свидания для важного разговора? Я хотел пригласить вас в Ригу, у меня была путёвка.

– Представляю, как вы переволновались из-за моих отказов. Но меня не пустили бы. Родители считают, что мне лучше всего проводить лето на даче. У меня там и подружка рядом, Юлька – ещё с Масловки подружка. Случайно оказались дважды соседями. В городе мы с нею теперь видимся редко. А в Черёмушках я пока друзьями не обзавелась.

– Ну а в институте?

– Компания там весёлая, но по-настоящему с кем-то дружить... У них у всех запросы какие-то необыкновенные. Да я, наверно, уйду оттуда. Так что какие уж тут каникулы: снова буду зубрить.

– Да сколько ж можно? – вырвалось у него. – Или я не понял – вы что же, третий раз собираетесь заново поступать? Сколько лет будет потеряно!

– Не потеряно, а наоборот! – со смехом возразила Таня. – Учиться – легко и весело, и что же не учиться, пока можно? А пойдешь работать – всё, началась взрослая жизнь.

Такого он не понимал, не мог принять, но и это, видимо, хорошо было, если так считала Таня. Он, к тому же, не мог представить её в унылых служебных стенах; будь его воля, он и сам бы запретил ей работать.

– Прилечу – и опять придётся искать вас в дачных закоулках, караулить за углом?

– Я расскажу, как найти.

– Я постараюсь вернуться скоро, к своему дню рождения, – вдруг решил он. – Тогда, возможно, и времени не останется предупредить, и я заранее приглашаю вас. Придёте?

– Приду, – пообещала она, не раздумывая.

Он снова вспомнил о письме, на этот раз – с досадой: из-за простой бумажки пропал целый год. Не было такого костра на площади, в который можно было б кинуть этот листок, так сжечь, чтобы письма сгорели вместе с чёрными днями, протёкшими после прочтения; ещё до написания – сжечь. Вот чему стоило бы посвятить жизнь: научиться управлять часами для исправления их ошибок; для настоящего времени он изобрёл бы песочный календарь: его не перевёртывать – и дни не идут. Впрочем, сейчас он не стал бы останавливать мгновение: оно было прекрасно, но следующее обещало стать лучше: Аратов думал о дне рождения. «Только бы не застрять на полигоне, – заклинал он. – В крайнем

случае, правда, день можно и перенести, лишь бы отметить его с Таней. Да нет же, как переносить? Это же будет четверть века!»

– Как вы отмечаете – по-семейному? Будут родители? – поинтересовалась Таня.

– У меня нет родителей, живу с тёткой и с бабушкой.

– Вот почему вас так легко отпускают в командировки.

– Как же не отпустить на работу? Только легко ли? Совсем нет: бабушка боится самолётов, никогда не летала, вот и волнуется за меня. Причем боится не потому, что высоко и можно упасть, а потому, что – быстро. Она не приемлет нынешних скоростей и, наверно, рада была бы, когда б я добирался на лошадях.

– Я так люблю ездить быстро! – воскликнула Таня. – На мотоцикле, на моторке. Знаете, у братца теперь катер, американский мотор в двадцать сил. Приедете, он вас покатает.

– Я просто уверен, что он только и мечтает об этом, всю жизнь мечтал.

– Ничего, вы только приезжайте, приезжайте.

– Поздно что-либо менять, но я не улетаю бы.

– У вас, верно, уже тепло. Позагораете.

– Там не загорают, а прячутся от солнца. Слишком злое солнце, жёсткое... Но Таня, Таня, о чём это мы с вами говорим? Лучше расскажите о себе, я хочу знать о вас всё. Я хочу знать о вас больше, чем вы сами. Это нужно мне.

Так ему легче было бы потом, без неё.

* * *

Новая трехэтажная гостиница на «пятёрке» представлялась испытателям верхом роскоши, почти преступной. После времянок Аула странно было видеть здесь душ, гостиную, столы для пинг-понга и по две кухни на каждом этаже с газовыми плитами и холодильниками. Бригаду анализа поселили на самом верху, с тем, чтобы «гаечники» с их беспокойной круглосуточной работой не будили отдыхающих людей топотом сапог над головой (говорить, что в гостиницах *живут*, не принято было, здесь *отдыхали* между сменами). К новоселью, первым после праздников самолётом, «теоретики» прилетели впятером: соседями Аратова стали Векшин, Рая Лупандина и двое новичков. В таком составе новоселье вышло довольно унылым – всем, наверно, передалось настроение хмурого в эти дни Векшина, которому совсем

не время было уезжать из дома. Никогда раньше не говоривший о семье, сегодня Федот вдруг, пока ждали вылета, поделился с Аратовым: жена его восстала против командировок. «Не пойму, замужем я или брошенная и как нужно держаться, пока тебя нет дома», – сказала она, и муж не нашёл, что ответить, потому что у неё и в самом деле не было ни мужа, ни свободы, и она питалась слухами о вольготной жизни в экспедиции, сводившимися к тому, что мужики, едва за порог – все, как один, холостые.

– Ну так послал бы Яроша. Что за необходимость всё делать самому? – отозвался Аратов и тут же задал новый вопрос, уже самому себе: как же другие живут, те, кто тоже уходят из дому на многие месяцы – неужто жёны не ждут их, моряков, зимовщиков, геологов? Он и прежде думал об этом, и всякий раз отвечал по-новому – поверхностно, под стать вопросу; сегодня же он вообще не знал нужды отвечать, оттого что был наконец-то спокоен: впервые стало так, что любимая девушка ждала его, и сознания этого довольно было для счастья.

– Всё будет хорошо, – сказал Аратов за столом, когда иссякли темы новоселья и приезда, и никто не понял, о чём он; разговор и без того не вязался.

– После того, как необратимые процессы дойдут до конца, – пробормотал Векшин.

– Сходим, может быть, на танцы? – предложил один из новичков.

– Куда? Какие танцы? – воскликнул Аратов; он ещё жил аскетическими представлениями «Секс-Аула», удивительным образом обходившегося без женщин.

Но молодой коллега уже успел обследовать окрестности.

Они пошли втроём: новички и Аратов.

Гостиница стояла крайней в последнем ряду зданий, и в две стороны от неё были степь и ночь. Компания и двинулась туда, в темноту, мимо брошенной почему-то строительством громады офицерского клуба. То и дело кто-нибудь натыкался на высаженные в беспорядке тонкие прутья, знаменующие будущий парк. Вскоре, однако, определилось направление: они услышали музыку и прибавили шагу, и тут Аратов, немного опередивший других, вскрикнул от боли, налетев на колючую проволоку на границе посадок. Незнамо на кого разозлившись, он хотел тут же повернуть назад, потому что ему-то, кого ждала Таня, вовсе ни к чему были танцы, да ещё с такими приключениями, но попугачики не отпустили его.

На дощатом пятакке, окружённом высокой стальной сеткой, танцевали, в основном, девушки; молодые люди курили в сторонке.

Аратов с недоумением воззрился на необычное для полигона зрелище. «Когда они успели приехать и обжиться?» – недоумеая он. Его товарищи торопились выбрать и разбить какую-нибудь девичью пару, но всё не могли высмотреть подходящую. Аратов указал на трёх девушек, сидящих на скамейке, но ему осторожно возразили:

– Больно уж средняя страшна.

У Аратова сорвалось с языка:

– Я приглашу её.

Для него теперь все женщины, кроме одной, были на одно лицо, и он даже не попытался разглядеть, не посмотрел издали на свою партнёршу, которая, впрочем, вовсе не была уродлива: её портило только огромное, в треть щеки, родимое пятно.

Ему странно было наблюдать изменения в себе. Совсем недавно, прочитав в случайной книге, что каждая новая встреча с женщиной дарит прозрение и открытие неизведанного мира, он порадовался тому, как хорошо автор додумал его собственные мысли; напечатанные, они становились бесспорными, и отсюда следовало, что числу таких встреч не должно быть предела. Но теперь Аратов пребывал как раз в той поре, когда новый мир только что открыт и кажется ярче и богаче остальных, ещё доступных путешествию, а его познание представляется делом жизни не только его одного, Аратова, но и нескольких последующих поколений, вдохновлённых всего лишь легендой о девочке с собакой.

Танцевать молча было неловко, но не хотелось и не о чем было болтать с неинтересной ему девушкой, и если он наконец проговорил что-то, то больше – для себя:

– Странно: девушки на полигоне. Я уже спрашиваю себя, туда ли попал. Только что они тут были наперечёт: три-четыре официантки да наши техники. И вдруг – работает танцплощадка! Откуда вы все тут взялись?

– Откуда и другие берутся, – с готовностью ответила девушка. – Я вербованная.

– Как это – через военкомат? – не понял он.

– Что вы! Не знаете, как вербуют на стройки? Мне сказали: новый город, не так далеко, но платят коэффициент. Я и подписала договор.

- На какие же работы? Тут на всё солдатиков хватит.
- У меня работа известная: медсестра.
- Приду к вам лечиться, – сказал он без выражения.
- Приходите, да только в госпиталь, а то всё больше в общежитие норовят.

- Честно говоря, интересно было бы посмотреть, как тут живут.

Рассказ Прохорова был свеж в памяти, и Аратову казалось, что теперь он заглянет, как в знакомое, в любое общежитие.

- Ну, мы-то ещё не устроились как следует.

- Не жалеете, что приехали? Так, вдруг, из родного дома...

- Дома работы нет, а жить – люди везде живут.

- Вот этого-то и не понять: почему же – везде, даже если нет нужды? Я думал об этом. Ну, уехать в глушь ради высокой идеи – понятно. По приказу, по приговору, на заработки – понятно. За любимым человеком – тем более. Но вот здешний станционный посёлок, которому отроду несколько лет – что, спрашивается, погнало сюда переселенцев? О местных речи нет, но зачем приехали русские – сюда, а не на такую же станцию у себя в России, у леса, у речки? Если уж всё равно снимаешься с места, почему же не выбрать лучшее, к чему лежит или привыкла душа? Не к этой же неправославной пустыне – лежит?

- Разве тут верующие есть?

- Может, и есть, – безучастно отозвался он, снова потеряв интерес к разговору, но потом всё же добавил: – Я не о том, а об укладе жизни. Русскому-то человеку хорошо бы жить при огорожке, с коровкой...

- Вы-то деревенский, что ль?

- Горожанин. Коренной москвич.

- Из самой Москвы? Интересно. Не встречала москвичей. Только вот вы говорите: станция. А я там была: обычный городок.

Какие городки было называть ему обычными – не тот ли, в который приходилось ежедневно ездить на работу и который при взгляде из этой далёкой земли сливался с Москвою? Эта-то неразличимость издали как раз и мешала ему быть обычным, служа скверную службу, оттого что и потом, вблизи, легко было поддаться обману. Аратов, поначалу сталкиваясь в нём лишь с людьми, занятыми одним с ним делом, чувствовал себя в привычной среде, но со временем, знакомясь с торговым, служащим в мелких конторах и мастерских, а то и вовсе праздным людом,

почувствовал сгущённую во многих местах атмосферу не города и не деревни, а заносчивого предместья, соединившего в себе недостатки того и другой. Близость к столице позволяла жителям при встрече с иногородними называться москвичами, однако для самих москвичей они оставались провинциалами, и это задевало самолюбие. Их характеры сложились в обстановке полугорода, привязанного к своим огородам и завалинкам; любое передвижение от собственных ворот считалось событием. Там встречалось немало людей, для которых вся культурная жизнь сосредоточивалась за стенами заводского клуба, и которые в Москве знали только свой вокзал, «Детский мир» и ГУМ. Однажды Игорь принял было за неуклюжую шутку бормотание Лободы, затруднившегося назвать адрес мотоциклетного магазина: «знаешь, улочка, параллельная улице Горького?» – невозможно было представить, чтобы кто-то здесь мог не знать Пушкинскую улицу, равно как, скажем, улицу Герцена или Кузнецкий мост, тем более, что и обратный пример был перед глазами: знала же Москву Фаина, и подавно деревенская жительница. Равнодушие полугорода к лежащему в получасе езды центру культуры с его музеями, театрами, памятниками архитектуры, да и просто с особым духом – не укладывалось в голове, тем более, что теперь Аратов на своём опыте убедился, как это интересно и просто – узнать другой город настолько хотя бы, чтоб не путаться в карте. Его по-настоящему огорчало, что обитатели городка знают Москву хуже, чем он – Ригу, возле которой провёл лишь месяц, но которую мог показать Тане не хуже иного экскурсовода.

Он и Прохоров и впрямь досконально изучили Ригу – центральную её часть – вплоть до дворов, в которые обыкновенно не заглядывали приезжие и на которые они сами стали обращать внимание только после встречи с местным фотографом, принятым ими поначалу за обычного городского чудака.

Не слишком увлекаясь, Аратов всё же в этой поездке довольно много снимал, послушный Прохорову, внушавшему, что человек с фотокамерой, если уж не с этюдником, видит окрест больше, чем простые прохожие, не имеющие цели – оттого что, пусть и отвлекаясь на пустыки, постоянно ищет, на что можно посмотреть, что – запечатлеть в кадре. Андрей уговаривал друга даже и в скверную погоду брать с собой аппарат, чтобы прицелиться, примериться хотя бы, а для съёмки прийти в другой раз, и они

так и ходили по Риге: один – с блокнотом, второй – с «Киевом». Заодно Прохоров учил Аратова азам композиции, и за этим именно занятием, когда они не снимали и не рисовали, а, стоя в переулке близ Дамского собора, обсуждали возможный кадр, и застал их пожилой полный незнакомец.

– Вы ведь фотографируете здесь? – потоптавшись подле, задал он нелепый вопрос, на который и отвечать казалось неловко, и можно было лишь пожать плечами, но Прохоров всё же объяснил пространно и приветливо:

– Пока только ищем, готовимся. Нельзя же просто щёлкать направо и налево. А этот пейзаж хорош будет ранним утром, при низком свете слева.

– Вы фотограф! Именно так: низкий слева! – вскричал толстяк.
– Вы тут уже что-нибудь снимали?

– Уже не первый день ходим по Старому городу.

– Простите моё вмешательство, но я и сам фотограф, профессионал. Я, может быть, плохо умею по-русски, но давайте встретимся завтра, и я покажу замечательные кадры, потому что вы не знаете города. Да, да, не делайте обиженные лица. Вы тут обошли всё, но вы не знаете города. Можете поверить, только я знаю Ригу. Я – как это сказать? – закоренастый рижанец. Вы улыбаетесь – я где-то ошибся?

Аратов поспешил его успокоить.

Мимо прошла группа иностранцев, увешанных фотоаппаратами, и толстяк замолчал, ревниво следя за тем, как и что они снимают, и явно борясь с желанием вмешаться.

– Я родился в Риге, – наконец продолжил он. – Мой дед родился в Риге. Трудность в том, что я немец, не латыш. Я – Шульц, и меня знают все. Но не в этом дело. Пойдёмте, я вам сделаю один кадр. Сейчас вы не снимете, но вернётесь потом, утром. Пойдёмте.

Шульц повел их прочь с площади. Порядочно отойдя, он вдруг свернул в подъезд и, оставив в стороне лестницу, засеменял по тёмному коридору. скрипучая дверь в дальнем конце открылась в тесный и по-музейному чистый двор, на выходе из которого торцом к вошедшим стоял двухэтажный домик шириной всего в одно окошко и с односкатной крышей – казалось, будто обычный дом зачем-то распилили вдоль. От этого домика к другому было переброшено через проход нечто среднее между аркой и перекладиной, крытой черепицей, а вдали, за чугунной решёткой

ворот, над этой арочкой и над дальними крышами поднимался зелёный от старости медный шпиль собора.

– Как ты прав, – сказал Аратов другу, – я всё вижу другими глазами. Без аппарата я, не догадавшись совместить распиленный дом с церковью, а рассматривал бы их по очереди.

– Без аппарата ты не попал бы в этот двор.

– Интересно, архитектор предвидел именно такую картинку?

– Хозяин дома, прилепивший между домами эту перемычку – бесспорно. Только всё же не в прямоугольной рамке. А вот архитектор... Ты представляешь себе, как застраивались города в средневековье?

– Перекладине всего-то лет сто.

Прохоров шумно вздохнул:

– Прости. Увлёкся.

* * *

Нужно было ехать на старт, но все машины были в разгоне, на дальних площадках. Он ещё надеялся на Лободу, но тот, как назло, остался ночевать на техпозиции. Дозвониться к нему было невозможно, и, просидев у телефона больше двух часов, Аратов решил поехать на попутных; это проще было делать в одиночку, и он не стал брать с собой никого из новеньких, хотя им, как заведено было, следовало показать пуск.

Трудности с транспортом были велики, но привычны. Гражданские организации держали всего по одной, по две легковые машины – ничто при здешних расстояниях, – а военные, оснащённые лучше, берегли свою технику, и чаще приходилось не подсаживаться к ним, а наоборот, подвозить. Попутки были обычным средством передвижения, и на КПП всегда маялись желающие уехать. Какой уж тут синий троллейбус, думал Аратов, куда ему тягаться с «газиками», тягачами или с цистернами для питьевой воды, поднимавшими на борт людей в степи, за много десятков километров от жилья.

В этот день Аратову повезло: первый же грузовик, остановившийся у шлагбаума, довёз его до места.

Лободу он увидел, едва войдя в цех: тот отходил от пустой транспортировочной тележки, возле которой хлопотали рабочие.

– Что ты здесь делаешь? – удивлённо посмотрел он на Аратова.

– Не дозвонился – хотел, чтобы вы захватили меня на старт.

- На старт! Хорошо, если к вечеру вывезем: сломалась телега.
- Не изделие, всё ж, – проворчал Аратов, поражаясь: как же так, работали ночами, истрепали нервы из-за неверно распаянного разъёма, не зная, что отвечать Москве, требовавшей пуска до начала какого-то важного совещания – и в итоге всё срывалось из-за поломки автоприцепа.

- Положим, в твоём изделии тоже всего заранее не проверишь.

- Почему ж? Авария, если она будет, всегда заложена в изделии заранее. Мы получаем то, что вы недокрутили.

- Мы не только гайки крутим.

- И я о том же. Но вы дорабатываете один блок, а отказ заложен в другом.

- Чёрт бы побрал эту тележку, – вздохнул Лобода, распечатывая пачку «Беломора».

- Разве нет другой?

- Вторая придёт завтра. Думаю, и эту скоро сделаем, да график всё равно сорван. Стартовикам опять придётся работать ночью.

- Видно, и правда, ни в чем нет мелочей. Она ведь не сию минуту сломалась.

Глянув исподлобья, Лобода промолчал было, но потом, когда уже не к слову, заметил:

- Что-то у тебя, Игорь, тон боек не по случаю.

- По случаю или нет, а одернуть надо? – с усмешкой отозвался Аратов, расстроенный тем, что зря приехал на техничку и попусту теряет время: вернуться теперь можно было бы лишь после смены, с Лободой или на служебном автобусе.

Пуск состоялся только через сутки, в середине дня, и было уже поздно, когда Аратов вернулся в гостиницу. Там собирались в кино, на последний сеанс. Фильм давно прошел в Москве, но на полигоне не пренебрегали никакими развлечениями, и сейчас отправились в клуб все до единого. Аратов, хотя и не смотрел ещё картину, но наслышан был и заранее настроен, и теперь его не затащить было на просмотр. Он обрадовался, узнав, что намерен остаться и прилетевший накануне Ярош.

- Сварим кофейку, поболтаем, – предложил Игорь. – Женщины ушли, но думаю, мы сами разыщем где-нибудь чайник или кастрюльку.

- Осудят нас с тобой, старый, за отрыв от коллектива, – вздохнул Виктор. – Кстати, у меня и стаканчик коньячку остался от прописки.

– Небывалый случай. Что-нибудь случилось? Или с новыми коллегами не ладишь? Говорил, не уходи от нас.

– В данном случае, наверно, тепловой удар. Как тебе такая версия?

– Правдоподобна. И ты правильно сделал, что не пошёл в кино, в духоту. Днем тридцать девять градусов было.

– Мы с тобой проходили и не такое. А сейчас всего двадцать восемь – благодать. Твой новичок на нервной почве даже надел пиджак.

Кофейник нашёлся солидный, литра на полтора, и они сварили его полный, чтобы хватило на весь вечер. Ярош жил пока один в номере, и никто не помешал бы друзьям проговорить допоздна. Раздевшись до пояса, как теперь, в жару, все ходили в гостинице, они устроились за столом у открытого настежь окна. Аратову со своего места видна была в просвете между домами дорога, уходящая за ровный степной горизонт – к Аулу и дальше, на площадки.

– Достать бинокль посильнее, – проговорил он, разливая кофе в стаканы, – и смотри себе чужие пуски. Сегодня, кстати, у соседей большая работа: пускают какой-то межпланетный аппарат. Я и время знаю точно, потому что никак не добиться было разрешения на наш пуск. Может, увидим что-нибудь отсюда?

– У соседей! – хихикнул Ярош. – Тебя послушать, так до них прямо рукой подать. А я туда весной на «Антоне» летал – бородой оброс, пока добрался.

– Воины говорят, что увидеть можно: траектория проходит почти над нами. Виден же был в Москве первый спутник – помнишь, выходили на улицу смотреть? Вовсе ведь горошина была, а тут и сам аппарат побольше, и двигатели работают.

– Да ещё, глядишь, по случаю космического старта пожалует летающее блюдце. Они интересуются такими вещами.

– Это логично было бы: мы – мощный источник излучения, и им легко навестись, – согласился Аратов; в этом спорном вопросе они с Виктором не знали разногласий.

– Они, старый, летают к нам тыщи лет. Интересно, на что они наводились до рождества Христова? Садились на костры, как «кукурузники» к партизанам?

– Да, блюдца стары, как мир. Гончарное производство – древнейшее из древних.

– Мы всё же говорим – о летающих, – не поддержал шутки Виктор. – Впрочем, стары и те, и другие, а значит, и наши изделия.

– Ещё старше, – серьёзно сказал Аратов, – и в принципе можно посоветовать Б.Д. набрать вместо нас историков и археологов. Чем бросать ракеты за забор, лучше раскопать древний отчёт по испытаниям. Но, увы, это чушь собачья, научная фантастика.

– Вот ещё нашёл бранное слово, – возмутился Ярош. – Сам фантастику не читает, а поносит на каждом шагу.

– Читал немного – и хватит с меня. Вечно там путают божий дар с яичницей. Как в определителе растений: на одной странице липа, а на другой – развесистая клюква.

– Какая ещё клюква, старый?

– Да такая, что фантасты пишут о технике без понятия, не зная даже элементарной терминологии. Свою-то они придумали удачно: ноль-транспортировка, бластеры – так складно звучит, что и в язык вошло, и в книгах сноски не делают, но зато в отношении сегодняшней техники – жалкое зрелище. Вот ты, ракетчик, хотя бы раз на работе или даже в вузе слышал слово «дюза»? Мы знаем «сопло» и другим термином не пользовались и пользоваться не будем, а вот за «дюзой» в энциклопедию лазаем. В детскую энциклопедию. Потому что в твоей фантастике ракеты одними лишь дюзами и снабжены.

– Что ты раскипятился? – удивился Ярош. – Ну, напиши анонимку в редакцию.

– Пусть, бедные, описывают свои дюзы, – махнул рукой Аратов. – О том, что сейчас увидим за окном мы, им не приходится и мечтать. Представь: корабль полетит в космос! Вот – фантастика. Кстати, если мы не хотим ничего упустить, придётся выйти на улицу.

– Ну, картина-то, говорят – в полнеба. Так что пей себе кофей и жди.

Между тем наступали сумерки. Темнело по-южному быстро, и небо оставалось светлым лишь у горизонта, окрашиваясь там в зеленовато-лимонные тона, невозможные в средних широтах.

– Взгляни туда, – показал Аратов. – О чём ещё говорить, если мы с тобой ждём сейчас пуска в космос и пейзаж – под стать, как в твоих книжках, разве что второго, фиолетового солнца не хватает. Вот, взшло бы сейчас! И слушай сюжет: сию минуту на другой планете сидят два таких же чудака, пьют технический спирт и ждут пуска с соседнего полигона.

– И спорят, есть ли жизнь на Земле, – подхватил Ярош, – что, как мы знаем, науке глубоко безразлично.

– А есть она, жизнь на Земле? Я что-то сомневаюсь. Хорошая тема для философов.

– Что-то у нас тобою, старый, споров не получается: ты для виду шумишь, а на деле всегда согласен со мной. Спор – это когда у каждого своё на уме.

– Всё не так просто. Что-то прошла мода на дискуссии и диспуты. Знаешь, почему на них никого не зазовёшь? Да потому, что организуются они непременно по образу и подобию профсоюзных собраний. Это тебе не суд над Евгением Онегиным.

– Так устрой суд! Над кем – можно придумать, ведь, как говорят в народе, был бы человек, а статья найдётся.

– Устраивали. Над Парахиной.

– Слушай, нельзя же всё воспринимать так серьёзно, ведь ясно, что мы говорим совсем о других вещах: о диспутах, о клубах, о том, чем и как заняться на досуге. Я помню какие-то налёты, что у тебя появились гениальные идеи на этот счет.

– Появились, – с удовольствием подтвердил Аратов. – Я даже сумел пробить их, где надо, и должен был поговорить с тобой об этом ещё в Москве, да завертелся. Мы с ребятами, знаешь, клуб придумали для молодёжи. Постой, не перебивай, ты ведь сейчас скажешь, что в нашем городишке есть не клуб даже, а целый дворец культуры, да только речь идет не о базе для курсов кройки и шитья. Знаешь, что такое английский клуб? Нет. И я, к сожалению, толком не знаю. Но в моём представлении настоящий клуб – это место, куда можно прийти не на мероприятие, не на сеанс в кино, а как домой, просто на огонёк. Сядешь кофейку попить, а рядом все свои, поболтаешь о том, о сём... В соседних комнатах – рояль, пинг-понг, телевизор.

– Молодёжное кафе, – определил Ярош. – Уже было.

– И пусть будет. Только у нас всё-таки не кафе: общепит будет на десятом месте.

– А потом приберёт всё к рукам.

– Ограничим его возможности кофеваркой и самоваром и не будем устанавливать план, – не отступал Аратов. – Есть ведь клубы по профессиям, где любые деловые разговоры ведутся за чашкой кофе.

– А мы выпьем спирта для протирки оптических осей и станем принимать решения о пусаках? Ну, не обижайся. Что ж, клуб так клуб, только я-то зачем был тебе нужен?

- Помочь его отделать. Представь себе, нам разрешили его открыть! Странно: то очевидные вещи пробить не можем, а то вдруг получаем «добро» на такое неоднозначное дело, как Дом молодежи. И не на словах, а, знаешь, в материи: нам отдают для этого «зелёную избу» за Петровым бором, где у нас склад спортивного инвентаря. Нам, пока никто не передумал, пока не отняли, надо поспешить оформить интерьер и вселиться. Ребята уже работают, рисуют: Аня Тягай, Фадеичев. Я хотел и тебя привлечь.

- Сравнил: Фадеичев – профессионал, Аня и подавно: Строгановское кончила. Мне с Тягай не потягаться.

- Они сами тебя назвали.

- Такое заведение нужнее здесь, на полигоне. Кафе «Родная хата».

- Здесь клуб уже есть: наше общежитие. Мы с тобой, например, и в диспуте сегодня поучаствовали, и совещание в кафе провели.

- Повару спасибо. Хорошо варишь, старый.

- Секрет давно утрачен. А впрочем, просто сыпь побольше, не жалей.

- Секретарь должен уметь всё – иначе какой пример подашь комсомольцам?

- Время вышло, – вдруг оборвал его Аратов. – Пойдём-ка на улицу. Или на крышу.

По пожарной лестнице они поднялись на плоскую крышу.

Картина запуска корабли и поразила, и разочаровала их. Буквально понимая чужие слова насчет огня в полнеба, они не нашли такого, какого ожидали – желтого, жаркого; с другой стороны, считая «полнеба» преувеличением, они увидели над собою неторопливо скользящую звездочку, за которой действительно в половину небосвода тянулся имеющий форму веретена след голубого, звёздного цвета – реактивная струя, расширившаяся в пустоте и подсвеченная не то солнцем, не то луной, не то всеми прочими светилами.

В какой-то момент веретено застыло на своём месте, а перед ним стало расти новое, меньшее: это разделились ступени. Третье веретено было потом уже совсем крохотным.

- Ну, а что два чудака на другой планете? – спросил Виктор, когда небо погасло.

- Они пошли спать, – ответил Аратов, которому после увиденного скучны стали посторонние темы; он не знал, что из-за выпитого кофе оба не заснут до утра.

Кошунственно было бы делить с актёрами то время, что он мог провести наедине с Таней, и смотреть не на неё, а на экран или на сцену, и Аратов голову сломал, изобретая способы обойтись, хотя бы в эти, первые дни без приглашений на зрелища; Таня и сама, кажется, не горела желанием. Проще и приятнее всего было бы посидеть где-нибудь за столиком, поговорить не торопясь, поглядеть в жёлтые Танины глаза – и на этом словно замыкался круг дозволенных им двоим занятий; он опасался только, как бы Таня не подумала, что этим ограничивается круг его интересов.

Выбор места не составил труда – ресторан «Варшава», коли они и раньше назначали встречи тут же, у метро. Для Аратова ещё и то имело значение, что рядом находился парк с той самой каруселью. Ему уже приходили в голову мысли о какой-то, им и для него открытой стране, где всё связано с Таней; начало жизни в той стране потребовало бы выхода, разрешения, и он спрашивал себя, почему же не пишет стихов: если, как уверяют, всего лишь несколько человек из каждой сотни минуют в развитии такую стадию, то странно и обидно было б оказаться в числе неспособного меньшинства. Он думал, что потому, быть может, не начал сейчас сочинять мадригалы, что хотел замкнуть в одном себе заново рождённый мир – стал собственником.

Они пришли в десятом часу и увидели табличку: «Мест нет».

На лице Аратова отразилось такое отчаяние, что швейцар сам предложил им попробовать пройти в бар. И в самом деле, в части зала, отгороженной странной сквозной стенкой из фаянсовых, причудливой формы глыб (Аратов осторожно определил – из умывальников), у стойки пустовали табуретки. Аратов помог Тане взобраться на крайнюю. Для неё это было приключением – сидеть, словно на жёрдочке, и пить через соломку, как никогда не пила; и то, и другое выглядело детской забавой.

– Жаль, нет музыки, – посетовала Таня.

– Пошла мода на какие-то усечённые рестораны, – отозвался Аратов. – Один – без оркестра, другой – без танцев, хотя и с музыкой, третий – без вина, как «Молодёжное кафе».

– Вы были в «Молодёжном»? Я столько слышала, да ведь – не попасть.

– Был однажды, на выступлении какого-то неизвестного поэта. Бедняга, по-моему, чувствовал себя неудобно: говорил сам

с собою, а люди за столиками занимались кто едой, а кто – собственной беседой. Похоже, что один я только и слушал.

– И я бы слушала. Как интересно было бы там побывать! Друзей у меня много, а толку от них – чуть. Сама, наверно, виновата, я эгоистка, учтите на будущее. Не верите? Конечно, кто скажет такое о себе, но видели бы вы, какую характеристику дали мне в школе: эгоистка, ставит себя над коллективом.

– Вы? Ну кто же пишет такие вещи детям? – воскликнул Аратов, вспоминая, как и сам однажды написал нечто подобное. – Как же они не узнали вас за десять лет?

– Именно узнали, – смеясь, ответила она. – Но как искренне вы возмущаетесь, а сами не знаете меня, Ну, сколько там мы с вами знакомы...

– В этом месяце два года будет.

– Так много? Я думала, мы недавно встретились – ну, в прошлом году.

– Да ведь правильно, недавно. Наши свидания можно перечесть по пальцам. Вот столько всего и прошло дней. И всё-таки в этом месяце – юбилей.

– Хотите отпраздновать?

– Очень хочу. А потом, давайте, – он поторопился закрепить достигнутое, – давайте отмечать каждую годовщину. В этом году – потому что ещё никогда не праздновали, в будущем – потому что дата будет если и не круглая, то и не простая же, а острая, что ли. Ну, а через год – уже по традиции.

– А через двадцать три года – «серебряное» знакомство.

У него перехватило дыхание. «Тогда, может быть, через двадцать пять – серебряную свадьбу?» – едва не сказал он; позже, придя уже домой, он подумал, что как раз и нужно было сказать.

– Договорились, – едва сумел произнести он.

– Помните, вы звали меня на день рождения? Я приду, даже если вы передумали.

– Я не передумать могу, – воскликнул он, – а только, наоборот, выдумать лишний день рождения в году. Из-за того, что вы обещали прийти, я лбом стену пробил, чтобы вылететь в Москву. Ещё не было такого, чтобы оттуда отпускали так скоро, но начальство оказалось на высоте, поняло, что если человек просит, значит, это очень нужно.

– К слову, я давно хотела спросить: вам работа ваша – по душе? Ради чего столько лишений – вечные эти поездки и, главное, секретность, всегда настороже...

– Не в поездках дело. Хотя, конечно, вы правы, иногда задумываешься: во имя чего? Мол, другие живут по-человечески, а у нас и жизнь – не сахар, и льгот никаких. Но вот само дело – по душе. Хорошее дело, мужское.

– Расскажите о нём: надо же мне узнавать вас.

«Ей – надо!» – возликовал Аратов.

– Расскажу, только этим путём меня не узнать: вряд ли работа успела оставить след – за такой-то срок. Это у людей свободных профессий такой след в душе проложен ещё до начала самой работы, для которой они и рождаются. У них какова работа, таков и человек. У меня друг художник, так что я немного представляю себе всё это.

– Интересная, должно быть, у вас жизнь. Такое общество: лётчики, художники...

– Хотите, сходим к этому другу? У него скоро свадьба, вот и пойдём. Да что я – можно хоть завтра, да хоть сейчас.

– Никогда не была у художников, и если пойдём, вы поможете мне? Скажете, как нужно там себя вести? Ведь что-то надо говорить о картинах, а я не понимаю в этом.

«Если бы она всегда нуждалась в помощи! – Аратов впервые получил возможность заботиться, защищать, служить. – Если бы не стала сильной!»

– Я и всегда, во всём буду помогать вам, – заверил он.

– Что может случиться с нами?

– Знать бы, что будет завтра... Так бы хотелось, чтобы мы не разлучались ни на день, ни на час, а то ведь так вдруг случится, что, простившись однажды до утра, мы встретимся только через несколько лет, оттого что у каждого своя судьба, самая непредсказуемая, которую смешно было бы стараться направить по своему.

– Думаете, у каждого заранее написано на роду?

– Да, в том смысле, что на свете связаны между собою самые отдалённые явления, и то, что случается, неизбежно, потому что подготовлено всеми событиями мира. Даже от того, что мы здесь выбрали тот, а не иной коктейль, один из нас, выйдя отсюда, скажет то, а не иное слово, а потом поступит так, а не иначе, к приме-

ру, забьёт гвоздь в стену чуть не так, как мог бы, и потянется цепочка: через несколько лет пострадает какой-то человек, не нам родственник или знакомый, а случайно подключившийся к этой цепочке – человек, судьбу которого мы определили, ткнув пальцем в меню. Он зацепится за тот самый гвоздь и, приводя себя в порядок, опоздает на свидание, и брак его расстроится. Или – оцарапается и умрёт от заражения крови.

– Зачем же так страшно? – засмеялась Таня, вылавливая соломкой черешенку из бокала. – Почему кто-то непременно должен пострадать? Пусть будет наоборот. Вдруг та, к которой он опоздал – сущая ведьма, а он теперь свободен и найдет – принцессу?

– Так давайте, закажем по бокалу другого сорта и изменим свою судьбу. Именно – свою, а то всегда кажется, что с тобой ничего не случится, только с другими. Если б не так, несчастье было б, а не жизнь.

– Мне кажется: беспечным – счастье, – весело сказала она.

– Беспечным женщинам. Потому что всегда найдётся, кому позаботиться о вас. Если б только вы, Таня, позволили – о вас.

– Ну, этого-то запретить нельзя.

– Как сегодня легко договориться с вами!

Таня молчала, тихо улыбаясь, словно знала что-то и пока не собиралась поделиться.

– На сколько лет вы старше? – вдруг спросила она.

Он посмотрел на Таню с удивлением: она знала, на сколько, не смела забыть, и ей не было нужды спрашивать.

– На пять.

Аратов будто сам спрашивал, а не отвечал ей.

– Это хорошо, правда?

– Правда, – согласился он, не веря ни этим словам, ни своему счастью.

* * *

Вспоминая спустя несколько лет эти дни, замечательные празднованием его двадцатипятилетия и свадьбой Прохорова, Игорь иной раз затруднялся различить эти два события, хотя память хранила самые мелкие подробности; в самом деле, в них было то общее, что не просто мешало, но почти и права не давало различать: присутствие Тани. Благодаря последнему счастливому обстоятельству, он обнаружил, что его место в собственном доме

изменилось: войдя с Таней, едва переступив порог, вдруг понял, что слова «я» и «мы» уже сейчас стали означать совсем не то, что прежде. Те, из другой семьи, Игожевы из своего далека, откуда так хорошо и подробно, и широко было всё видно, рассматривали и оценивали – не Таню, а их обоих, словно и в нём теперь открылось новое. Он, правда, предвидел и как мог оттянул этот момент: нарочно договорился с Прохоровым и Светланой встретиться на улице и прийти вместе. В прихожей, как он и рассчитывал, возникла суматоха, так что Игожевым было трудно разобраться, кто из девушек есть кто – возможно, даже имена сразу не отложились в памяти; с другой стороны, он хотел, чтобы, оценив и сравнив, они обязательно выделили Таню. Из-за того, что Аратов предполагал превосходство Тани неоспоримым, он великодушен был, и сам сравнивая (впервые видел их рядом), отмечал про себя достоинства Светланы, прощая их ей: и теплоту голоса, и огромные синие глаза, и женственность её простого лица, и такие же густые и мягкие, как у Тани, словно выкроенные из дорогого меха, брови. Игожевы на обеих смотрели с одинаковым одобрением и с любопытством, но в комнате, когда Прохоров заговорил о своей близкой женитьбе, путаница больше не могла продолжаться, и Аратов увидел, что его выбор одобрен.

Его нынешняя неловкость среди своих была объяснима, но он удивился, заметив, что и Лилия Владимировна несколько потерялась.

– Наконец-то в нашем доме девушки, – произнесла она ненатуральным, как на сцене, голосом. – И какие хорошенькие обе!

«Наконец-то? Неужели она забыла о Наташе? – огорчился Аратов. – Что с того, что та приходила только с Андреем? Казалось, Игожевы благоволили к ней». Тут же ему пришло в голову, что на близкой свадьбе Прохорова они – он и Таня! – встретятся с Наташей, и что он не готов к этому.

– Последние годы Игорь не праздновал рождения, – словно извиняясь, необычно тихо сообщила Варвара Андреевна. – Сами понимаете: сессии. Мы, конечно, отмечали семьёй, да только и нам хочется шума, неразбериха...

– Через несколько дней, – сказал Прохоров, беря за руку Светлану, – скоро-скоро, я вам обещаю такую неразбериху! Отведёте душу. Стоит жениться, чтобы развлечь гостей.

– Вот современный взгляд на брак, – притворно возмутился Аратов.

– Как вы теперь легко шутите, – потрясла головой Варвара Андреевна. – Раньше слова были дороже. За каждое нужно было отвечать. В особенности – с барышнями. Забота была – не скомпрометировать.

Она протяжно, счастливо захохотала басом.

– А скомпрометировал – женись. Но и правда, – согласился Прохоров, – все мы слишком легко и цинично шутим. Без этого нам трудно было бы. Знаете, Варвара Андреевна, откуда берётся этот наш цинизм? Думают и говорят, что его порождает развращённость, и пальцами тычут, а я утверждаю, что он идёт от застенчивости и стыдливости: мы стесняемся показать себя с лучшей стороны и защищаемся иронией. Великий инстинкт самосохранения – вот сила, которой мы подчинены.

– Это он толкнул тебя на брак? – предположил Аратов.

– О нет, напротив, я его одолел – и пропадаю.

– Послушаю, послушаю, да сбегу из Москвы в свою глубинку, – засмеялась Светлана, отчего стала видна щёлочка между её передними зубами – счастливая, как она знала, отметинка. – Там меня ждут, не дождутся.

«Послушай, послушай, – мысленно говорил Тане Аратов. – Вот как это бывает. Они оба счастливы, только я всё равно, когда придёт время, не позволю себе шуток».

– Представляете, Таня, – печально сказал он, – во что превратится их жизнь через месяц после свадьбы?

– Они разведутся.

– Танечка, – воскликнул Прохоров, – вы моя сестра по духу. И всё же я возражу вам, потому что не смогу так легко согласиться на развод, такие вещи сгоряча не делаются, это вам не женитьба. Народ говорит: женишься на время, а разводишься навсегда.

– Бабушка права, – серьёзно сказал Игорь, – лихость языка у тебя потрясающая. Ты не опасаясь, что тебя поймут превратно? Во всяком случае, люди другого поколения?

– Модная проблема отцов и детей.

– Она существует, эта проблема. Независимо от моды.

– Раз существуют отцы и дети... Но когда бы её не стало – какая скучная вышла бы идиллия! Человечество выродилось бы и вымерло. Тем более, что наличие проблемы еще не означает антагонизма. Вот, например, ещё более, чем поколения, сейчас модно противопоставлять физиков и лириков, а наш с тобой союз показывает, что и между ними нет противоречий.

– Есть и другой пример, – подхватил Аратов, указывая на лежащий на письменном столе череп, который тетка накануне безуспешно старалась загородить стопкой книг. – Вот он – к какому поколению принадлежит? Отцов, конечно. А мы прекрасно ладим.

– Ребята, вы уморите девочек, – перебила Лилия Владимировна. – Развлеки их, Игорь, включи, наконец, свою музыку.

– Конец света! – воскликнул Аратов. – Тётя жаждет рок-н-ролла! Неужели начинается новая жизнь?

– Мы обе очень быстро привыкли к твоему джазу, – сделала удивлённое лицо, призналась Варвара Андреевна. – Теперь нам как-то пусто становится жить в тишине, когда Игорь сидит в своих диких командировках. Эти его разъезды! Живёт там один, как бездомный, ходит в каком-то рванье – представьте, нарочно берёт с собой только старые вещи. Дескать, так принято.

– Особый шик, – объяснил Прохоров. – Пусть сразу видят: столичная штучка. Мол, было бы где наряжаться. Местные себе такого не позволяют, держу пари.

– Насчёт местных – верно, – согласился Аратов. – Нельзя же ходить в лохмотьях всю жизнь. А мы, приезжие, мы-то знаем, что надо потерпеть – и по возвращении найдётся, где себя показать. Впрочем, все эти рассуждения вторичны, это лишь нынешние, задним числом, доводы, а в действительности в начале традиции лежали, безусловно, самые практические соображения. Просто при недавнем нашем барачном житье-бытье, когда ни почиститься, ни постирать, ни самим помыться негде, да ещё и в попутном грузовике вдруг сядешь на какую-нибудь мазутную бочку – какие уж тут приличные костюмы! Зато как остро чувствуешь перемену, приехав домой: повязал галстук – и уже праздник!

– Кстати, не начать ли праздник? Мы, по-моему, забыли, зачем собрались здесь. Пусть юбиляр выступит перед народом, отчитается, на что потратил четверть столетия.

– С речью лучше погодить, – замылся Аратов, не зная, что ему сказать при Тане, оттого что лишь один итог считал заслуживающим внимания. – К юбилею я пришёл налегке.

– А чего бы ты хотел большего? – возразил Андрей. – На лауреатскую медаль рассчитывать рановато.

– На лауреатскую! Это ведь даже не вопрос таланта или удачи: эпоха гениальных одиночек прошла, настало время служебных

лестниц. Для медали надо сначала занять нужную ступеньку, а они таковы: ещё год мне работать инженером, потом три года – старшим, потом долгая остановка в должности ведущего. Это – в лучшем случае. Пусть когда-то Яковлев и Туполев в одиночку, своими руками собирали свои первые самолёты, а за ними – вторые и третьи, да так и пошло, но нет сегодня открытия, сделав которое, я тотчас стал бы главным конструктором. Это особенно заметно при сравнении с тобой, Андрей: ты можешь обессмертить себя в любой момент, единственной картиной.

– Всякий раз я думаю, что это будет следующая.

– А я – что была предыдущая.

– Ты, я знаю, назовёшь «Снятие с креста».

– Сам же говорил, что она и называется не так, и сюжет, соответственно...

– С какого креста? – спросила Таня.

– В двух словах не объяснить... – замялся Прохоров.

– Но вы покажете? Я увижу?

– Это два совершенно разных вопроса. Впрочем, показать – хоть сейчас. Хотите? Возьмём такси и обернёмся за полчаса.

Аратов всполошился, увидев, что Тане понравилась идея:

– Вы что, серьёзно? Вы же ко мне в гости пришли!

– Поезжайте, Игорёк, – сказала Варвара Андреевна. – Мы за это время как раз накроем стол. А Танечке интересно будет.

Заметив всё – и «Танечку», и заботу о том, чтобы именно ей было интересно, и то, что при этих словах Лилия Владимировна одобрительно закивала, – Аратов почувствовал, что напряжение оставляет его. Теперь он словно ещё более уверился в своей любви к Тане.

– Едем, едем! – радостно повторяла Таня, и Аратов обиженно подумал: «Куда она спешит, разве ей худо здесь?»

Вместе с тем он не мог не оценить выдумку: маленькое приключение непременно должно было сблизить Таню со Светланой и с Андреем (но и с ним самим тоже: пришлось признаться себе, что между ними всё ещё словно бы сохранялось расстояние вытянутой руки). Ещё он надеялся, что в такой игре – а это была не меньше, чем игра – им всем удастся быстро перейти на «ты» (у него самого этого не получалось, Таня отказывалась – потому лишь, что он был старше); и хотя нынешнее церемонное обращение ему даже нравилось, сегодня он опасался, что домашние, заметив это, подумают, будто он пригласил – малознакомую.

В таких домах, как у Андрея, Таня не бывала раньше (в мастерских – нет, конечно, да Андрей и сам не считал это мастерскою, а именно в таких старых домах, с голландским ещё отоплением – не бывала), и хорошо было наблюдать за нею и ею руководить. Аратов хотел бы, чтобы Таня обращала внимание на то же, что нравилось ему, одновременно и сам попытавшись смотреть вместе с нею, как бы заново, её глазами – на неожиданный среди громадных столичных зданий в стиле «модерн» маленький старый домишко с сапожной мастерской внизу, на неасфальтированный дворик с лавочкой у ворот, в глубине которого были дверь и лестница наверх, и вход с неё прямо в кухню, а дальше – сумрачный коридор коммунальной квартиры, готовящий гостя незнамо к чему, и после него, вдруг – неожиданные свет и порядок в комнате: чистые окна, полные солнечной зеленью бульвара, изразцовая печь и множество картин и деревянных поделок.

– Настоящая Москва, – с заметным удовольствием произнёс Прохоров, – московский дух, не то, что в ваших коробках с лифтами и паровым отоплением.

– И свечи! – заметила Таня. – Как жаль, что светло.

– Холсты копятся.

– Показывай главное, – поторопил Аратов. – Из-за чего мы приехали.

На сильно вытянутом в ширину холсте были изображены в сине-зелёных тонах три женские фигуры – тонкие, скорбные. Руки, поднятые над головами плавным, как в восточном танце, движением, несли мужское тело в рубище; несправедливость смерти не требовалось объяснять. Прохоров, когда впервые показывал работу Аратову, просто молча повернул картину лицом, и только когда Аратов принялся гадать о сюжете, остановил его жестом:

– Отец.

– Тут Восток какой-то.

– Вот уж не думал. И гамма – не та. Впрочем, погиб-то он в Армении. А мне казалось ты увидишь снятие с креста. Нет, я и сам не видел подобия, пока не закончил, иначе обидно было бы: плагиат.

Аратов не настаивал: у него, не читавшего Евангелия, были свои представления и свои связи между ними, и самое большее, что могло ему вспомниться сейчас, были повторяющиеся сюжеты старинных картин – из альбомов, собранных Андреем.

Каким был тот, на полотнах классиков, Аратов не помнил, да его и не трогала суть предания, но тут ему было ясно: уносили воина. Услышав от автора: «Отец», – он подумал, что и его отец погиб так же, но, сколько ни смотрел, не нашёл в полотне близкого себе, не узнал отражения своих мыслей – не умел или не смел увидеть.

Таня, заранее предупредила:

– Только уговор: посмотрю – и не скажу ни слова. Я для вас – неграмотная, ещё станете смеяться.

Он не признался, что и сам неграмотен, а лишь укорил себя, что считает её чуть ли не ребёнком. Ему, во всяком случае, ясно было, что искусство Прохорова, руководившегося в своих занятиях более умом, нежели сердцем, не сможет тронуть Таню.

Эта картина была писана в дни, когда Андрей никак не мог решить со Светланой и болен был от недоверия к ней и к себе. На готовом холсте не осталось следов его смятения – отразилось многое, но не его нерешительность; боль тут имела точный адрес, названный вслух разумом, а не душою, и точка её приложения горела тоже не в сердце, а в мозгу рискнувшего взглянуть на полотно.

Аратов увидел, что Тане не стало больно, и что Прохоров тоже видит это, понимая её. Веря, что обаяние Тани столь велико, что и всеильно, Аратов не счёл бы странным, когда бы все на свете любили её и оттого в чём угодно соглашались с нею, и то, что сейчас Прохорова не обидело равнодушие к его боли, служило тому подтверждением.

На дне рождения Таня была не так уж разговорчива, а только внимала чужим шуткам, только блистала юным весельем, только присутствовала, наивно позволяя любоваться собою, но и этого оказалось довольно, чтобы Светлана, уходя домой, не удержалась и в прихожей выпалила – для того будто бы, чтоб одобрить выбор и ободрить Игоря, а на самом деле потому, что нельзя было удерживать это в себе – сказала, когда Тани не было рядом, а остальные слышали и улыбались:

– Танечка – прелесть, понравилась всем!

Прохоров, тоже улучив момент, сказал сердечно:

– Смотри, брат, не потеряй.

Аратов сбивчиво ответил:

– Ну, как же мне теперь... Нет, мне просто нельзя будет.

– Что ж ты скрывал раньше? Вы давно знакомы?

Помедлив с ответом, Аратов глянул выжидающе и насмешливо:
– Это – Мисс Черёмушки.

Прохоров протяжно свистнул – так, что все обернулись к нему:

– У тебя, брат, терпение! И ты, к тому ж, конспиратор великий. Я рад был за тебя, просто рад, но теперь и преисполнился уважения. Молодец. Погоди, погоди, не возражай, не говори, что я всё приземлил и что самое имя любви не упоминают всуе.

Аратов и не думал говорить, опасаясь нечаянным неловким словом осквернить свои мысли о Тане; он бы только слушал и слушал о ней. Когда говорили доброе о Тане, укреплялась его вера в собственную любовь, и тогда ему и от одного человека довольно было услышать, но в этот день все сочли долгом сказать о ней, словно и собрались здесь не ради него, а ради Тани. Даже Лилия Владимировна спросила с теплотой в голосе:

– Слушай, где ты нашел это дитя?

Но где, в самом деле, где он нашел это прелестное дитя? Неужели просто ехал на велосипеде и случайно остановился, когда вдруг потянуло поговорить о собаках? Эта история теперь казалась ему фантастической, и Аратов не сомневался в ней лишь потому, что Таня была рядом, так близко, что он мог дотронуться до неё – он то и дело осторожно, будто невзначай, дотрагивался, на время заглушая тревожную мысль о том, что ничего этого могло и не быть, и что счастье свалилось на него не по праву.

Глава III

Ad infinitum

Строя планы на совместное с кем-нибудь будущее – неважно, долгое ли, – все мы делаем ошибку, забывая, что человек, перенесённый в другое время, и сам становится другим. Потом приходится удивляться странностям поведения, между тем как оно только таким и предполагалось при изменившихся со временем свойствах души и, конечно же, если срок был велик, то – и тела.

Что бы ни делала, ни говорила Таня, всё было хорошо и нравилось Аратову – он, конечно, обманывал себя, в глубине души зная, что все её и добрые, и злые черты присущи лишь настоящему времени (прошлого, как нам известно, не существовало, а в будущем фигуры предстояло расставлять заново) – тому торопливому прозрачному ручейку, в котором только и существовало для него одного придуманное нынешнее, Бог знает, насколько прочное, равновесие: сотри один из штрихов – и может рухнуть весь домик.

Между тем он позволял себе кое-чего не понимать в ней – например, её совсем не девичьих увлечений стрельбой и туризмом (в его представлении туристками становились только те безнадёжно некрасивые девы, кому без ущерба можно было, напялив бесформенные робы, на любой срок уходить от людей в леса; впрочем, советский туризм в середине века и впрямь был своеобразен). Игорь считал, что ей более пристали бы манеры привычки тургеневских барышень – на которых, правда, Таня с её ростом и спортивной фигурой вовсе не походила, – и будь его воля, никогда не позволил бы ей убивать свою красоту, облачаясь в брезентовую штормовку и грубые башмаки. Цветы и воздушные платья – вот что бесспорно шло ей, – любые цветы, и Аратов, когда бы мог, всегда бы дарил полевые, он так и делал теперь, приезжая к ней на дачу: собирал по дороге со станции. Таня радовалась и ромашкам, но то, как она однажды, в городе, поблагодарила за розы, каким голосом произнесла единственное «спасибо», это он запомнил, наверно, до конца дней. Тогда

был поздний вечер, почти ночь, и они шли по Петровским линиям. На углу старуха, неожиданная в такой час, молча протянула три чайные розы. Передавая Тане цветы, он услышал такую признательность в её голосе и столько любви увидел в быстром её взгляде, что совершенно растерялся. Теперь, если бы торговки и дальше попадались на пути, он готов был скупать и дарить подряд всё, что они предложат. Но улица была пустынна. Выступившая из темноты старуха казалась сказочным персонажем; пройдя несколько шагов, Аратов оглянулся – её не было, быть может, не было и раньше, и это насторожило, потому что и взгляд Тани тоже мог оказаться фантазией; букет, впрочем, был вполне реален. «Как же хорошо дома, – неожиданно подумал он. – Трудно представить, что точно так же мы с Таней могли бы идти по степи, ведь цветы были бы там невозможны. Что за край? В апреле – тюльпаны до горизонта, а потом и былинку не подаришь девушке. Правда, и там кто-то видит свою красоту, но, видно, где вырос, там и живи, душою с чем-то иным уже не срастёшься. И девушку не увози никуда». Это была совсем короткая пауза, когда Аратов, идя с Таней, позволил себе думать не только о ней, но то, что отвлекло сейчас, трогало его давно. Он понимал, что рано или поздно каждый задумывается над проблемой потери, обретения или сохранения дома. Своего дома он не терял, только напрасно разволновался в первой командировке, а к новому привыкал не так уж долго, хотя тот и стоял на неславянской земле, и самый воздух в его комнатах казался чужим.

Возможно, не стоило задумываться, кто и на какой земле обитал прежде, если приютивший его военный городок жил по российскому укладу, а сам Аратов, перелетая с места на место, видел вокруг себя не похожих или одинаковых, а именно одних и тех же людей, отчего теряла смысл перемена декораций. Что-то, однако, оставалось такое, мимо чего он не мог пройти, словно везде за пределами родного города витал дух чуждой культуры. Думая, что в таких случаях понятия добра и зла надобно уточнять, следя, как бы они не поменялись местами, Аратов всё же не доходил до модных в те дни поисков корней, а словно бы незаинтересованно глядел на себя и окрестности со стороны. Впрочем, окрестности и в самом деле не возбуждали интереса, и это было даже на руку, позволив в первые трудные дни справиться с тоскливым одиночеством среди одиноких; попав сюда впервые,

он сразу инстинктивно отгородился от окружающего – чуждого и временного, а когда поспешно воздвигнутый им барьер обветшал, то и новизны не стало в пейзаже. Человек жив привычками, и уже множество их связывало Аратова не с одним лишь родным домом, а и с этой землёю, мысли о которой порой становились навязчивыми. Стоило, например, в заводском автобусе по дороге на полевые работы, в подмосковный колхоз, кому-то затянуть командировочную песню («Снова потянулся нудный счёт, Прожитое крестик отмечает, Снова взяты деньги под отчёт, И опять такси меня качает»), как Аратову почудилось, что и чемодан стоит в ногах, и дорога идёт – знакомая, к аэропорту; вообразить это было тем более просто, что Рая Лупандина точно так же, как в длинные полигонные вечера, развернула аккордеон и, раз начав, играла не переставая, отчего с лица её не сходила неустойчивая счастливая улыбка; играла она, как всегда, плохо, но вдохновенно и в восторге кивала головой каждому, кто оборачивался к ней. Не одной ей было так хорошо здесь: переходя в автобусе с места на место, и Гапонов радовался, что попал в родную обстановку; радость его имела материальную основу, чего он и не скрывал, предвкушая: «Хотя бы здесь поддать». Дома у него действовал строгий запрет, а в командировки начальство посылало его теперь лишь при самой острой необходимости, понимая, что там он постепенно пропадёт. Сейчас над ним подшучивали: женился, мол, так пеняй на себя, а он, тоже с улыбкой, но, вероятно, не шутя, отвечал, что женись он на Фаине, та позволяла бы ему выпить, та – понимала бы. Доволен ли был Гапонов семейною жизнью, Аратов не знал, хотя это и занимало его, оттого что, решая задачу для себя, он спрашивал иной раз: не есть ли лучшее в браке то лишь, что предшествует ему? Он мог бы даже доказывать в споре, что настоящая любовь жива до тех лишь пор, пока несчастна, и что сытость вредна ей. Он пытался с этой точки зрения взглянуть и на свою возможную женитьбу на Тане. Что такое будет их жизнь после свадьбы, он не представлял, и тут даже опыт знакомых мало чем мог помочь, потому что судьбы всех складывались по-разному. Опыт Прохорова ещё мал был, тут Аратов ничего не мог почерпнуть. Опыт Векшина говорил, как трудно, а то и невозможно совместить семейную жизнь с постоянными разъездами. Из опыта Гапонова ясно было, что в любом случае можно сыскать отдушину; его способ неприемлем был, но наверняка существовали другие.

Прочие наблюдения говорили Аратову, что он, при его продолжительных отлучках, вряд ли сможет удерживать девушку, и что нужно жениться поскорее.

Он знал и обычно говорил всем, и с ним соглашались, что перед всяким серьёзным разговором, перед спором ли, первым делом надобно, договорившись о терминах, точно определить его предмет. Сейчас он как раз и не представлял себе предмета – не мог сказать себе, что такое любовь, и, значит, по-прежнему сомневался, любит ли, если может рассуждать и ждать так спокойно. Но что это было, как не любовь, если Таня отныне чудесным образом присутствовала везде, и словно что-то осветилось вокруг, и люди похорошели? Когда ему указывали на чью-то несчастливую судьбу, он, вспомнив, что недавно и у него было плохо с Таней, уже не оставался, как прежде, равнодушным. Теперь он и Рае Лупандиной, плачущей при всех из-за несчастливой своей любви, посочувствовал бы, хотя недавно её слезы, льющиеся в самые неподходящие минуты, вызывали только раздражение; ему просто не приходило в голову, что Рае можно сострадать, как всякому неустроенному человеку, и лишь в последние дни, нечаянно проведя зыбкую параллель между собой и ею, он пожалел её. «Хорошей женой может быть кому-нибудь Раиса», – повторил он слова Виктора, понимая: не будет никому.

В том, что Ярош никак не обнадёживал Раю и что отношения их не заходили далее обычных дружеских, Аратов был уверен, хотя и знал, как тот любит поразвлечься. Романы Виктора бывали скоротечны, и он легко рассказывал о них. Вообще, лёгкость его жизни была непонятна, оттого что противоречила другим Витиным чертам: тот был хорошим хозяином, на нём держался дом – и не один, он и Валиному мужу помогал в хозяйстве, уже не городском и требующем вечных работ то в огороде, то по ремонту дворовых построек и жилья. В то же время Ярош любил широко гулянуть, и Аратов хорошо помнил, как был шокирован суммой, потраченной тем в первом отпуске – собственные его, Аратова, расходы в Риге не составили и третьей её части. Виктор и об этом рассказал легко. Он тогда ездил на юг, но ответные рассказы Аратова о том, что за славный край Прибалтика, возымели, видимо, действие, и на следующий год Ярош поехал уже в этом направлении, только не на Рижское взморье, а в Палангу. Аратов подшучивал над ним, говорившим о своём увлечении туризмом,

но отдохавшим – на курортах. После Паланги на языке у Виктора долго было одно только – экзотическое – женское имя: Лайма-Регина; там он ухаживал за манекенщицей и в качестве трофея привез пляжные фотокарточки, где был снят вместе с нею, и журналы мод, в которых его изображения не было. Аратов решил, что электромонтажница из сборочного цеха, которой Ярош интересовался весною, давно позабыта, и остолбенел, увидев их вместе в аэропорте. Игорь настолько не был подготовлен к встрече, что, глядя мимо девушки и, кажется, не сознавая её участия в беседе, едва не спросил у Яроша, как же тот осмелился показаться с нею: Рая улетала тем же рейсом.

Ярош держался как ни в чём не бывало.

– Пошли, парни, посидим, – зазывал он в ресторан Аратова. и всех, кто был рядом.

– Ты же с дамой, – возразили ему.

– Тем более, – невозмутимо ответил Ярош. – Зачем же нам чужие за столом?

Аратов засмеялся:

– Чужие-то в этом случае лучше. Если только это не американские корреспонденты.

– Ну, со мной такую хохму не устроишь, – уверенно заявил Ярош.

Речь шла о недоброй шутке, сыгранной недавно им с Платоновым. Тот, прилетев на полигон, по привычке или оттого, что не сжился ещё с новыми своими коллегами, в первый вечер, на «прописку», пришёл к теоретикам. Ярош, заранее знавший об этом, по-своему приготовился к встрече. Когда усаживались за стол, он, попросив помощника сделать вид, будто настраивает приемник, ушёл в соседнюю комнату, откуда, через микрофон, соединённый с этим самым приёмником, очень похоже подражая голосу и интонациям диктора, объявил, точно следуя стандартному тексту: «This is the «Voice of America» transmitter in Okinawa. This program is coming to you from the United States of America...»

Находившиеся в комнате, в том числе и Платонов, ничего не заподозрили, да и не собирались прислушиваться к передаче, занятые более интересным и насущным делом, – не прислушивались, пока до них не дошло неожиданное: «Продолжаем передачи на русском языке. Слушайте очерк нашего корреспондента Мирона Иванова. Вчера в ресторане московского аэропорта Внуко-

во корреспондент «Голоса Америки» оказался за одним столом с двумя бедно одетыми мужчинами. Они быстро разговорились. Его новыми друзьями оказались русские инженеры Валерий Платонов и Фрунзе Восканян, летевшие на степной полигон для испытания новых образцов боевых ракет».

Восканян, краем уха уловивший свою фамилию, заулыбался и подмигнул Платонову, но тот сидел, закрыв глаза, без кровинки в лице. Оба они, Платонов и Восканян, летавший теперь вместо него от бригады аэродинамики, и в самом деле накануне коротали время в вокзальном ресторане.

– Их самолёт задерживался, – продолжал знакомый голос. – Русским ракетчикам некуда было спешить, и они обменивались мнениями о предстоящих испытаниях своей техники. Наш корреспондент, позавидовав их романтической профессии, поинтересовался...

В динамике затрещало, и всё смолкло. Восканян бросился к приёмнику, но ручки крутились впустую; ему говорили, что это бесполезное занятие, что станция ушла, но он не понимал:

– Как ушла? Ты понимаешь, что будет? Ушла!

– Не волнуйся, – пыталась утешить Рая. – Они повторят на другой волне.

– О-о-о! Ещё и повторяют!

В комнате стоял несусветный шум. Подливая масла в огонь, Рая участливо посоветовала героям очерка заявить куда следует, и Векшин поддержал её. Никто не слушал слабых оправданий Платонова, бормотавшего, что о ракетах не было и речи:

– Скорее всего, мы трепались о бабах.

– О работе – ни слова, – подтвердил Восканян. – Ну, о том, какая там, то есть здесь, погода и сколько придётся сидеть. Сосед был такой симпатичный парнишка. Я тут ребятам рассказывал уже: такие анекдоты от него услышал!

– А кто, ты думаешь, сочиняет у нас анекдоты? – спросил Векшин. – Вот они там, в своём Нью-Йорке и сочиняют.

– Про женщин анекдоты. Неприличные.

– Как же это вы, ребята? – тихо спросила Рая.

– Это была провокация, – предположил Векшин. – Выследили, дождались командировки, а тут удача такая: ресторан. Поди, докажи, какие ты слова говорил за бутылкой.

– Докажи, что ты не верблюд!

– Свидетелей-то нету. Но заявить всё равно надо.

– Что за шум, а драки нет? – входя в комнату, весело спросил Ярош. – Кто на кого собирается заявлять? Я думал, коммунальные склоки у нас давно изжиты.

– Шум! – возмущённо закричал Восканян. – Понимаешь, в какую историю попали! Теперь, что ни скажи, мне в ответ включают магнитофон: в ресторане был? Был. Фамилия твоя? Понимаешь? А откуда сосед узнал, где я работаю?

– Что, всё же, стряслось? – настаивал Ярош, уже без улыбки: начиная понимать, что шутка зашла слишком далеко. – Вы что, тут без меня «Голос» поймали? Не это ли: «This is the «Voice of America» transmitter in Okinawa»?

– Это, это, – продолжал горячиться Восканян.

Остальные насторожились.

– Постой-ка, Витя! Повтори, – подался вперёд Векшин.

– Витька, сволочь! – вскакивая, заорал Восканян, но тот уже выскользнул из комнаты.

Раздался грохот и звон стекла. Все мигом обернулись к столу, рядом с которым, смахнув на пол графин с водой и несколько стаканов, лежал Гапонов. Кровь из пораненной руки смешалась на полу со спиртом.

О Яроше тотчас забыли – но только на этот вечер; о его выходке потом часто говорили к месту и нет, и Платонов не здоровался с ним. Ко второму же пострадавшему навсегда пристало прозвище «русский инженер Фрунзе Восканян».

Для Гапонова дело обернулось тяжелее, но тут Виктор был ни при чём. Никто не заметил, что он пришёл в гостиницу уже пьяным – это обнаружилось лишь оттого, что он не сумел встать с пола без посторонней помощи. Его перенесли на постель, а когда к ночи пришли взглянуть, то увидели, как кровь струйкой стекает из уголка рта. К утру он пришёл в себя и выглядел только немного хуже обычного, но к тому времени уже решено было, срочно отправив его в Москву, впредь не выпускать из дома.

Девушка, провожавшая в командировку Виктора Яроша, конечно, была не в курсе всего этого, но кое-какие слухи не миновали и её, и она теперь с любопытством домогалась:

– Что случилось у тебя с американцами?

– Брали интервью, – спокойно ответил Ярош. – Мои взгляды на международное положение, творческие планы и... жаль,

что я назвался мастером по холодильным установкам. В общем, долго рассказывать.

Зоя обиделась: она ждала подробностей.

Улучив момент, Аратов отошёл от них, якобы на поиски начальства. Он недоволен был тем, что Виктор свёл его сейчас с Зоей – та, правда, чувствовала себя вполне в своей тарелке, словно раньше ничего не было между ними. Ярош потом, видимо, ждал комментариев, но Аратов нарочно выбирал далёкие темы и лишь к концу полёта проронил:

– Вот и тебя стали провожать до трапа.

– На редкость преданная девчонка, – с удивлением в голосе охотно отозвался Ярош. – Изю всех сил уговаривал не ездить. Она же и в отпуск чуть не увязалась со мной, насилу отбился. Хотела за свой счёт брать и ехать, как декабристка в Сибирь.

– Везёт тебе на преданных, – едко сказал Аратов. – Не хватит ли, что одна слезы льёт?

– А кто ей велит? Тесно живём, старый.

– К счастью, не всегда, – возразил Аратов; ему бы не хотелось, чтобы его отношения с Таней стали когда-нибудь предметом обсуждения.

– Эх, это с тобой, старый, мне нужно было бы поехать в отпуск. Мы бы славно гульнули. Ты ведь один ездил?

– Как и ты, – отозвался Аратов, скучнее от воспоминания о пропавшем для него лете.

Помня, как однажды мать сказала Тане, что та поедет к морю или вдвоём с ней или когда выйдет замуж, Аратов, собираясь в отпуск, не стал звать её с собою – и великой неожиданностью было прочесть в полученном на отдыхе письме: «Когда мама услышала, что Вы в Прибалтике, она сказала: «Вот сдашь экзамены – и поезжай к нему». Но тогда Вас там уже не будет». Теперь он с грустью думал о том, что придётся ждать ещё год – время, за которое может произойти многое.

– А ещё бывает так, что девушка готова ехать с тобой хоть на край света, – неожиданно для себя громко произнёс Аратов, – а потом оказывается, что ей просто хочется попутешествовать, всё равно, с кем.

– О чем ты, старый? – отодвинулся от него Ярош. – Говори проще. Аратов, смутившись, махнул рукой.

– А не хочешь, так давай спать, – предложил Ярош, откидывая спинку кресла. – Утро вечера мудренее.

Но утро уже наступило, и на сон не оставалось времени. Вскоре Аратов, сидевший у окна, разглядел на вираже Аул, «пятёрку» и штабную площадку и затормозил соседа.

Еленский ждал у трапа, и Аратов удивился торжественности встречи.

– Захотелось размяться, – объяснил начальник. – А впрочем, ты стал важной персоной: только тебя и ждут на последнюю назаровскую работу. Кто начал, тому и точку ставить.

– Над «ё», – уточнил Ярош.

– Эх, Витя, Витя, ну как при тебе говорить серьёзно?

– Одно слово – «гайка», – поддел Аратов. – Чего от него ждать? Так что не обращай, Петя, внимания, а поведай лучше, состоится ли завтра работа.

– Состоится, говорю же – тебя ждём. Комиссия в сборе, штаб ни о каких других пусках не хочет слышать, и даже нам не разрешила провести пуск нашего этапа.

– То-то, наверно, Руслан кипит, – заметил Ярош.

– Правильно делает, если кипит, – буркнул Еленский. – Нам-то сроки ни на день не скостили, ну, да что об этом говорить? Сто раз говорено. Поехали. По дороге сообщу новость – считайте, что встретил с цветами.

Целый ряд одинаковых «газиков» выстроился за оградой аэродрома, но Аратов издали узнал машину Лободы по оранжевой полоске на бампере, которую однажды наносил сам. «Руслан, значит, на «пятёрке», – подумал Аратов, вовсе не радуясь перспективе скорой встречи с ним: замечание Еленского о том, что Лобода в чём-то может оказаться прав, было ему неприятно.

– Что за новости ты припас? – нетерпеливо спросил Ярош, едва машина тронулась. – Что за цветы?

– Честно говоря, цветы-то не для тебя, Витя, дорогой, – усмехнулся Еленский. – И вообще, это пока слухи одни, а не новости. Хотя, конечно, у нас ушки на макушке, и мы подготовили списки, на всякий случай. Речь идет о премии: обещано приличное вознаграждение за назаровский этап. Не зря Игорь старался. Такие подарки обычно раздаются при сдаче на вооружение, но тут особый случай: для Назарова тема закрыта, а так как он относится к другому министерству, то и платит наличными. Только, повторяю, это пока одни мечты, и пока не распишешься в ведомости, не радуйся. Трудности тут не в том, дадут или нет, а в том, возьмём

ли. У нашего Б.Д. на этот счёт оригинальные взгляды. Одна история с «тринадцатой» чего стоит.

– Я не в курсе, – сказал Аратов.

– Представь себе, что после сдачи её на вооружение Саверин на коллегии министерства красиво отказался от премии, публично заявив: «Мои инженеры получают достаточно».

– Ничего себе! – возмутился Ярош. – Попробовал бы прожить с семьёй на тыщу триста! Нет, если б со мной так поступили, я бы сразу – заявление на стол.

– Случай ещё представится, – пообещал Еленский, – хотя вряд ли ты о нём своевременно узнаешь. Сейчас же дело вернее: в тот раз Б.Д. нужно было должным образом поставить себя в министерстве, а сегодня наш вопрос решается практически на уровне бухгалтерий, и на отказе тут не сыграешь.

– Как бы не случилось другого отказа, – мрачно произнёс Аратов. – Завтра.

– Типун тебе на язык. Но, во-первых, знаменитый этап случайных поломок позади, а работы в контуре Назаров не требует, а во-вторых, даже если произойдёт авария, на премии это не отразится: повторим работу – и все дела, наше дело тут извозчичье.

* * *

Летом ничего не приходилось придумывать: Игорь приезжал к Тане на дачу, и дальше всё получалось само собою: купание, катание на лодке, непременная игра в мяч на берегу, бесполезные выходы по грибы и семейные чаепития на террасе. Программа городских свиданий выглядела куда скромнее, тем более, что в кино Таня упорно ходила без него, а прогулок, кажется, не признавала вообще; ему же хотелось удивить её чем-то неслыханным либо недоступным прежде. У него не выходили из головы слова Алины Корнеевны, пересказанные Таней в письме: «Поезжай к нему», – до тех пор, пока огорчение из-за упущенной возможности совместного путешествия не переросло в идею совершить – новое. Однажды, когда они с Таней слушали музыку у Прохоровых, прикидывая все вместе, как бы лучше провести три дня приближающегося праздника, Аратов решил, что тут не может быть иных вариантов, кроме поездки в другой город. Таня, конечно, загорелась, и Прохоровы, пока еще лёгкие на подъем, тоже не раздумывали, а тотчас принялись, смакуя подробности, сочинять план.

Необходимость получить разрешение Таниных родителей казалась поначалу непреодолимым препятствием, но Аратов недооценил Алину Корнеевну и, не успев опомниться и поверить в свою счастливую звезду, однажды вечером нашёл себя в купе поезда, и Таня сидела напротив.

Поезд шёл в Ригу.

Направление – это единственное было, что они знали твёрдо. Где им остановиться и каким образом выбраться обратно – об этом пока не заговаривали, втайне надеясь на везение. Мужчины, правда, обсудили между собою кое-какие детали и решили, что вряд ли останутся без жилья: гостиница на взморье, в Майори, наверняка пустовала в ноябре.

– Отчего это любая поездка должна начинаться с заводского пейзажа? – воскликнул Аратов, тем не менее с удовольствием глядя в окно.

– Но ты же рад, рад? – пытливо посмотрела на него Светлана, и Аратову показалось, что глаза её светятся – настолько он не ожидал различить их синеву в сумраке купе; он перевёл взгляд на Таню – и угадал янтарное прибалтийское свечение. – погоди, скоро Тушино будет: шлюз, красотища!

– Слушайте, – встал с места Аратов, – а почему бы и нам на пароходе не махнуть куда-нибудь? По каналу?

– В ноябре, – напомнила Светлана.

– Даже обидно, – сказала Таня, – что мы уже утром будем на месте. Я собралась ехать, ехать и ехать, ведь путешествовать надо далеко, долго. Мама напекла на дорогу целую коробку эклеров – разве их съешь за вечер?

– Домашние эклеры? – изумился Прохоров. – И следа не останется.

– А ведь столько дел в пути, – продолжала Таня. – И в окошко глядеть, и с пирожными расправляться, а я ещё заниматься хотела, взяла учебник.

Она и в самом деле показала книжку, жестом фокусника вытащив её из-под себя.

– Вы не шутите? – ужаснулся Аратов. – Да как же можно – в такой поездке? Нет, лучше уж производственный пейзаж.

– Что-то есть и в нём, в станционных задворках, – заметил Прохоров. -- Это, наверно, осталось с детства: романтика паровозов, водокачек, свистки, пар, чумазые кочегары, огонь – и побег из

дома! Мальчишкой я жил как раз в этом районе, и мне не давала покоя водокачка у Крестовского моста, очень железнодорожная на вид башня из красного кирпича. Как глину на неё, так и захочется укатить куда глаза глядят.

– Мальчишки обычно в Америку бегут, – сказала Светлана.

– Это у Чехова, а у нас на фронт убежали.

– Вот откуда у тебя любовь к водокачкам.

– Имеешь в виду то, что я рисовал в Риге? Но там нельзя было устоять, это же чудо природы, каждая – с луковкой, с четырьмя башенками. Вы, девочки, увидите завтра.

– Не представляю: завтра! – проговорила Таня.

– В водокачке и поселимся, – решила Светлана.

– Вот увидишь: в «Метрополе», – уверенно заявил Аратов.

– Правда, это лишь название такое на московский слух шикарное, а гостиница – средней руки. Зато – в центре. Ну а уж если не удастся, то есть резерв: ты, Света, помнишь, разумеется, этакий швейцарский замок возле станции. В любом случае зайдём туда справиться, есть ли свободные места: интересно, находятся ли другие охотники жить там зимой. Мы же всё равно будем рядом, на взморье. И обязательно заглянем в «Лидо».

Он и раньше упорно называл по-старому давно переименованный ресторан.

– Замок, не замок, а помню. Завидую Тане: человек впервые вырвался из дому и сразу – в такие места!

– Ты говоришь как повидавшая свет, – заметил Прохоров,

– Что ж, у меня есть кое-какой опыт: целина, Ленинград, Селигер, Рига, мой глубынь-городок. Теперь прибавится другая Рига – зимняя. И некурортное взморье. Может, нам и в самом деле остановиться в Майори? Проснёшься и сразу на берег, а там – никого-никогошеньки.

– Сейчас поздно светает. Мы, наверно, и из города будем попевать почти к рассвету. Зато представьте себе вечера в Старом городе. Да, Танечка, готовьтесь: там атмосфера средневековья, рыцарства...

– Инквизиции, – перебил Аратов.

– Только не рассказывайте пока ничего – попросила Таня, – я сама.

– Ну, конечно, вы сами, я понимаю и молчу, – улыбнулся ей, как маленькой, Прохоров. – Но – «сами»! Танечка, ребята, на пра-

вах старшего вношу предложение: сию секунду всем перейти на «ты».Тане с Игорем давно пора – стесняются они, что ли?

Аратов едва не поблагодарил его вслух. Самому ему подобные попытки не удавались.

– На брудершафт пить не будем, – продолжал Прохоров, заставив Аратова мимолётно пожалеть о пропавшей возможности поцелуя, – а всё ж уговоримся и введем штраф. Согласны, Танечка?

– С тебя первого, – обрадовалась Светлана. – За «согласны».

Штраф ввели, и Таня, которой прежде других грозило наказание, обрадовалась игре.

Аратову, так долго и безуспешно боровшемуся против разделившей их церемонной непростоты речи, вдруг неловко стало сказать Тане «ты», словно этим он принижал её. Она всегда старалась подчеркнуть расстояние между ними – имея в виду разницу в возрасте – и Аратов, для которого эта разница казалась ничтожной, понимая по-своему, привык видеть её не в отдалении даже, а в какой-то нечеловеческой вышине, которой и мысленным взором достигал с трудом; теперь ему уже неудобно оказалось поставить Таню в один ряд с теми, с кем и сам был наравне, со смертными.

Состояние его в тот вечер было странным. Ещё не поверив в свершение дерзкой мечты, он чувствовал себя раздвоенным: он ехал с Прохоровыми, и это было в порядке вещей, они с Андреем и раньше могли бы ездить куда-то вместе с Наташей или с Ниной, но одновременно он в другом вагоне или в другом поезде ехал с Таней, и это уже был плод фантазии влюблённого. Оттого, что соединить эти два состояния не удавалось, будущее утро в знакомых декорациях казалось реальнее нынешнего счастливого вечера.

* * *

Солнце светило по-весеннему ярко: прибытие Аратова с Таней и не могло быть обставлено иначе. Даже вид печальных строений с зарешёченными окнами, стоявших у городской черты, не испортил впечатления; так празднично было вступление в Ригу, что и тут нашлось место шутке: проскользив по долгой тюремной ограде, их внимательные и жадные сегодня глаза выхватили из нагромождения деталей мелкую табличку со стрелкой: «Отдел кадров». Дальше всё уже было знакомо, и Аратов подосадовал

на слишком быстрый ход поезда. Стараясь, чтобы Таня ничего не упустила, он находил для неё такие подробности, каких сам не замечал до сих пор. Мимо проплыли водонапорные башни, с такою любовью построенные, что могли бы украсить и центральную улицу, и коль скоро о них говорилось накануне, Аратов просто обязан был показать их так, чтобы они стали интересны и Тане; потом к полотну стали подступать улицы с многоэтажными несовершенными домами, и вывески на них были примечательны латинским шрифтом, и он, радуясь, указывал на них своей девушке.

Ступив на перрон, они поразились теплоте воздуха, и Прохоров сказал:

– Знамение! Это к вашему счастью, ребята, да если бы и дождь, тоже не стоило б огорчаться, Рига и тогда хороша, в том, возможно, и лицо её.

– Да что мы еле двигаемся? Пошли, хочется же смотреть!

– Всё равно сначала займёмся делами: гостиницей, обратными билетами.

– Нам повезёт, – уверила друзей Таня. – Начало много значит.

Им действительно повезло, к общему изумлению (одна Таня не удивилась, по неопытности): они поселились в «Метрополе». Им достались скромные номера на разных этажах: девушкам – под самой крышей, в мансарде с балконом и с добавочной каморкой, где хватало места лишь для письменного стола, и, главное, с телефоном; последний оказался бесполезен: ресторан на взморье, куда тотчас принялся названивать Прохоров, не отвечал. Долго звонить они не могли, нужно было спешить в кассу Аэрофлота – и они спешили, понимая, что билеты не ждут их, но на пути попались магазины, и девушек уже не сдержать было. Билеты они всё же купили позже – последние. Теперь оставалось одно лишь дело – заказать столик в бывшем «Лидо», в «Дзинтарсе», и они звонили изо всех автоматов, но результат был прежний и оставалось только самим ехать в Майори; прогулка у моря всё равно входила в их планы. Конечно, Аратову хотелось бы первым делом пройтись по Старому городу, но пока он сумел только издали, от канала и статуи Свободы, показать Тане его преддверие, а вовсе не то, что описывал ей прежде – не средневековую тесноту, готику и черепичные крыши; она только и разглядела, как проспект пропадает в тёмном сужении; одно это затемнение и определило

для неё стык времён и вкусов. Заглянуть за этот рубеж некогда было, зато вдруг появилась возможность скоро, немедленно увидеть наконец море, пока ещё, на отдалении, более понятное, чем лабиринт древних переулков.

Странно было, что к морю можно доехать на электричке за полчаса, как на трамвае, и в голове Тани не укладывалось, что к этому можно привыкнуть и, как должное принимая близость взморья и больших кораблей, не стремиться туда ежедневно. Между тем пассажиров в вагоне почти не было. Таня не могла знать, что за картина откроется ей на морском берегу, но предполагала грандиозное зрелище, если уж грандиозной оказалась предварявшая его панорама всего лишь реки, возникшая, едва поезд покинул станцию; ширина Даугавы показалась чрезмерной девушке, привыкшей к москворецким масштабам. После такого вступления естественно было ждать и моря – тотчас и вблизи, но состав, мимо производственных зданий, стадиона и депо, стал углубляться в сушу.

Вскоре начался лес – чистый, без подлеска. Сосны были так стройны, словно напряжены какою-то силою, и оттого казались звонкими, как струны. Что-то в вагоне (мотор, насос?) неожиданно застрекотало под полом, и звук был такой, будто машинист, высунув в окно руку с деревянной палочкой, на ходу стучит ею по звонким этим стволам, как мальчишки на бегу – по частоколу. Аратов поспешил сказать об этом Тане, но лес кончился, пока он объяснял. Прохоров, поняв настроение друга, улыбнулся:

– Так и должно быть сегодня.

– Детские забавы – этого уже мало. Хочется исполнения желаний.

– Я-то считал, что они исполнились.

– О да! И в то же время я настороже. Не знаешь, кто или что преподнесёт сюрприз.

– Если – кто, то – никто. Если – что, то – не море же: чего нам от него ждать?

– Во всяком случае, не купания, – поёжилась Светлана.

– Почему нет? – загорелся Аратов. – На дворе десять градусов да и вода, наверно, не холодна: осень стояла тёплая. Если я купался при такой температуре летом, отчего бы не повторить того же сейчас? Чего-нибудь горячего для страховки – и я плыву.

– Вопрос решим на месте, – осторожно ответил Прохоров.

– У меня самые серьёзные намерения.

– Об этом все догадываются.

Никто, кроме них, не сошёл с поезда. Улицы посёлка были безлюдны, и Аратов посмотрел вслед электричке так, словно она была последним, что связывало с людьми.

Через несколько минут они уже были у цели – загородного ресторана. Заброшенностью и поздней осенью веяло от пустых стёкол и голых стен, больше не прикрытых, как помнил Аратов, плющом. Он всё-таки отворил калитку и, подойдя к зданию, подёргал ручку двери. Крупные шляпки гвоздей, вбитых как попало, темнели на облупившейся краске.

– Все наши планы, – сказал он, вернувшись.

– Не в кабаке же мы ехали из Москвы, – сказала Светлана. – Да и этот – не последний: рядом столица.

– Не в кабаке, конечно, зато вот, рядом, море, а вечером мы будем гулять по Старой Риге, больше ничего и не нужно. В ресторан можно сходить и дома. В конце концов, нас всегда пустят в «Метрополь», как своих постояльцев.

– Вы так расхваливали «Лидо», – огорчённо протянула Таня.

– Остальное просто не нуждается в рекламе, – нашёлся Аратов. – И если на этом свет сошёлся клином, и если больше некуда торопиться, то мы ведь только что прошли коктейль-холл – там, кажется, открыто. Зайдём и соберёмся с мыслями. Мы что-то всё едем, едем, спешим – надо наконец остановиться.

На прилавке гремел мощный радиоприёмник: передавали хороший джаз. Кроме буфетчицы, стоя читавшей потрёпанную русскую книгу, никого не было в двух маленьких комнатках; молодые люди прошли в дальнюю, где в круглой печке уютно потрескивали дрова и спала на стуле кошка. Что-то домашнее было в этом островке, затерянном среди заколоченных дач.

Мужчины, усадив своих спутниц, вернулись к буфету.

– Чем угостите, хозяйюшка? – начал Прохоров.

Женщина молча указала на выставленные бутылки.

– Летом коктейли были хороши, – напомнил Аратов.

Она улыбнулась:

– Если вы поможете... Я работаю тут всего третий день, а моя предшественница забрала всю рецептуру. Скажите, что смешать.

– Из этого набора? – задумался Аратов. – Затрудняюсь. Мы с другом всё же не специалисты. Если так, дайте лучше чего-нибудь чистого. Рому. Ноябрь, как-никак.

Девушки, успевшие продрогнуть, сидели в пальто. «Ноябрь, – повторил про себя Аратов. – Для этого мы ехали за тысячу километров. Стоило ехать?» Примерно то же самое, только с бо́льшими удобствами, можно было бы иметь дома: и музыка была бы на любой вкус, и напитки – получше дешёвого румынского рома, и печка так же, как и здесь, гудела в комнате Андрея, но Аратов не забывал, что сейчас стоит лишь распахнуть дверь – и увидишь сосны, вдохнёшь запах водорослей и хвои, и в любом просвете между деревьями угадаешь море. Он самонадеянно подумал, что теперь, сколько бы раз и с кем бы потом ни приезжала сюда Таня, эти места навсегда останутся для неё связанными с ним, с Аратовым: такова должна быть сила первого впечатления.

– Давай, потанцуем, – предложила Таня.

До сих пор не бывало, чтобы она приглашала его.

Не раздеваясь, в пальто, бережно касаясь друг друга руками, они начали танцевать. Аратов старался поймать Танин взгляд в надежде найти в нём что-то новое и доброе для себя, но девушка смотрела в сторону, как и всегда, когда они танцевали. Буфетчица, отодвинув штору, заглянула в комнату, и Таня, смутившись, опустила руки.

– Ничего, ничего, – улыбнулась ей женщина. – Так хорошо. Да вы разденьтесь, печка горячая.

И прибавила звук в приёмнике.

Когда музыка смолкла, снаружи донёсся гудок поезда.

– Хорошо бы не возвращаться в город, – проговорила Светлана.

– Теперь торопиться некуда, – отозвался Аратов.

– Андрей мается, я его знаю: думает, что день потерян: и видеть ничего не увидели, и поработать не удалось.

– Маюсь, – торопливо согласился Прохоров. – И рому требуется ещё, и в город не хочется, да и пока рано, ведь мы ещё не показали Тане море, а оно – в двух шагах. Пойдём, побродим, а если угодно, то и вечера можно дожидаться на берегу: каково пройтись там в ночи, в черноте!

– Что ты за художник? – засмеялся Игорь, – если темноты ждёшь? Там, в непроглядной – как же черпать?

– Дай Бог разобраться с тем, что давно почерпнуто. У нас, у каждого, много припасено да нет времени либо случая этим

воспользоваться. Вот и полезно иногда порыться в кладовке, как раз хорошо, если – в тёмной, где ничто не отвлекает, если – молча, оттого что разговоры многое могут испортить.

– Если молчать, через день поссориться навсегда, – заметила Таня.

– Прости, но молча поссориться невозможно, хоть одно слово да должно выскочить, – отшутился Аратов и продолжил, обернувшись к Андрею: – Ты прав, молча, но не потому, что молчание – благо, а оттого, что мы стесняемся говорить умно и больше треплемся о вечеринках, о тряпках, магазинах и о том, конечно, кто с кем, где, когда. Стоит же забраться чуть поглубже, где – важное для всех, как тотчас оглядка: не скучно ли кому.

– Однако, оглядываясь, делаешь правильно.

– Уже скучно? Так вот, если мы норовим говорить пустое, о пустом – вдруг это неспроста, вдруг ничего нет за душой?

– Бывает, просто не находится общих тем, люди-то разные.

– Как же не найтись, если встретятся просвещённые люди? В действительности их не так уж много, а? Если встретятся два умных человека – неужели им не найдётся, о чём поговорить? Так нет же, только и слышишь, как пытаются отделить физиков от лириков – не объясняя, зачем. Взять нас с тобой: ты лирик, я – физик, а время проводим одинаково и книги читаем одни и те же.

– Насчёт книг не забудь, что тут есть своя мода, поэтому и одни и те же. Кстати, ты сопротивляешься почему-то, отказываешься прочесть...

– Я лишь просматривал, – поспешно перебил Аратов, не желая развивать тему, потому что Прохоров имел в виду нашу шумевшую вещь, в героине которой Аратов увидел Таню и, ревнуя, не мог простить ей, героине, ухода от мальчиков, которых ей так хорошо было бы любить, – от него, Аратова.

Боясь сорваться, он бросил книгу, не прочтя и половины.

– Это, брат, пробел, – оценил Прохоров. – Надо прочесть хотя бы потому, что все читали и надо же понимать, о чём говорят вокруг.

– А вы... ты читала? – спросил Аратов Таню, но она только покачала головой.

– Где-то здесь происходило, – сказала Светлана. – На взморье.

Как раз об этих страницах повести и не хотел вспоминать Аратов и, торопясь, чтобы никто не успел заговорить о неприятном для него, поднялся из-за стола:

- Не выпить ли чего-нибудь ещё?

- Что же о книжках говорить, – сказала Таня, – если в МГУ я знаю одну компанию, девушек, которые не то, что не читают, это уж само собой, но за весь учебный год ни разу – ни ра-зу! – не спускались в город с Ленинских гор. Ни в кино, ни в магазин, ни Москву поглядеть.

- То есть как, буквально? – не понял Прохоров.

- Я же говорю... Это всплыло случайно.

Аратов вышел в соседнюю комнату. Буфетчица с удовольствием, как ему показалось, оторвалась от чтения.

- Прямо скажем, не переутомишься на вашей работе, – усмехнулся он.

- В этом есть и хорошая сторона.

- Может быть, сядете с нами?

- За это нас не хвалит.

- Это на работе нельзя, а у вас ее нет.

Она под села к столу. Разглядывая ее, Аратов обратил внимание на старинные, с крупными бриллиантами, перстень и серьги.

«Доход, однако, при такой загрузке», – подумал он и спросил:

- Тут всегда такое безлюдье?

- Вы нездешние?

- Москвичи.

- Я сразу подумала. Говор у вас... Что ж, на праздники только, поглядеть? Молодцы, мальчики.

- Мы здесь не впервые, – сказал Прохоров, – кроме этой вот девочки. Стараемся для неё одной. Только с рестораном нам не повезло: хотели завтрашний вечер провести по соседству с вами, а там, оказывается, двери заколочены.

Буфетчица рассмеялась:

- Да если бы и открыто было... Летом тут – вся Рига. Как бы вы пробились? Когда сезон кончается, оркестр и часть персонала переходят в город, в кафе «Ли́ра». На праздничные дни столик там нужно заказывать за месяц. Не старайтесь попусту.

- Остаётся снова приехать сюда, к вам, – сказал Аратов.

- У меня закрыто будет. Я-то как раз иду в «Ли́ру». Жаль, вы поздно пришли: если б с утра знать, мы устроили бы что-нибудь, взяли бы вас с собой.

- Так возьмите! – с жаром воскликнула Таня.

– Куда там, опоздали, – махнула рукой буфетчица, но через несколько минут, когда разговор перешёл уже на другое, она вдруг не к месту проронила: – Если только вас устроит восьмое число...

– Устроит, – мгновенно выпалила Таня.

– Ничего не обещаю, но поговорю кое с кем. Подъезжайте сюда завтра.

Наверняка и близкие знакомые просили её о такой услуге, и Аратов терялся в догадках относительно причин её отзывчивости. Он понял, в чем дело, когда, прощаясь, она поинтересовалась номерами его и Прохорова телефонов – девушек она, видимо, не приняла всерьёз, решила – случайные подруги, не жёны.

День был к концу, когда они вышли на берег.

Море лежало спокойно, далеко отступив от линии, начерченной на песке прибоем, и нельзя было понять, где кончается суша и начинается вода, настолько незначительным был наклон дна; море начиналось с тончайшей плёнки на мокром песке, по которой, рисуя чёткие, наполненные водой следы, гонялись друг за другом на самокатах двое мальчишек в синих фуражках.

Таня подняла с песка безжизненный кусочек желе.

– Медуза, – удивился Аратов.

Обнажённое дно было усеяно этими высыхающими трупиками. Таня медленно брела вдоль кромки воды, иногда поднимая и разглядывая дрожащие тельца с нарисованными на них бурыми звездами. Ее остроносые красные туфельки оставляли медленно исчезающие мокрые отпечатки.

– Ты не промочишь ноги?

Она покачала головой.

– Что они так отстали? – вдруг хватилась она спутников и, оглядываясь, крикнула:

– Что вы там? Догоняйте!

– Нам надо поговорить, – отозвался Андрей. – Идите, мы нагоним.

Он молча смотрел на Таню, думая, что, возможно, так и было раньше: море, сосны, песок и два человека, первые и единственные на земле.

– Смотри, голуби, – показала она.

Большая стая ковыляла навстречу. Птицы спешили, толкаясь, непривычные к бегу, и от противоестественности этого пешего движения Игорю стало не по себе.

– Что с ними? – не могла понять Таня,

Встретив и окружив пришельцев, птицы принялись безнадежно искать что-то в белом чистом песке у их ног.

– Они голодные, бедняги, – догадалась девушка. – А у нас ничего нет с собой.

– Глупая птица. Воробьи – те давно перелетели в город и живут – не тужат. А эти ждут подачек.

– Представляешь, как страшно им стало, когда они увидели, что брошены: дома заколочены и людей нет?

– Конец света. Но они неспособны думать. Вот кого не люблю за это – голубей и кошек? Каково было бы встретить здесь такую же стаю голодных кошек?

– Мы бы вымерли от страха, – испуганно сказала Таня, и оба рассмеялись.

– Только посмотри, какой закат. В Москве такого не увидеть.

Солнце садилось, окрашивая небо и море в одинаковый желтоватый цвет и тем сливая их в одно. Линия горизонта обнаруживалась лишь в там, где она обрезала неяркий солнечный диск.

– Честно говоря, там, дома, я и не видала толком, какие бывают закаты.

– У нас с тобой будет ещё много таких открытий. Ради них стоит стать бродягой. А это море... Давай когда-нибудь снова приедем сюда вместе.

– Где же голуби? – изумилась Таня, оглядываясь.

– А они были? Откуда взяться ручным птицам на берегу, где уже давно не живут люди? Да что там, чаек, и тех нет. Осень, они увяли.

– Оставь, – поморщилась Таня. – Что за место такое? Всё не так, как я представляла. Я ждала, что будет полным-полно кораблей, и волны будут разбиваться о камни. А тут непонятно: тишина... И какое-то незнакомое ощущение...

– Значит, тебе понравилось? И мы ещё раз приедем сюда?

Девушка молча кивнула.

– Может быть, мы теперь всегда будем вместе? – осторожно продолжил он.

– Мы и так вместе.

– Я хотел сказать: мне больше никого не надо, кроме тебя.

– И сейчас? – нашлась Таня. – Хочешь бросить друзей? Давай-ка позовём их, пока они совсем не отстали.

Фонарей ещё не зажигали, и ясное, тёплых тонов вечернее небо освещало лишь камень мостовой, но не стены – ни трещины в штукатурке, ни переплёты окон. Шум центра не доносился сюда, и казённого праздника не чувствовалось в музейной тишине безлюдных переулков. Силуэт Домского собора вырос над крышами, и единственный звук, какого теперь можно было бы ожидать, был звук органа.

Музыка – не органная – возникла неожиданно, в первый момент непонятно даже, откуда, потому что они могли бы ждать – из собора, но не смели подумать, что – из окна. Аратов остановился, не замечая, что и спутники остановились прежде него.

Святого либо торжественного не было в этой давно любимой им надрывной мелодии, и в другое время кошуном показалось бы слушать её в двух шагах от храма, но сейчас и здесь она вдруг стала уместнее хорала. Музыка была – танго, и Аратов не знал мелодии, более созвучной его настроению.

Когда пластинка смолкла, все четверо, не произнеся ни слова, но будто сговорившись, одинаково заторопились прочь, на соседнюю улицу, словно для того, чтобы не разрушить впечатление ни своею речью, ни другой музыкой из окна.

Лишь когда они подошли к Домскому собору, Таня спросила:

– Что же мы сбежали, не услышав, что там будет дальше? Так здорово получилось, как будто это устроили специально для нас.

– Именно для нас, – уверил её Прохоров. – Праздник, все собираются компаниями, а там кто-то один сидел, сумерничал и поджидал нас, чтобы одарить.

– Кто это в ноябре держит окна настежь? – проговорил Аратов.

– Что это за вещь была? – поинтересовалась Таня. – Когда приеду, надо будет Борьку заставить записать.

– «Petit fleur».

– У меня этой записи нет, но я достану тебе, – пообещал Прохоров.

– Успеть бы, пока Игорь не улетит. Ты улетаешь? – обернулась к Аратову Таня.

– Сразу, как вернёмся в Москву.

– Неужели тебя тянет туда?

– Я не хочу улетать, – твёрдо сказал он, про себя добавив: «От тебя».

– Почему же летаешь?

Аратову вспомнился вечер в «Варшаве». Здесь, однако, он не один был с Таней, и не мог говорить всё, что хотел.

– Только что сказал: не хочешь... – напомнила она.

Он едва не ответил: «Я люблю тебя?» – не понимая, почему эти трудные слова возникли так легко и просто. Он не знал ещё, что с ними следует спешить.

– Хочешь, чтобы я остался? – с надеждою проговорил он, спешно придумывая способ рассказать о своих занятиях.

Ответ разочаровал его:

«Невыносимо – эти недомолвки в разговоре на людях», – подумал он, а Таня, не дождавшись ответа, вдруг заторопилась:

– Что же мы здесь-то стоим? Где главная улица? Пошли скорее. Сегодня надо веселиться. Куда нам, в какую сторону?

Махнув рукой, Прохоров указал направление – этот путь не только не был кратчайшим к центру, но уводил далеко в сторону, и Аратов благодарно кивнул другу: они приехали сюда не затем, чтобы растворяться в толпе; ему хотелось, чтобы его девушка навсегда запомнила город, а не суматоху. Через минуту они оказались в таком тесном переулке, что не уместились на мостовой вчетвером. Таня прошла вперёд, и Аратов догнал её.

– Сейчас, наверно, свет зажгут, – зачем-то сказал он.

– Что ты не отходишь от меня? – вдруг раздражилась Таня. – Я люблю ходить одна.

Про себя он сумел возразить: для того и была задумана эта поездка, чтобы ему быть подле Тани с утра до ночи. Дальнейшая прогулка не доставила ему удовольствия, и он рад был, что обе девушки скоро устали от ходьбы, так и не найдя нигде карнавальной суеты. Они все посидели ещё в нижнем из номеров, но скоро решили, что лучше уж завтра встать пораньше, и Светлана с Таней поднялись к себе. Молодые люди, впервые остававшиеся одни, смешались, не зная, чем заняться – не ложиться же и в самом деле спать.

– Пойдите, погуляйте, – прощаясь на ночь, насмешливо сказала им Светлана. – Посмотрите иллюминацию.

– Может, и в самом деле пойти? – нерешительно предложил Прохоров, когда дверь за девушками закрылась. – Спать можно и в Москве. Как поступают в подобных случаях – берут бутылку или, прости за неуместную здесь пошлость, идут по бабам. Второе

отпадает начисто, для первого нет технических возможностей. Остаётся только идти бродить. Трезвый мужской разговор на ходу.

– Через десять минут девочки надумают спуститься.

– Можно даже наметить цель. Например, разыщем «Лиру», чтобы не плутать завтра.

– Улицу-то я знаю, – сказал Аратов, надевая пальто.

– Я ведь знаю, почему ты сопротивляешься: ты настроился гулять с Таней, и со мной тебе противно. Но, если повезёт, мы можем найти по дороге какой-нибудь погребок..

Швейцар, встав со стула, почтительно распахнул им дверь, и Аратов невольно остановился, чтобы заговорить; он едва не спросил у старика дорогу в «Лиру». Спыхватившись, он рассмеялся и заторопился на улицу: Андрей уже оглядывался в нетерпении. «Это он из-за Тани так предупредителен, – подумал Аратов о швейцаре. – Я греюсь в отражённых лучах, а её все любят, её нельзя же не любить».

Перейдя дорогу, оба одновременно посмотрели на окна – у девушек горел свет. Аратов чувствовал себя неудобно, словно делал что-то предосудительное.

– Не беспокойся, – повлёк его прочь Прохоров, – я ещё раньше сказал жене. Итак, вперёд: по рижским бульварам, по парижским...

– Если бы! Мечта жизни: увидеть – и умереть, не так ли? Три города знакомы по книгам с детства, как родные: Ленинград, Одесса и Париж. Нет: Ленинград, Париж и Одесса.

– Пока и здесь неплохо. Наслаждайся свободой – скоро станешь, брат, связан по рукам и ногам, больше не позволишь себе прогуливаться без спроса. Ты уже и теперь находишь в нашей невинной вылазке привкус приключения. Не хочу сказать плохого, но эта девочка сумеет поставить рамки. Тебе выбор будет: или вдвоём, или – ничего, ноль, черта.

– Я так и хочу – вдвоём.

– Как всегда, я шучу только наполовину.

– А я серьёзен как никогда. Я счастлив, – сказал Аратов. – И всё же почему ты предупреждаешь меня? Если ты шутишь только наполовину, значит, тебе либо известно что-то о Тане, либо у самого дела не в порядке.

– Ни то, ни другое. Светка – золотая женщина, но есть нечто, к чему она ревнует, и не так уж она неправа.

– Но она ведь знала это. Вы знали оба.

– Знала! Это всё на словах, а давно известно, что теория – одно, практика... Дальше хуже будет, а у меня прибавляется работы. Много обещают...

– Что именно? Хорошо, хорошо, я знаю, что ты, конечно, скажешь, будто всё еще не точно, да одни обещания – и то уже шаг вперед, уже событие.

– Знаешь, Игорь, я бы водки выпил где-нибудь.

– В крайнем случае – в гостинице. Только без девочек нечестно, они бы тоже пошли.

– Ты спрашивал, почему я предупреждаю? Она верёвки может вить из тебя.

Две девушки, обгоняя, оглянулись на них и засмеялись. В полутьме они показались хорошенькими, и Аратов подумал, что, будь это год назад, они с Андреем постарались бы задержать их. Теперь он посмотрел на них словно из какого-то отдаления.

Отлучка оказалась недолгой: кафе они нашли быстро и, лишившись цели, утратили к прогулке всякий интерес. На обратном пути, возле рекламных часов кондитерской фабрики, к ним привязалась группа подвыпивших подростков: один попросил закурить, второй прошёлся насчет прохоровских очков – Андрей, не слушая, молча отодвинул его; озадаченный силой руки, тот уступил дорогу.

Когда они подошли к гостинице, света в верхнем номере уже не было.

– Они пошли искать «Лиру», – объяснил Прохоров.

На лестнице слышалась музыка из ресторана. Нежный, юный голос обвораживающе тянул: «Ту-у-а, ту-а», – и невозможно было устоять, чтобы не взглянуть на ту, что так верно пела о любви (это ясно было без перевода). и обещала так много. Аратов приоткрыл дверь, но так ничего и не разглядел и поспешил за Прохоровым.

* * *

Стенгазету вывесили с утра, однако в этот, последний в году рабочий день, народ расходился по домам рано, да и не до скромных сенсаций стенной печати было, когда одних беспокоило выполнение годового плана, другие занимались взаимными поздравлениями, а все вместе – готовились сесть за накрытые в рабочих комнатах столы, соблазнявшие не одними бутербродами, а салатами, и грибочками, и тортами (бутылки до времени прятались от чужих глаз).

Остановиться у стенда и почитать удосужились лишь немногие, а из своего начальства, может быть – один Лобода; о последствиях его чтения говорили потом многие недели. Первый слушок об этом, слабеньким ветерком прошлестев по дому, заглох в предновогоднем шуме, но, придя в январе на работу, все уже знали и обсуждали, и затронуты были случившимся; недавний праздник как-то сразу забылся, даже Аратовым, хотя для него был замечателен.

Веривший, что какова встреча, таков и весь год, Аратов вдвойне радовался, что на этот раз был с Таней; за этим счастливым годом, думал он, должны последовать и другие славные лета. Если что и не очень ладно получилось на их вечеринке, то ведь и не бывает, чтобы всё подряд шло, как по маслу, зато всё разом, одинаково отдалилось, когда пришла пора вернуться к работе.

Утром, когда никто ещё не успел приступить к обычным своим делам, пронеслось уже не дуновение ветерка, а вполне оформившееся известие, что Лобода собирается снять стенгазету; случай был беспрецедентный, и те, кто не читал ещё, бросились, пока не поздно, навёрстывать и создали давку. Поначалу читатели почувствовали разочарование, не отыскав ничего дурного в разрисованном зайчиками и снегурочками номере. Они пожимали плечами и расходились, и слух о снятии газеты, быть может, так и остался бы недобрым сотрясением воздуха, но сыграла свою роль толчея возле стенда в рабочее время. Перед звонком на обед Лобода, с трудом втащив щит со стенгазетой в комнату, положил на свободный сейчас от бумаг стол Винокура. Сам Винокур сидел в эту минуту подле Раи, занимаясь вовсе не расшифровкой графиков, а вполголоса рассказывая что-то забавное; она старалась не смеяться вслух, и вид у неё был счастливый.

– Ну вот, принёс, – вздохнул Лобода, освободившись от неловкой ноши.

Аратов оторопел:

– Как это прикажете понимать, Руслан Васильевич? Как первую новогоднюю шутку?

– Не понимаю шуток на производстве. Дошутились: срам на всю фирму.

– Мы с Винокуром уволимся: мёртвые сраму не имут.

– Опять зубоскальство! – возмутился Лобода. – Это уже дурно пахнет, Игорь Михайлович. И так ведь что натворили: оставили отдел без газеты.

Услышав свою фамилию, Винокур подошел к столу, следом за ним подвинулась поближе и Рая; остальные оставили работу и прислушивались.

– Убейте, не понимаю, Руслан Васильевич: отдел без газеты оставили вы, – возразил Аратов, оправившись от удивления. – На своём горбу, простите, принесли. Зачем, почему – объясните хоть что-нибудь.

– Это я хотел бы услышать ваши объяснения, – жёстко сказал Лобода. – Что вы тут позволили себе написать?

– Вы напрасно беспокоились, тащили такую тяжесть: я бы и сам подошел к стенду, – насмешливо сказал Аратов, не понимая, в чём усмотрел крамолу Лобода. – Спасибо, конечно, я тронут, но если все читатели станут бегать с доской на спине ради единственного вопроса, нам не обойтись без травм: того и гляди, зацепят кого-нибудь ненароком. А будь сейчас каменный век – представляете, какой валун вам пришлось бы тащить в пещеру?

– Аратов!

– Вы меня одёргиваете? Не слишком ли... Впрочем, вы так и не изложили свои претензии. Предварительно же напомним, что на конкурсе стенгазет у нас не было конкурентов: высший сорт нашей продукции, так сказать, общепризнан. Честь отдела, так сказать...

– А у этого номера просто бешеный успех, – продолжил Винокур. – Читают взахлёб. Ну а раз народ признал...Вряд ли мы могли где-то ошибиться.

– Ошибаться вам нельзя, – внезапно успокоившись, задумчиво проговорил Лобода, – да вы и не ошибаетесь, нет. Ошибка – дело случайное, но вы-то совещались и продумали свою линию на подрыв авторитета руководства.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами Аратов. – И нельзя ли без демагогии?

– Начальник заговор шьёт, – хихикнул Винокур.

– К тому же газету повесили без ведома партбюро, – закончил Лобода.

– Вот те раз! – вскричал Аратов. – А где вы были, когда мы делали номер? Не к вам ли я подходил четыре не то пять раз с просьбой прочесть макет? Так нет же: «Давайте, ребятки, сами, у вас хорошо получается». Кстати, Ерышев, член партбюро, читал и одобрил, а вы теперь хулиганите. Да, хулиганите, другого

слова нет: попробуйте сорвать газету «Правда» где-нибудь на улице – без разговора угодите в отделение.

– Что же, оставить газету с таким фельетоном?

– Ах, так вот в чём дело, – облегчённо рассмеялся Аратов. – Я-то думал... Впрочем, прекрасный фельетон: я сам писал.

Отшучиваясь, он поспешно припоминал текст, пытаясь сообразить, где допустил промах, оговорку, но находил там единственный недостаток – боялся, что вышло не смешно. В спешке ему не до того было, чтобы изобретать новое, когда уже устоялся шаблон новогодней темы, и Аратов лишь собрал воедино анекдоты, связанные с работой прошедшего года, да придумал кое-какие пожелания на будущее. В конце концов, двенадцать месяцев на службе – всего лишь отчётный период, и нужные документы были под рукой, в курьёзах не было недостатка, и он сам развеселился, вспоминая: их; оттого что настроение поднялось, он не стал, вопреки начальному плану, писать о главной и самой свежей обиде – о том, что Дом молодёжи, быстро и с любовью отделанный комсомольцами, забрали под профилакторий (он понимал, что последний нужнее любого клуба, и если бы сразу было условлено, ребята вложили б и в него столько же, а то и больше, души и труда, но теперь получалось, что их нагло обманули); об этом нельзя было говорить вскользь, и он решил в следующем номере выступить со статьёй. Для фельетона требовался материал полегче; он знал много весёлых мелочей, годившихся на новогодние пожелания, и, чтобы, увлекшись ими, не забыть всё же о главном, даже прежде прочего написал на полях: «Хотелось бы, чтобы премии, если будут, распределялись не так, как за тему «Е-7». Потом, вписывая фразу на место, он поморщился, потому что получилось казённо, тем более – на общем потешном фоне, но помучившись с минуту, повторил в точности. Имел же он в виду то, что премию за назаровские пуски в бригаде Лободы получили поголовно все, а у анализаторов – только Еленский, Гапонов и он сам.

– Говоришь, сам писал? – переспросил Лобода. – Объясника тогда это: «Хотелось бы, чтобы премии... распределялись не так?..» Что это такое, на кого вы замахиваетесь?

– На вас, – ответил Аратов, сразу успокоившись, оттого что замечание Лободы оказалось незначительным; хотелось же ему сказать другое: «На воре шапка горит». – Вы плохо распределили, некрасиво. Кстати, без участия комсомольской организации.

И вышло так, что у Лободы получили все и помногу, а у Еленского – три человека и в половинном размере. Почему не получили премии техники? А самый яркий пример – молодые специалисты: Крылович у нас и ваш Татухин. Они учились в одной группе, одновременно пришли на фирму и участвовали в одних и тех же пусках. Но Татухин получил столько же, сколько у нас – старший инженер Гапонов, а о Крыловиче попросту забыли.

– Такой старательный парень, – вставила Рая.

– С ним можно было бы решить в рабочем порядке, – пробормотал Лобода.

– Но не решили.

– Да что спорить, – вмешался Винокур, – делёжку произвели, прямо скажем, не подумав. Как говорится, факты подтвердились, и если это вас задевает, то примите к сведению на будущее: для того и пишутся фельетоны. Вообще, знающие за собой вину поймут, о ком и о чём речь.

– Кого ты имеешь в виду? – насторожился Лобода. – Конкретно?

– Не один же вы подписывали ведомость.

– Отвечать-то за вашу писанину мне.

– Отвечайте, – огрызнулся Винокур, но, почувствовав, что сказал лишнее, предложил уже миролюбиво: – Если хотите, напишем вот здесь: «Орган бюро ВЛКСМ». Тогда вы за текст не в ответе.

– Как вы заговорили! Хотите, значит, противопоставить себя партийному руководству?

– Каждый понимает в меру своей испорченности, – съязвил Аратов. – Это вам пришло в голову, а не Толе.

– Да, ты что-то не то говоришь, Руслан, – вмешался только что подошедший к ним Ерышев. – Остынь, а то в горячке такого напорешь... Да и прошло время ярлыки вешать.

– Что же, нам с ним, – Лобода ткнул пальцем в Аратова, – дипломатическими нотами обмениваться? А газету пусть читают?

– С её снятием ты, честно говоря, поторопился: что за партизанские методы? Надо было сначала обсудить на партбюро.

– Не собираться же по каждому пустяку. Я имею право кое-что решить и сам.

– Пустяк, а так скандалишь, – сказал Ерышев уже в спину уходящему Лободе.

Аратов едва не спросил, не повесить ли опять доску на место, но вовремя сообразил, что, обострив отношения с Лободой, повредит

своей новой затее – созданию многотиражки: до сих пор он рассчитывал, что главным доводом будет успех его стенгазеты.

* * *

Наверняка у Тани было много приглашений на встречу Нового года – конечно, собирались весёлые, близкие ей студенческие компании; Аратов понимал, что с ним ей будет скучнее. Ему снова помог случай: возможно, он преувеличивал трудности, но, не придумай Прохоров поездку в дом отдыха, всё могло пойти по-другому.

Дом отдыха стоял как остров: корпуса скрывались за густыми елями, а по внешнюю сторону ограды были только голое поле до горизонта, шоссе да высоковольтная линия. Сойдя с автобуса, Таня с неудовольствием огляделась вокруг, и Прохоров, перехватив её взгляд, поспешил сказать, что утром отведёт всех в живописный лес за рекой: места были хорошо ему знакомы.

Автобус пришел засветло, но отдыхающих, предупредив заранее, не кормили ни обедом, ни ужином, соорудив за счёт этого праздничный стол с изумительным набором закусок: тут было, кажется, всё, от грибов и печёной картошки до буженины и красной икры. Лишь о напитках следовало заботиться самим.

– Выйдем на двор, – предложил Аратов. – Под живую ёлку: растёт у самого подъезда.

– Ничто, брат, не повторяется, – предупредил Андрей, внимательно глядя на друга.

– Пусть потом не думается, что чего-то не сделали, что можно было.

– Пошли, пошли на улицу, – загорелась Таня. – Берём шампанское – и пошли: ну как можно оставаться в помещении, для чего же мы уехали из города?

– Искусственно, брат, ничего не создашь. Что образуется само собою, то и хорошо, остальное – самообман или обман.

– Это же повторяется только у нас с тобой. Нет, только у меня одного.

– Какая разница? В прочем, Таня права: надо идти.

Чего-то и в самом деле недостало ему: то ли выбранная ёлочка была мала – по пояс, то ли слишком старательно расчищена аллея, то ли близок и гол был фонарь на столбе, только Аратов не нашёл в нынешнем обряде ни романтики, ни таинственности:

просто вышли на холод, выпили по бокалу и поторопились вернуться в зал. Таня, однако, сияла.

Как хорошо было бы Аратову, когда бы и знакомство их, и сближение произошли мгновенно, на одном дыхании, так, чтобы потом и вспомнить стало нельзя, что за чем следовало; но этого уже не случилось, а теперь не только ничего не разогнать, не раскрутить было, но и приходилось стараться, чтобы не пошло на убыль.

– Что ты, брат, нахмурился? – наклонившись к нему, вполголоса участливо спросил Прохоров. – Как я прав был! Пошли скорее за стол, не то замёрзнем. Пошли, Игорь, пошли. Тут движение – одностороннее.

Как светло, как тепло показалось в зале, да ещё соседи по столу так обрадовались молодым людям, вернувшимся с мороза, словно и не чаяли больше встретиться; теперь, взглянув на Таню, Аратов понял, что она попала, наконец, в свою стихию: со всех сторон её (прежде, нежели других) поздравляли, приглашали присоединиться к тостам, а она цвела и радовалась, но не называла происходящее сказкой, как два года назад – Аратов, а считала, что так и должно быть.

Для танцев Аратов привёз с собой магнитофон (он успел обменять свой первый громоздкий аппарат на новый, переносный, какие были ещё в диковинку) и подключил его к радиоле в гостиной; он рассчитал правильно: казённые пластинки были невозможно старомодны и заиграны, а публика хотела современной музыки.

Не успел он отойти от магнитофона, как Таню уже пригласили. Этот танец кончился, когда пара была у противоположной стены, и почти тотчас начался следующий; так коротки были перерывы между записанными на плёнку вещами, что Таня и не пыталась пробраться туда, где ждал её Аратов. В его власти было останавливать музыку вручную, но он, растерявшись, не сразу сообразил это, а сообразив, счёл нечестным приёмом. Скорее уж он готов был пойти следом за Таней – ловить момент остановки, а может быть, и прервать танец в разгаре, чтобы пригласить наконец самому, но тут Светлана позвала его в круг. Он подумал, что это – удобный случай переместиться в нужный угол зала, но Светлана словно не понимала его, и они, танцуя, нисколько не приближались к месту, откуда доносился голос

Тани. Раздосадованный на обеих, он пригласил первую подвернувшуюся под руку некрасивую девушку в очках. Говорить с ней было не о чем, да этого и не требовалось, она сама лепетала без умолку, из-за чего, когда музыка смолкала, он не мог отойти, и приходилось приглашать её снова; они протанцевали вместе уже три раза, и Аратов беспокоился, что Таня, заметив, поймёт это неправильно, и тут же подумал, что пусть она заметит и забеспокоится сама. Девочка в очках всё видела и всё знала, и сказала вдруг, остановившись подле Тани, Прохорова и Светланы, впервые случайно собравшихся вместе:

– Кажется, здесь – ваши.

Он успел пригласить Таню. Впрочем, через пять минут, когда ему пришлось отвлечься из-за обрыва плёнки, она снова умчалась куда-то далеко, и Аратов, видя, как она весела с кем-то чужим и не нужным ей, и опечалившись этим, занялся магнитофоном – нужно же было чем-то заняться. Заслонённые от него толпою, Светлана и Таня на мгновение сошлись вместе; в мелькнувшем просвете Аратов успел заметить, как Светлана шепнула что-то на ухо Тане (он понял, что), и у той сделалось такое лицо, как если бы она очнулась после приятного головокружения.

Ему нехорошо было от сознания, что из-за него Таня вернулась на землю.

– Прости, – сказала она, подойдя. – Это невозможно – бороться с ними.

– Что ты, у тебя праздник, я понимаю.

Кто-то подошел к ней и поклонился, но она отказала.

С этого момента их четвёрка больше не распадалась, но Аратов видел, что если он сам был лишь с Таней, то она – со всеми, кто находился тут.

Утро потом выдалось пасмурное, с ветром, и в комнате стало прохладно, но настроение у Аратова по пробуждении было таково, будто накануне и в самом деле всё шло как нельзя лучше. Прохоров спал еще, и Аратов, стараясь не шуметь, занялся делом: Таня просила переставить крепления на её лыжах. Такие лыжи – широкие, тяжёлые, с острыми стальными кантами – он держал в руках впервые. Едва он принялся за работу, произошла остановка: отвёртка складного ножа оказалась слаба, и Аратов решил сходить за инструментом в гараж.

Ворота стояли настезь. В бокс, к колёсам автобуса, намело снега, и хотя свежих следов возле ворот натоптано было доста-

точно, тишина была такая, словно сюда уже давно не приходили люди. Аратов крикнул, но никто не отозвался, и он, помедлив, вошёл в помещение. В углу, на верстаке, он нашёл то, что требовалось, и только обернувшись затем к выходу, увидел в проёме наблюдавшего за ним крепкого пожилого мужчину в телогрейке и валенках.

– С Новым годом, – сконфуженно произнёс Аратов. – Я тут пошумел – не откликаются. А мне инструмент – позарез. Верну минут через десять, а?

– Бери хоть до вечера: кому сейчас нужны железяки? Только что у тебя за выдумки – работать в праздник? Я сторож, и то... А ты придумал – винты винтить. Самое время винца выпить, поправиться. Или жена не позволяет?

– Я сегодня ещё не спрашивал, – усмехнулся Аратов.

– Как же, видел я твою-то. Молодец, молодец.

Что было ему в похвале случайного встречного? И всё же приятно оказалось услышать.

– Может, зайдёте к нам? – пригласил он. – Раз уж надо «поправиться», у нас найдётся.

– Нам в корпуса не положено. Да что ходить, когда с собой есть? Не побрезгуй.

Сторож вынул из-за пазухи бутылку красного вина. Аратов, не пивший креплёного, отказался было, но тот настаивал – и уговорил.

– Только стакана нету, – посетовал сторож. – Я всегда прятал тут, да разбил кто-то. Ну, ладно, гляди сюда.

Он указал на этикетку с морем и пальмами.

– Намедни отдыхающие были – вот ребята весёлые – так они делили: ты пей до уровня моря, а я – ниже.

Аратов расхохотался.

– Выпей-ка, молодой человек, за твоё семейное счастье.

– Спасибо, мне очень нужно – за это, – серьёзно сказал Аратов.

– Спасибо. Продержаться бы в этом году на уровне моря.

– Пей хоть до дна.

– Как раз до дна-то и не хотелось бы.

Аратов неожиданно представил себя со стороны: вообразил, что Андрей вышел искать его, увидел в гараже – и принялся рисовать; ему стало небывало хорошо оттого, что снаружи лежит не по-городскому белый снег и где-то близко заржала лошадь,

и люди ходят в валенках, и сам он сидит не за столом, а на ящике, подпирающем створку ворот.

– В городе-то, поди, снега нету, – обронил сторож.

Подумав о полигоне, Аратов улыбнулся:

– Верно. У нас с этим туго. Хоть вози на самолётах.

– Я и говорю: скоро начнут с самолётов кидать. Бомбовозы, я чай, простаивают.

– Пусть бы всегда простаивали. А снег – пусть летом бросают.

– Городские, вы все так думаете: вроде бы и не нужен, когда в достатке, А как земля укрыта, вам дела нет. Нынче подавай грибы-ягоды, а завтра – снег с бомбовоза. Дойдёт ваша наука и до этого. Сам-то по какой части?

Сторожу можно было бы сказать и правду, коли виделись в первый и в последний раз и следу Аратова суждено было затеряться в столь далёкой от его собеседника столице.

– По части бомбовозов, – сказал Аратов, тут же, в предвидении естественных вопросов, поспешив оговориться: – Сам-то не летаю, а ставлю на машины разные приборы и отправляю в воздух.

Ему понравилось, как получилось в этот раз. «Вот такой легенды, – решил он, – и нужно держаться. Без особого вранья».

– Тоже работа, – снисходительно бросил сторож.

– Неужто нехороша? Что ни говори, а мужское дело: железо в руках.

– Не в конторе сидеть, это верно. Только железа твоего вокруг – не знаешь, куда деться. Над нами, вон, самолёты круглый день на посадку идут.

– Сто метров над уровнем моря, – сказал Аратов, возвращая бутылку.

– Это уж как организм требует. Я-то обожду пока.

– Мы с ребятами думаем на лыжах пройтись. Только вот найдутся ли тут горки?

– Иди под высоковольткой налево, не сворачивая, а увидишь лес – речка будет по правой руке. Наш берег высокий, ребятишки катаются на салазках, а отдыхающие больше стороной обходят. Ты, гляди, праздник не нарушь, не то, бывает, покатится кто с горки, а там, над речкой, обрывчик маленький есть, вот и приходится потом лошадь запрягать.

– Остерегусь, – пообещал Аратов, поднимаясь, чтобы уйти.

Прохоров встал уже и умывался; на его вопрос Аратов ответил не сразу, да и то сказал почему-то, что задержался не в гараже, а в гостях: зашёл за отверткой – и пришлось поболтать о том, о сём; он вдруг и сам почти поверил, что заходил в избу с горницей в два света, с лавками, с никелированной, высоко постеленной кроватью, с ходиками и с развешанными по стенам первомайскими плакатами и групповыми фото. Потом он всё же рассказал о гараже и о бутылке портвейна, и Прохоров, представив обстановку разговора «за жизнь», развеселился.

– Напиши, – посоветовал Аратов. – Гараж, полутьма, а в воротах, на ящиках, сидят двое: молодой парень, студентик, может быть, в очках, в простом свитере, и дед в тулупе и чиненых валенках. В руке у студента – портвейн «Три семёрки». Помнишь, ты хотел назвать полотно «Мужской разговор»? То самое.

– Скажи-ка, ты научился замечать сюжеты! Девочки не встали?

– Не заходил. Давай, сначала сделаем лыжи, не то сборы растянутся на час.

И в самом деле, долго прособиравшись, они едва не опоздали на завтрак и на прогулку потом вышли последними. Таня с трудом ковыляла по полю на горных лыжах. Лес оказался дальше, чем представлял Аратов, а ветер на открытом месте неприятно дул в лицо и кое-где замёл свежую лыжню. Стоило, однако, войти в лес, оставив за собою всего несколько деревьев, как воздух успокоился, шум прошёл, стали различимы иные, кроме чёрной и белой, краски, и оказалось возможным остановиться и посмотреть вокруг.

Совсем близко от них начинался спуск к реке. Гора была крутая, ребятишки съезжали на санках только с половины, и Аратов усомнился, осмелится ли спуститься и он.

– В Туристе горы побольше, – небрежно оценила Таня.

Подошедшие мальчишки заворожённо уставились на её лыжи.

– Для трамплина, – уверенно определил один.

– Для слалома, – с удовольствием поправила Таня.

В её присутствии Аратову необходимо было не просто решиться на спуск, но показать пример. Не дожидаясь, пока девушка объяснится с детьми, он оттолкнулся и заскользил, не зная, куда. Он пытался притормаживать при спуске, и те несколько манёвров, что ему кое-как удалось совершить, потребовали всех сил и сноровки: ноги не держали, когда он остановился у реки. Посмотрев

вверх, он увидел, как спускается Таня, и впечатление было такое, будто повороты даются ей легче движения по прямой.

– Ты неправильно поворачиваешь, – заметила она, лихо затормозив подле. – Держи ноги вместе и отводи корпус. Хотя на равнинных лыжах, конечно, не покрутишься: пятка же не закреплена.

– Красиво ты спускалась.

– Я ещё не привыкла к этим лыжам.

– Почему мы никогда не катались вместе?

– Я езжу только в Турист. На равнинных там нечего делать.

– Придётся купить горные, – легко решил проблему Аратов.

– Смотри, смотри: идет напрямую!

Не утруждая себя поворотами и торможением, Прохоров разогнался вдоль склона; не успела Таня сказать, что так ему не добраться до низу, как лыжник скрылся в поднятой его падением снежной туче. Под горой восторженно закричали дети. Светлане, оставшейся наверху, пришлось поспешить на помощь мужу – она добралась до него с остановками, то и дело садясь со страху на снег.

Перипетии спуска товарищей мало занимали Аратова, он желал только, чтобы они съехали сюда, к нему, как можно позже; за минувшие сутки ему почти не пришлось быть с Таней наедине, и сейчас мнилось, что и лишняя минута может сыграть роль.

«Танечка, – захотелось сказать ему, как он не говорил никогда, и, видя её изумление, повторить: – Танечка. Мне вдруг необходимо стало услышать, как звучит твоё имя. Это часто бывает со мной: я произношу вслух «Таня!» и думаю, что от этого ты приближаешься ко мне. Это, наверно, не мои слова, я всегда стеснялся говорить таким слогом и сейчас говорю не я, а книги и фильмы за всю мою жизнь, поэтому и не хочется лишних слов, а одно лишь твоё имя рвётся с языка. Знаешь, Таня, Таня, хорошо, что мы так красиво проводим свои каникулы, но я и всегда, везде был бы счастлив, когда бы ты была рядом, и я хочу, чтобы ты знала это и позволяла бы любить себя, и мне – говорить об этом. Вот спустятся Прохоровы, и давай расскажем им всё».

– Таня, – сказал он.

Девушка молча, скосив глаза, посмотрела на него.

– Таня! Нет, я не звал, мне вдруг необходимо стало услышать, как звучит твоё имя.

Она пожала плечами.

- Смотри, какую яму вырыл Андрей, когда упал, – сказала она.
- Пойдём ремонтировать горку? – решил пошутить он, довольный и огорчённый облегчением разговора.
- Обычно так и делают.
- А ты бы осталась здесь, в доме отдыха, надолго? И чтобы никого больше не было, только мы вдвоём?
- Что это за отдых? Надоели бы друг другу.
- К нам приезжали бы гости. Не в этом дело. Я хотел сказать тебе, давно хотел...
- Расстегни мне, пожалуйста, крепление, – попросила она. – В этой амуниции так просто не нагнёшься.
- Вот так, у ног твоих, – грустно улыбнулся он, опустившись на колени, чтобы помочь, – начну объясняться в любви. Положения удобнее этого не представится. Смешно выглядит, наверно, но все влюблённые, по-моему, смешны со стороны.
- Не нужно, Игорь, – сказала она. – Что ты, в самом деле – на коленях...
- Ты сама просила. Я, Таня...
- Ты знаешь, что я скажу. Впрочем, начни.
- Хочешь обратить это в игру? Если уж ответ известен заранее, нужно ли начинать?
- Не жалея потом.
Продолжать было нельзя: неся лыжи в руках, к ним подошла Светлана.

* * *

Злополучная стенгазета осталась в комнате бригады анализа, то есть как бы в помещении редакции. Около неё сразу началась какое-то движение – посторонние заходили почитать, и чтобы они не мешали работать, доску переложили на Раин стол, стоявший в стороне. Рая, оглядевшись, заняла свободное место рядом с Винокуром.

- Как раз я считаю траектории для Толи, – объяснила она.

- Считай, считай, – рассеянно отозвался Еленский.

Расчётов сначала не получилось у них, а только смешки и шушуканье, и Аратов, проходя мимо, с удивлением услышал в голосе Раи заискивающие нотки.

Еленский позвал его к телефону. Звонил секретарь комитета комсомола, Чернов.

– Слушай, Аратов, что у тебя творится? Мне тут какие-то сказки рассказывают, – спрашивал тот; судя по шуму, он звонил из какого-то цеха.

– Хочешь, чтобы я рассказал по телефону? – осведомился Аратов, удивляясь скорости распространения новостей.

– Ни в коем случае: я сам хотел взглянуть. Ты у себя будешь?

– У себя, – сухо ответил Аратов; ему не хотелось выносить сор из избы.

Чернов пришёл через несколько минут.

– Зря ты всполошился, – сказал ему Игорь. – Банальный местный конфликт.

– Ничего себе зря, – фыркнул Чернов. – Если в каждом отделе начнут расправляться с комсомольской печатью за критику, то грош цена и мне, и всему комитету. Так что давай, показывай.

Бегло проглядев текст, Чернов хмыкнул, потом, уже не спеша, прочёл ещё раз и потребовал комментариев. Его реакция была неожиданной для Аратова.

– Я бы покрепче написал, – сказал Чернов. – Тебя, возможно, и бьют потому, что ограничиваешься намёками. Были бы фамилии да цифры – поди, опровергни. А так – скажут, что охаиваешь огульно.

– Уже говорят.

– То-то. Ну, да уж дело сделано, и чтобы работа не пропала напрасно, давай, поместим эту твою заметку в заводскую комсомольскую газету. Там как раз осталось место.

– Ты прямо – быка за рога, – поразился Аратов. – Ещё и тебе влетит за мальчишество и партизанщину.

Рассмеявшись, Чернов с некоторым самодовольством ответил, что заранее заручился согласием секретаря парткома. Аратову ничего не оставалось, как сколоть с доски и отдать тому, свернув в трубку, лист ватмана; он бы хотел, чтобы дело на том и закончилось: бороться за премию было поздно, и теперь всё свелось бы к ненужному выяснению отношений, не более.

Он надеялся, что и Лобода остынет, и что насущные дела не позволят тому вернуться к неприятному вопросу; первые дни года, когда на полигон вылетала в полном составе очередная экспедиция, всегда бывали особенно горячи. Лобода, однако, не отступился и вернулся уже через полтора часа, приведя с собою Астапова. В это время в заводском комитете комсомола маши-

нистка, наверно, уже заканчивала перепечатывать нехитрое аратовское сочинение.

– Николай Фомич хотел познакомиться с заметками, – насто-роженно буравя Аратова глубоко запрятанными маленькими глазками, проговорил Лобода; ему, видимо, странно было, что доска прислонена лицом к стене.

– Вы же читали, – сказал Аратов, видевший Астапова в коридоре среди читателей.

– От доски до доски, – простодушно подтвердил тот, – да вот Руслан что-то выискал.

– Сожалею, но у нас нет газеты, – развёл руками Аратов; ему неудобно было перед Астаповым, но и сказать, как в действительности обстоит дело, он не мог, пока Чернов не вывесил свой выпуск. – С ней по решению Лободы покончили.

Астапов поднял брови:

– Выходит, мы остались без ничего? Что-то ты перемудрил, Руслан.

– Жаль, что Аратов стал на такую позицию, – пожевав губами, тихо сказал Лобода. – Ну, ошибся – мы помогли бы. Но раз ерепенится, пусть пеняет на себя.

– Порвал ты её, что ли? – спросил Николай Фомич. – Однако, ты твёрд, юноша.

– Знаю я, что за этим кроется, – сказал Лобода.

– Ещё бы не знать, – недобро рассмеялся Аратов. – Отвечать-то придётся вам, как вы и говорили.

Молча повернувшись, Лобода вышел из комнаты.

– Простите, Николай Фомич, – сказал Аратов, – я не хотел – при Руслане. Газету взяли на время в заводской комитет комсомола.

– Доиграетесь вы, – вздохнул Астапов. – Было бы из-за чего.

– Вот именно. Не заведись Руслан, всё тихо было бы. Никто, кроме него, не нашёл в тексте предосудительного.

– Что ж, теперь – до победного конца?

– Если только вы не поможете затуханию процесса...

После обеда Аратова с Винокуром пригласили на заседание партбюро отдела. «Вот всё и уладится, – с облегчением подумал Аратов. – Один Руслан, будь он хоть трижды секретарь, погоды не делает. Его, конечно, поддержит Губин, но зато будут Фомич, Караулов, Ерышев – этого количества, как говорится, хватит. Кто ещё? Старостин – тот Фомичу в рот смотрит и против своего

начальства не пойдёт. Неясно только, как поведёт себя Юхно – это пешка, и недалёкая... Нет, Руслану тут не развернуться – окончательно успокоился он, но, ещё не войдя в карауловский кабинет, ещё с порога, даже и рта не успев открыть для приветствия, увидел, что за люди собрались там, мгновенно поняв, что это – не случай и что обстоятельства не изменятся до конца. Чтобы подтвердить догадку и дразня не то Лободу, не то себя, он сказал с невинным видом:

– Ещё не все пришли, оказывается. А мы-то спешили...

– Все на месте, все, – успокоили его. – Гедич сегодня улетел, а Караулова и Ерышева вызвал главный.

Теперь он вспомнил: на этот час было назначено совещание у Саверина. «Значит, одна «гайка» да Губин от снабженцев, – подытожил Аратов. – Молодец, Руслан, пять баллов за режиссуру. Знает, что Фомич, при своей мягкости, в одиночку ничего не делает, А остальные – Боже мой, какой паноптикум! Поодиночке они выглядели приличнее».

– Все в сборе, – повторил Губин с председательского, за столом Караулова, места. – Начнём. Начнём год. Вопрос на повестке дня только один. Каждый, к сожалению, успел познакомиться с новогодней газетой. Короче, нам интересна история появления араповского пасквиля.

– Протестую! – вскочил Аратов. – Если вы, Николай Фёдорович, будете говорить в таком тоне, я выйду и продолжу разговор только на заводском «четырёхугольнике». Мы, я думаю, собрались здесь не для взаимных оскорблений: не забывайте, что здесь – партбюро, и что оба мы с вами – лица официальные.

– Вы что же, думаете, что вас могут оскорбить на парт-бю-ро? – после заминки прогремел Губин; голос у него был – приятный и мощный бас. – Вы отдаёте себе отчёт в своих словах?

Начало предвещало мало хорошего, и нужно было снизить градус накала.

– Позволю себе не отвечать, – спокойно сказал Аратов, наблюдая, как багровеет крупное красивое лицо Губина; он был уверен, что выиграет у того в словесной акробатике. – Не пытайтесь поймать меня на слове, это не делает чести вам и ставит в неловкое положение остальных. Я перед вами – не мальчик, а секретарь бюро крупнейшей на фирме комсомольской организации, и уровень собрания должен определить и наше поведение. Я, во

всяком случае, не опущусь до перебранки. Всё. Теперь, я думаю, можно начать. Вас что-то взволновало – постарайтесь успокоиться и давайте поговорим, но – по-деловому.

Заметив движение Губина, готового заговорить, Аратов поспешил продолжить, чтобы утвердить свой темп и тональность беседы:

– Посмотрим для начала, из-за чего сыр-бор. В двух словах: имели место критика снизу и её зажим. У кого-то возникли вопросы в связи с опубликованием новогоднего фельетона – такие вопросы возникли, что Лобода позволил себе при всём честном народе сорвать стенгазету – без решения, даже без ведома партбюро. Содержание номера, правда, не было согласовано персонально с Лободой, но это уж его вина: я сто раз звонил, приглашал. Зато вот Старостин подходил, читал, когда Люся печатала заметки, и Юхно тоже познакомился, и оба улыбались, но не возражали. Ерышев читал при мне черновик и одобрил без замечаний – поэтому, возможно, таким удобным оказалось его отсутствие сейчас. Прежде его санкции бывало достаточно для выпуска.

– Честно говоря, я невнимательно читал, – неуверенно проговорил Юхно. – Хотелось бы ещё раз...

– Беда в том, что наши юные товарищи, – Лобода махнул рукой в сторону Аратова, – почуяв неладное, поспешили разделаться с номером, так что не удастся вам – ещё раз. Но я-то хорошо помню содержание...

– Поощрим вашу память, – прервал его Аратов. – Вам не хуже, чем мне, известно, что заметки у нас печатаются под копирку едва ли не для вечного хранения. Если кто-нибудь заинтересуется – вот они, у Анатолия Михайловича.

Слышно было, как хмыкнул Астапов; слегка смешавшись оттого, что это заметили, он с весёлым ожиданием глянул на Губина.

«Кажется, неплохо, – похвалил себя Аратов. – Просто чудо, что Губа не перебил. А дальше пусть – сами».

Губин протянул руку за заметками. Читая, он остановился совсем не на том месте, где ожидал Аратов: не знал, где искать ересь.

– Вот! Как можно было допустить? – снова загремел Губин, выходя с листками на середину комнаты. – Как вы пишете о столовой: не нравится, видите ли, что продукты были несвежие и запах стоял! Да это антисоветчина!

– Почему ж? – пробормотал Винокур, до этого не проронивший ни слова.

– Вы слишком уж строго судите столовую, – добродушно возразил Аратов. – Они халтурят и даже, возможно, воруют, но и не более того. До антисоветчины они не дошли.

– Да как... как вы поворачиваете! – возмутился Губин. – Я не о столовой говорю, а о ваших сочинениях.

– Не дразни, – шепнул Винокур, но Аратов только усмехнулся.

– Тогда и разговор должен быть серьезнее. Такими словами, да еще публично, не бросаются, – жёстко сказал Аратов и вдруг озорно добавил, с нетерпеливым любопытством ожидая реакции Губина: – Я на вас, Николай Фёдорович, за это в суд подам.

– Ты, тёзка, и правда, воздержался бы от определений, – вмешался Астапов. – Тебя стыдно слушать. В деле не разобрался, а кричишь. погоди маленько, да бранись потише, а то у Руслана, к примеру, голос слабенький, он и слова вставить не может.

– Я пока только слушаю, – отозвался Лобода. – Насчёт столовой там, конечно, резковато написано, не по-новогоднему, но столовка паршивая, что и говорить. А в тексте другой пунктик есть, я всё жду, когда Николай Фёдорович дочитает.

– Да знаю, дочитал уже, понял, чего хочется автору. Премия! Денег ему недодали!

– Опять, Николай Фёдорович – пальцем в небо, – ответил Аратов. – Автор премией доволен, получил сполна. Иначе он бы не знал за собой морального права касаться этой темы. Обошли не его, а других. Премию поделили, мягко говоря, не поровну, а с явным преимуществом бригады Лободы. Чья заслуга больше – вопрос, конечно, спорный, если вообще разрешимый, но только распределял сумму Лобода, и его подразделение охвачено премией стопроцентно, а теоретики в большинстве оказались обойдены – комсомольцы оказались обойдены, и это уже касается меня непосредственно как секретаря. Между прочим, так скрытно и поспешно раздавали деньги, что забыли о необходимости получить мою подпись. Хорошо, я был на полигоне, но тут оставался заместитель.

– Если из списка выпали один-два человека, – сказал Губин, – это всегда можно компенсировать в рабочем порядке. К чему твои обобщения? По-твоему ведь выходит, что вся премия была расписана несправедливо. Её ведь платили не нам одним.

– Может быть, и вся, может, и нет, – пожал плечами Аратов. – Мне про это неизвестно. Наша газета освещает нашу, отдельскую жизнь.

Он подумал, что в заводской стенгазете, текст будет восприниматься по-иному.

– Что значит: «Может быть, и вся»? – встрепенулся Лобода.

– То, что у меня нет сведений, я сказал уже.

Аратов недоговаривал, стараясь не затронуть свежий, более высокий слой, где ему тоже стала, после разговора с Черновым, известна ошибка, и где фигурировали цифры, рядом с которыми премии его ближайших коллег и его собственная были – нуль; говорить об этом можно было только с документами в руках, после серьёзной подготовки.

– Вы даже не можете назвать конкретные факты! – воскликнул Губин. – Назовите мне фамилии и суммы. Теперь в моде критиканство. Болтнуть, что зря, а потом спрятаться в кусты может каждый. Это не критика, а очернительство. Евтушенковцы!

Не сдержавшись, Аратов и Винокур рассмеялись; вряд ли Губин был из тех, кто читает стихи, но о поэзии слишком много говорили вокруг в последние месяцы, и несколько имён были на устах у всех.

– Это что – новая секта? Не понял вас, – сквозь смех сказал Аратов, глядя в окно, где далеко внизу, за яблоневым заводским садом, Чернов и ещё кто-то, неразличимый отсюда, прилаживали на стене проходной комсомольскую стенгазету; она даже издали выглядела эффектно: длинный, окрашенный чёрным лаком, лист авиационной фанеры, прямо на который были наклеены заметки и рисунки. – Что же касается фактов, то их нетрудно собрать. До сего момента я и не думал этим заниматься, но теперь уж поддержу вашу инициативу, тем более, что делом заинтересовался заводской комитет комсомола: эти ребята церемониться не станут. Моя-то задача была скромной: написать весёлый новогодний фельетон – не пасквиль, заметьте, а дружеский шарж. Пришлось, однако, не в бровь, а в глаз – иначе вашего волнения не объяснишь.

– Складно говоришь, – одобрил Астапов.

– Складно – значит, верно, Николай Фомич, – подхватил Аратов. – А то бы слух резало.

– Вы сказали, что и в масштабе КБ заметили... несправедливость, – не унимался Губин. – Кого персонально вы обвиняете?

– Он, тёзка, не обвиняет, – поправил Астапов. – Он же тебе объяснил. Ты прочти, прочти повнимательнее.

– О формулировках поспорим позже, когда будем выносить решение, – отрезал Губин.

– Что значит – позже? – удивился Астапов. – Ты бросаешься словами почём зря, обидел человека. Я поражаюсь, что он ещё терпит, а я бы и правда в суд подал: «пасквиль», «антисоветчина»!.. Серьёзные обвинения. Ты привык со своими грузчиками лаяться...

– Что касается решения, – вставил Винокур, – то понравится ли Караулову, что обошлись без него? Он, правда, только член партбюро, а не секретарь, но на минуточку – зам главного!

– Ты, Анатолий, в нашу работу не вмешивайся, – остановил его Лобода. – Вы все как-то высоко замахиваетесь. Вот и писали вроде бы о Татухине или обо мне, не знаю, а получилось – о Рогове.

– Как, и Рогов тоже? – деланно удивился Аратов. – Кто бы мог подумать?

Рогов – как раз та фамилия была, которую он не хотел называть; ему и теперь рано было показывать свою осведомлённость: Чернов просил поберечь этот козырь на случай осложнений. Дело же, о котором сегодня Аратов узнал от Чернова, заключалось вот в чём. Совсем ещё недавно Рогов был старшим инженером в бригаде прочности и, работая по теме, не имевшей ничего общего с «семёркой», никак не мог бы теперь претендовать на поощрение. Секретарём парткома его избрали буквально за месяц до распределения премии – Рогов не предвидел всех последствий этого и крайне изумился, увидев свою фамилию в платёжной ведомости. Сумма премии, соответственно его новому положению, превышала половину прежней годовой зарплаты; столько же получил и прежний секретарь парткома.. Случай был беспрецедентный, и Рогов смутился и встревожился – так, что дважды отказывался от премии. Ведомость, однако, не исчезала, и он уже собрался идти за советом в горком, но не успел: Саверин, каким-то образом узнав об этом, вызвал его к себе и сказал только одно: «Список подписал я. Всё ясно?» Разговор вёлся при свидетелях – таких, что подробности стали известны Чернову, но не Лободе и не Губину.

– Не «тоже», а в первую очередь, – наставительно сказал теперь Губин Аратову. – Человек, между прочим, руководит партийным

коллективом огромной фирмы. Без помощи партии мы не только не провели бы этих пусков, а и вообще не сделали бы «семёрку».

– Кто же спорит? – мирно ответил Аратов. – Только вы упустили незначительную деталь. Извините, я напомним вам: секретарём-то все эти годы был другой: Шарин.

– Мы уклонились, – напомнил Астапов. – Аратов писал не о Рогове, а о нас с вами, и я вижу, что ты, Николай Фёдорович, не готов к серьёзной беседе. С другой стороны, комсомольцы правы: без Караулова решать такие дела не стоило бы. Да и без Ерышева как непосредственного начальника обоих ребят. Лучше бы нам собраться в другой раз.

Губин отказался закрыть заседание, и стало ясно, что разговор будет долгим и бесплодным, и что последнее слово Губин и Лобода постараются оставить за собой. Вместе с тем и ещё одно стало ясно: Лобода, не выиграв нынешней партии, уже сейчас постарается сделать так, чтобы этот разбор не был последним – не знал же он, какой поддержкой нечаянно заручился Аратов.

Ненужные споры затянулись надолго. «Вот бы решать такие вопросы, – пришло в голову заскучавшему Аратову, – так, как это делали древние: единоборством! Выхожу я, а с той стороны – Руслан в стальной кольчуге, а наши бригады стоят и не вмешиваются, и бьёмся мы, естественно, не на живот, а на смерть. Кто останется в живых, тот вешает свою газету – и никаких обид».

* * *

Порой он удивлялся собственному упорству: столько раз наталкивался на одно и то же препятствие, не зная способа преодолеть или обойти, и всё же предпринимал новые попытки; не найдя однажды преграды, он, вероятно, решил бы, что утрачен смысл бытия. Уже зная о Таниной нелюбви, он продолжал держаться подле неё – иначе пусто стало бы на душе.

– Так жить нельзя, – насмехаясь над собой, пытался он внушить Тане по телефону. – Брось эту вечная занятость, все эти скучные дела, и давай ходим на каток, в кино или, как всегда – в кабак. Господи, мы ни разу, никогда не были с тобой в кино!

– У меня сессия, чудак. Ты забыл, что это такое?

– Вот и хорошо, что сессия, потому что главное в это время – отдых, – сочинял он. – Чем лучше отдохнёшь, тем лучше сдашь. Если не расслабляться после каждого экзамена, а к тому же ещё

и зубрить ночами, то тебе при ответе непременно изменит вдохновение. Ну, а серьёзно – вот что: давай, поедем, покатаемся на лыжах.

– Я так и собиралась. Но я ночую на даче у подружки, у Юльки.

– Утром встретились бы на станции.

– И что – дальше? Я же катаюсь на склонах. И потом, назначать в выходной день точное время – избавь. Вдруг захочется подольше поваляться в постели?

Он даже засмеялся:

– Как это непохоже на тебя: валяться!

Нельзя было мириться с существованием чего-то близкого Тане – и недоступного ему, оттого что встречаться можно было только на равных; впрочем, в самой встрече он верил не слишком.

Первым делом он наметил себе посмотреть, что такое есть этот знаменитый Турист, а потом и попробовать встать на горные лыжи; до сих пор он считал безумною мыслью заняться этим головоломным и жестоким на посторонний взгляд спортом, как будто для этого следовало родиться другим человеком – безрассудным и ловким до гениальности. Прежде при упоминании о слаломе в его воображении неизменно возникали крутой, поросший нескрушиваемыми деревьями склон Ленинских гор, бесстрашные сверхчеловеки на нём и собственная встреча на автомобильной скорости со стволом липы; теперь те же безумные спуски оказались всего лишь развлечением девочки и, ничего уже не понимая, он искал хотя бы знакомства с предметом.

Для поездки в Турист он выбрал день, когда Тани не могло быть там.

Не зная места катания, он думал спросить дорогу, разыскав среди сошедших с электрички человека с горными лыжами, или просто пойти за ним следом..

То, что он увидел ещё на московском вокзале, было полнейшей неожиданностью. К отходу поезд оказался набит почти одними лишь горнолыжниками; несколько человек, не имевшие к тем отношения, совершенно пропали в яркой шумной массе, так плотно заполнившей вагон, что на следующей остановке люди не могли даже войти в тамбур – Аратов видел в окно, как они со своими громоздкими лыжами бегают по перрону от одной двери к другой. Ехать было более часа, и он пока не мог понять, ради

чего такое множество людей терпит столь долгую дорогу, когда и гораздо ближе к городу есть подходящие горки.

– Это не случайный наплыв, – сказал он Прохорову. – Смотри, никто не удивлен теснотой, не возмущён, и, похоже, все знают друг друга. Вообще, своеобразная толпа. Лыжники, да не те, в них есть что-то необычное.

– Одежда, – ответил Прохоров. – Свитера.

Теперь увидел и Аратов. Привычной его глазу одеждой спортсменов было то, что удобно для бега по лыжне – без претензий, ибо кто тебя увидит в лесу? Тут, в вагоне, большинство были одеты как на выставку, в основном – в свитера модной грубой вязки, самых смелых рисунков и расцветок. Присматриваясь, он нашёл и другие отличия – увидел, например, что здесь совсем не было подростков, а только люди не моложе его самого, и отметил даже некоторую общую интеллигентность облика. Проведя в одном с ними вагоне битый час, он всё же не подготовил себя к тому, что увидит на платформе в Туристе, и снова был поражён открывшейся картиной, когда тысячная толпа, все – с диковинными лыжами на плечах, плотным потоком потекла вдоль путей и затем в сторону, к полю.

– Что же там за гора? – с тревожным недоумением воскликнул Аратов. – Что же там за место, если им всем не тесно? Это ведь не по лесу разбрестись.

– А красиво, чёрт побери, – восхитился Прохоров, разглядывая растянувшуюся на сотни метров процессию. – Я, кажется, перестаю жалеть, что ты втравил меня в эту авантюру. Только почему мы-то плетёмся за ними пешком? Надевай-ка свои дощечки – и давай обгоним. Эх, жаль, Светка не поехала.

– Извини, я не спросил даже. Что-нибудь случилось?

– Хандрит нынче. Зато Наташка, видно, не прочь была бы присоединиться, да ведь не поймёшь, как себя держать с вашей милостью.

– Что понимать? Тут катается Таня! – воскликнул Аратов, вспомнив в то же время, что так и не рассказал другу о новогоднем поздравлении, полученном от Наташи.

Письмо было, как и положено, кратким, но после традиционного приветствия шли ещё несколько строк: «Конечно, мои праздничные пожелания невесомы, потому что выражено избитыми словами. Такими же открытками обмениваются и чужие люди. Но мои слова искренни. Но все они – знак обиды за исчезнове-

ние: мы ведь не ссорились». Теперь, запоздало решив поделиться с Прохоровым, он почувствовал, что былая нежность к Наташе на миг проснулась в нём, и пожалел, что связанное с нею утрачено невозвратно. Он не обрадовался, получив письмо, и ничего не сказал о нём Прохорову, не желая лишний раз раскаиваться, оглядываясь назад; смотреть же вперёд – не смел.

В этот день его общество было – старый друг и незнакомые люди в процессии, в которой, он, вопреки очевидному, не видел места для Тани: как могла бы она ступать в тяжелых ботинках по скользкой, утопанной тропе, трудно, под гнётом лыж, поднимаясь на пологий холм? На ней даже свитер выглядел как ненужная, чужая вещь. Аратов предпочитал помнить Таню такой, какой увидел ее в Риге, в «Лире» – прелестной выросшей девочкой в открытом воздушном платье, наивно не замечающей изумлённо прикованных к ней взглядов всего зала. Когда она стала твердить: «Горы, горы», – ему рисовался вовсе не подмосковный овраг, погост и сараи, а синее озеро, снежные вершины над ним, готические черепичные крыши – пейзаж, знакомый по картинкам. Правда, судя по прочитанным книгам, та, горная страна изобиловала не лыжными трассами, а санаториями; он, наверно, потому и представил сейчас её, что в своё время одной из первых ниточек, протянувшихся между ним и Таней, была книга Ремарка – такой удачей оказалось, что Таня не читала ещё, даже не слышала о «Трёх товарищах», о которых говорила вся Москва, и он выиграл сразу два свидания: в одно – принёс книгу, в другое – получил обратно.

Вид Шуколовского оврага не имел общего с тем, альпийским. Прежде спуска, как его преддверие, встретилось сельское кладбище, и Аратов сказал Андрею, что вот – символ и предупреждение. То, как они почтительно остановились, взгляды в кресты и памятники, поставленные среди голых деревьев, и венки из страшных на снегу аляповатых искусственных цветов, выдавало в них людей случайных: прочие деловито переобувались, сидя на скамейках подле могил. Выйдя за ограду, друзья снова остановились, теперь – в смятении перед тем, чего не смогли бы одолеть: они увидели перелом своей дороги и провал за ним. Прибавляя опасности, далеко внизу, где-то на середине склона, стояли два крепких старых дерева; незамёрзший ручей под не имеющей выката горой уже не беспокоил их: до него нужно было ещё добраться.

- У тебя любовь, понимаю, – пробормотал Прохоров. – Но за что страдаю я? Главное, всё равно придётся решиться: на нас смотрят.

- Любишь окрестностями сколько угодно: те, кто смотрит, тоже не едут.

- Мне возразят, что вид из-под горы живописнее.

- Стимула, однако, нет, – проговорил Аратов, вспоминая катание в доме отдыха.

Вздыхнув, он шагнул вперёд. До подножия он добирался с приключениями, с нарочными падениями, но добрался всё-таки и даже ухитрился повернуть на наезженную вдоль ручья дорогу, хотя его и несло вбок, к кустам и воде. «Решено, – сказал он сам себе. – Покупаю такие же, как у Тани, – и учусь».

- Куда же ты теперь от Танечки, – фыркнул Прохоров, когда Игорь поделился с ним планами.

- Никуда. Только не в одном этом деле. Мне просто нравится здесь. Присмотрись: какая-то другая жизнь.

- Ещё бы! Ярмарка, краски, – по-своему объяснил Прохоров. – Особенно, если смотреть вверх, из-под горы: цветные фигуры на фоне снега и синевы. Это просто: обычно за ними видишь бледную нижнюю часть неба, а здесь она отсечена склоном. Поднимись снова – и там, перед блёклым небом, словно полиняет любой свитер.

- Ну вот, пришел Жак и всё опошил.

- Всякое знание – благо. Но пошли, посмотрим на другие горки. Тем более, что стоять под склоном, видимо, небезопасно.

- Таня говорила, что оврагу нет конца, – напомнил Аратов, думая, что она, вопреки расчётам, могла приехать сюда и сегодня.

Игорь не знал, хочет ли нечаянной встречи или, напротив, опасается, что Таню раздражит его назойливость. Он понимал, что девушка спокойно примет его появление здесь лишь если он освоит горнолыжные премудрости не хуже прочих.

* * *

На зимние каникулы Таня уехала в Закарпатье, и Аратов мог теперь осваивать лыжи, не беспокоясь, что она увидит его первые, беспомощные шаги. В его распоряжении были два выходных и два дня отгула, а желание научиться оказалось столь велико, что он не думал о другом и не ждал Таню.

С её отъездом у Игоря образовалось до удивления много свободного времени. «Выходит, – понял он, – вся моя жизнь была посвящена ей, и никто этого не замечал». Прежде всего этого не замечала сама Таня. Он, связанный уже не надеждою, а привычкой, не позволял себе свободно планировать вечера, всякий раз напрасно ожидая, что она согласится на свидание. Как это ни странно, но только на полигоне он, не зная иных обязанностей, кроме служебных, принадлежал самому себе, и теперь, во время Таниных каникул ощущение было таким, будто он приехал в командировку и может, если захочет, до утра гулять в одиночку по улицам, может не вернуться ночевать в гостиницу, может скоротать вечер в кино. В кино, кстати, и в самом деле надо было сходить: вся Москва говорила о новом фильме, и, не желая отстать, он позвал Прохорова; тот, оказалось, и сам уже собрался идти.

– Только знаешь, – замялся Андрей, – ты отучил нас от себя, мы как-то перестали на тебя рассчитывать. Короче, мы договорились с Наташей. Если ты не против её общества...

Аратов вспомнил, что так и не рассказал о письме.

– Идите втроем, – отступил он. – Не нужно снова сводить нас.

– У меня и в мыслях не было.

«Что же, так теперь и будет со мной, – подумал Игорь, – что я всякий раз при звуке имени буду вспоминать о своей вине перед нею?» В последнее время всё чаще что-то, похожее на раскаяние – но без адреса, без мысли о Наташе, безмянное – беспокоило его, едва приходилось задумываться об отношениях с Таней.

– Впрочем, ничего не случится, – сказал Прохоров, – если вы увидите.

– В том-то и беда. Нет, Андрей, я не рад был бы попасть в неловкое положение – по своей воле, во всяком случае. Сделай, как скажет Наташа.

Он волновался напрасно: первые минуты встречи с нею прошли неожиданно легко. Наташа едва не опоздала и только и успела поздороваться небрежно и виновато сразу со всеми, а потом уже не оставалось времени на разговоры: звенел второй звонок, и нужно было спешить в зал. После сеанса мешали (или выручили?) теснота и шум в метро, и лишь дома у Прохоровых (Светлана настояла, чтобы он зашел к ним отведать какого-то особенного блюда), только там оказалось невозможным стусеваться, и вариант выпал худший: хозяйева, едва раздевшись, ушли хлопотать

на кухню, оставив Аратова наедине с Наташей, и положение не нравилось ему уже тем, что он попадал в него однажды, здесь же, что всё это было, было.

– Что послушаем? – привычно спросил он, не двигаясь, однако, к магнитофону.

Наташа сидела на низком диване, подперев подбородок сцепленными руками.

– Не стоит, – попросила она.

– Как же в этом доме без музыки?

– погоди, Андрей включит сам. А пока... Знаешь, когда мы сейчас шли из кино, вы с Андреем говорили по поводу фильма умные вещи, а я слушала, слушала и подумала: как же вам должно быть скучно! Вы всегда правы, вы не попадаете впросак... Я понимала, что несправедлива сейчас и некрасива всегда, и что это тоже скучно. И не возражай мне, потому что солжётся.

– Нет, это будет искренне.

– Когда ты женишься?

– Спасибо, Наташа, – проговорил он, краснея. – Больше никому не приходило в голову поинтересоваться – значит, никто не верит, что это случится. К сожалению, я не отвечу тебе, потому что не знаю ответа, потому что не женюсь и потому что неприятно или неудобно говорить об этом – с тобой. Вот и о том, что касается тебя – неудобно, не хочется. В конце концов, я боюсь услышать то, в чем стану винить себя.

– Какая самонадеянность! Но ты прав, наша прямота может завести далеко. Куда лучше оставаться в неведении. Разве ты любил узнавать о чужих затруднениях?

– Попросту не узнавал. Но вот и ты сама говоришь в прошедшем времени. Всё слишком переменялось сейчас.

– Грустишь?

На его взгляд, тон Наташи менялся чересчур часто – от спокойного и теплого к ироническому и сухому, от того – к шутливому.

– Я, кажется, упустил возможность остановить мгновение. Теперь вот казнюсь, думаю, как бы начать сначала, чтобы всё повторилось – и знаю, что опять прозеваю момент. В смысле его остановки.

Он запнулся, оглянувшись на входящего Андрея.

– Я каялся Наташе: столько дров успел наломать в жизни!

– Этого у тебя не отнимешь, железный дровосек. Да что твои нынешние покаяния – слова. Тебя – в скит бы, на чёрный хлеб

и воду. А мы вместо этого готовим тебе царский ужин. У Светы сегодня в программе «гусарская печень»: мясо в сыре. Если ты уже начал поститься – представляю муки твои при виде нас, пожирающих яства!

– Мы так и не обсудили... Понравился, конечно. Главное, там хорошо, умно говорят – это редкость.

– Умно, особенно – о дураках, – согласился Прохоров.

– О дураках – блестяще. Эта тема – белое пятно в искусстве. Может быть у нас их уже нет? Какие только типы не выводятся – бюрократы, лентяи, подлецы – только не дураки.

– Кстати, не уравнивать ли наши интеллекты? – оживился Прохоров. – По стопочке, а?

– Это – кстати о дураках?

– Получается, будто спешу, пока жена не видит? Будто я затосковал по холостяцкой жизни? Честно говоря, иногда ловишь себя на том, что собираешься что-то сделать, как прежде, без женщин.

– Боюсь, что я перехотел. В кино я шел голодный как собака. Мечтал перехватить перед сеансом бутерброд и пивка, да не вышло.

– Опять я виновата!

– Бедный голодный, старый человек, – посочувствовал Андрей, и Аратову почудилось, будто вернулось время, когда им хорошо было втроём.

– Твои муки не напрасны, – улыбнулась Наташа. – Кино-то понравилось, всё-таки?

– Мы так и не обсудили... Понравилось, конечно. Главное, там хорошо, умно говорят – это редкость. Интеллигентов показывают с симпатией – и это особенная редкость.

– Умно, особенно – о дураках, – согласился Прохоров.

– О дураках – блестяще. Вот – белое пятно в искусстве. Или, может быть у нас их уже нет? Какие только типы не выводятся – бюрократы, лентяи, подлецы – только не дураки.

– Кстати, не уравнивать ли наши интеллекты? – оживился Прохоров. – По стопочке, а?

– Это – кстати о дураках?

– Смешно: получается, будто спешу, пока жена не видит, а? Будто я затосковал по холостяцкой жизни? Честно говоря, иногда ловишь себя на том, что собираешься что-то устроить, как прежде, без женщин.

Не замолкая, он быстро и аккуратно разлил водку и, жестом и мимикой показав, что сожалеет об отсутствии сию секунду закуски, выпил первым. Наташа в нерешительности смотрела на свою стопку.

– К слову, – продолжал он, – в нынешнем кино – чуточку бы потеплее о женщинах, не считаете? Всё там ладно, а вот женщин практически нету.

– Может быть, просто не хватило плёнки, – предположил Игорь. – Иной раз сочувствуешь режиссёрам. Писатель, думаю, волен написать либо рассказик в одну страничку, либо эпопею в четырёх томах – как уж получится и сколько чего есть за душой. А в кино, много тебе этого или мало – изволь уложиться в полтора часа, хоть разбейся. Так, видно, и в сегодняшней картине: у героев и производственных трудностей хватает, так куда же ещё уложить и любовь? Тут уж приходится чётко разграничивать и выбирать – либо физика, либо лирика. А нынче физики в почёте!

– Так продолжай, продолжай, – неожиданно заторопил Прохоров. – Лирики, лирики в загоне – вот что важно. Смотри, сколько людей – личностей – окружает нас, а человека, личность не физики формируют, они-то за наши души не в ответе. И всё же им – столбовая дорога, а прочим – палки в колёса, и какие-то типы путаются под ногами, едва ли не доносы строчат...

– О чём ты вдруг? – изумилась Наташа. – Не понимаю.

– Я несправедлив, может быть... или действительно зашёл в тупик? Только я как-то вдруг разучился бороться о помехах. Стоит кому-то отвернуться от моей мазни – и руки опускаются. Помнишь, Игорь, наши споры о подделках в живописи? Мы там единственную истину нашли: нет критерия. Так как же мне жизнь ломать, если – нет критерия и меня могут оценить неверно? Теперь смотри: всплывает из небытия Васин и начинает поливать меня грязью на каждом шагу. Поначалу ему не верят, зная, что он на учёте состоит, в больнице регулярно полёживая по поводу шизофрении, да и что он за человек, это тоже все знают, но слова-то – семечки: падают и падают, и спустя время остаётся одно: «Что-то я слышал о Прохорове, что-то там было не в порядке? – словом, не то у меня украли, не то я украл. Смотрю, один верный заказ уплыл странным образом, другой, и уже начинаю беспокоиться всерьёз. Ну, а с Васиным я, само собой, встречаюсь регулярно, и он по-прежнему находит мне покупателей, несмотр-

ря ни на что. Правда, мы соседи по избе, как-никак... Там-то однажды и произошло. Приехал он в неурочное время и, с порога – каяться: предал, мол, настрочил «телегу»... Ну, я пошумел, вытолкал приятеля взашей – из его-то избы! – а он через день приходит снова, потом ещё через день и так повадился регулярно захаживать, когда я работаю, то есть – в нарушение конвенции, да всегда – не один, потому как боится, что набью морду, и так и рыщет по углам и гундосит: «Сколько ещё продал за рубеж?» – противно так гундосит, у него же хронический гайморит или что-то вроде, а меня тянет сказать: сифилис. Впрочем, виноват, это уже – предубеждение... Я, раз уж и свидетели приглашены, спокойно отвечаю: вы, мол, Анатолий Сергеевич, непоследовательны: если уж всем доказываете, что Прохоров бездарен, то не всё ли равно, куда попадает его мазня? Если бы – художественные ценности, сокровища народной души – другое дело, но тогда будьте любезны, докажите, продавал ли я их за границу, а заодно и мне документик оставьте, где бы говорилось, как следует дорожить моими работами.

Светлана вошла и молча слушала, стоя на пороге. Муж не замечал её.

– Что за смысл ему? – спросил Аратов.

– Разве нужен смысл? Впрочем, он говорит, что я везде перебегаю ему дорогу. Понимаю, если бы я получал официальные заказы... И то: известно, что он за мастер – какая уж тут конкуренция? Но слова – семечки, и я уже задумываюсь, не я ли украл. Закон я не преступал, зато насчёт таланта... Вдруг он прав? Мысли приходят: переписать либо выбросить. Вот и Васин твердит: сжечь. Главное, хватает оснований сомневаться, критерия-то нет, и можно, конечно, долго еще рефлексировать и спорить, только семя уже упало, и я колеблюсь, и работать не могу, без веры.

– Ты-то, ты что капризничаешь? – пожал плечами Аратов. – Забыл, какие мастера тебя хвалили? Что же, их авторитет ниже васинского? Пусть официально это ни дипломами, ни членскими билетами не подтверждено, но – верил же ты им!

– Это было, увы, давно, а сейчас я чувствую, что пуст, как перевернутый стакан. Ещё вчера перевернутый, так что и капельки на стенках повысыхали. Жду, когда смогу снова работать, а как дождусь, то сразу, я знаю, будет некогда, негде, нельзя.

– Это я мешаю, – тихо сказала Светлана.

– Да я не представляю, как мог работать, когда не знал тебя!

– Вот уж не скажешь, кому труднее – художнику или его жене, – проговорила Наташа.

– Так ведь – художнику! Который может сутками сидеть в светлой мастерской и красить свои холсты! А я – советский ремесленник, служу в артели, заваливающей кичем подмосковные рынки, и только иногда малюю кое-какие картинки для собственного удовольствия. И это – пожизненно: уйди я из артели – и меня тотчас посадят как тунеядца.

– И, видно, жертвовать должны – оба, – продолжала Наташа.

– Чем же прикажешь жертвовать Андрею? – вскричал Аратов. – Талантом? А он не хозяин ему, вернее, ещё неизвестно, кто кому хозяин.

– Талант – это не про меня, – усмехнулся Прохоров. – Это лишь преданная жена может всерьёз считать, что я чем-то обогатил культуру. Беда же том, что мне некуда деться: я, быть может, многое умею, а одну-единственную, нынешнюю свою работу бросить не могу, она – условие жизни, и мне нельзя пойти против законов природы.

– Если у вас будет ребёнок?.. – спросила Наташа.

– Будет! – твёрдо сказал Прохоров. – Просто за всё надо платить. Я понимаю, что окажусь словно в бомбоубежище, и хочу кое-чем запастись впрок. Бред, конечно, но всё же надо б и в библиотеках посидеть, почитать хорошие романы, и побродить по музеям в одиночестве, съездить куда-нибудь: многим запастись, чтобы потом расходовать в работе.

– Я тебя понимаю, – подхватил излюбленную тему Игорь. – И я так живу: всем запасуюсь дома, чтобы в командировке не обратиться в обученный автомат. Просто не всегда знаешь, чем стоит запастись. В отъезде вдруг становятся необходимыми самые неожиданные вещи:хватишься, а не найдёшь, и не найдёшь, чем заменить, разве что воображением. Под руками-то ничего нет, одна память. Был бы хотя б опыт...

«Если бы – опыт! – повторил он про себя. – Так плавать учат: столкнут с лодки...» Сам он, впрочем, больше испугался, чем наглотался воды. Первые трудности давно уже казались ему едва ли не придуманными, и лишь оторванность от тех, кто понимал его с полуслова, осталась непреодолённой. Но и это отошло вдруг на второй план из-за встречи с Таней, после которой он на время

разучился ориентироваться в тесном пространстве, заполненном вещами, неизвестными прежде; лишь много спустя он признал, что и тогда не замечал нового, а просто везде видел Таню, так что и знакомое перестал узнавать в сузившемся от любви мире. Таня же своим невниманием учила и учила его. Благодаря ей он открыл для себя понятие доброты – оттого что теперь остро нуждался в оной, начав даже чувствовать, что и другим недостает того же: конный пешему не товарищ, но у всех пеших общие заботы. Ему казалось, что жизнь поворачивается, и он воочию видит это; подобное ощущение испытываешь иной раз, сидя на задних местах в пустом трамвае с замёрзшими стёклами, когда, не видя перемещения внешних, уличных предметов и огней, всё-таки зрением отмечаешь все повороты, все дуги, которые описывает дальний от тебя конец вагона: поворачиваешься вместе с непрозрачным салоном – и странным образом видишь, всё-таки, его вращение. Ни дорожных знаков, ни прохожих, ни светофоров или абажуров в окнах не заметил Аратов – и тем не менее отчётливо увидел свой поворот, оказавшись затем лицом к открытому пространству, о котором привычно подумал: степь. Завязни он в быте, в городской суете, в сомнениях – у него всегда оставался этот выход, этот романтический простор.

Подобный же выход для Андрея придумать было трудно.

– Только глядя на тебя, – сказал Аратов, – понимаешь в полной мере, какое это благо – иметь место, куда можно сбежать.

– Стоило тебе заделаться известным фельетонистом, – заметил Андрей, – как ты заговорил неестественно красиво. Кстати, чем закончилась твоя эпопея? Ты давно не говорил.

– А она не закончилась. Заседание партбюро было только началом кампании – те, что тогда отсутствовали, на второй день, как я и ожидал, поддержали нас. Вдобавок, полнейшей неожиданностью для моих противников было появление заводской газеты с тем же злополучным крамольным текстом. Вывесили её в простенке: слева – двери проходных, справа – ворота, причём доска выступала в проезд сантиметров на пять, на семь. Через день газета исчезла. Чернов бросился к Рогову, а тот разводит руками. Никто ничего не знает. Ещё через день Чернов случайно зашёл в помещение по другую сторону ворот – там отделяют новые проходные – и видит: сидит мужик и соскребает с доски заметки. Если помнишь, мы наклеили их прямо на фанеру, да ещё

не конторским, а нашим, специальным клеем, который держит лучше сварки. Кстати, эффектно было: на глубоко чёрном фоне... Да, так вот. Шум, крик: «Кто велел?» – представляете? Рабочий, естественно, говорит, что его дело десятое: дали работу – он делает. Начальник дворового цехе дал. Чернов – туда, а тот мнётся, мямлит: мол, доска выступала в проём, а там Главный ездит, как бы машину не поцарапать. Скандал скандалом, а вешать уже нечего, газету уничтожили, да и момент упустили, выпуск-то новогодний. Ясно было одно, что дворницкий начальник тут ни при чем, сам на такое дело не решился бы. Концов не найти, но и оставить, как есть, нельзя, тут ведь и Чернову пощечина, и Рогов в дурацком положении.

– А ты уверен, что он ничего не знал?

– Я потом говорил с ним. Мы хорошо знакомы, ещё со времени практики – он, на мой взгляд, порядочный человек.

– Но пошёл на партийную работу. Хорошо, и что же дальше?

– Пришлось принять вызов. Чернов рассказал обо всём в горкоме комсомола, а потом, вместе с первым секретарём – в горкоме партии. Там ничего не знали, и сразу – звонки, комиссии. Как я понимаю, для наших партийных боссов пошли не лучшие времена. О моей скромной персоне забыто, действие теперь развёртывается на других уровнях, и я уже в неведении: шумит где-то над головой, а поглядеть – шапка свалится.

– Значит, жалея шапку, даже и не наблюдаешь?

– В те кабинеты я не вхож. Но хочу при возможности взяться за дело всерьёз. «При возможности» – не отговорка: я сговорился с комитетом, с Черновым и жду сигнала.

– Ох, не перевелись правдоискатели на Руси, – покачал головой Прохоров. – Увидишь, при любом повороте дела обиженные отыграются на тебе. Впрочем, выходить из игры, кажется, поздно? Тогда держись.

* * *

Случайно столкнувшись с Роговым в коридоре, Аратов смутился: тот, если не вник глубоко в дело, мог считать, что Аратов выступает лично против него.

– Ну, здравствуй, писатель, – улыбаясь и по обыкновению наклоняя голову набок, протянул руку Рогов. – У нас оказалось столько общих дел, а ты пропадаешь.

– Неловко, – признался Аратов. – Выходит, что я навредил тебе ни за что.

Рогов распахнул дверь в кабинет:

– Заходи. Ты пока не навредил ни мне, ни кому-нибудь другому, но можешь навредить своей пассивностью.

– А я собирался заниматься вашими делами? – взорвался Аратов. – Мне их навязывают, выдают то ли желаемое за действительное, то ли наоборот, читают у меня между строк, а преподносят как открытый текст и так далее. Это не мои игры: я вообще не играю. Дел же у меня и своих по горло: пуск на носу, а мы в предыдущем – промахнулись, и подозрение пало на аэродинамику: я мог в своё время ошибиться при обработке результатов, и теперь в программе заложены неверные коэффициенты. Надо проверить всё с самого начала.

– Ты садись, садись, не горячись, – пригласил Рогов.

– Да, обстановка у тебя не чета прежней, – с усмешкою сказал Аратов, опускаясь в глубокое кресло. – К горячим разговорам и впрямь не располагает.

– Ты, кажется, уже проверил свои расчёты, – улыбнулся Рогов, садясь в другое кресло, напротив, – и всё оказалось в норме.

– Проверил. Вчера. Однако, быстро тебе докладывают.

– Я должен быть в курсе. Вашей работой приходится интересоваться ежедневно. Как говорится, враг-то не дремлет.

– Друг – тем более. И вместо того, чтобы заниматься делом, снимает одну газету за другой, – уже спокойнее сказал Аратов, внимательно наблюдая за Роговым.

– Да, некрасивая история, – нахмурился тот.

– Поначалу можно было надеяться, что шум как начался стихийно, так и заглухнет, да на воре шапка разгорелась пуще прежнего.

– Сначала ты думал на другого.

– На воришку и думал. А теперь уже надо и шапку гасить, и вора ловить, и доказывать, что вор – не ты.

– Последнее – пройденный этап. До сих пор вы с Черновым боролись за выживание.

– Не знаю, как это выглядело со стороны, – сказал Аратов, снова вставая, – только по мнению Лободы я, коли не согласился с мнением секретаря партбюро, значит, выступал против партии. Примерно в таком ключе и велось партбюро.

– Ого! Не думал, что подобные приёмчики ещё в ходу. Но это палка о двух концах: если он не согласится с моим мнением...

А если серьёзно – Лобода явно случайный человек на этом месте. Придётся вплотную заняться вашей организацией: там неблагополучно.

– Признаться, я думал, что ты – по другую сторону.

– Не знаю, как ты делишь, где та, где – эта, но ты же считаешь, что выступаешь на стороне партии – как же я могу оказаться по другую сторону?

Аратов считал не так, но сказать об этом было нельзя.

– Можешь, потому что у нас тут банальный производственный конфликт, а не классовая борьба. Но ты поднаторел, однако: что за привычка сразу делать глобальные выводы?

– Я пользуюсь терминологией Лободы. Ведь война идёт...

– ...против дурака, – перебил Аратов.

* * *

Новую традицию одаривать восьмого марта всех женщин подряд он не любил: не понимал, почему – не в каждый, а только в этот день. Странно было, что среди всеобщего ажиотажа надо покупать что попало, когда можно, в иное время – то, к чему лежит душа. Подарки сотрудницам – с этим он ещё соглашался, но не хотел бы ставить в общий ряд и близких: купить им что-либо достойное в дни мартовского бума было трудно, а запастись заранее – как было тогда же и не подарить? Выходило, что лишь цветы можно преподнести им в женский день, но это и была самая трудная покупка.

В этот раз традиционная мимоза никак не попадалась, а о других сортах нечего было и думать. Помощь, как водится, пришла в последний момент, причём с самой неожиданной стороны: от Фаины.

Прежде этого Аратов извлёк для себя из общей предпраздничной суеты пусть ничтожную, но корысть: его с Крыловичем снарядили в город за подарками, и он рад был редчайшей возможности очутиться днём по ту сторону проходной. У него скопился ворох мелких дел, какие можно сделать только в будни, но ради которых не стоило брать по два-три часа за свой счёт. Подарки они с Крыловичем купили сразу – модные керамические чашки – и разошлись каждый в свою сторону; конечно, Аратов потом не сделал ничего из намеченного, а продолжал бегать по магазинам, имея в виду уже своих – Игожевых, Таню и Светлану – и бегал напрасно. В следующие дни, по вечерам, он тем более старался зря,

и только когда срок вышел и кругом с утра только и делали, что поздравляли и дарили, Фаина вдруг угадала его затруднения:

– Ты, смотрю, не в себе. Если тебя устроят цветы... В конце концов, я живу в деревне.

– Ну и что – в деревне? – опешил он. – Что, у вас круглый год – сенокос? Зима...

Она кокетливо улыбнулась:

– У хорошего хозяина и зимой родит. А по правде – у нас одна бабка промышляет: растит цветы дома.

Помимо всего прочего, ему интересно было посмотреть, где живёт Фаина.

Она привела его в невзрачное здание сельского клуба.

Остановив своего спутника жестом, она одна прошла в будку киномеханика, и тотчас оттуда выбежал, не глянув на чужого человека, подросток. Девушка, приоткрыв дверь, поманила Игоря, и он, войдя, с любопытством оглядел тесную каморку, набитую аппаратурой и металлическим хламом. Запах в ней стоял – духи Фаины.

– Давай, Михалыч, крути кино, – засмеялась она, показывая на ручной станок для перемотки – Видишь, человек из-за нас работу бросил.

– Работу? Нет же сеанса. Но он – принесёт?

– Приведёт мамашу. Она ему торговлю не доверяет: мальчик ещё, в армии не служил. Это соседи мои. Отец его – шофёр, на самосвале работает. Иной раз, если повезёт, встречу его – подкидывает. Вот вчера бежала домой, гляжу – тормозит у станции. У меня как раз дел было по горло: платье торопилась сшить к празднику. Я ведь всё сама шью. Вчера до ночи просидела.

– Идёшь завтра куда-нибудь?

– Да куда идти...

Они надолго замолчали – до тех пор, пока в будку не вошла, запыхавшись, женщина в распахнутой цигейковой шубе, накинутой поверх белой куртки буфетчицы или продавца.

– Ты б, Вера, выручила моего парня, – лукаво поглядывая на Аратова, попросила Фаина. – Да не разори, смотри.

– Сколько нужно-то?

– Так, несколько, – растерялся Аратов, не подумавший подсчитать заранее. – В три адреса. Только что у вас за цветы?

– Ещё и не всякие возьмёшь? Пойдём, вынесу, – мотнула головой женщина. – Да живет, не то у меня шумят, небось, что закрыла.

Из купленного букета Аратов отделил три цветка, протянул Фаине.

До её дома оказалось рукой подать, и всё же Фаине пришлось по пути раскланяться едва ли не с десятком встречных; они с интересом вглядывались, кого это она ведёт к себе.

– Пойдут теперь разговоры, – сказал Аратов, когда они остановились у калитки.

– А! – махнула она рукой. – Может, зайдёшь к нам? Пообедаем. Да что ты смущаешься, как красная девица? Знаю, тебе надо кому-то цветы дарить. Только до вечера-то далеко.

– Да, Фая, ты извини... Лучше уж в другой раз.

– Не силой же тебя тащить. Давай, беги. Вот дорога покороче: за вторым домом – тропка, спустишься по ней к роще, через ручеёк-родничок, а там взойдёшь на горку – и станция видна.

Сбежав по крутой скользкой тропе, Аратов оглянулся и не узнал дом Фаины в ряду похожих – крепких, чёрных, отяжелённых снегом и с этой стороны прикрытых от постороннего взгляда сараями и пристройками. Он мимолётно пожалел, что отклонил приглашение: интересно было бы побывать в настоящей избе; появившись Фаина сейчас на дворе, помаша рукой – он, пожалуй, вернулся бы.

Ручей молчал подо льдом, но неподалёку от тропы с крутого бережка журчала струйка, силы которой только и хватало на то, чтобы не замёрзнуть самой. Мимо такого чуда нельзя было пройти: захотелось и посмотреть вблизи, и отведать ключевой водицы. Оглянувшись, не видит ли кто, Аратов ступил в снег. Ему мешали кусты, и через пару шагов нога, соскользнув и проломив ледок, ушла в воду по щиколотку. Он всё же не остановился, дошёл до родника, напился – и стал счастливым.

Вдали засвистела электричка, и Аратов побежал к платформе. Только в вагоне он, хоронясь от публики, выжал на пол промокший носок. Происшествие не беспокоило его, уже несколько лет не болевшего, но дома он всё же поспешил принять горячую ванну и выпить чаю. Игожевых не было, так что теперь он мог утаить от них происшествие: Варвара Андреевна, чего доброго, уложила бы его в постель с грелкой.

Согревшись, он позвонил Тане.

– Что за поздравления по телефону? – возразил он обычной её отговорке. – Нам бы увидеться ненадолго.

Должен же он был подарить ей цветы.

– Мы собираемся карпатской группой, – сказала Таня.

– Ты же выйдешь гулять с Азором, – без особой надежды напомнил Аратов, понимая, что настаивает на свидании только по привычке и что на самом деле вовсе не хочет ехать в далёкие Черёмушки ради короткой бесполезной встречи: ему, кажется, всего лишь обидно было, что он зря старался, доставая цветы.

Это давно было (да и было ли?), что Таня благодарила его за розы, купленные у старой колдуньи; ни за что другое она так не благодарила Аратова – никто так не благодарил его. Он счастлив был сегодня, зная, как Таня обрадуется цветам.

Странно было, что он ещё не привозил ей тюльпаны с полигона.

Сегодня Таня могла бы догадаться, что он приготовил подарок – искал, отчаивался...

– Позвони завтра, – предложила она.

Можно было бы выждать, когда Таня уйдёт, и, как бы случайно не застав её, отдать цветы Алине Корнеевне – но та сразу поняла бы уловку; она, кажется, сочувствовала ему, и тем более он не хотел бы признаться ей в поражении.

Оставаться дома один Аратов не мог и направился к Прохоровым,

Теперь он уже редко так, без предупреждения, заглядывал к Андрею, понимая, что может расстроить какие-нибудь семейные планы, и что Светлана, при всей их дружбе, вовсе не нуждается в ежедневном общении с ним; иной раз он даже и мимо дома проходил – и не поднимался, только сетовал на отсутствие там телефона. Но в этот вечер ему стало слишком одиноко.

Наташа и Светлана одни сидели на диване в глубине комнаты.

– Да ты, Игорь, на юг летал? – ахнула Светлана, принимая цветы.

– Думаю, нам они достались случайно, – заметила Наташа. – Мне, по крайней мере.

– На свете нет ничего случайного. Но где же сам-то?

– У нас – законный девичник. Муж, наверно, в своей избе, а мы решили посумерничать вдвоём. Я так неопределённо говорю – «наверно», – потому что ему там делать нечего, он сейчас не работает, зато впустую ломает голову над какими-то сложностями. Бормочет что-то об обнажении корней, обнаружении корней и так далее, в Ярославль собрался...

– Он смутно намекал мне. Не знаю, откуда это. Природная тяга к истории?

- К родословной. У Андрея, ты знаешь, есть в чем поразбираться: в семье – брат против брата... Его дядя, тот самый, ленинградский, из-за которого, кажется, пострадал отец, вдруг прислал письмо.

- Полный, между прочим кавалер ордена Славы.

- Поначалу я не придала письму значения: откуда мне знать, как там заведено между ними? Потом уже, из разговора Андрюши ещё с одним родственником, поняла, что это – первое письмо ему оттуда, и не просто письмо, а ответ: Андрей сам отправил! И знаешь, что он тому послал? Фото своей картины об отце!

- И он, дядя этот – понял? – встревожился Аратов.

- Андрей не говорил мне. Напрасно я тебя расстроила.

- Какое, всё-таки, неудобство без телефона.

- Скоро дом будут ломать, – с сожалением поведала Наташа. – Расселят по Черёмушкам, голландки разучимся топить, телефон станет трезвонить.

- Ванну будем принимать ежедневно, – напомнила Светлана.

- Мечта, да что за радость, если ради неё мне, москвичке, придется уехать из города?

- Так вот отчего, – сказал Аратов, – Андрея потянуло на исторические изыскания: общее настроение в этом доме.

- Ты говоришь будто свысока. Разве тебе не понятно это? – сухо спросила Наташа.

- Как сказать... Просто я не задумывался... И потом, ты в самом Центре, на Арбате живёшь и родилась, наверно, у Грауэрмана, а я – на Больших Кочках, на глухой окраине.

- Вот и мы поедem – на глухую, – с грустью сказала Светлана.

- Андрей не в восторге от переезда: что там, мол, за город, если глаз не цепляется за дворы? Если дома, все – на ветру, на юру? У тех мест, он считает, своей души нет и быть не может: унесёт сквозняком.

Район, постоянно занимавший мысли Аратова, был именно таков: Танин двор, достаточно неуютный из-за своих размеров, был там единственным, соседние же дома стояли каждый отдельно, не вдоль улицы, а в беспорядке, и Тане это нравилось, оттого что удобно было для прогулок с собакой, Аратов же видел там лишь нежилую пустоту. Даже связь этих мест с Таней не могла заставить его относиться к ним теплее; Игорь, возможно, считал, что и она там – случайный человек. Ему легче, конечно, было представить её на улице Горького или уж – другая край-

ность – в деревне, где побывал сегодня: увидеть её в оренбургском платке, в аккуратных валеночках, выбежавшую с ведрами к колодцу. Идиллический этот образ девушки в пуховой шали и в полушубке был навеян не одною только нынешней поездкой, но более всего – частыми в последнее время разговорами о деревне с Андреем. Тот собирался ехать в приволжское село, где могли сохраниться церковные книги, нужные ему, чтобы проследить собственную родословную: вдруг начав разбираться в истории ярославского мятежа, расколовшего его родню, он уже не мог остановиться и копал вглубь (с трезвой, однако осторожностью, оттого что подобные исследования, мягко говоря, не поощрялись властями). Это увлечение друга не передалось Аратову; напрасные расспросы Андрея о том, откуда у его предков, северян, взялась восточная фамилия, оставили его равнодушным. Ему важнее казалось знать не о своей, а о Таниной родне, принимая с заведомою теплотой всякую связанную с нею весть. Он и деревню, до сих пор нелюбимую, полюбил бы, будь это Танина родная среда; кажется, и в самом деле родная, раз так шли ей сегодня простая ладная одежда, иней на краешке платка и улыбка от удовольствия сбежать с высокого берега к проруби.

* * *

Питье из родника и холодная ножная ванна не прошли даром, и ещё в дороге Аратов почувствовал в горле что-то холодное и шероховатое; дома он погрелся, да, видимо, опоздал, и у Прохоровых, вечером, им овладела такая усталость, что он рад был бы улечься тут же, на диване или хотя бы, сидя за столом, уронить голову на руки и, слыша беседу, не говорить самому: сидеть, не смея смежить веки, было трудно, а ещё труднее – произносить слова, когда звуки ударами отдавались в голове. Зная, что завтра сляжет, он нафантазировал, что даже из недомогания сможет извлечь выгоду для себя: расскажет о болезни Тане, и та придёт навестить – разве сам он не бросил бы всё, не помчался к ней, прослышав, что она дурно себя чувствует? Думать так было приятно.

На другой день, и в самом деле больной, он слишком поспешил позвонить Тане – она ещё не возвращалась из института.

– Перезвоню, – сказал он вяло. – Времени у меня много.

– Может оказаться меньше, чем вы думаете, – неожиданно возразила Алина Корнеевна.

– Я звоню из дома, – обронил он, не расположенный к длинным речам; голова болела невыносимо. – И, пожалуй, никуда не выйду.

– Вы не собираетесь уезжать? Улетать? За вами трудно уследить.

– Пока что я – столичный житель. До мая, надеюсь.

– Что у вас за жизнь, Игорь, – сказала она те же самое, слово в слово, что он несметное число раз слышал от самых разных людей. – Смотрите, не одичайте там, в конце концов.

– Я сопротивляюсь. Этому можно сопротивляться, было б желание.

– Как всё это знакомо: казённое жильё, столовые, едва ли не полевые кухни, чужие люди в одной комнате с вами.

– Разве у вас даже и в такой жизни не было хорошего? Вообще, если не видеть хорошего – как тогда жить?

– А как жить, если не видеть плохого? – печально, как ему показалось, словно самой себе задала вопрос Алина Корнеевна. – Беда может застать врасплох. Вот и вы бездействуете, многое теряете. И Танечка привыкает быть без вас.

Игорь не сумел ответить, зная остававшееся ей неведомым: одно неосторожное слово – и он потеряет даже то малое, что имеет.

– Знаете, – решительно сказала Алина Корнеевна, – зайдите к нам на днях. Не к Тане – ко мне.

– Если Таня сочтёт, что визит – не вовремя или не к месту, мне несдобровать.

– Вы ещё сопротивляетесь! Я бы вообще посоветовала вам... Время идёт, всё меняется. Таня – человек не слишком постоянный. Лучше сделать что-то неправильно, чем ни на что не решиться, а потом сожалеть – избитая истина, но подумайте над моими словами.

– Спасибо за совет. Вы ведь тоже не знаете всех обстоятельств.

– Не знай я вас, – мягко проговорила Алина Корнеевна, – я бы подумала, что вы либо вообще не того хотите, либо не поняли сказанного.

– С полуслова.

– Только не ждите, когда Таня научится понимать недосказанное вами. Это и дано не каждому, и приходит не сразу. Вам бы пришлось ждать годы.

– Странный у нас разговор.

– Когда-нибудь вы поймёте, что его было не избежать.

Аратов уже и сейчас понимал, что разговор безнадежно запоздал – более того, никак не мог бы случиться вовремя: чтобы закончить его на счастливой ноте, Игорю нельзя было никуда – никогда – отлучаться из дома. Он же улетал и, как раз потому, что – нельзя, хотел от Тани того, чего можно ждать только от любящей женщины. От остальных же – пусть бы себе думали, что он, пропавший надолго, быть может, и не вернётся, перенесясь в некую другую жизнь, о которой они не знали, что и думать. И в самом деле, даже ему самому казалось, что он пользуется машиной времени, то и дело перемещаясь в прошлое, в котором даже телефон – всего только выдумка Жюля Верна.

Вмешаться в это он был не в силах.

Однажды ему пришло в голову, что все они – он и его коллеги, – уезжая, уподобляются съеденным шахматным фигурам, о которых игроки не вспоминают до окончания партии. То, что потом, для новой игры, все убитые и раненые будто бы возвращались на доску, не служило утешением: на старые места ставились совсем не те же самые, а лишь такие же куколки: у них, у деревяшек, не было надежды на воскресение.

В разгаре партии никто уже не задумывался, куда исчезают съеденные. Первые пешки, отданные на заклатие, кони и тяжёлые ладьи, на которые напрасно возлагались надежды, пропадали, хотя противнику всё равно было их не переварить. Успокаивало лишь то, что им не грозили сточные воды.

Пешки, думал он, умирали для оставшихся, не верящих в загробную жизнь и поэтому не строящих предположений об аде и рае: увы, у них было превратное представление о добре и зле. Самое большее, что те могли вывести из своих робких размышлений – это догадка о том, что наши добровольные жертвы – уходы в чистилище (не в ад ли?) – позволяли им спать спокойно. «Не в ад, не в ад!» – возмущённо возразил он сам себе, ведь только безумец, вырвавшись из преисподней, станет стремиться туда снова, а он, Аратов, стремился, уже, кажется, и не представляя себе иного образа жизни – такого, что оставлял бы достаточно времени на размышления о незадачливых фигурах.

* * *

Не подозревая своей вины в болезни Аратова, Фаина встретила его шуткой:

– Вот как надо праздновать женский день: прийти в себя только через неделю.

Ему доставило удовольствие ответить:

– Каюсь: во всём виновата женщина: Фаина. Завлекла и...

– Если б остался тогда... Что с тобой случилось?

– Свернул с дороги, зачерпнул ботинком водицы, да и напился – ключевой, ледяной.

– В нашем-то ручейке? Там и курица ног не замочит. Это особое умение нужно. А я-то решила: барышня твоя хорошенькая виновата, ты с ней и счёт дням потерял.

– Откуда ж ты знаешь мою барышню?

– О себе уж не буду говорить, – уклонилась Фаина, – но вот кто ждал тебя на работе – Анатолий. Да не оглядывайся, его нет: придёт в десять. А что за дела у него к тебе – не знаю, он же только избранных посвящает.

О многом было у Аратова время подумать, пока сидел дома, и только о нелепой истории с фельетонам он не вспомнил ни разу: не хотел вспоминать.

– Он ничего не готовит против тебя? – спросила Фаина.

– Ничего себе репутация у человека! Не успеешь назвать имя, как все уже подозревают интриги. Но мы-то с ним союзники, да и делить нам нечего.

– Найдётся. И что бы ни случилось, с него всё будет, как с гуся вода. Вот он и любовь закрутил – с полигона не вытащить, – а с женой разводиться не думает. Будто так и надо: одна семья здесь, другая – там. Одним, как ни хоронятся, беда, все пальцами в глаза тычут, а другим – воля вольная.

Он не понял, о какой любви говорит Фаина: не знал, что тут произошло или стало известно в его отсутствие.

– Ты же не знаешь, как мы без тебя жили, – продолжала она. – Федот разводится.

– Как разводится? – растерялся Аратов.

– Как все: ему на запад, ей – в другую сторону. Оставила его Надежда.

– Оставила, говоришь, надежда?.. А вот у меня её и не было. Впрочем, это скверная шутка. Но как странно это! Хотя и видно теперь, что к тому шло.

– Теперь только видно, – согласилась Фаина. – Прозрели. А могли ведь сделать что-нибудь. В Москве бы держали подольше.

– Он-то о жене говорил с любовью. Если, конечно, говорил.

– А ей надоело быть матерью-одиночкой.

– Известная история. Только как же другие наши живут? – неуверенно проговорил он, думая, что, женись он на Тане, ему в лучшем случае пришлось бы переменить место работы. – Вот перспектива: сначала не женишься, оттого что не живёшь в Москве и нет времени ни познакомиться, ни ухаживать всерьёз, а потом – не удержишь жену.

Он подумал всё же, что чем чёрт не шутит, может быть у него вдруг и наладится с Таней, как всегда налаживалось в других делах после того, как он отчаивался завершить их благополучно.

Другие дела теперь, после перерыва, казались скучными и ничтожными, особенно – неоконченная история со стенгазетой, но и тут всё должно было наладиться, очевидно, без его участия; он и не беспокоился более о последствиях для себя. Ему даже неинтересно было, что за новости приготовил Винокур, – и не спросил бы, но тот сам, едва войдя и увидев Аратова, потащил его на лестничную площадку, в «курилку».

– Знаешь, кто первым поплатился за атаку на нас? – начал Винокур, убедившись, что их не могут слышать.

– Я, – ответил Аратов. – А ты, видно, ночи не спал, не с кем было поделиться. Мне только вот что странно: ты говоришь так, словно кто-то непременно должен был поплатиться, да ещё и не один: кто-то – первым, а за ним – другие? Слово жизни нет без наказаний. Что за жажда крови!

– Так вот, начали сверху: получил выговор секретарь парткома.

– Рогов? За что? – опешил Аратов. – Сначала дали премию ни за что, потом...

– А кто же допустил всю эту детскую игру: повесили, сняли, повесили? Подняли шум, а он так и не вмешался. Я думаю: раз не стоял на твёрдой позиции, на любой, то – заслужил.

– Кто бы на его месте знал, как поступить? Лобода ведь представил дело так, будто я в первую голову именно Рогова и обвиняю. Отсюда сразу и личная заинтересованность, необъективность. Вдобавок, все эти загадки: заводскую газету уничтожили без его ведома.

– Этого ты не знаешь, – отрезал Винокур. – Вообще, урок – на пользу.

– Куда уж полезнее. Рогов – хороший парень, а собственная доброта вышла ему боком. Меня-то пойми: он попал в переплёт из-за одной моей необязательной фразы.

Аратов сказал это неуверенно, понимая, что фраза эта, пусть и необязательная, всё же была верна: недаром всполошились виновные.

– Сам знаешь, из-за чего он попал в переплёт. И скажи спасибо, что так повернулось.

– Как – так? Хорошо, он заработал выговор, а что – с нашими, с Русланом?

– Наши пока что здравствуют – мелкая сошка. Им попозже отзовётся рикошетом. А ещё позже от них перепадёт и рядовым.

– Нам, то есть, – уточнил Аратов. – Да что с нас взять?

– Вряд ли они будут воевать с нами: все действующие лица приобрели определённую репутацию. Чернов теперь на коне. Разве ты не понимаешь, что мы победили?

– Чижика съели, – пожал плечами Аратов.

– При новом конфликте мы будем иметь определённую фору.

– Не лучше ли прожить без конфликтов?

– Утопия, – снисходительно проронил Винокур. – Наш успех не так уж безоблачен: без шероховатостей не обошлось, и тебя, например, задело серьёзно. Говорят, что Б.Д. слышать не может твою фамилию.

– Хорошенькая шероховатость: я жду повышения, – мгновенно сообразил Аратов.

– Забудь, – засмеялся Винокур. – Но тем более надо взять всё возможное от нашего выигрыша. Важно не упустить момент, пока в горькоме не забыли, кого поддерживали.

– Какой еще момент? Я не собираюсь продолжать свару.

– Я не о том, – Винокур понизил голос. – Я считаю, что сейчас самое время, что нам просто необходимо подать заявления в партию.

– Занятно, – проговорил Аратов, никогда не испытывавший желания сблизиться с этой организацией. – Занятно. Не понимаю только, почему в таком деле надо хитрить. Ловить рыбку в мутной воде – вот как это называется.

– Просто сейчас никто не посмеет сводить счёты.

– Хочешь пройти под шумок? Будто за нами есть грешки, которые надо замазать! Конечно, твой ход выглядел бы естественным завершением дела. Но не солидным. И вообще, видишь ли, я циник, но не до такой степени.

Игорь не знал, как прекратить неприятный разговор. Винокуру, к счастью, невдомёк было, что кое-кто из начальства ещё и раньше советовал Аратову вступить в партию и что отказаться, не возбуждая подозрений, всякий раз стоило тому больших трудов. Тем более было ему невдомёк, что его «комсомольский босс» на самом деле является противником идеи.

– Брось ты эту свою принципиальность, – поморщился Винокур. – Это мы проходили в школе, а взрослая жизнь предлагает поправки. Пока будешь деликатничать, поезд уйдёт.

– Я не стану пользоваться ситуацией, – твёрдо сказал Аратов, хорошо понимая опасения и спешку Анатолия. – Напротив, мне как-то неловко было бы – сейчас.

– Тогда я сделаю это один, – уже даже и не снисходительно, а с лёгким презрением заявил Винокур.

– Кто же тебе запретит? – с таким же презрением отозвался Аратов, думая, что тот – самая неподходящая компания для серьёзных начинаний; то же, что неподходящим было и само начинание, разумелось само собою.

Дорожа собственными понятиями о трофеях и о совести, он твёрдо знал, как вести себя в этом деле – пусть и в ущерб другим, прежним планам.

* * *

Всё не так, всё лучше было год назад, да он и не верил уже, что – было, потому что лишь в самом неуёмном воображении могло существовать катание с возлюбленной на карусели. Ему часто вспоминался вечер, когда Таня заговорила о «серебряном знакомстве», а он услышал, ликуя – о серебряной свадьбе; дерзость загадывать на четверть века была наказана: теперь он не видел и на год вперёд. Всё нынче не так стало, как прошлой весной, и только дни его приездов и отъездов, которые на службе и за дни не считались, а только за половинки, лишь эти половинки и остались похожими на прежние; так и нынешнее утро выглядело неотличимым от такого же, прожитого в пору, само существование которой вызывало сомнение. Точно так же, как тогда, Аратов сидел в кресле зала ожидания, и так же, как тогда, где-то на трассе происходило неладное с погодой, и самолёт не выпускали.

– Если подсчитать, – проворчал Еленский, – сколько лишних недель я просидел вот так, из-за задержек, то...

– То – что? Придётся в отчаяние. А вот мне везло до сих пор, – сказал Аратов.

– Сплюнь. Ты и летал-то всего ничего, и поздно родился. У нас в первые годы транспорт был надёжнее: поезд. Жаль, больше не разрешают. Через какие города мы ездили! Прямых поездов сюда нет, всякий раз – с пересадками, а на каждую, как ни крутись, уходило не меньше суток. За это время можно много чего вкусить.

– Кстати, не заглохнут в этом году наши фруктовые рейсы? – воспользовался случаем напомнить Аратов; зная о практике полётов на попутных самолётах за зеленью на южные рынки, он мечтал и сам попутешествовать подобным образом.

– Съездишь, коли хочется, – успокоил Еленский. – Друг наш Платонов грозился угостить помидорами, так что, наверно, устроим это в июне.

– Вот бы ещё и в аэропортах были такие базары, как раньше – на станциях, чтобы к трапу подходили женщины с малосольными огурчиками, с яйцами вкрутую, с жареными курами, – проговорил Аратов. – А то возят всякую ерунду.

Девушка в белом халате везла мимо них лоток на колёсиках.

– Как – ерунду? То, что нужно! – неожиданно воскликнул Еленский, останавливая тележку и указывая на крохотную сувенирную бутылочку водки.

– В самолёт? – понимающе спросил Аратов.

– В какой самолёт! Слону – дробина. Нет, это меня просили. Трефилов просил привезти бутылку, вот я и уважу просьбу – представляешь сцену? Насладимся впечатлением, а потом можно и настоящую отдать, пусть утешится.

– Ну и шуточки.

– Как не пошутить? А ты говоришь – в самолёт! Лучше не брать вовсе ничего: дорога длинная. Ты-то, вижу, запасаешься чтивом?

Аратов вертел в руках крохотный серый томик.

– Кирсанов. Возьми, погляди.

Просматривая сборник, Еленский вдруг засмеялся:

– Голову сломаешь такими стишками: «Повстречательный есть падеж, узнавательный есть падеж, полюбительный, обнимательный, узнавательный есть падеж»!

«Узнавательный, полюбительный – как это верно! – восхитился Аратов, но промолчал. – Если полюбишь – тут и падежи нужны особые, и весь язык».

– А дальше! – не унимался Еленский. – Голова – моё слабое место, ей и на работе достаётся, а ты посмотри, чем приходится её нагружать: «Я внизу, я гужу в никельные грани»! Ты гудел когда-нибудь в грани?

Аратову стало неловко, словно высмеивали его собственные стихи, но он не возразил и на этот раз, по опыту зная, как безнадёжны подобные споры. Вообще, все разговоры о поэзии, о живописи, о законах жизни теперь следовало отложить до возвращения; законы физики – вот единственное, чему следовало волновать его ум в экспедиции.

– Такое только перед боевой работой читать, – заключил Еленский.

Боевая работа! Казалось, Аратов забыл, ради чего сидит на аэродроме. Она ещё представлялась ему чем-то нереальным, во всяком случае – столь отдалённым, что и не дожить было; так бывает в долгих вокзальных ожиданиях при опоздании поезда, когда исчезает вера не только в его нынешнее прибытие, но и в существование любого транспорта на земле. Задержка рейса пока была невелика, но тотчас по её объявлении понятия «полигон», «гостиница», «пуск», а с ними и «дом» стали отвлечёнными для Аратова, словно ему суждено было прожить жизнь в аэропорте. Предстоящая работа, между тем, имела для него особое значение, оттого что в предыдущем пуске ракета прошла слишком далеко от мишени, и причиной промаха могла оказаться ошибка Аратова в осреднении данных. Теперь он пересчитал всё заново – результаты совпали, – и ему оставалось только ждать, что свою ошибку найдёт кто-то другой или, скорее, что сделанные каждой службой скромные, по крохе, уточнения в сумме поправят дело.

* * *

Когда и этот пуск остался позади (он сам видел, как мишень разнесло в клочья), Аратов только удивлялся тому, что мог придавать значение сомнениям посторонних – сам-то он был уверен в себе; если исход проверки и обрадовал его как-то особенно, то лишь тем, что за ним последовало немедленное возвращение домой – он и не заметил, как пролетел короткий на сей раз срок. Он ждал, что скоро вообще перестанет замечать свои перемещения в пространстве.

По счастью, он не привыкал, от многих повторений, к чуду возвращения, и чувства не притуплялись: всякий раз, въезжая в свой город, он думал, что раньше, живя здесь безвыездно и не имея возможности сравнивать, меньше любил его. Контраст с жилой площадкой полигона стал, впрочем, в последнее время не так разителен, и дело было не в том только, что «пятёрку» застроили городскими трёхэтажными домами, открыли универмаг и начали монтировать телевизионную вышку, а в том, скорее, что население едва ли не в одночасье перестало быть исключительно мужским. Прилетев однажды на полигон, Аратов обнаружил вдруг, что женщины, все – молодые, встречаются на улице не реже мужчин; в следующий раз стало заметно, что добрая половина из них ждёт детей – его позабавило, как дружно они взялись.

Глядя на будущих матерей, Аратов не чувствовал надёжности их пребывания здесь, словно и они были всего лишь командированными, как он сам; странная неустроенность была тут во всём, и он особенно ощутил её, побывав в гостях у Трефилова. Еленский сыграл-таки свою шутку с бутылкой, при многих свидетелях вручил поначалу пятидесятиграммовый пузырёк, с трудом вытащив его из часового кармана брюк, но быстро сжалился и пообещал после работы отдать и другой гостинец. Трефилов, всерьёз было огорчившийся, тотчас предложил отведать его вместе, пригласив и Аратова, стоявшего подле. Тот принял приглашение с удовольствием – ему интересно было посмотреть, как живут офицеры: ещё странно было думать, что на полигоне можно попасть в обычную городскую квартиру. Впечатление от трёх трефиловских комнат оказалось неожиданным. Всё в них было, вроде бы, то же самое, такое же, как и в московских домах – и мебель стояла не казённая, и хрусталь блестел в серванте, и ковёр висел на стене, – но только Аратов почуял знакомый дух общежития.

В Москве же с самого её края, со въезда в неё, им сразу необъяснимо ощущалась некая вечная основательность городского бытия, и всё московское, заново узнаваемое Аратовым, было, почти без исключения, хорошо, всё было прочно и всё было – своё.

Тем не менее, в большом празднике возвращения теперь его волновало лишь начало, вылет; после отрыва от полосы военного аэродрома он успокаивался, думая, что обстоятельства уже не могут перемениться, и только отмечал любые признаки отдаления от общежитий. Возникновение в салоне стюардессы

в голубом костюме возбуждало, как выход балерины, и Аратов упивался созерцанием её простых па; когда разносили конфеты или еду, он непременно вспоминал те совсем недавние времена, когда самолёты более походили на служебные автобусы и само понятие «стюардесса» казалось абстрактным и чуждым их миру; сейчас он вдруг начал находить определённый вкус в спартанской обстановке первых полётов – вообще, то, что поначалу виделось ему дурным в полигонной жизни, теперь представало в ином свете, и по этому, прежде дурному, становилось возможным даже и тосковать. Он и себя видел другим, совсем не тем, кто в незапамятные времена, возвращаясь после первого пуска в Аул, наивно называл себя и своих попутчиков «героями площадки», ожидая, что остававшиеся в Ауле встретят их с восхищением и с завистью.

Главное удовольствие первых минут в Москве по-прежнему заключалось в звонке в Черёмушки. В ритуал, однако, входило испытание воли, и Аратов заставлял себя не подходить к автоматам в аэропорте и не останавливать такси вблизи Таниного дома. «Я не одет, – уговаривал он себя. – Нельзя показываться ей в пыльных тряпках и нестриженным».

Выйдя из машины в своем дворе, он сообразил наконец, что у Тани каникулы и звонить ей бесполезно; это ничего не изменило, и он первым делом (Игожевых не было), не переодевшись и бросив чемодан в прихожей, взялся за телефон. Ему никто не ответил, и он огорчился, словно и в самом деле рассчитывал на другое.

Впервые он приехал так, в пустую квартиру (у Тихоновых, правда, разговаривали) и теперь толком не знал, за что братья сначала. Нужно было принять ванну, разобрать вещи, переодеться, но пока что он устало опустился на диван в своей комнате. В глаза лезла надпись, сделанная на стене Андреем: «Только в государственной службе познаешь истину», – с таким росчерком внизу, что равно можно было прочесть и Прутков, и Прохоров. Он подумал, что все надписи глупы и надоели и при ремонте их всё равно придется закрасить, и тогда ему станет жаль их, знаменующих целый период его жизни. Странно было: раньше он не жалел расставаться со старым. «К чему оглядываться? – когда-то считал он. – Это физически неудобно». Сейчас ему вдруг остро захотелось, чтобы ничто никогда не менялось в этой комнате, и он поспешил достать и развесить на прежних местах убранные на время отъезда картины Андрея и большую Танину фотографию,

сделанную в Риге. Перелистав каталог, он выбрал и заправил в магнитофон ролик Бака Клейтона, который любил слушать, будучи в невесёлом или вовсе дурном настроении.

Теперь, когда телефон оказался бесполезным, он настраивал себя на немедленную загородную поездку. Ничего не могло быть проще: сойти на малолюдной платформе, пройти тропкой через молодой ельник, миновать громадную угловую дачу, на участке которой всё прошлое лето собирали и красили яхту, и уже через несколько шагов увидеть Танино окно на втором этаже, гадая, смотрит ли она. Азор узнает его, и на лай выглянут и позовут Таню. Впрочем, её, разумеется, не будет в доме, и чуть погодя ему придётся идти искать на берег, куда он и так заглянул бы непременно – всякий раз заглядывал – на место, где встретил её впервые.

Тогда, проезжая на велосипеде, он поначалу не обратил на Таню внимания, не взгляделся, и сегодня страшно было предположить, что так и мог не посмотреть и не увидеть – рассеянно поболтав о собаках, укатил бы дальше и не вспомнил потом. Иногда ему хотелось только одного – повторить тот миг прозрения, когда вдруг всё-таки задержал взгляд на её лице и увидел, что вокруг как бы переменяли освещение.

Он считал это случайностью.

Роль мелочей и случайностей удивляла его. Увлечение собаками, которому надлежало бесследно пройти с возрастом, неожиданно переменяло его судьбу. Не возникни у него мальчишеского желания показать себя перед первой попавшейся девчонкой знатоком пород и повадок, жизнь пошла бы другим путём не у него одного: он, возможно, давно уже был бы женат на Наташе или даже на Фаине, что в свою очередь положило бы начало новой цепочке событий, самых невероятных, среди которых он, безудержно фантазируя, предположил и такое: малыш вслед за мячом выбежал из подворотни на мостовую, и водителю не оставалось другого, как направить машину в столб, изменяя собственную судьбу; обезумев от испуга, молодая женщина, жена Аратова, схватила сынишку на руки и так застыла, не замечая, как собирается опасно возбуждённая толпа – прохожий милиционер защитил женщину, но она так ничего и не поняла.

Мысль о том, что он мог бы связать жизнь с Фаиной, развлекла Аратова; он представил, что не приводит её к себе, а сам переезжает в деревенский дом и постепенно свыкается с укладом,

какой всегда был ему непонятен: занимается огородом, садом, чинит избу и носит корм скотине, а в город ездит раз в неделю, в две, надевая, даже в знойные дни, чёрный выходной костюм.

Сегодня, вернувшись с полигона и выходя в город, он, несмотря на жару, должен был надеть костюм и повязать галстук – почувствовать себя иным, чем был на «пятёрке», человеком: столичным жителем в праздничный день.

Он уже готов был выйти – без цели, просто побродить где-нибудь в Центре, – как в дверь постучали.

– Да ты, я вижу, убегаешь, – разочарованно сказал сосед, поздравив с приездом. – Я-то думал, может, заглянешь к нам на чашку чая. У меня брат гостит, из Бийска.

Аратов замаялся – взаимные приглашения к столу не заведены были между соседями. «А они мне симпатичны, – вдруг подумалось ему о Тихоновых, как никогда раньше. – Почему ж Игожевы не любят их? Никого не любят, вот в чем дело. И я вырос на этом». Он вспомнил, как мальчиком, когда Игожевы обсуждали дурные черты знакомых, радовался, что ему несказанно повезло с родственниками: вон сколько вокруг неважных людей, и только его близкие, двое, свободны от недостатков.

– К барышне идёшь, – истолковал Тихонов его отказ. – А оделся, как на похороны.

«Может быть, и вправду – к барышне? – подумал Аратов. – На такси до вокзала, а там – час езды... Пока доберёшься, стемнеет».

– Так, значит, ехать? – неожиданно произнёс он вслух и смутился.

– Ты меня спрашиваешь? Езжай, парень, но сначала зайди, составь компанию. Ещё успеешь, куда тебе надо.

«Брат из Бийска, – повторил про себя Игорь. – Тоже старик, наверно, а вот собрался в такую даль. Я даже не знаю толком, где это – Бийск. На Бие, хорошо. А где – Бия? Господи, неужто я не наездился еще? Вот и туда захотелось, тем более, что понятия не имею, что там за места. Смешно, что меня тянет из дома, когда и часу не прошло, как вернулся. Впрочем, что называть домом?» Своя комната показалась ему холодной, как после ремонта: словно что-то выветрилось из неё. Быть может, и вправду стоило бы посидеть немного у соседей – вот где настоялся московский дух, в их комнате, заставленной замечательными вещами. Там была старинная – тёмная и громоздкая – мебель: диван с высокой спинкой и зеркалом в ней, зеркальный резной шкаф и ещё

одно, настенное, в тяжелой бронзовой раме, зеркало над комодом, ломберный и обеденный столы, буфет и обширная кровать. Видно было, что люди тут обосновались давно и надолго, и Аратов, при всём своём юношеском неприятии старомодного, подумал, вспомнив к месту, что Трефилов по сравнению с Тихоновым выглядит бездомным, а обстановка в новой трефиловской квартире – случайной, как в полупустой витрине провинциального универмага.

Тихонов вышел на телефонный звонок. Подзывая потом к телефону Аратова, он искренне изумился:

– Как только они узнают? Человек порога не успел переступить – и уже трезвонят.

– Я писал, когда прилетаю, – объяснил Аратов. – Назвал два дня – этот да завтрашний.

Звонил Прохоров. Избежав обычного вступления, он сразу принялся что-то рассказывать так возбуждённо и сбивчиво, что его пришлось остановить.

– Главное, Свете не говори, – продолжал кричать Прохоров так, что дребезжало в трубке. – Ей рожать скоро, покой нужен, понял? Пока женщине растолкуешь, что не в выставке суть, вернее, что Бог с ней, с выставкой, что проку не было дрянь выставлять... Я ещё не знаю толком, что там осталось, а ей надо сказать, что всё в порядке – понял?

– Ничего не понял. Говори потише, а то не разобрать.

– Этот шиз Васин вертелся – не представляешь, как он действовал на нервы. Я и без него знал, что всё – дерьмо и мазня, так ещё и он твердил то же, но – завидовал! Как раз мазне и завидовал, довёл меня до точки. Какое у него было право распорядиться чужим?

– Послушай, я всё равно ничего не понимаю. Давай, подъеду и поговорим спокойно. Ты с Арбата?

– Полчаса толкую: от избы!

– От избы!

До ближайшего телефона там было идти и идти.

– Что бы тебе приехать пораньше! – воскликнул Прохоров. – Впрочем, не важно. Когда ты будешь? Возьми такси. Если что, деньги у меня есть. Ты не занят?

– Вот, сосед приглашает на чай.

Прохоров застонал.

– Ну, ладно, ладно, – поспешил поправиться Аратов. – Неудачно шучу. Еду.

И когда машина возносила его по тягостному, оттого что продолжался и на втором берегу, подъёму моста, Аратов подумал, что совершает нечто, противное своей натуре: цель его, деревенька, теснящая городом и оттого похожая на декорацию отснятого фильма, казалась вовсе не тем местом, куда стоило торопиться с полигона; лучше было бы остановить автомобиль на самом высоком месте и не спеша пойти назад, спускаясь в город. Он не верил, что у Прохорова могло случиться что-либо серьёзное, пока тот находился в этой своей неудобной мастерской, что вообще что-либо серьёзное могло произойти в доживающей последние дни деревне, в которой давно забыли пахать землю и держать скот; непрочность её существования должна была бы сказываться и на людях, попадавших в неё: Андрей, по мнению Аратова, сделал тут не лучшие свои вещи. Что говорить, место было живописным, но Прохоров писал не пейзажи, а в остальном единственным достоинством этого варианта была лишь его дешевизна. Загородному дому – даче или мастерской – в воображении Аратова следовало быть совсем не таким, и по пути, вспоминая недостижимую сию секунду Танину дачу, Игорь загрустил о том, что никому не дано жить там, где хотелось бы сегодня.

Прохоров встретил его на асфальте, ещё до поворота к домам. Уже отсюда было видно, что сырая после недавних ливней земля разворочена вблизи избы тяжёлыми колесами, а в самой усадьбе что-то нарушено, но этот последний непорядок скрывался надвигающимися сумерками, да Аратов и не вглядывался без надобности.

– Пошли, обойдём кругом, – предложил Прохоров, беря друга под руку. – Тут грязь, да в избе и делать нечего.

Голос его теперь был спокоен.

– Как ты напугал меня, – сказал Аратов. – Ты кричал, и я не понимал слов. Твой тон – он странен был.

– Мой тон странен! – рассмеялся Прохоров. – Ты видел, что стало с моей верандой? Ах, да, я же сам увёл тебя, иначе бы ты заметил... ну, скажем, некоторое несоответствие между нынешней формой и недавним содержанием. Я собирал холсты к выставке...

– Да, так что же выставка?

– Что-то нелепое произошло. Хотя, возможно, мне как раз повезло. Ты знаешь, что они обычно выставляют там, в институте – ну, я и настроен был соответственно, и готов был. И вдруг выяс-

нилось, что требуется совсем другое, то есть, что я – не нужен. Те самые люди, которым я благодарен за рекомендацию и тому подобное, они же набрали совершенно непробиваемое жюри – при том, что его там попросту никогда не существовало прежде. Ах, это скучно, всё дело в деталях, а я, кажется, говорю невнятно, так что подробности – потом. Я вот к чему: у меня в избе была половина из отобранного, к счастью – не лучшее.

– К счастью?

– За последние полчаса – после звонка – я остыл, и рассказывать нет желания. Словно случай – не со мной. Ну мало ли с кем бывает – то, о чём в трамваях говорят!

– О чем говорят-то? – нетерпеливо спросил Аратов.

Андрей ехидно хихикнул:

– О том, брат, что картошка подешевеет, да что дом наш снесут, на бульваре.

– Давно уж говорят.

– Теперь будто бы наверняка. Площадью не обидят, семья-то растёт, да что толку? Оттого, что – семья, вся работа встанет.

– Тема становится навязчивой, – заметил Аратов. – Постой, да у тебя что – со Светланой нелады?

– Нелады? Неужели можно понять меня – так? Нет, просто мне сейчас плохо оттого, что Света скучает. А дальше – дальше я должен буду, конечно, на целый год, пока пелёнки, вообще всё бросить, это естественно, но потом, пусть и ещё через год, надо возвратиться к делу – и разве хватит совести уезжать из дому на целые дни, как сейчас, оставляя хозяйство на жену? Если так – Бог с ними, с выставками, ничего не нужно.

– Не нужно! – возмутился Игорь. – Ты так ждал хотя бы одну – любую! Пусть это – первый шаг, и что-то выйдет коряво, но хоть какой-то слух пойдёт, и купят что-нибудь.

– Маниловщина, брат. Да вот, полюбуйся теперь сам.

Обогнув квартал, они вышли к избе, застеклённая веранда которой служила Прохорову мастерской. Забор тут был повален и, вдавленный в грунт, разломан в щепки, а на месте ближнего к дому сарайчика лежала груда обгоревших досок; веранда, зияя проломом в чёрной стене, стояла без стёкол. Теперь Аратов понял, что всё время слышал запах гари.

– Все картины? – ахнул Аратов, знавший, что в сарайчике хранились готовые работы.

– Вот ведь судьба: только пять полотен пропало. Я перед этим отбирал, что выставить, что – выбросить, так и оставил холсты на веранде. А то, что было в сарае – я поразился – бабка вынесла. Как занялось, так не за свой скарб схватилась, а сюда бросилась и, что ни попадя – во двор к соседям. Сама объяснила – на нервной почве.

– Теперь ты у неё до конца дней в долгу.

– Думаю, мы ей поможем восстановить это дело – все, кто пользовались избой. Я-то – в любом случае. Убытки невелики: это сначала смотреть страшно, а разобраться – легко отделалась: пустой сарайчик сгорел, да веранду сгоряча начали разорять. Сосед вовремя подоспел с огнетушителями. Но сам факт, шутка ли сказать: пожар!

– Висельник не утонет. Ты везучий.

– Эти, – Прохоров махнул рукой в сторону пожарища, – я мог бы восстановить, но не буду. Нет, знаешь, очень удачно сгорело.

– Впервые вижу такого оптимиста. Удачно? Так что же сам не сжёг? Аккуратно, в топке? Ан нет, велика беда. Когда же это случилось?

– Вчера, – нехотя ответил Прохоров.

– А когда ты был здесь в последний раз?

– Вчера, – повторил Прохоров нетерпеливо, как будто Аратов обязан был знать и знал. – Я ушёл, а вскоре и произошло.

– Может, ты пепел обронил?

– В сарае? Я не курю на ходу, ты знаешь. И вчера вообще не курил. Тут, правда, много народу было, но я знаю, это Васин сжёг.

– Он был тут с тобой? – не сразу спросил Аратов, озадаченный таким неожиданным заключением. – Кто же из вас нарушил конвенцию?

– В последние дни он вовсе не соблюдал её. И ведь как надоед, зануда! Понимаешь, вроде бы правильные вещи говорит, буквально – мои мысли, но как-то так умеет незаметно повернуть, что всё в них сплошь – грязь, пакость, и я уже спорю с ним – со своими-то мыслями спорю! А вчера разругались, и такое осталось на душе, что не знаешь, то ли напиться, то ли помыться.

– Напиться. Поехали в город, и я вылечу тебя. Забудь о своём Васине, он ни при чём.

– Ещё скажешь, что это я сам спалил, – криво улыбнулся Прохоров. – Ладно, заглянем к бабке да поедем. Я сейчас в магазин бегал, обещал почать с ней бутылку. Пошли, погорюем вместе. Знаешь, после пожара я тут на всё смотрю как на родное. Сквер-

нее не придумаешь: смотрю на головешки, а в душе – не тревога, а умиление. А тут ещё Игорь Аратов велит радоваться везению.

Потом было ещё много случаев вернуться к происшествию – и посочувствовать, и подумать, чем помочь, и заняться расследованием (официальное шло своим чередом, доставляя немало хлопот Андрею) – да его и не позволяли забыть. На выставке, побывав там не раз, Аратов встречал одних и тех же людей и, невольно сойдясь с ними, с изумлением узнавал тайны незнакомой кухни.

То и дело до него доносилось: «Слышали, у Прохорова сожгли мастерскую?» – слово «сгорела» не произносилось, словно случайность исключалась начисто (дни спустя кто-то наконец мрачно пошутил: «Довольно выдумывать, он сам поджёг, я знаю точно: вспомните, каков он был перед этим», – и этот слух пополз рядом со старыми, постепенно подавляя их). «С вами бы такое случилось», – желал про себя Аратов, слыша эти пересуды, но, попытавшись вообразить, что нечто подобное произошло у него самого, что погибли материалы к диссертации, уже стоившие двух незаметных лет работы, не обнаружил в себе горя; учёная степень показалась ему необязательным итогом первого тридцатилетия жизни, тем более, что полигон всё сильнее затягивал его, делая нелепыми старые планы перехода в научный отдел. Беда заключалась в том, что иных итогов не предвиделось. Он считал, что до сих пор не сделал – не завершил – в жизни ничего доброго, даже для Андрея оказавшись бесполезным, хуже – что навредил тому и виновен в поджоге: в том, что не предупредил – не увидел беды!

Привыкни Аратов думать подобным образом, он слишком во многом нашел бы свою вину; это были непривычные мысли, но они – пришли, и он, не понимая, какую роль в этом сыграл потушенный пожар, впервые почувствовал, поначалу отогнав это ощущение как вздорное, что ответствен даже перед теми, кого в глубине души считал в чём-то ниже и беднее себя.

* * *

К осени в испытаниях наступил перерыв, и Еленский настойчиво предлагал Игорю отдохнуть, но у того были свои планы: он собирался зимой в горы. Для этого, правда, хватило бы и двух недель, и постепенно Аратов начал склоняться к тому, чтобы, используя сейчас только половину отпуска, съездить на юг, где никогда не был, или опять в Ригу. Впервые за последние годы он

строил планы для себя одного, не связывая их с Таней; он только не мог изгнать её из своих воспоминаний, и мысли его занимал прошлый, рижский ноябрь: он уже рвался в эти, так много значившие для него места. Сезон кончился, и с жильём на взморье не было бы проблемы.

Сентябрь обещали погожий, и Аратов выбрал для отдыха вторую его половину.

Однажды Прохоров пришёл к нему без обычного звонка и спросил ещё с порога:

– Никуда не собираешься?

– Разве что с Таней договорюсь. Как раз собирался позвонить.

– Значит, никуда, – решил Андрей. – Давно говорю: брось это дело. Впрочем, дозвонишься своей Мисс Черёмушки – передай привет от будущего соседа. Я уже адрес знаю, и мы с тобой поедем смотреть. Только всё это, брат, суета, возня муравьишек, главное же... Вот главное: я отвёз жену в больницу! Меня оттуда выгнали, чтобы не надоедал, и я сразу – к тебе, чтобы посидеть возле телефона. С минуты на минуту может случиться.

– Поздравляю, Андрей. Нет, но что, в самом деле – ты в самом деле будешь отцом? Ты сам-то веришь ли? Счастлив, наверно, раз сбылось то, чего хотел.

– Не знаю, – развёл руками Прохоров, – хотел ли.

– Ну вот, приехали. Этого или хотят, или нет.

– За год, за месяц, ещё за неделю можно хотеть. Тогда это, видишь ли, этакое абстрактное желание. А за сутки, когда это должно случиться именно с тобой, – порядочные мужики только боятся, и не верят, и думают о чём угодно постороннем. Что-то происходит помимо моей воли, меня уже не спрашивают, а дальше... Эх, пропадай, моя телега!

– Сдаётся мне, что ты уже отметил событие.

– Пейте шампанское в розлив бокалами, – процитировал рекламу Прохоров.

– Гусар!

– Что за прелесть была служить в гусарах! Нет, ты подумай, что за век был, какая беззаботность, на наш взгляд! Что волновало офицеров? Женщины, вино, карты. А в чём-то – варварство. Маленькая княгиня... Не представляю: если б Светлана рожала дома... Женись, брат, и жизнь станет многообразна во всех своих проявлениях. Я сосватаю. Кстати, ты собирался звонить: иди, я следом.

Тон, каким Таня поздоровалась с ним, обрадовал Аратова, он уже соскучился по её детскому «здрассте» и теперь решил, что беседа пойдёт свободно, как бывало в лучшие дни. Уже через минуту он обнаружил, что не знает, о чём говорить: у них не оставалось общих тем, и Таня стала немногословна.

Он говорил незначительное:

– Я звоню без дела, поболтать. Я не отрываю тебя от дел?

– Нет, – ответила Таня, и он угадал её улыбку. – Я свободна.

Такого Игорь не слышал уже давно.

– Так встретимся! – возликовал он.

– Нет, не настолько же, – засмеялась девушка. – Тебе палец в рот не клади.

– Танечка, столько дней без тебя – всё лето!

– Ты не собираешься улетать?

– Нет. Если ты скажешь, я никуда не полечу. Что может быть важнее? Нет, вот у Андрея – важнее: он отвёз Светлану в родильный дом.

– Кто же у него – мальчик? Света сына хотела.

– Не знаю, – рассеянно ответил Аратов. – Пока никого.

– Ой, что я говорю глупости? И ты туда же, – спохватилась Таня, и они расхохотались.

– Он только что отвёз.

– Поздравь его. Или это делается позже? Заранее нельзя: сглазишь. А помнишь, он в Риге обмолвился, что не станет торопиться с прибавлением семейства?

– Как говорят, мы не у себя дома.

– Причём тут – не у себя? – не поняла Таня. – Кстати, пока не забыла: о Риге. Я даже хотела специально позвонить тебе.

«Что стряслось? – заволновался он. – Когда это она звонила мне сама? Но вот, наверно, добрый знак: мы оба думаем об одном».

– Ты не помнишь, – продолжала она, – на какой станции мы сходили?

Он назвал две, и Таня уточнила:

– Где прямая дорога к коктейль-холлу.

– Дзинтари. Зачем это тебе?

– Просто так, – быстро ответила она. – Забыла.

– Хорошо тогда было. Хорошо вспомнить.

– Да, конечно, – рассеянно проговорила Таня.

– Я тоже вдруг затосковал по тем местам.

Что-то не позволило Аратову сказать, что он собрался туда.

Из родильного дома Светлана приехала не на бульвар, а к матери, и Прохоров тяготился жизнью на два дома; утешала его только близость переезда на новую квартиру.

– Может, мне отложить отпуск? – спрашивал его Аратов. – Помог бы тебе перебраться.

– Нет, уезжай. Ещё неизвестно, когда всё это произойдёт – не ровён час, прождёшь до Нового года. Я тоже представлял дело проще: получу ордер, возьму такси и – дома. Однако, брат, это такая канитель...

– Совсем я не рад твоему новоселью, – сказал Аратов, сочувствуя не другу, а себе, оттого что терял обжитой, тёплый дом, куда так хорошо и просто было зайти на огонёк. – Так уютно было у тебя: жил, жил человек, пригрел уголок... Хорошо ещё, что дом сломают, и тут не будут жить чужие. А расписанные стены – рабочие с ума сойдут, увидев.

– Увы, это ни с собой не возьмёшь, и никому не оставишь.

Они стояли вдвоём у окна в комнате, где вдоль голых стен громоздились узлы, коробки, связки книг. У себя дома Аратов привык к тишине, там из его окна, выходящего во двор, он смотрел вверх деревьев и крыш, но здесь шум машин под самым окном, отдаваясь в пустой гулкой комнате, мешал разговору.

– Не так часто теперь удаётся порассуждать вслух, – посетовал Прохоров. – Я нынче в другой упряжке. Пелёнки, наверно, прекрасная вещь, но удивительно, что я так бездумно смирился с новым образом жизни и тупо выполняю то, что требуется: гладить – глажу, стирать – стираю, вязать узлы – пожалуйста. Ещё и новую квартиру придётся доделывать, приводить в божеский вид. И у жены тоже – чисто физиологическая жизнь.

– Жалеешь.

Прохоров покачал головой.

– Странно, конечно, думать, что для такой вот жизни человеческая цивилизация развивалась больше пяти тысяч лет. Но в этом есть и некая мудрость. Я, например, по-другому стал относиться к Светлане, словно женщина с ребёнком это уже иной человек, какая-то высшая ступень, словно только мать и есть женщина. Вообще, если вспомнить нашу с ней историю, представление и о ней, и о браке было у меня ошибочным. Чёрное оказалось белым и наоборот. Учти это и не пытайся влиять на природный ход

событий. Пусть всё разрешится естественным путём или давай, как собирался: за билетом – и гуд бай. Обещаю новоселье без тебя не справлять, пожарные команды не вызывать и так далее.

– Встречи наши теперь будут затруднены.

– Главное, с этим расселением мы с тобой потеряем Наташку.

– Я-то наивно думал, что переехать – это погрузить вещи в машину. А теперь вижу – ломать жизнь и себе, и другим.

Аратов когда-то не задумывался над тем, что каждый его шаг отзывается в чьей-то судьбе, пока сам не начал ощущать чужие шаги. Теперь ему тревожно стало наблюдать, как далеко и долго (он видел – круги на воде) расходятся последствия поступков и слов. Переезд и рождение сына у Андрея вели к тому, что отношения с ним должны были принять новую форму, и к этому-то Аратов подготовил себя; того же, что из его жизни, перестав быть соседкой Прохорова, уходила Наташа, он не понимал прежде. Могло случиться и ещё многое. Если уж всё оказалось так тесно связанным одно с другим, то события последних дней могли каким-то странным образом отразиться и на его отношениях с Таней – только существовали ли они ещё на свете, эти отношения? Аратов знал многое – и то, что она не любила и не полюбит его, и то, что сойдись они, союз их был бы мучителен для обоих и, наверно, пагубен для него, – и всё же ему хорошо было любить Таню.

Выйдя от Прохорова, он тут же направился к автомату.

К телефону подошла Алина Корнеевна, и Аратов подумал, что она, как уже бывало, станет, помогая, предлагать ему какие-то варианты, забывая, что он испробовал их все.

– А её... её нет, – неуверенно проговорили она после заминки. – Как жаль, что Таня не сказала вам...

Чувствовалось, что эти слова должны иметь продолжение, но Аратов нетерпеливо перебил, спрашивая, когда та вернётся.

– Нескоро. Очень нескоро, – вздохнула она. – Знаете, Игорь...

– Что, Алина Корнеевна? – пришлось ему прервать затянувшуюся тревожную паузу.

– ... я вынуждена вас огорчить...

Потом, позже, он понял, что в этот момент уже знал, какие слова услышит, но пока ещё, обороняя душу и обманываясь, лихорадочно пытался придумать, что же это может быть – худшее, чем сейчас, но не самое плохое, потому что могло, как она сказала,

всего лишь огорчить, но не убить же. Алина Корнеевна продолжала, тщательно подбирая слова:

– Танечка... поехала в Ригу.

Отгнав мимолётную догадку, что она не могла поехать туда одна и что сама поездка необычна теперь, когда в институте идут занятия, Аратов заставил себя подумать, что это совпадение кстати, оттого что и он собрался туда же и может догнать её; он успел пожалеть, что не поделился с Таней намерениями: они могли бы разделить дорогу. Он ещё успел порадоваться предстоящей встрече на взморье, желанной для обоих, потому что для Тани не могло быть Риги без него, Аратова, открывшего ей этот город и море. Он даже успел вздохнуть облегчённо, прежде чем услышал:

– Она, Игорь, поехала не одна. Она вышла замуж.

– Когда? – зачем-то спросил он, понимая, что это не имеет для него значения, и удивляясь своему внезапно хриплому, непослушному голосу.

– Я так просила Таню, чтобы она сама сказала вам! Но ей трудно было, она не сумела.

– Что ж, извините, до свидания, – не желая больше слушать и сам не договорив, он нажал на рычаг.

* * *

К даче, где Аратов когда-то встречал Новый год, вела всего лишь колея, проезженная по дну оврага, в лесу. Въезд в овраг скрывали кусты, и даже со ста шагов нельзя было сказать, что там ходят машины. Аратов сориентировался с трудом. Старенькая «Победа» нырнула в чащу, под низкие ветви – он даже пригнулся, сразу с улыбкой подумав, что и у его горбатенькой машины такой вид, будто она пригибается под веткой. Толстые стволы мелькали близко, буквально в нескольких сантиметрах от бортов, и Аратова увлекло сложное, как слалом, передвижение; игра, правда, оказалась недолгой, и овраг закончился тупиком. Аратов вылез, чувствуя, как затекла спина; обойдя машину, он открыл правую дверцу и наклонился к Прохорову:

– Что, ты не думаешь вылезать?

– Пригрелся, – через силу ответил тот. – Шутка ли – тыща вёрст!

К дому, теперь, когда опала листва, хорошо видному издали, вела крутая тропинка с вырубленными кое-где ступеньками.

Вбежав наверх, Аратов остановился, с удовольствием прислушиваясь к чистому запаху осеннего леса. Он видел низкие облака, чёрные стволы, потерявшие цвет листья под ногами и голые, без занавесок, окна бревенчатого домика; от такого пейзажа ему стало невесело, как перед ненужной дорогой.

Прохоров поднимался, не торопясь; ключи были у него. Войдя следом за ним в помещение, Аратов нашёл там обрывки газет и верёвок, аптечные пузырьки, пустые коробки и прочий хлам, всегда остающийся на зиму в дачах. Пахло, как и обычно в брошенном жилище, и Аратов удивился тому, как остро он сегодня чувствует запахи. В дальней, маленькой комнате Аратов увидел единственные в доме целые вещи: стенные часы (они показывали верное время – видимо, стояли) и свой магнитофон, за которым и приехал сюда.

Осторожно опустив магнитофон на землю, Прохоров снова поднялся на крыльцо, чтобы запереть дверь. Замок заело. Оглянувшись – не на шорох листьев, а иным каким-то образом почувствовав чужое присутствие, Игорь увидел, что к даче подходит Таня. Он ничего не сказал ей и не окликнул Прохорова, и она тоже молчала, просто медленно прошла мимо, очень внимательно и долго посмотрев на него. Погода стояла тёплая, но на девушке было драповое пальто: так же она была одета в прошлом ноябре, в Риге. Пройдя между корявыми яблонями, девушка остановилась у частоккола, за которым начиналось поле, и оттуда сфотографировала Аратова.

Прохоров не заметил её, спокойно направившись со своей ношей вниз, к стоянке.

Сев на свои места в машине, они не торопились уезжать.

– Вот бы в такой дачке, – сказал, закуривая, Прохоров, – поработать как следует пару месяцев. По утрам – к водичке, на рыбалку, да чтобы низкий туман стоял над водой.

– И чтобы платили «пыльные», – неуклюже и привычно пошутил Аратов. – Всё же странный у тебя план – откуда здесь вода?

– Сам же рассказывал, как приезжал сюда на велосипеде.

– Тогда было совсем другое дело, ведь Таня купала собаку.

– Смотри! – толкнул его локтем Прохоров, показывая взглядом вверх. Там по кромке обрыва брела Таня. в сопровождении жёлтого доberman-пинчера. Остановившись над машиной, девушка сфотографировала дачу, огромные зеркальные плоскости окон которой эффектно отражали заходящее солнце.

– Насколько фотографам проще, – вздохнул Прохоров. – Нажал пальчиком – и картина.

Спустившись, Таня прошла мимо машины, совсем близко – пассажиры сидели, окаменев, – и ещё раз пристально посмотрела, наклонившись, в глаза Аратову. Его сердце заколотилось.

– Да поехали же, – заторопил Прохоров.

На выезде из оврага Аратов едва не зацепил сосну.

– Может быть, она и в самом деле ещё любит тебя? – спросил Прохоров. – Лишний раз подумай и взвесь.

Аратову нечего было ответить. Машину тряхнуло, и что-то застучало под полом.

– Что это за звук? – встревожился Андрей.

– Ерунда. Рулевая тяга.

– Давай же отремонтируем. Ишь, как гремит.

Открыв глаза, Аратов первым делом посмотрел на светящийся циферблат часов и лишь после этого отозвался на стук. Ночи было два часа.

– К телефону, Аратов, – приглушенным голосом позвала из-за двери дежурная.

Не боясь никого разбудить, он нащупал выключатель настольной лампы; его сосед, Винокур, редко ночевал в своей комнате; вовсе не объясняя своё отсутствие и, значит, скрывая что-то, он тем не менее не смутился, когда его впервые встретили выходящим под утро из комнаты Раи, а позже, кажется, попросту перестал таиться.

Звонил Лобода. Слышимость была плохая, и тот кричал, надсаживая голос:

– Не идут проверки. Проверки не идут, слышишь? Я послал машину – попей чаю и выезжай. Быстрее, по возможности. У нас всё встало. Шофёр выехал только что.

– Как говорят французы, такова се ля ви, – сказал дежурной Аратов.

Объяснять Лободе, что проверки аппаратуры суть не его дело, было бесполезно.

Ярош – босой, в одних тренировочных брюках – выглянул в коридор.

– Что ты расшумелся среди ночи? – зевая, спросил он.

– Руслан вызывает. Что-то у него заело, а отложить нельзя: «генеральский» пуск.

– При чём здесь ты? – фыркнул Виктор. – Тоже мне, нашли прибориста.

Когда Аратов, наскоро выпив кофе, вышел из гостиницы, машины еще не было.

Пейзаж представлял собой резкий контраст виденному во сне. Безглазые ящики строящихся домов на другой стороне улицы, а в конце её, за водокачкой, пустота, такая чёрная и холодная, словно там начинался космос, создавали впечатление, что город давно и навсегда брошен людьми. Аратов тоже витал мыслями где-то не здесь, а в мире, где были возможны тот самый овраг, и дача, и странное поведение Тани, и благодарно изумлялся мудрости природы, превращающей на время сновидений всех, даже заурядных и скучных людей в сюрреалистов. Вспоминать сон было больно и радостно, и он подумал, что его любовь к Тане не умрёт, ибо когда говорят, что какая-то человеческая черта со временем пройдёт – неужели верят? Оттого, что не проходит бесследно. Она, черта эта, была не случайна, а определена сложением его ума и тела, и без неё смогло бы жить только иное с рождения существо. Ничто не исчезнет, пока жив и цел человек. Но Таня ушла навсегда, рано или поздно её место займёт какая-то новая женщина из числа тех, кого он пока не смеет сравнивать с нею, и он вынужден будет говорить с нею нежнее, чем когда-либо мог – с Таней: сейчас казалось невозможным, что он должен будет сказать ей о любви.

– Перелюбить? – громко спросил он, зло смеясь над изобретённым словом, и голос оказался глух на ветреной улице.

После тёплой постели меховая куртка не спасала от холода. Зима, наверно, установилась. В Москве была ещё осень, слякоть, и в такой час, он знал, сырость пробирала до костей, и там ему так же одиноко и неуютно было бы на улице, несмотря на свет во многих окнах и другие признаки жизни.

– Неплохая погодка для прогулок, ты не находишь? – услышал он голос Яроша. – Бодрит. Но в машине тепло, я подремлю еще.

– Что ты здесь делаешь? – уставился на него Аратов. – Вот, не спится чудаку.

– Жду твою машину, – весело ответил Виктор. – Есть случай прокатиться.

– Вот она, жизнь «гайки»: только и знаешь мотаться туда-сюда. Но погоди, у вас же не пришло изделие – какая там работа?

– Повожусь с вашим.

– У тебя посадочный на завтра! – вспомнил Аратов.

– Успею, старый. Разведка доносит, что у вас нелады на борту, а в группе анализа – один бедный Аратов, аэродинамик, на которого Лобода хочет свалить ответственность. Как он выкрутится, не представляю, тем более, что его помощника не знаешь, где искать.

– Где искать-то – знаешь, да не знаешь, как туда войти. Но дело и не в том даже, а в том, что он ничем не поможет. Толя ведь тоже не приборист, да ещё и зелен, неопытен, а оттого, что не приняли в партию – угрюм.

– Вот я, старый, и говорю: от моей помощи не отказывайся. Тем более, что я един в двух лицах – и следователь, и опер: считай, что с тобой едет бригада.

– Спасибо, Витя, только ты, право, остался бы.

– Так и буду одеваться и раздеваться взад-назад?

В тёплой машине разговор их стал неторопливым.

– За всё время впервые мы будем работать вместе, – проговорил Аратов.

– Работать-то, положим, буду я один, – рассмеялся Виктор. – Но со мной, по крайней мере, не заснёшь, ручаюсь.

– Ещё и пожалею, что поехал не с Толей?

– Как бы ты стал ночью стучаться в женский номер? Как объяснил бы, почему – именно к ней?

– Странно, что ты продолжаешь этот разговор.

– Почему-то все думают, что у нас с ней что-то было – и ты туда же! Кто же виноват, что она так глупо влюбилась?

– Нельзя было давать ни малейшего повода, – назидательно сказал Аратов.

– Провозглашать лозунги, конечно, легко.

– Это – истины.

– Не ждал я, что с нею потом так выйдет, – произнес после паузы Ярош, удивляя Аратова непривычно серьёзным тоном. – Что стало поводом к началу, я не знаю, а вот почему появился наш общий друг Анатолий...

– Тут уже твоя вина. Она сначала могла надеяться и от мелких обид легко утешалась плачем, а вот когда ей стало известно о Зое, это был конец всем надеждам. Видимо, она уже не могла остаться одна, и просто случай, что подвернулся Толя. Только надолго ли этот роман – боюсь гадать. Я не могу понять одного: если между вами ничего не было, то отчего вы рассорились сейчас?

- Ничего не мог с собой поделатъ, – признался Ярош. – Понимаешь, свяжись она с любым другим, я только рад был бы за неё, но – с этим!.. Словно и сама стала такую же.

- Ей, видно, если уж не ты, то всё равно, кто.

- Пусть кто угодно был бы, – упрямо повторил Ярош. – Он так обставил, что всё сразу грязно стало. А мне уже и обидно, что на одну доску с ним поставили. Самое противное, что он не скрывает, а, наоборот, подчёркивает: вот – любовница, но помните, что ещё и законная жена существует и о разводе не может быть и речи. Надо иметь особый талант – так нагло, в открытую...

Аратову вдруг показалось несправедливым, что Винокура не любят в отделе, даже захотелось защитить его, как напрасно обиженного; он вспомнил плач Раи и посочувствовал Винокуру.

- Видишь, секретарь, – со смешком продолжил Ярош, – персональные дела зреют у тебя одно за другим.

- Ты и не представляешь сложность моего положения: по букве, мне нужно вмешаться – и вмешиваться как раз нельзя.

- Это у тебя единственная сложность?

- Если бы! Когда мы пришли сюда на работу, их не было вовсе. Что за трудности у инженера-стажёра? За него думает ведущий, А дальше будет хуже: чем выше оклад, тем беспокойнее жизнь.

- Надейся, надейся. Только, старый, здесь тебе с места уже не сдвинуться и новых сложностей не приобрести. Ребята слышали, что Б.Д. на днях опять склонял и спрягал твою фамилию: наверно, был новый разговор в горкоме. Так что надейся, это твоё право, но у Главного, говорят, крепкая память на эти дела.

- Что-нибудь переменится, – беспечно пробормотал Аратов.

- Только если сам переменишь, – отрезал Ярош. – Пока будешь ждать, жизнь пройдет. Даже Караулов считает, что твои дела плохи – в том смысле, что не сможет помочь. Ведь трёхлетний стаж вовсе не влечёт за собой автоматической прибавки жалованья.

- Увы, это условие необходимое, но не достаточное.

- На твоём месте я бы сменил фирму. Самый верный путь продвижения вверх – система последовательных переходов. Есть доброе арифметическое правило: от перемены мест сумма сильно изменяется. Знаю, ты держишься за свою пресловутую тематику, но тот же Беляев с руками и с ногами возьмёт тебя на должность старшего, и будешь заниматься той же любимой «семёркой», только за другие деньги.

– Будто меня гонят отсюда! И будто там – ждут.

– Говорю ведь: гонят и ждут. Только начинай сейчас, на полигоне. В Москве ты будешь разговаривать на уровне клерков, а здесь спокойно можешь зайти к самому Беляеву. То есть именно к нему ты и должен зайти хоть завтра и договориться.

– Как ты за меня решил! Я вовсе не собирался...

– К тому же и в дороге выгадаешь, – продолжал Ярош. – Как-никак – московская фирма. Вообще, не понимаю, что держит у нас москвичей – кроме тех, разумеется, кто претендует на жилплощадь. Так, ни за что, ни про что, тратить по три часа на дорогу! Посчитай: три часа в сутки, девятьсот – в год, ну, половину скинем на командировки и отпуск – четыреста пятьдесят – выходит около двадцати суток чистой езды за год.

– Чёрт побери, я никогда не подсчитывал.

– Можешь уточнить на досуге. Заодно подумай, как жить дальше: я тебе решений не навязываю, но от идей не отказывайся – дарю. Вот – вторая, про запас: если хочешь, я сведу тебя с парнями от Королёва. Будешь спутники пускать.

– Ну, королёвская фирма, положим, тоже не через дорогу от дома. И потом, я к нашему полигону привык, приезжаю, как домой.

Про себя он тотчас поправился: неправда, не как домой, оттого что, приезжая сюда, всякий раз видел всё тут неизменным, неподвластным, казалось, даже смене сезонов, – не то, что в Москве, где непрменные, пусть и незначительные перемещения предметов говорили о течении времени. Даже после долгих перерывов он находил в гостиничном номере на своих местах не только мебель, но и собственные вещи – тапочки, посуду, туалетные принадлежности; впечатление бывало такое, будто он и не уезжал.

– И к Руслану ты привык? – съязвил Ярош. – У него, кстати, тоже хорошая память.

– У нас наладилось, вроде бы.

После истории с газетой он словно сблизился с Лободой – по крайней мере, стал чувствовать себя с ним на равной ноге. Былое они не вспоминали, хотя выговор «за плохую воспитательную работу» вряд ли помогал тому забыть о столкновении.

– Это до тех пор, старый, пока тебя можно поднимать ночью. Или – пока нужно поднимать. Вряд ли ты действительно позарез понадобился ему сегодня, и мой приезд придёт ему не по вкусу.

– И единственный выход – дезертировать?

– Нет, для общего блага искать лучшие условия для приложения своих сил, – поправил Виктор. – Если не расти, то отдача от тебя будет чем дальше, тем меньше. А о росте у нас – забудь, повторяю, подачу горючего тебе отсекали надёжно. Через десяток лет ты будешь или плохим, забытым рядовым инженером у Б.Д., или толковым начальником бригады в другой фирме. Выбирай. Повторяю, речь идёт не об окладе жалованья.

– Что ж, в этом есть зерно, – согласился Аратов, думая в то же время, что не хотел бы сближаться с новыми людьми, оставив тех, с кем бок о бок прожил три года; мысли эти, однако, дали мгновенный и неожиданный результат: он вдруг почувствовал, что волен в своей судьбе и оттого удача теперь станет сопутствовать ему.

* * *

Испытания ракеты подходили к концу, и на пуски стали собираться генералы и важные штатские из министерств. Испытатели ворчали, что теперь не обойтись без «генеральского эффекта» – аварии, какие, как правило, случались из-за того, что рабочие и солдаты нервничали и спешили при высоком начальстве; работы, однако, шли пока гладко.

Чёрные «Волги» прошли в сторону старта и, проследив за ними в окно, Аратов вышел из технического здания. Вокруг не было ни души, только вдали, на развилке, скучали постовые; здесь и не должно было быть других людей, и всё же у Аратова появилось мимолётное чувство, будто пуски уже никого не интересуют; ему стало обидно, что эти работы, последние перед сдачей на вооружение, не выделяются из долгого ряда предыдущих.

Нынешнего пуска Аратов ожидал с особым нетерпением: стрелять по реальной цели, чего ему пока не доводилось видеть.

Привыкший к задержкам, он удивился, увидев, как точно в назначенное время по синему фону протянулся, вырастая, дымный столб. В зените уже чертила свой белый след цель. Потом и за ракетой, за точечным огоньком её факела, возникла такая же тонкая и четкая линия – и вдруг вздулась белым комочком, обозначившим место подрыва заряда; след цели, которой уже не уклониться было на своей ужасной скорости, прошил это вздутие, продолжая спокойно развиваться в прежнем направлении, из-за чего Аратов огорченно подумал: промах.

Линия, тянувшаяся за целью, вдруг оборвалась, растёкшись пятном взрыва.

Возвращаясь в помещение, чтобы посмотреть записи телеметрии, Аратов ликовал: удачный пуск означал, что волнения насчёт отъезда домой напрасны и теперь ничто не держит его на полигоне.

Группе Еленского оставалось лишь написать шифровку, но Аратов привычно, чтобы не расстраиваться потом в случае какого-нибудь срыва, твердил себе, что наверняка не улетит – слишком уж хорошо всё складывалось для него. Между тем он не слишком был озабочен отлётом, а много говорил о нём потому, что окружающие много говорили о том же; ему не только безразлично было, улететь или оставаться, но даже, пожалуй, лучше было бы остаться, чтобы провести праздник в каком-нибудь близлежащем экзотическом городе, добравшись туда на попутном военном самолёте – он слышал, что так делали многие. Он и не спрашивал, сколько рейсов заказано на Москву, только после пуска узнав, что опасения его товарищей имели основания, потому что погода в столице была из рук вон, и самолёты не ходили. Услышав эту новость, Аратов как-то не связал её с реальными делами; он настолько далёк был от общих тревог, что когда пришлось по пути, завернул к диспетчерам узнать, не прибыл ли из Москвы нужный для следующей работы груз.

Губин оторопело уставился на него:

– Какой ещё груз?

И, когда Аратов повторил свой вопрос, сказал едва ли не с возмущением:

– Вы что, не знаете, что за четыре дня не пришёл ни один «борт»? Я тут за голову хватаюсь, оттого что не на чем отправить людей домой. Человек, работающий сутками и без выходных, имеет право провести праздники с женой. Мы не можем допустить, чтобы у людей распадались семьи.

– Что вы так? – вздохнул Аратов. – Я и сам знаю, для чего вывозят весь состав, а пришёл по делу, только вопрос задал невпопад. Извините, что сморозил глупость.

– Москва закрыта, – объяснил Платонов. – То снег, то туман.

– Этот интеллигент, – с усмешкой указав кивком на Платонова, уже спокойно произнёс Губин, – этот интеллигент придумал экскурсию в Ленинград.

– Экскурсию? – насторожился Игорь. – Как это?

«Побывать бы там с Таней», – без горечи подумал он, словно всё было ещё возможно.

Зазвонил телефон, и Губин закричал в трубку:

– Меньше всех знаю! Если вы так осведомлены, зачем обращаться ко мне?.. Списки составлены начальниками бригад. Мне известно только общее количество... Нет, мне наплевать с высокой колокольни... Будут борты – тогда начну интересоваться, кому персонально... Нет, ни одного нет... Экипажей нет... Очень просто: экипажи, имеющие допуск на полигон, заперты в Москве. Единственный случайно нашлся в Куйбышеве, но что я сделаю с одним бортом?.. Здесь тоже неплохо... Я-то останусь, вы это понимаете лучше меня.

– Я вот что предложил, – сказал Игорю Платонов. – Вывозить на этом единственном самолёте людей в любой гражданский порт на полпути, а оттуда, уже с любым экипажем – до ближайшего к Москве крупного города: до Казани, до Ленинграда. Дальше уже можно добраться самим. Питер, конечно, лучше: оттуда идёт больше поездов.

«Вот уж, не было бы счастья, – подумал Аратов, загораясь. – Впервые мне повезло: я останусь там на праздники. Только как бы потом невезенье не перевесило».

– Кто тебе оплатит Эрмитаж и Петергофские фонтаны? – поинтересовался Губин.

– Фирма, возможно, и не то ещё оплатит, – спокойно ответил Платонов, – даже фонтаны зимой. Ну а если вы имеете в виду поезд, то, по-моему, люди согласятся добираться оттуда и за свой счёт. Невелики деньги. Кто согласен, того и посадим на борт.

– Остальные, значит, пусть пьянствуют здесь? Давно ЧП не было?

– Не будем вывозить – и пусть здесь пьянствуют все, – согласился Платонов.

Зазвонил телефон.

– Нет, неизвестно, – сказал в трубку Губин. – Смежники, разумеется, в последнюю очередь... Если удастся на поезде – пожалуйста, бухгалтерия на этот раз оплатит... Прогноз очень плохой... Так уж и впритык! А здесь загорать – лучше?

– Трудно с этой публикой, – указывая на Губина, вполголоса сказал Платонов. – Любое нестандартное предложение

принимается в штыки. Потом-то соглашается, деться некуда, раз все трения доходят до Караулова, но каждый раз это стоит нервов. Подход к делу у нас разный, и это их раздражает. Вот и сейчас: никто не предложил своего варианта, но мой нехорош заранее.

– Достойный вариант, – оценил Аратов.

Только что он хотел доверить случаю решение вопроса о там, лететь ли домой, потому что трудно было бы жить в одном городе с Таней и даже не позвонить ей, но перспектива попасть по пути в Ленинград меняла дело: оттуда он не рвался бы в Москву – приехал бы к концу праздников, чтобы сразу, прямо с вокзала, отправиться на работу. Остановиться ему было где: раза два или три к Игожевым приезжали дальние ленинградские родственники и, прощаясь, звали Игоря к себе; он хотел бы, но стеснялся пользоваться приглашением, зато теперь его появление у них, вот так, проездом, выглядело бы иначе, это он разрешал себе.

Теперь Аратов уже волновался: не остаться бы на полигоне.

Обидно было, что он не захватил с собой фотоаппарат.

* * *

«В чём-то я всё же виноват, – думал Аратов, наблюдая с галереи за невиданной толчеёй в зале промежуточного аэропорта. – Не может быть, чтобы обстоятельства значили так много, складываясь против меня: раньше я как-то мог влиять на них. Даже с Таней, не полюбившей меня, и то могло кончиться иначе, это я сам что-то упустил, не сумел закрепить – оттого, возможно, что слишком превозносил её, видел в ней богиню, а не женщину. Никто, может быть, так и не полюбит меня из-за того, что я ошибаюсь в чём-то главном. Если же говорить только о женщинах... Стоило Андрею пропасть в семейных заботах, в пелёнках, как я остался один, вообще без товарищей – не потому ли, что всегда считал себя стоящим над толпой, как сейчас в этом зале: подомной толкутся, беспокоятся о билетах или о ночлеге, а я – выше суеты и наблюдаю за игрой издали, совершенно спокойный за результат, оттого что у меня есть то, чего не имеют они, у меня – самолёт стоит, который обязан доставить меня пусть не домой, но близко к дому. Что за черта есть, определяющая отношение ко мне? Может быть, я не так сильно, как следует, люблю людей – воспитание тёти Лины должно было оставить след, – но начинаю понимать это – значит, начался какой-то процесс, хотя я дав-

но не мальчишка, и кто знает, сколько лет пройдёт, прежде чем наконец переменюсь. И что значит «переменюсь» – не полюблю же всех до единого? А так как всех – и нельзя, и вредно, и кто-то определённо достоин не любви, а ненависти либо презрения, то что же – снова стать над ним? Нелепо, что в отношениях с людьми я в свои двадцать шесть начинаю с нуля – и не знаю, как!»

– Всех пассажиров, следующих в Москву, приглашают на отдых. Желающие, пройдите на посадку в автобусы через выход номер четыре, – дважды прозвучало в динамиках.

Вряд ли это относилось к спецрейсу, но Аратов на всякий случай пошёл искать своих.

Какая-то служба, видимо, не сработала, и самолёты, следующие в Москву, всё ещё прибывали в этот переполненный порт. По зданию уже трудно было пройти, и люди были усталы и раздражены. Новое объявление мало кого обрадовало, потому что означало верную задержку до утра.

Автобусы отвозили пассажиров на ночёвку в какой-то клуб, но летевшие спецрейсом должны были спать в самолёте. Для Аратова это было, скорее, приключение. Всё же, когда один из попутчиков предложил уехать в городскую гостиницу, он поддержал идею, надеясь посмотреть город; другие, к счастью, вовремя запротестовали:

– До центра километров тридцать, города в темноте всё равно не увидеть, а свободные номера нас не ждут. Главное же – вылет назначен на пять утра: как мы доберёмся оттуда?

– Что ж, и на борту хорошо, – согласился Игорь, думая, что упускает, наверно, последнюю возможность посмотреть этот город: уйдя со старой работы, он будет летать по другой трассе, на другой полигон. Перехода, видимо, было не избежать, и Аратов считал, что если уж менять, то менять всё, включая тематику, и уходить – к Королёву.

Ночёвка оказалась тяжелой. Салон быстро остыл, и куртки не спасали от холода. По примеру девушек, сидевших по соседству, Аратов, разувшись и обмотав ступни шарфом, умудрился засунуть ноги в карман на спинке переднего кресла. Из-за неудобной позы он долго не мог уснуть – неглубокий сон пришёл лишь на исходе ночи, и снилась Таня, но он не наговорился с ней, не посмотрелся даже: проснулся и удивился тишине.

Небо только начинало светлеть.

На трапе Аратов столкнулся с человеком в лётной форме.

– Не расходитесь, – бросил тот. – Через час выпускают – кажутся, на Москву.

– Что, там изменилась погода?

– Пока – туман. Если кого и выпустят, то нас одних.

Здесь же небо было ясное, и воздух был сух, и на поле показалось теплее, чем в салоне.

Забившие поле самолёты за ночь покрылись инеем и теперь нарочито, как ёлочные украшения, сверкали в розовых лучах солнца. Сон их был так глубок, что в ушах случайного пешехода звенело от неестественной тишины, которую только он сам будил неторопливым стуком ботинок.

Потом он увидел, как вдалеке, у ангара, пробежал человек в комбинезоне, и скоро всё вокруг наполнилось движением и звуками, и освещение переменялось.

Москва, 1984
Bad Füssing, 2009

Вадим Фадин

Снег для продажи на юге

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *М. М. Егорова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездииковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 05.10.2009. Формат 60x88¹/₆

Усл. печ. л. 21. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 139.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Град Петров»

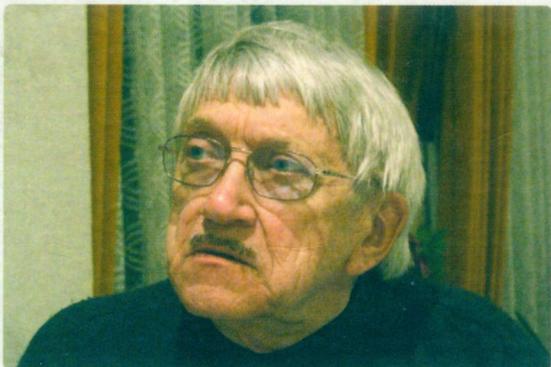
ООО ИД «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,

офис-центр 1, пом. 12, тел.: 336-50-34.

E-mail: info@petropolis-ph.ru

www.petropolis-ph.ru

ВАДИМ ФАДИН, известный русский поэт и романист, родился в Москве в 1936 году. Он окончил Московский авиационный институт, но главным делом его жизни всегда была литературная работа. Романтика лётных испытаний стала источником сюжетов для его прозы. Печататься Фадин начал с 1963 года. Его произведения публиковались в московских толстых журналах от "Стрельца" до "Нового мира" и "Ариона", а после переезда в 1996 году в Берлин – и в германских, американских, израильских, эстонских литературных журналах. В Москве изданы сборники его стихов и переводов. В издательстве "Алетейя" за последние несколько лет вышли в свет книга его стихов "Нить бытия" и два романа, один из которых – "Рыдание пастухов" – был включён в long list Букеровской премии. Вадим Фадин – лауреат премии им. Марка Алданова 2008 года.